

Белорусский государственный университет
Республиканский институт китаеведения имени Конфуция
Кафедра языкознания и страноведения Востока БГУ
Минский городской научно-педагогический центр «Тайген»

ПУТИ
ПОДНЕБЕСНОЙ
中国之路

Сборник научных трудов
论文集

Выпуск III
第三集

В двух частях
两册

Часть 1
上

Минск
РИВШ
2013

УДК 811.58/082
ББК 81.2Кит.я43
П90

Сборник основан в 2006 году

Рекомендовано

советом Республиканского института китаеведения имени Конфуция
Белорусского государственного университета
(протокол № 1 от 5 ноября 2012 г.)

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор *А. Н. Гордей* (отв. ред.);
Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики
в Республике Беларусь *Гун Цзяньвэй* (зам. отв. ред.);
доктор экономических наук, профессор *А. В. Данильченко*;
кандидат экологических наук, доцент *Лю Сулин*;
кандидат филологических наук, доцент *Л. М. Середа*;
кандидат искусствоведения, доцент *Е. Ф. Шунейко*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Р. Боровой*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Л. Е. Криштанович*
доктор филологических наук, профессор *В. И. Коваль*

Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. III. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.:
П90 А. Н. Гордей (отв. ред.), Гун Цзяньвэй (зам. отв. ред.). – Минск : РИВШ,
2013. – 366 с.

ISBN 978-985-500-641-2.

Сборник подготовлен по материалам III Международной научно-теоретической конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур», проходившей в Минске 28–29 ноября 2012 г. в Белорусском государственном университете. В статьях раскрываются китаеведческие проблемы в таких отраслях научного знания, как лингвистика, литературоведение, международные отношения, география, история, философия, юриспруденция, религиоведение, искусствоведение, педагогика.

Предназначен для научных работников, преподавателей китайского языка и литературы, аспирантов, магистрантов, студентов, а также для всех интересующихся китаеведением.

УДК 811.58/082
ББК 81.2Кит.я43

ISBN 978-985-500-641-2 (Ч. 1)
ISBN 978-985-500-643-6

© РИКК БГУ, 2013
© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2013

**КИТАЙ XXI ВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ**

Е. А. АНТИПОВА

*профессор кафедры экономической географии зарубежных стран
Белорусского государственного университета, доктор географических наук,
профессор (г. Минск, Республика Беларусь)*

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ
КАК ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ
ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
(НА ПРИМЕРЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ)**

Современный Китай в XXI в. занимает особую нишу в структуре мирового хозяйства в условиях глобализации, которая характеризуется лидирующими позициями на многих сырьевых и товарных рынках, беспрецедентными темпами роста индустриального сектора и сферы НИОКР, внеконкурентной численностью трудовых ресурсов и рынка рабочей силы и в целом интенсивным ростом доли государства в структуре мирового валового продукта. Благодаря высоким темпам социально-экономического развития Китая в XXI в. происходят трансформация геоэкономического пространства мира и формирование новых индустриальных полюсов роста. Наряду с этим, в отличие от других интенсивно развивающихся государств мира, Китаю свойственны отличительные тенденции пространственного развития, такие как поляризация социально-экономического ландшафта, региональные диспропорции и социальное расслоение общества.

В условиях перехода к постиндустриальному обществу и с учетом территориальной дифференциации в XXI в. происходит переосмысление парадигмы оценки развития Китая и необходимость применения качественно новых страноведческих подходов, основным из которых выступает пространственно-географический. Использование этого подхода раскрыто в работе на примере экономическо-географических дисциплин, которые включены в учебный план географического факультета Белорусского государственного университета.

Китай как объект исследования всегда вызывал особый интерес ученых различных отраслей знаний в силу своей древнейшей истории и разностороннего вклада в развитие мировой цивилизации. Богатейшие традиции, огромная территория, несоизмеримый человеческий капитал, несомненные и стремительные успехи современного экономического роста обуславливают актуальность разнообразных научных исследований этого государства в XXI в.

Чрезвычайная демографическая нагрузка Китая стала объектом исследования специалистов-китаеведов с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в., когда страна оказалась перед лицом неслыханного по своим масштабам «демографического взрыва» и вынуждена была в кратчайшие сроки начать разработку государственной политики контроля над рождаемостью. Этот этап развития Китая вошел в историю не только данного государства, но и мира в целом. Как выглядит Китай на фоне современных демографических сценариев мира, каково демографическое будущее этого государства, каковы социально-экономические последствия проводимой демографической политики и каковы региональные раз-

личия? Эти актуальные вопросы становятся предметом изучения современной социально-экономической географии [1].

В Белорусском государственном университете страноведение Китая в контексте социально-экономического и демографического развития берет свое начало на кафедре экономической географии зарубежных стран, где в течение многих десятилетий уделяется пристальное внимание данной предметной области.

В настоящее время страноведение Китая преподается на географическом факультете БГУ на двух образовательных уровнях – для специалистов и магистров. На первом уровне студенты географического факультета специальности «География (научно-производственная деятельность)» получают знания о демографическом и социально-экономическом развитии государства в рамках изучения специальных дисциплин «География населения» (3 курс), «Социально-экономическая география зарубежных стран» (4 курс) и дисциплины специализации «Проблемы народонаселения» для студентов-демографов (5 курс). При изучении того или иного аспекта развития Китая студенты географического факультета широко используют пространственно-географический подход, заключающийся, в отличие от общего страноведческого, в выявлении территориальных различий в разрезе административно-территориальных единиц (АТЕ) либо экономических районов. В экономической географии анализ развития государства на уровне АТЕ получил название полимасштабного и является основополагающим в условиях поляризации мирового хозяйства и глобализации.

Изучение Китая на географическом факультете с позиций социально-экономической географии широкое развитие получило в структуре дисциплины «География населения». Одной из основных задач дисциплины является освоение знаний и умений в области экономико-географического анализа основных демографических процессов мира и на фоне этого Китая как страны, характеризующейся самой большой численностью населения в мире и имеющей уникальную историю и практику регулирования демографических процессов. Структура дисциплины представлена двумя модулями: лекционным и семинарско-практическим.

В типовую программу дисциплины в лекционном модуле Китай как предмет изучения включен в два блока. В первом блоке, где изучаются глобальные и региональные тенденции демографического развития мира (рождаемость, смертность, естественное и миграционное движение населения), размещение и расселение населения, урбанизация, этническая география и др., студенты имеют возможность получить сравнительный профиль и портрет Китая на фоне мирового развития, развития Азиатского региона и на фоне групп государств с разным уровнем социально-экономического развития.

При изучении географии населения Китая в ходе лекций студент осваивает методы экономико-географических исследований и цифровой картографии для оценки демографической ситуации, структуры населения и расселения; оценивает основные факторы и тенденции территориальной дифференциации демо-воспроизводственных процессов (рождаемости, смертности, естественного прироста либо убыли) и структуры населения; выявляет пространственные за-

кономерности урбанизации, географии и структуры миграции населения; устанавливает предпосылки, оценивает проблемы народонаселения (депопуляция, демографическое старение) и знакомится с путями их решения.

Второй модуль полностью посвящен страноведческой тематике, в ходе изучения которой студенты получают детальные и углубленные знания по нескольким тематическим разделам: 1) региональная демографическая модель развития; 2) история, традиции, результаты и последствия демографической политики; 3) география и структура миграции населения; 4) урбанизация и глобализация городов Китая.

Семинарско-практический модуль представлен тематическим планом практикума и семинарских занятий, в ходе подготовки и выполнения которых студент получает возможность освоить навыки проведения расчетно-графических работ по отраслевым вопросам демографического развития Китая. Студенты выполняют несколько разновидностей практикумов:

- аналитический – направлен на выявление способностей студента в области систематизации полученных знаний в виде т. н. «устных сочинений» на заданную тему (например, раскрыть географические различия рождаемости населения Китая и т. д.);

- тестовый (аудиторный и в СДО) – направлен на оптимизацию академического времени и содержит разнообразные формы проверки полученных знаний в ходе лекций и самостоятельного изучения материала по Китаю: альтернативный тест, тест-классификатор, тест-определитель, формулировка тест-вопросов по теме, тест с массивом правильных и неправильных ответов;

- математический – определяет навыки студента в применении математических методов по географии населения (например, рассчитать ежегодные темпы роста населения Китая за период с 1990 по 2010 гг., рассчитать коэффициент демографического старения и демографической нагрузки Китая и др.);

- картографический – способствует выявлению умений студента применить знания социально-экономического картографирования в разработке картограмм и картодиаграмм с помощью программы Microsoft Excel и Adobe Illustrator (например, построить картограмму в разрезе провинций Китая «Географические различия в плотности населения Китая» и др.).

Преподавание дисциплины базируется на большом массиве мировой текущей статистической демографической информации по странам мира, в том числе и по Китаю (для проведения сравнительно-географического анализа) за счет интернет-ресурсов международных организаций в области народонаселения (Отдел населения департамента экономических и социальных проблем ООН (<http://www.un.org/popin>), Программа ООН по развитию (<http://www.undp.org>), Фонд ООН в области народонаселения (<http://www.unfpa.org>), Бюро Цензов США (<http://www.census.gov/>)), Исследовательское бюро по народонаселению (Population Reference Bureau). Информационной базой непосредственных исследований Китая выступает официальная статистика, размещенная на непрерывно обновляемом информационном сервере Китая – www.chinatoday.com, на официальном сайте Китайской Народной Республики – www.gov.cn.

china.org.cn, на официальном сайте Национального Статистического Бюро – www.stats.gov.cn.

Наряду с семинарско-практическим модулем в рейтинговую систему оценки знаний входят поощрительные индивидуальные задания и интернет-обзоры для студентов (с использованием информационно-аналитических материалов электронного ресурса «Население и общество», www.demoscope.ru), непосредственно связанные с тематическим планом семинарских занятий и посвященные какому-либо проблемному вопросу изучения Китая (например, последствия демографической политики Китая, миграция квалифицированных трудовых ресурсов Китая, диспропорция полов в структуре населения и ее последствия и др.).

Присутствует в структуре дисциплины также факультативный модуль, представленный выездным занятием в посольстве Китайской Народной Республике в Республике Беларусь.

Проблемный уровень страноведения Китая с позиций экономической географии представлен в ходе изучения дисциплины специализации «Проблемы народонаселения» для студентов-демографов на 5 курсе. В учебную программу и содержание лекций самостоятельными темами включены такие проблемные вопросы, как демографическая нагрузка Китая, характер формирования демографического баланса Китая, прогноз численности населения и трудовых ресурсов Китая, демографическое старение Китая и его последствия, социально-экономические последствия демографической политики Китая, роль и место Китая в глобальной и региональной миграционных системах и др.

Кроме изучения учебных дисциплин студенты кафедры экономической географии зарубежных стран специализаций «Демография» и «Экономическая география» на третьем курсе выполняют курсовые работы, в тематику которых включены экономико-географические темы, посвященные страноведению Китая. В качестве примеров можно привести следующие темы курсовых работ: «Региональные различия в размещении населения Китая», «Демографическая ситуация Китая: географический аспект», «Демографическая политика Китая и ее последствия», «Роль и место Китая в современной структуре мирового хозяйства», «Пространственная структура промышленности Китая» и др. Все курсовые работы выполняются с использованием сравнительно-географического метода и пространственно-географического подхода, что позволяет студентам выявлять различия в характере демографических и социально-экономических проблем на уровне АТЕ.

В последующем после третьего и четвертого курсов студентам кафедры предоставляется возможность пройти производственную практику в Центре мировой экономики Института экономики НАН Беларуси и завершить исследование Китая дипломной работой, посвященной экономико-географическому анализу отраслевого вопроса с выявлением внутристрановых (региональных) различий.

На втором образовательном уровне студенты получают возможность во время обучения в магистратуре выполнять диссертационное исследование, связанное с экономико-географическим анализом либо демографического развития, либо хозяйственного/отраслевого комплекса страны.

С конца 80-х гг. XX в. проблемы развития Китая становятся на географическом факультете предметом не только учебной, но и научной деятельности преподавателей и студентов кафедры экономической географии зарубежных стран. В 1985 г. на кафедре была создана Студенческая научно-исследовательская лаборатория региональных демографических проблем. Объектом исследования выступает преимущественно население Республики Беларусь. Это связано с многолетними традициями создания уникальной базы данных демографической информации Беларуси и проведения выборочных и комплексных экономико-географических анализов населения. Вместе с тем в течение последних десяти лет ведутся научные исследования в области современных демографических проблем мира и выполняются экономико-географические страноведческие работы по США и Индии с точки зрения регионального демографического развития. С 2003 г. в числе геодемографических объектов исследования кафедры прочные позиции занимает Китай. Основными проблемными плоскостями в географическом изучении народонаселения Китая в рамках СНИЛ являются: современное демографическое развитие Китая на фоне общемировых тенденций развития народонаселения; изменение демографических режимов развития в ходе проведения демографической политики; экономико-географические факторы и внутривосточные различия в характере демографических процессов; изучение опыта проведения демографической политики и др.

Таким образом, географический факультет Белорусского государственного университета в настоящее время выступает базой для проведения сравнительно-географических и пространственно-географических исследований Китая в области геодемографии и социально-экономической географии, позволяющих проводить оценку развития государства на уровне регионов (административно-территориальных единиц, провинций, экономических районов). Использование пространственно-географического подхода обеспечивает возможность научно обоснования и разработку территориально дифференцированных мер социально-демографической и социально-экономической политики на уровне регионов, что приобретает особое значение в условиях поляризации и усиления неравномерности социально-экономического развития глобальной экономики в XXI веке.

Литература

1. Антипова, Е. А. Географические тенденции демографического и социального развития современного Китая / Е. А. Антипова, Т. А. Федорцова // Пути поднебесной: сб. науч. ст.: в 2 ч. – Минск: БГУ, 2006. – Ч. 2. – С. 242–252.

Е. Л. ДАВЫДЕНКО

профессор кафедры международных экономических отношений

*Белорусского государственного университета, доктор экономических наук,
доцент (г. Минск, Республика Беларусь)*

ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ КИТАЯ В ВТО

С момента создания ВТО в январе 1995 г. еще 77 стран присоединились к этой организации. Анализ последствий их вступления важен для понимания потенциальных проблем, с которыми может столкнуться Россия после ратификации условий присоединения к ВТО и Республика Беларусь, которая активизировала в последнее время процесс присоединения к данной международной организации. Однако при анализе опыта других стран необходимо учитывать два фактора. Во-первых, условия вступления в ВТО значительно отличались для разных стран. Большинство стран СНГ с малой экономикой (Армения, Молдова, Грузия, Кыргызстан) вступили в ВТО на значительно более либеральных условиях по сравнению с теми, которых удалось добиться России. Во-вторых существенная часть преимуществ от либерализации торговой политики в современном мире связана с ростом эффективности производства в силу экономии за счет масштаба. Наибольший интерес для России и Республики Беларусь, которые находятся в рамках интеграционных соглашений по формированию Единого экономического пространства, может представлять опыт Китая как страны, условия вступления в ВТО которой по многим параметрам похожи на российские.

Китай был принят во Всемирную торговую организацию 11 декабря 2001 г. после 15 лет трудных переговоров. На тот момент это был самый долгий опыт присоединения страны к ВТО. Сегодня первенство по длительности вступления в ВТО принадлежит России. До присоединения к ВТО значительная доля торгового оборота Китая (около 90 %) приходилась на страны-члены ВТО. Несмотря на это в течение долгого времени страна могла устанавливать торговые отношения с другими странами только на более жестких условиях, чем условия ВТО. Таким образом, одной из причин вступления в ВТО являлось то, что международная организация смогла бы урегулировать отношения Китая с другими странами и способствовала бы установлению взаимовыгодных торговых и экономических связей. Членство в ВТО открывало китайским производителям промышленных товаров доступ к диверсифицированным зарубежным рынкам на более выгодных условиях, чем раньше. Тем самым Китай мог в полной мере реализовать свои конкурентные преимущества в промышленном секторе. Для Китая решение о вступлении в ВТО явилось стратегическим шагом, который соответствовал долгосрочным интересам страны. Он означал получение права голоса на международной арене в экономических вопросах, создание стимулов для дальнейшего проведения рыночных реформ и улучшение международного климата для развития внешней торговли. Само решение о вступлении в ВТО подтолкнуло к проведению внутренних экономических реформ, целью которых было ослабление связей между государственными предприятиями и государ-

ственными органами, активизация частного сектора, развитие финансового сектора [1, с. 17].

Условия вступления Китая в ВТО

Вступление в ВТО не только дает странам-членам организации права, но и налагает на них обязанности. Для Китая вступление в ВТО было сложным процессом; особо напряженные переговоры велись с ЕС и США. В результате Китай согласился взять на себя широкий спектр обязательств. Первый блок обязательств касается снижения тарифов. Китай должен был снизить более 7 тыс. тарифов и других торговых барьеров. Тарифы на промышленную продукцию, имеющие ключевое значение для американских компаний, должны были быть снижены с 25 % до 7 %. Тарифы на сельскохозяйственную продукцию, крайне важные для американских фермеров – с 31 % до 14 %. Новые тарифы были значительно ниже, чем у других развивающихся стран, а тариф на сельскохозяйственную продукцию ниже, чем в некоторых развитых странах. В среднем в Китае размер тарифов был меньше, чем в Бразилии или Индии [2].

Китай обязывался открыть ряд направлений в сфере услуг, в том числе в таких важных для США секторах, как банковские услуги, страхование, телекоммуникации и профессиональные услуги. Кроме того, с взятыми Китай должен был провести системные реформы внутри страны в целях повышения прозрачности, уведомить о готовящихся законодательных мерах и предоставить их разъяснения, обеспечить единообразное применение законов и осуществление судебного надзора. Все это было призвано помочь действующим в Китае иностранным компаниям в преодолении барьеров на национальном рынке этой страны. По Соглашениям ВТО Китай брал на себя обязательства, охватывавшие все аспекты торговли, такие как сельское хозяйство, лицензирование импорта, связанные с торговлей аспекты прав интеллектуальной собственности, технические барьеры и инвестиционные меры.

Соглашение с ВТО предусматривало ряд положений о либерализации торговли, касающихся только Китая. К ним относятся право прямого импорта и экспорта в Китай, право на экспорт в Китай без инвестиционного присутствия в этой стране, постепенная отмена нетарифных мер (НТМ), таких как квоты и лицензии на сотни видов продукции, отмена монополии государства на импорт сельскохозяйственных и промышленных товаров, прекращение субсидий на экспорт сельскохозяйственной продукции, аннулирование мер, направленных на вытеснение импорта и субсидирование экспорта промышленных товаров. Китаю было выдвинуто требование о том, что государственные предприятия должны производить закупку и продажу исключительно на основе коммерческих принципов. После вступления страны в ВТО разрешения на осуществление инвестиций и импорт больше не должны были быть предметом искажающих торговлю требований, в том числе о передаче технологий, валютной сбалансированности, увязке импорта с объемом экспортных валютных поступлений и обязательном использовании местных ресурсов [1, с. 18].

Вместе с тем в рамках функционирования защитных механизмов другие члены ВТО и США могли продолжать в течение последующих 15 лет приме-

нять особые нерыночные методы для определения фактов демпинга в ходе ведения антидемпинговых дел в отношении Китая. Кроме этого, действуя в рамках специально установленного для Китая защитного механизма, США и другие участники ВТО могли в течение 12 лет после вступления в организацию ограничивать рост импорта из Китая, вызывающего искажения на их рынках.

Для выполнения стоявших перед ним обязательств Китаю предстояло осуществить еще более серьезные перемены – провести структурную перестройку отраслей, опубликовать ранее закрытые законы и правила, установить формальные процедуры для разрешения споров в судебном порядке, унифицировать условия деятельности для иностранных и национальных компаний. Несмотря на то, что в настоящее время существует определенный разрыв между обязательствами Китая по ВТО и реальным положением дел, страны-члены ВТО признают успешное соблюдение Китаем правил торговли и выполнение возложенных на него обязательств [3].

Анализ последствий вступления Китая в ВТО

Период членства Китая в ВТО совпал с мощным ростом экономики и торговли в стране. С 2001 г. по 2010 г. экспорт Китая вырос в шесть раз – до 1,57 трлн. долларов США, импорт увеличился почти в шесть раз – до 1,39 трлн. долларов, ВВП – в четыре раза. Безусловно, открытие рынков во многом способствовало расширению торговли в стране (рис. 1, 2). Однако трудно ответить на вопрос, является ли этот бум последствием вступления страны в ВТО или он произошел бы и без него.

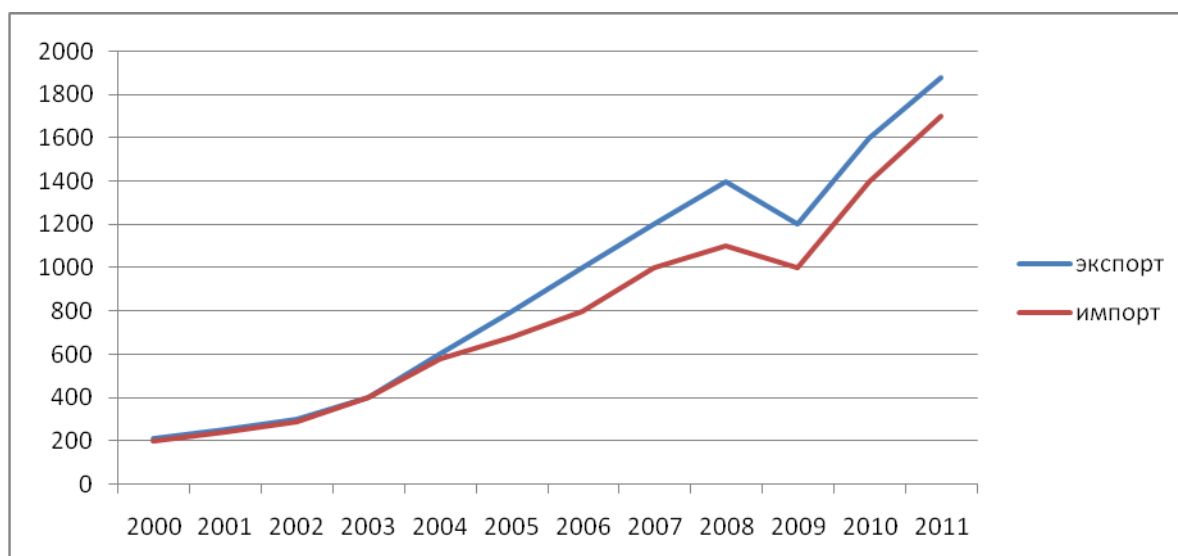

Рис. 1. Экспорт и импорт Китая до и после вступления в ВТО, млрд долл. США [5]

Реформы, которые Китай провел в процессе вступления в ВТО, повысили экономическую эффективность и смогли привести к такому росту. Одновременно членство во Всемирной торговой организации послужило для инвесторов сигналом о том, что китайская экономика соответствует международным стандартам и функционирует в соответствии с законодательством. Обладая

огромным внутренним рынком, Китай привлекает иностранных инвесторов, желающих реализовать свои товары и услуги. Таким образом, в стране наблюдается значительный приток прямых иностранных инвестиций, который увеличился с достаточно невысокого уровня в начале 90-х гг. XX в. до 90 млрд долларов США в 2009 г., 106 млрд – в 2010 г. и 116 млрд – в 2011 г. [4]. Большая часть китайского экспорта осуществляется за счет дочерних предприятий или филиалов иностранных компаний, продажи которых значительно увеличились за последнее десятилетие. И хотя трудно дать точную оценку вклада членства Китая во Всемирной торговой организации в его экономическое процветание, положительное влияние вступления в ВТО невозможно отрицать.

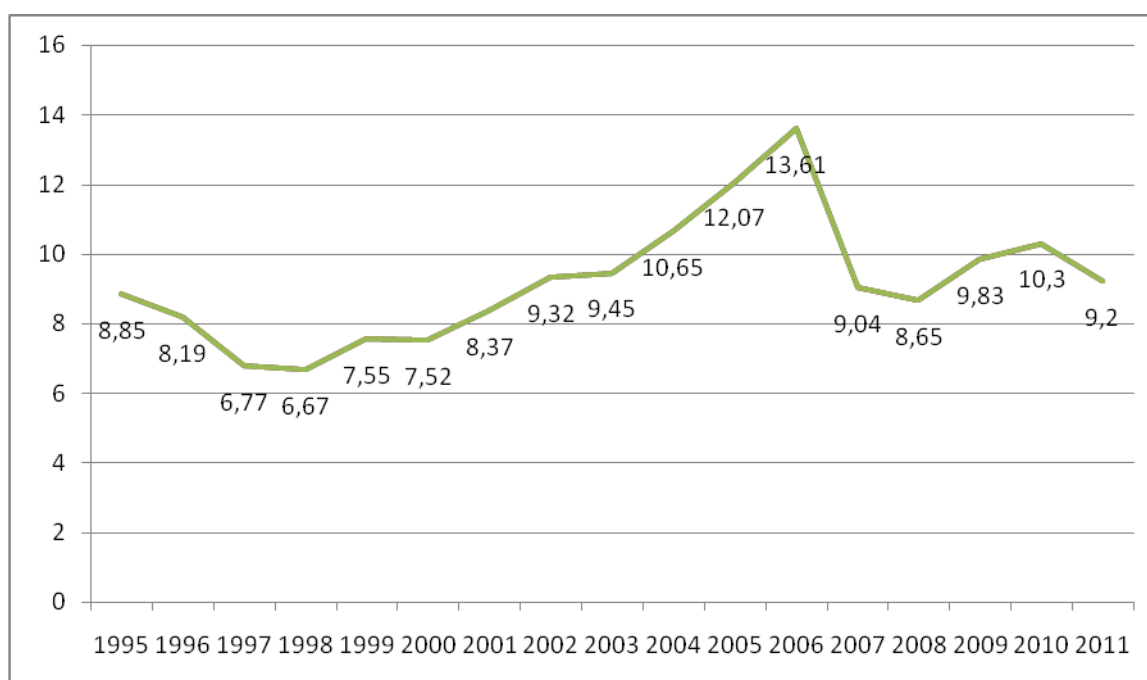

Рис. 2. Темпы прироста ВВП на душу населения в Китае до и после вступления в ВТО, % [4]

В свою очередь Китай оказал влияние на мировую торговую систему, укрепив позиции ВТО в мире. В последние годы Китай стал крупнейшим экспортером и вторым по величине импортером товаров в мире. Пережив падение экспорта в 2009 г. в условиях мирового финансового кризиса, когда страны Западной Европы и Северной Америки были вынуждены сократить объемы потребления, уже в 2010 г. Китай вышел в мировые лидеры по темпу роста экспорта. Фактически Китай стал единственным фактором роста углеводородного спроса в 2009 г., поддерживая стабильность нефтегазовых рынков. Для сравнения: в стоимостном выражении китайский импорт сократился на 27 % (сокращение составило 124 млрд долларов США или 12,3 % от объема импорта страны) против сокращения импорта в США на 44 % (279 млрд долларов США или 17,5 % от объема импорта) [1, с. 20]. Темпы роста экспорта Китая в 2010 г. в полтора раза превысили соответствующий показатель США, а импорт рос почти вдвое быстрее. Китай вплотную приблизился к странам всего Евросоюза по

объему экспорта (за пределы ЕС). Если исключить из мирового объема торговли внутри ЕС (в составе 27 стран), ведущим мировым экспортером в 2010 г. был Евросоюз (1 % мирового экспорта), а на втором месте утвердился Китай (13,3 %). Такие же высокие темпы сохранялись и в 2011 г. [1, с. 20].

Экономика Китая оказалась надежнее и сумела во многом смягчить последствия мирового кризиса. Кроме того, вступление Китая в ВТО стимулировало расширение торговли между развивающимися странами. В результате сегодня торговля в этом направлении составляет более 20 % от общего мирового товарооборота и продолжает расти дальше. Китай в ВТО представляет собой некое ядро кластера развивающихся стран, экономический подъем которых является двигателем торговли. Для всего остального мира вступление Китая в ВТО открыло китайские рынки иностранным компаниям (способствуя росту продаж товаров и услуг внутри страны), а также снизило издержки производства и предложения продукции благодаря расширению регионального присутствия.

Важным бенефициаром от вступления Китая в ВТО стали американские компании, которые получили более открытый доступ на китайский рынок, чем десятилетием ранее. Китай не только снизил импортные тарифы на 40 % и практически устранил импортные лицензии и квоты, но и сократил многие, хотя и не все, ограничения на частный бизнес в стране и открыл иностранным компаниям прежде запрещенный доступ во многие сектора экономики. Все это изменило характер американо-китайских отношений. Китай заменил традиционных азиатских экспортеров в США. Одновременно с импортом вырос и экспорт США в Китай – с 19 млрд долларов в 2001 г. до 92 млрд в 2010 г. Сегодня Китай является третьим по величине рынком для США после Канады и Мексики. Другим положительным моментом для американо-китайских отношений стала возможность разрешения в рамках ВТО торговых споров, которые ранее вызывали трудности в ходе двусторонних переговоров [2].

Прямые иностранные инвестиции

После вступления в ВТО в Китае наблюдается быстрый рост прямых иностранных инвестиций, которые стали одним из источников подъема китайской экономики. Однако более детальный анализ выявляет ряд проблем. Предприятия, созданные иностранным капиталом, конкурируют с появляющимися и быстро развивающимися китайскими производителями, а также вытесняют их. Особенно ярко проблемы проявляются в автомобильной отрасли. Здесь китайские компании получают наименьшие преимущества. После либерализации китайские компании создали совместные предприятия с иностранными инвесторами, в которых часто контроль принадлежал иностранцам. Иностранные инвесторы не были заинтересованы в развитии китайских технологий и переориентировали компании на сборку автомобилей из готовых комплектующих, эффективно защищая собственные технологии от распространения в Китае. Например, вскоре после того, как китайская Dongfeng Motor Corp. образовала совместное предприятие с Nissan Motor Co., Ltd, масштабная программа исследований и разработок компании была приостановлена, и китайские модели автомобилей

были заменены на модели, разработанные в Nissan. Это привело к уходу из компании большинства высококвалифицированных инженеров.

С другой стороны, такая специализация отражает сравнительное преимущество Китая, а значит, позволяет стране получить наибольшие выгоды от текущей торговли. Иностранные компании создают огромное число новых рабочих мест, обеспечивают обучение персонала и расширяют международные связи Китая. Все это позволит Китаю в дальнейшем развивать отрасли с высокой добавленной стоимостью [2].

Либерализация сферы услуг (банковский сектор)

Либерализация банковского сектора Китая началась в конце 2001 г. – сразу после вступления страны в ВТО. Постепенное привлечение иностранных банков позволило смягчить последствия реформы внутренней банковской системы. В период с 2002 г. по 2004 г. на китайский рынок вышли 35 иностранных банков. Сначала в Китае появились банки из Тайваня, Южной Кореи и Гонконга, затем – крупные международные банки. В то же время наблюдалось стремление иностранных банков и финансовых компаний увеличить участие в китайских банках. Ограничение на долю иностранного капитала в банках Китая было установлено на уровне 25 %, поэтому иностранные банки открывали свои дочерние подразделения и проводили слияния с китайскими банками. Инвесторы открывали обычные коммерческие банки, а также специализированные и инвестиционные. Кроме того, создавались совместные предприятия как с частными, так и с государственными банками Китая. Доля иностранного капитала в банковской системе страны постоянно росла и приблизилась к 25 %: при отсутствии этого ограничения иностранные банки продолжили бы экспансию.

Нерешенные проблемы Китая

Главной нерешенной проблемой отношений Китая и его торговых партнеров считается недостаточная защита интеллектуальной собственности. В 2004 г. страна осуществила серьезные изменения в законодательстве, в том числе приняла поправки к Конституции, которые призваны решить данную проблему. Однако новые нормы не всегда соблюдаются должным образом, так как их выполнение осуществляется на уровне местных властей.

Многие наблюдатели отмечают многочисленные нарушения прав интеллектуальной собственности и недостаточные усилия властей, направленные на соблюдение законодательства в этой области. Например, по оценкам Motion Picture Association, 93 % продаваемых в Китае фильмов являются пиратскими. Китай предпринимает дальнейшие действия для решения этой проблемы. Так, на сегодняшний день все производители персональных компьютеров обязаны устанавливать на них лицензионное программное обеспечение [1, с. 21].

Другая важная проблема – недостаточная ясность и прозрачность политики государства, законодательства, технических стандартов и регламентов. Серьезным препятствием для инвесторов являются ограничения на движение капитала. В отличие от многих других рынков, рынок госзакупок в Китае нельзя назвать открытым для иностранцев. Он является крайне непрозрачным, и на

нем доминируют национальные компании. Объем этого рынка составляет порядка 6,8 трлн юаней (1 трлн долларов) или 1/5 ВВП страны [6]. Последний раунд переговоров состоялся в декабре 2011 г., когда были внесены три предложения со стороны Китая. Страна до сих пор не присоединилась к соглашению и, по мнению экспертов, не планирует открывать рынок госзакупок в ближайшее время [7].

Основную критику в области торговой политики Китая вызывает субсидирование экспорта. Китай поддерживает национальных производителей, что является определенным отступлением от правил ВТО. Это одна из главных причин многих разбирательств, инициируемых в ВТО торговыми партнерами Китая. Однако доказать наличие нарушений зачастую сложно, так как поддержка предоставляется государственным компаниям. При этом финансовые потоки между государственными службами и государственными компаниями отличаются непрозрачностью. Лун Юнту, бывший заместитель министра внешней торговли и экономического сотрудничества КНР, один из главных инициаторов вступления страны в ВТО, считает, что, приняв формальные правила ВТО, Китай все больше удаляется от их сути. Иностранные компании больше не вовлечены в неравную конкуренцию с частными китайскими компаниями, но им трудно конкурировать с государственными предприятиями, которые получают значительную поддержку. Также, формально, иностранные компании не обязаны раскрывать собственные технологии, однако им часто приходится делать это для того, чтобы не иметь серьезных проблем с регулирующими органами [8].

В Китае существуют некоторые проблемы с техническим регулированием. Так как ВТО ограничивает тарифные и многие иные меры протекционизма, страны часто заменяют их менее прозрачными аналогами. Таким же образом поступает и Китай. В 2001 г. при подготовке к вступлению в ВТО были разработаны новые технические стандарты, а также стандарты безопасности в области биотехнологий, которые существенно затруднили импорт генетически модифицированной сельскохозяйственной продукции в Китай. Кроме того, после вступления в ВТО Китай начал вводить во многих отраслях новые стандарты, которые значительно отличались от международных. Цель такой политики — усложнение доступа иностранных компаний на китайский рынок.

Литература

1. Вступление России в ВТО: аналитический обзор // Эрнст энд Янг; Российская экономическая школа. – 2012. – 96 с.
2. The magazine of the US-China Business Council [Электронный ресурс] / China Business Review. – USCBC, 1997–2013. – Mode of access: <https://www.chinabusinessreview.com>.
3. Дальневосточное отделение Российской академии наук [Электронный ресурс] / Официальный сайт ДВО РАН. – Владивосток, 2012. – Режим доступа: <http://www.febras.ru>.

4. UNCTADSTAT database [Электронный ресурс] // Компьютера-Онлайн. – ООО «Компьютера-Онлайн», 1997–2013. – Режим доступа: <http://old.ibusiness.ru/analytics/30608/>.
5. UN Comtrade [Electronic resource] / Comtrade database. – United Nations, 2010. – Mode of access : <http://comtrade.un.org/db/>.
6. РБК [Электронный ресурс] / Официальный сайт РБК. – РосБизнесКонсалтинг, 1995–2013. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru>.
7. The New York Times [Electronic resource] /The New York Times Magazine. – The New York Times Company, 2013. – Mode of access: <http://www.nytimes.com>.
8. The Economist [Electronic resource] / The Economist Newspaper. – The Economist Newspaper Limited, 2013. – Mode of access: <http://www.economist.com>.

О. Ч. КИРВЕЛЬ

доцент кафедры международных экономических отношений

*Белорусского государственного университета, кандидат экономических наук
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ПОЛИТИКА ОБМЕННОГО КУРСА КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Успехи КНР в области достижения международной конкурентоспособности определяются рядом факторов, одним из которых является стратегия управления обменным курсом.

Значимость валютной политики в формировании конкурентоспособности национальной экономики подтверждается существующими методиками международных сравнений. Так, например, сводный индекс конкурентоспособности Всемирного экономического форума (Давосский форум) строится на оценке восьми комплексных факторов (открытость, государство, финансы, инфраструктура, технология, управление, труд, институты), в системе которых первое место занимает фактор открытости национальной экономики. В свою очередь основное содержание фактора открытости составляет валютная политика, поскольку из тринадцати показателей, характеризующих «открытость», к валютной сфере относятся 8 (оставшиеся 5 дают оценку внешнеторговой политике). Собственно фактор валютного курса оценивается четырьмя показателями: устойчивость валютного курса (степень его волатильности), уровень валютного курса (оценка конкретной величины), достоверность (соответствие фундаментальным экономическим факторам его формирования), а также выгодность валютного курса для экспорта [1, с. 41].

Проанализируем зависимость валютной политики от международной конкурентоспособности китайской экономики. С середины 90-х гг. XX в. до 2005 г. денежные власти КНР проводили политику низкого и устойчивого валютного курса, что соответствовало интересам местных производителей промышленной продукции, в том числе и экспортеров.

Во-первых, по мере роста интернационализации производства сфера действия ценовой конкуренции на мировом рынке существенно расширилась: кон-

курения на мировом рынке распространилась с однородных сырьевых и продовольственных товаров на очень широкий ассортимент технических изделий потребительского назначения, а также оборудование для их производства. Поэтому относительный уровень внутренних цен, прямо зависящий от курса национальной валюты, оказывал все более значительное воздействие на защиту внутреннего рынка, динамику товарного экспорта, приток прямых иностранных инвестиций и, в конечном счете, темпы экономического роста [2, с. 5].

Во-вторых, либерализация внешней торговли путем отмены количественных ограничений и снижения тарифных барьеров повысила значимость валютного курса как инструмента защиты и стимулирования национального производства. Китай с 80-х гг. XX в. практиковал политику высоких таможенных барьеров и только в 2001 г. вступил в ВТО. Открытие для китайских производителей крупнейших товарных рынков мира повысило значимость валютного курса как средства стимулирования экспортного сектора и защиты внутреннего рынка. Применение стратегии заниженного курса китайского юаня вместе с другими инструментами экономической политики позволило Китаю наряду с ЕС и США войти в число крупнейших мировых экспортеров.

Потребительские цены в КНР в 1995 г. выросли в 2,83 раза по отношению к 1985 г., а номинальный курс национальной китайской валюты понизился в 2,84 раза [3, с. 12]. Налицо теснейшая связь обменного курса китайского юаня с реальным сектором и уровнем инфляции внутри страны, подтверждающая на длительном временном промежутке теорию паритета покупательной способности.

Высокая ценовая конкурентоспособность Китая на рубеже веков во многом связана с реализацией эффективных методов по снижению инфляции в 90-е гг.: регулирование внутренней покупательной способности денег являлось приоритетом, на нее во многом ориентировалась и валютная политика.

Таблица 1

Сопоставление ряда стран по уровню ВВП на душу населения и по отклонению валютных курсов от паритетов покупательной способности валют в 1996, 2005 гг. [4, с. 33]

	Страна	ВК/ППС, США=1,0		Сопоставимый уровень цен (ППС/ВК), США=100		ВВП на душу населения (расчет по ППС), США=100	
		1996	2005	1996	2005	1996	2005
Развитые промышленные страны							
1	Великобритания	1,0	0,85	100	118	70,2	75,8
2	Германия	0,74	0,90	134	111	76,7	73,2
3	Франция	0,78	0,87	128	115	73,3	71,1
4	Италия	0,98	0,92	102	109	72,8	66,6
5	Швеция	0,70	0,81	144	124	71,7	76,8
6	Швейцария	0,60	0,71	166	140	89,7	85,2
7	Япония	0,66	0,84	152	118	86,2	72,7
Развивающиеся рынки							
Страны СНГ и Балтии							
8	Россия	3,46	2,22	29	45	22,4	28,5

9	Беларусь	3,93	2,78	25	36	18,5	20,5
10	Украина	3,84	3,03	26	33	11,9	13,4
11	Грузия	н.д.	4,41	н.д.	23	н.д.	8,4
12	Латвия	2,46	1,89	41	53	18,1	31,7

Окончание таблицы 1

Страны Азии и Латинской Америки							
13	Китай	4,27	2,38	23	42	12,5	9,8
14	Индия	4,2	3,03	24	33	6,0	5,1
15	Индонезия	3,1	2,44	32	41	12,0	7,8
16	Турция	2,08	1,56	48	64	21,6	18,7
17	Мексика	2,01	1,54	50	65	25,8	27,2
18	Бразилия	1,32	1,79	76	56	21,7	20,6

Для проведения регулярных сопоставлений на базе паритета покупательной способности (ППС) в конце 60-х гг. Статистическим отделом ООН в сотрудничестве с рядом других международных организаций разработана Программа международных сопоставлений (ПМС) (ICP – International Comparison Program). В работе Программы активно участвует Всемирный банк, осуществляющий глобальную координацию работ и публикацию результатов.

С 1996 г. результаты сопоставлений по Программе публикуются каждые три года. В 2005 г. число стран-участниц достигло 146 (в 2002 г. было 42 страны), и Программа приобрела глобальный характер.

Очередной раунд ПМС ООН проводился в 2011 г. по шести регионам мира: Африка, Западная Азия, страны Тихоокеанского региона, Латинская Америка, страны – члены ОЭСР и ЕС, страны СНГ. В ПМС 2011 г. приняло участие около 170 стран мира. Окончательные результаты ПМС за 2011 г. Всемирный банк планирует опубликовать только в 2013 г., поэтому при анализе конкурентоспособности используются данные ПМС за 2005 г.

Соотношения между паритетом покупательной способности и валютным курсом указывают на преобладание в той или иной стране одной из двух основных моделей конкурентоспособности – ресурсной (опирающейся на наделенность факторами производства, прежде всего на природные ресурсы, дешевый труд, «слабую» валюту) и технологической, или инновационной, в основе которой лежит экономика знаний.

Группировка стран по степени и характеру отклонения валютного курса от ППС практически совпадает с группировкой по размерам ВВП в расчете на душу населения. Отмечается отрицательная зависимость между величиной соотношения ВК/ППС и показателем ВВП на душу населения [3, с. 12].

Различия в уровне дохода на душу населения и степени отклонения валютного курса от паритета покупательной способности позволяют выделить страны с «сильной» и «слабой» валютой.

В странах с «сильной» валютой доход на душу населения составляет более 70 % от уровня США, обменный курс национальной валюты на доллар США равен или несколько ниже паритета покупательной способности.

В странах со «слабой» валютой доход на душу населения составляет менее 50 % от уровня США, валютный курс в 1,5–3 раза превышает паритет покупательной способности.

Экспорт из стран с «сильной» валютой малоэластичен по цене, в нем, как правило, преобладает продукция высокой степени обработки, высока доля высокотехнологичной наукоемкой инновационной продукции, экспорт ориентирован на растущие перспективные рынки [5, с. 201]. Вследствие этого укрепление национальной валюты не оказывает критического воздействия на конкурентоспособность «богатых» стран. Однако укрепление валютного курса относительно ППС может отрицательно сказаться на конкурентоспособности наименее эффективных отраслей, потребовать их модернизации.

В странах с развивающимися рынками конкурентоспособность национальной экономики обеспечивается относительно низким уровнем сопоставимых цен. В условиях технологической отсталости занижение курса национальной валюты во многих случаях становится основным средством поддержания и повышения конкурентоспособности как на внешнем, так и на внутреннем рынке.

По данным таблицы 1 в 1996 г. обменный курс китайского юаня был выше уровня ППС в 4,27 раза, в 2005 г. разрыв снизился – соотношение обменного курса и ППС составило 2,38.

Так, в КНР до середины 90-х гг. XX в. преобладала модель ресурсной конкурентоспособности, опирающейся на наделенность факторами производства, прежде всего на природные ресурсы, дешевый труд, «слабую» валюту, о чем свидетельствует существенное отклонение обменного курса китайского юаня от ППС.

С середины 90-х гг. до 2010 г. наблюдался постепенный переход к технологической (инновационной) модели конкурентоспособности с сохранением ориентации на заниженный обменный курс китайского юаня, постепенно сокращая его разрыв с ППС. С 2005 г. Китай перешел от фиксированного курса к управляемому плаванию. До 2008 г. имела место плавная ревальвации юаня к доллару, которая достигла в сентябре отметки 6,82 юаня за доллар США. В целом с 2005 по 2008 гг. китайский юань подорожал по отношению к американскому доллару на 20 %. По данным МВФ в 2009 г. текущий курс юаня составлял 55 % от уровня ППС.

С 2010 г. принципиально новым явился официально заявленный переход Народного банка Китая от политики снижения к политике укрепления курса национальной валюты. Наряду с другими позитивными изменениями можно говорить об окончательном переходе Китая к технологической, или инновационной, модели конкурентоспособности, в основе которой лежит экономика знаний. Динамичное развитие промышленного комплекса КНР и все большее включение китайских производителей в международную конкурентную борьбу, прежде всего в отраслях с высокой добавленной стоимостью, обуславливают острую необходимость в столь же быстром и даже опережающем инновационном развитии.

В перспективных планах развития КНР планируется не только укрепление юаня, но и постепенное расширение сферы его международного обращения.

Предполагается, что к 2015 г. будут сняты все валютные ограничения и юань станет свободно конвертируемой валютой, а к 2020 г. войдет в число резервных денежных единиц Международного валютного фонда [6, с. 61].

Литература

1. Жуковская, В. М. Валютный курс и паритет покупательной способности как факторы конкурентоспособности / В. М. Жуковская // Вопросы статистики. – 2003. – № 5. – С. 41–46.
2. Валютный курс и экономический рост / С. Алексащенко [и др.] // Вопросы экономики. – 2001. – № 8. – С. 4–31.
3. Валюта и конкурентоспособность: мировой опыт и специфика России / А. И. Салицкий [и др.] // Банковское дело. – 2005. – № 4. – С. 10–20.
4. Жуковская, В. М. Паритет покупательной способности и конкурентоспособность / В. М. Жуковская, И. С. Королев // Вопросы статистики. – 2008. – № 8. – С. 27–36.
5. Денежно-кредитная и валютная политика: научные основы и практика / Финанс. акад. при правительстве РФ, Моск. межбанк. валют. биржа; редкол.: Л. Н. Красавина [и др.]. – М., 2003. – 202 с.
6. Рудый, К. В. Современная экономика Китая глазами белоруса / К. В. Рудый // Банковский вестник. – 2012. – № 4 – С. 57–66.

А. А. НЕСТЕРОВА

*старший преподаватель кафедры международных экономических отношений
Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РЫНКОВ ТРУДА В КИТАЕ

Степень развития рынка труда определяет устойчивость экономического роста. Реформы рынка факторов производства в Китае, в частности рынка труда, оказались менее эффективными, чем реформирование рынка товаров и услуг.

Некоторые исследователи считают, что сегментация рынка стала результатом децентрализации в процессе принятия решений и распределения ресурсов, произошло обособление региональных рынков труда в административных границах регионов, что препятствовало полноценному функционированию национального рынка труда [1, с. 1094–1097].

Другие предполагают, что углубление реформ в Китае позволит увеличить эффективность рыночных отношений в стране, в том числе будет способствовать региональной интеграции рынков факторов производства [2, с. 92].

Экономические исследования показывают, что в период индустриализации даже в промышленно развитых странах рынки труда не были достаточно интегрированы из-за ограниченной региональной мобильности трудовых ресурсов. Процесс интеграции на рынке труда в результате индустриализации начинается на местном рынке труда, затем расширяется до регионального и только после

переходит к национальному рынку труда. Данный процесс является неотъемлемой частью улучшения рыночного механизма.

В дополнение к рыночным силам внешние шоки могут быть стимулом для интеграции на рынке труда. Например, общий рынок в Европе способствует интеграции на рынке труда между странами-членами Европейского Союза.

Китайский опыт перехода от административного к рыночному регулированию рынка труда является уникальным, и не только потому, что это крупнейшая экономика в мире, а поскольку он происходит в русле типично китайских постепенных изменений.

Плановая система ведет к неэффективности рынка труда и проявляется:

- в отсутствии механизмов стимулирования, что ведет к низкой эффективности управления;
- в искажении распределения ресурсов между регионами и секторами.

После 1978 г. рынок труда Китая был сегментирован не только по формам собственности, но и по географическому признаку. Исследователи отмечают, что разница в доходах в регионах сначала сокращалась, а затем выросла в годы после начала экономических реформ. Два фактора способствовали дифференциации в пользу восточных регионов Китая. Первый – падение доли сельского хозяйства в ВВП и увеличение доли промышленности. Данное явление было более выражено в восточных прибрежных районах, чем в центре. Второй – развитие свободных экономических зон, которые были расположены в восточных прибрежных районах. В результате такой политики восточные прибрежные районы были наделены преимуществом в развитии производственной структуры [4, с. 690].

Упадок сельского хозяйства и создание на предприятиях в сельской местности лишь усугубили и без того сложную ситуацию. В дореформенный период были установлены барьеры, чтобы предотвратить межрегиональные потоки капитала и труда, которые обычно возникают в ответ на сигналы рынка. Это было сделано, чтобы убедиться, что капитал и труд будут идти только в приоритетные сектора. Народная система Коммуны и регистрации по месту жительства (более известна как система прописки) были реализованы для снижения мобильности ресурсов.

До начала реформы пополнение рабочей силы в городах почти целиком опиралось на выпускников высших учебных заведений, демобилизованных и перепрофилировавшихся военнослужащих. По мере того, как численность населения увеличивалась, площадь пахотной земли на душу населения уменьшалась. В течение 26 лет (с 1952 г. по 1978 г.) удельный вес занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых уменьшился с 83,5 % до 70,5 % [5, с. 23–25].

Во время реформы в Китае были проведены два мероприятия, которые оказали большое влияние на занятость в сельских районах страны: во-первых, крестьянам разрешили свободно выбирать профессии и самостоятельно вести хозяйственную деятельность; во-вторых, им разрешили заниматься бизнесом в городах. Первая мера привела к трудоустройству 125 млн работников на предприятиях в сельских местностях. Вторая – к переезду примерно 60–80 млн кре-

стьян из сельских районов в города. В течение 23 лет (с 1978 г. по 2001 г.) удельный вес занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых уменьшился с 70,5 % до 50,0 % [6, с. 820].

На государственных предприятиях в городах начала осуществляться политика по уменьшению числа работников с целью повышения эффективности хозяйствования. Таким образом, реформы привели к быстрому образованию рынка труда как в городе, так и в сельской местности. При этом люди, имеющие городскую прописку и предъявляющие более высокие требования к характеру будущей работы, почти не переходят на сельский рынок. А на городском рынке (за исключением нескольких маленьких приморских городков) люди с сельской пропиской могут лишь в редких случаях найти себе работу.

Рынок труда в городах тоже разделен на два сектора: государственный и негосударственный. Хотя в Китае эти секторы рынка труда имеют некоторые общие черты, однако нет единой системы оплаты труда, системы отбора персонала, системы социального обеспечения. Имеются различия в соотношении спроса и предложения рабочей силы. В связи с этим политика, направленная на урегулирование спроса и предложения на рынке труда, в некоторых случаях не приносит положительных результатов, а иногда дает даже отрицательный эффект. Например, для того чтобы уволенные работники государственных предприятий имели больше шансов на трудоустройство, в некоторых городах принимались меры по ограничению миграции сельских жителей в города; однако бывшие работники государственных предприятий предпочитали безработицу, чем занятость на более тяжелых и низкооплачиваемых работах и т. д. Меры по ограничению занятости крестьян в городах не облегчили ситуации с трудоустройством уволенных работников государственных предприятий, а, наоборот, привели к тому, что кое-где возник даже дефицит предложения рабочей силы.

До середины 90-х гг. XX в. усиливалась конкуренция между государственным и негосударственным секторами. Муниципальные власти старались защитить места городских рабочих от сельских мигрантов и продолжали устраивать выпускников на государственные предприятия, даже если они и не требовались. Таким образом, практически отсутствовала безработица. Страна полностью использовала трудовой ресурс, но несла огромные издержки неэффективного распределения ресурсов по конкретным видам деятельности.

С середины 90-х гг. правительство стало реформировать государственные предприятия и позволило неэффективным предприятиям сократить занятость или обанкротиться. Эти меры привели к увольнениям 10 млн рабочих в 1997 г. и 27 млн с 1998 г. по 2004 г. Численность работников государственного сектора снизилась с пиковых 113 млн в 1995 г. до 88 млн в 1998 г. и 64 млн в 2004 г. [7, с. 207]. Однако в стране отсутствует система достоверной и своевременной оценки уровня безработицы, поскольку считаются лишь официально зарегистрированные.

Реформа рынка труда улучшила систему распределения ресурсов и привела к изменению трудовой политики.

Китаю, как известно, присущи постепенные институциональные изменения, которые воплощались в двух формах: «снизу вверх» и «сверху вниз». В первом случае, как только политический климат стал меняться, производители, которые ранее страдали из-за строгих ограничений старой системы, видели потенциальные выгоды от новой и активно поддерживали реформы. Во втором случае правительство, видя, каким образом старые институты ограничивают производительность и потенциал роста нового института, после сравнения издержек и выгод от институциональных изменений реализовало реформы по собственной инициативе.

Реформирование на рынке труда происходило подобным образом. Сельским жителям разрешалось работать не только в сельском хозяйстве, но и переезжать в город, что способствовало миграции между городом и селом, а также между областями. Это увеличило конкуренцию между государственным и частным секторами, что привело к реформе системы найма.

Три элемента интеграции на рынке труда Китая являются важными. Во-первых, она была проведена с упором на дополнительные реформы в других областях. Во-вторых, экономическая глобализация стимулирует процесс интеграции на рынке труда. И наконец, переход к свободному рынку труда осуществляется параллельно с переходом от двойственной экономики к одной, которая хорошо интегрирована.

В Китае наблюдается переход от высокой смертности, высокого уровня рождаемости и высоких темпов роста населения к снижению смертности, низкой рождаемости и низким темпам роста. Доля населения трудоспособного возраста увеличивается, но наблюдается замедление темпов роста последние 20 лет, а сокращение рождаемости ведет к замедлению темпов роста численности населения и его старению. В течение всего периода реформ в Китае наблюдался рост доли трудоспособного населения. Поскольку со второй половины 70-х гг. XX в. показатели рождаемости быстро снижались, темпы прироста населения уменьшались. Но в результате того, что лица, появившиеся на свет в период наиболее высокой рождаемости, в настоящее время достигли трудоспособного возраста, уровень предложения рабочей силы очень высокий. Китай использовал сравнительные преимущества трудоемких производств при международном разделении труда, что позволило нивелировать убывающую отдачу капитала и создать дополнительный источник для роста экономики.

Объем торговли Китая увеличивается гораздо более быстрыми темпами, чем рост мировой торговли в целом. Например, доля Китая в мировом экспорте и импорте в 80-х гг. составляла около 1 %, а к 2004 г. возросла до 6 % [8]. Сравнительное преимущество в производстве трудоемких товаров четко связано с расширением торговли благодаря тому, что Китай имеет выгодную структуру населения. Данное преимущество позволяет более эффективно использовать международные потоки капитала и пополнить недостаток национальных сбережений на ранних этапах реформ.

Демографические изменения в Китае ведут к дефициту рабочей силы, что приводит к ускорению интеграции на рынке труда. Благодаря интеграции в мировое разделение труда Китай увеличил экспорт трудоемкой продукции, в ре-

зультате чего более 100 млн сельских рабочих мигрировали в города и были обеспечены работой ранее безработные.

Наметилась тенденция нехватки рабочей силы в прибрежных районах Китая, и это означает конец эпохи неограниченного предложения рабочей силы. Данный фактор является движущей силой интеграции на рынке труда, что ведет к усилению конкуренции за квалифицированных и неквалифицированных рабочих и увеличению мобильности рабочей силы. Работодатели разных регионов и секторов будут соревноваться за труд, и это приведет к более интегрированному рынку труда.

В связи с двойственностью экономической системы в Китае существует значительная сегментация между сельским и городским рынками труда. Эти два рынка имеют различные уровни регулирования, что привело к тому, что работники заняты на двух отдельных рынках в пределах одного города. Как правило, в меньшей степени регулируется и защищается рынок мигрантов и по причине этого занятость и заработная плата в большей степени определяется рыночными механизмами, чем у местных работников. С середины 80-х гг. XX в. они являются основным компонентом потоков рабочей силы из села в город и между регионами, и рассмотрение особенностей рынка труда мигрантов может отражать механизм региональной интеграции рынка труда.

С одной стороны, быстрорастущая экономика Китая создает спрос на труд в несельскохозяйственных секторах, а с другой – создаются более благоприятные условия на городском рынке труда для мигрантов.

После вступления в ВТО объем производства в трудоемких отраслях, где Китай обладает международной конкурентоспособностью, возрос, что увеличило спрос на рабочую силу из сельской местности.

Таблица 1

Количество мигрантов на городском рынке труда

Год	Трудящиеся-мигранты (тыс. чел.)	Городские работники (тыс. чел.)	Соотношение мигранты/ город, %
2003	78 490	212 700	36,9
2004	83 900	239 400	35,1
2005	104 700	247 800	42,3
2006	113 900	256 390	44,4
2007	118 230	264 760	44,7
2008	125 780	273 310	46,0
2009	132 120	283 100	46,7

Как видно из таблицы 1, рабочие-мигранты представляют собой важный ресурс, благодаря которому поддерживаются высокие темпы экономического роста.

При изучении интеграции региональных рынков труда важным является вопрос установления заработной платы. Ставка заработной платы показывает

соотношение между спросом и предложением рабочей силы. Рынок труда для рабочих-мигрантов является более гибким, и рыночный механизм формирует уровень занятости и заработной платы. Поэтому полезно проанализировать интеграцию на рынке труда с точки зрения неравенства в оплате труда вышеназванной категории работников.

Мобильность рабочей силы между регионами отражает тот факт, что рабочие реагируют на сигналы рынка и сконцентрированы в тех районах, где наблюдается спрос на рабочую силу. Можно говорить, что перемещения на рынке труда являются предпосылкой интеграции рынка труда в Китае.

Как уже отмечалось, уровень заработной платы является наиболее важным и доступным параметром для анализа рынка труда разных регионов.

Если заработные платы в регионах сходны, то наблюдается процесс интеграции рынков труда. Процесс аналогичен рынку труда, где его отражает закон единой цены. Однако рынкам труда присуща некоторая степень уникальности, поскольку изменения в цене труда не сразу отражаются на рынке.

Применительно к Китаю использование данной методики имеет такие сложности, как недоступность статистических данных. Однако есть исследования, касающиеся рынков труда, которые показывают что созданы все необходимые институциональные и структурные условия для интеграции рынков труда. Тем не менее реформа китайского рынка труда далека от завершения, существует много институциональных ограничений. Устранение препятствий приведет к росту миграционных потоков и создаст условия для мобильности рабочей силы.

Эксперты Министерства трудовых ресурсов Китая отмечают, что в последнее время в Китае наблюдается значительный рост заработных плат. За последний год рост зарплат в Китае составил в среднем 20 %. С 1 января 2012 г. на 8,6 % увеличилась минимальная заработная плата в Пекине. Примеру Пекина последовала основная экономическая зона Китая – Шэньчжэнь: с 1 февраля здесь было введено ограничение, которое налагает запрет на зарплату менее 1500 юаней (238 долл. США) в месяц за самые простые виды работ.

Эксперты рынка труда КНР отмечают, что данная тенденция действительно имеет место быть, объясняя этот факт дефицитом рабочей силы в Поднебесной. Видимо, государственная политика контроля над рождаемостью в КНР дала неожиданный результат.

Особенно остро почувствовали это отрасли, использующие низкооплачиваемую рабочую силу. Поэтому все больше текстильных фабрик и предприятий вынуждены переносить производство из Китая во Вьетнам, Камбоджу или Бангладеш.

В экономических реформах Китая рынок труда сыграл важную роль. Китай пережил сложные моменты в период перестройки экономики, когда возросло количество безработных, но с 2002 г. уровень безработицы сокращается и стал гораздо более управляемым. Используются новые схемы социального страхования, но они обладают неполным охватом. Финансовая и промышлен-

ная политика направлена на поддержку капиталоемких отраслей, что ведет к снижению спроса на низкоквалифицированную рабочую силу.

Практически отсутствуют барьеры для перемещения рабочей силы внутри страны. Миграционные потоки существенно возросли, помогая интегрировать рынки труда в сельских и городских районах, а также по регионам. Однако продолжает оставаться разрыв в доходах сельских и городских рабочих.

В результате реформы сократилась доля занятых на государственных предприятиях, однако государственные предприятия по-прежнему обеспечивают более высокую заработную плату и пособия, чем другие типы предприятий (исключением являются иностранные предприятия). Добровольная мобильность рабочей силы из государственного сектора остается на низком уровне.

Таким образом, на рынке труда Китая остаются следующие ключевые задачи, которые необходимо решить для активизации интеграции рынка труда:

- разработка точной и своевременной информационной системы;
- обеспечение эффективной защиты безработных;
- разработка систем социального страхования, которые имеют максимальных охват;
- интеграция мигрантов из сельских районов за счет расширения доступа к образованию и более широкого охвата программами социального страхования.

Литература

1. *Young, A.* The Razor's Edge: Distortions and Incremental Reform in the People's Republic of China / A. Young. – The Quarterly Journal of Economics. – 2000. – № 115(4). – P. 1091–1135.
2. *Poncet, S.* Measuring Chinese Domestic and International Integration. / S. Poncet. – China Economic Review. – 2003. – P. 93–106.
3. *Rosenbloom, J.* One Market or Many? Labor Market Integration in the Late Nineteenth-Century United States / J. Rosenbloom. – The Journal of Economic History. – 1997 – Vol 50. – P. 85–107.
4. *Du, Yang.* Migration and Rural Poverty in China / Du, Yang, Albeit Park, Sangui Wang // Journal of Comparative Economics. – 2005. – № 33. – P. 688–709.
5. *Brandt, Loren.* China's Great Economic Transformation / Loren Brandt, Thomas Rawski. – Cambridge, 2009. – 259 p.
6. *Chan, Kam Wing.* The Hukou System and Rural-Urban Migration in China: Processes and Changes / Chan, Kam Wing, and Li Zhang // The China Quarterly. – 1999. – № 160. – P. 818–855.
7. *Knight, John.* Wages, Firm Profitability and Labor Market Segmentation in Urban China. / Knight, John, and Shi Li // China Economic Review, 2008. – № 16. – P. 205–228.
8. *Dong, Xiao-yuan.* Segmentational Discrimination in China's Emerging Industrial Labor Market / Dong, Xiao-yuan, Paul Bowles // China Economic Review. – 2011. – № 17. – P. 170–196.

В. И. ПОПЛЫКО

доцент кафедры экономической политики Белорусского государственного экономического университета, кандидат экономических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРКА)

В Республике Беларусь есть понимание важности прихода в страну крупного инвестора, который будет располагать современными технологиями в области промышленного производства, серьезными активами и не принесет значимых политических рисков для национальной безопасности. Идеальным партнером в этих условиях может стать Китай.

Китайская сторона сегодня проявляет интерес к участию в девелоперских проектах на территории Беларуси. Речь идет о строительстве жилой и торговой недвижимости с участием китайского капитала. Тем не менее привлечение китайского капитала является на данный момент стратегической целью Республики Беларусь. И сотрудничество в этой области успешно развивается. Взаимодействие с китайскими компаниями планируется на условиях прямых иностранных инвестиций в возведение объектов энергетики и другие

В 2010 г. после открытия белорусско-китайского технопарка в городе Чанчунь – побратиме Минска, возникла идея о создании аналогичного объекта в Беларуси. Президентом Республики Беларусь подписан Указ о создании Китайско-белорусского индустриального парка. Китайско-белорусский индустриальный парк будет построен в Смолевичском районе Минской области. Предполагается использование земельного участка площадью 80,48 км². Около 32 % всего земельного участка предполагается выделить под промышленные земли, около 9 % – под жилые земли, 13 % – под земли для транспорта и 22 % – под зеленые насаждения. Создание парка обеспечит приток иностранных инвестиций в Республику Беларусь. Причем проект не следует рассматривать как исключительно белорусско-китайский. Он нацелен на привлечение компаний из разных стран мира для создания современных экспортоориентированных производств.

При его реализации предполагается создать совместную Белорусско-Китайскую компанию по развитию Китайско-Белорусского индустриального парка (далее – Совместная компания) с долей белорусской стороны в ее уставном фонде 40 %. Организационная структура совместной управляющей компании Китайско-белорусского индустриального парка складывается следующим образом. Уставный фонд Совместной компании формируется за счет денежных вкладов в иностранной валюте, внесенных ее учредителями. Уставный капитал совместной управленческой компании составляет 50 млн долл. США, в том числе вложения консорциума китайской стороны 30 млн долл. США.

Межправительственный координационный совет принимает решения по направлениям деятельности парка, стратегическим вопросам его развития и

другим аспектам сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики в области функционирования парка. Заседания Межправительственного координационного совета проводятся при необходимости без установления периодичности. Непосредственное управление деятельностью парка осуществляет администрация Китайско-Белорусского индустриального парка (далее – администрация парка), которую возглавляет глава администрации парка, назначаемый на должность и освобождаемый от нее Советом Министров Республики Беларусь.

Финансовое обеспечение деятельности администрации парка производится за счет средств республиканского бюджета; средств, получаемых от осуществления администрацией парка предпринимательской деятельности; иных источников, не запрещенных законодательством.

Администрация парка совместно с заинтересованными государственными органами и организациями обеспечивает содействие совместной компании в решении вопросов, связанных с разработкой генерального плана парка, организацией параллельного проектирования и строительства парка, своевременной поставкой основных строительных материалов, изделий, конструкций и оборудования в объемах, необходимых для строительства объектов парка, включая объекты инфраструктуры. Совместная компания после разработки генерального плана парка направляет его в установленном порядке для проведения государственной экспертизы. Одновременно генеральный план представляется администрации парка. После получения положительного заключения государственной экспертизы администрация парка в установленном порядке обеспечивает внесение генерального плана парка в Совет Министров Республики Беларусь для утверждения.

Совместная компания вправе: вносить предложения и рекомендации в администрацию парка по определению направлений деятельности парка, объему инвестиций для регистрации резидентов парка, проектированию и строительству объектов транспортной и инженерной инфраструктуры (сооружения и инженерные сети электро-, тепло-, газо-, водоснабжения и канализации, связи, теле- и радиодиффузии, автомобильные дороги и иные коммуникации) за пределами границ парка, необходимых для обеспечения полного и своевременного освоения его территории в соответствии с генеральным планом [1].

Можно выделить следующие основные задачи создания белорусско-китайского индустриального парка:

1. Усилить развитие новых отраслей промышленности, увеличить закупки и импорт, используя ревальвацию юаня. Реагировать на ресурсный кризис, развивать новые суррогатные отрасли новой энергии и нефти. В то же время, используя выгоды от ревальвации, увеличить закупки и импорт передовых технологий и оборудования, ускорить переход к промышленности высокой добавочной стоимости.

2. Активно продвигать стратегию «идти вовне», осуществить перемещение производственной энергии и реструктуризацию экономики. Создание торгово-экономических регионов для сотрудничества с Китаем (с 2005 г. было создано 19 таких регионов, которые расположены в основном в Африке и Юго-

Восточной Азии). В таких регионах лидирует обрабатывающая промышленность с избыточными мощностями.

3. Преобразование марки «Сделано в Китае» в марку «Обслуживание в Китае». Это позволит Китаю занимать достойное место в перемещении международных промышленных предприятий.

4. Развитие финансового сектора и инвестиций в другие страны. Развитие и поддержка соответствующих отраслей будут способствовать оптимальному распределению ресурсов, предотвращению финансовых рисков, улучшению международной конкурентоспособности промышленности.

Учредителем Совместной компании от белорусской стороны является открытое акционерное общество «Управляющая компания холдинга «ГОРИЗОНТ»». Управляющая компания парка, которая будет создана при участии белорусского ОАО «Горизонт» и китайской корпорации САМСЕ, а также резиденты парка получат серьезные налоговые льготы.

Общий срок строительства парка определен в 30 лет и рассчитан на три этапа – каждый по 10 лет. Этапы развития белорусско-китайского индустриального парка:

1 этап: в течении 10 лет рассматривать производство машиностроения и электроники как главное производство, делать упор на производстве биотехнологии, начинать производство конкурентоспособной продукции, рассматривать инвестиции в крупные производственные объекты как средство быстрыми темпами овладения внешними и внутренними рынками;

2 этап: на основе развития производства первого периода начинать динамичное развитие последующие 5 лет, строить промышленную систему парка, в которой основные производства занимают ведущее место, образовать индустриальный парк с рациональным конструктивным размещением, согласованным развитием производств, высоким содержанием научно-технического уровня и сильной конкурентоспособностью;

3 этап: в следующие 10 лет этапа планируется делать упор на повышение производственного уровня и оптимизацию промышленной структуры, создать новый индустриальный парк, который включает в себя цикл «производство – научное исследование – обслуживание и торговлю».

Поскольку первоначальные инвестиции будут складываться из суммы 5,656 млн долл. США, предполагается, что капиталовложения в основные фонды на подготовительном этапе в совместный проект будут состоять из банковского кредита – 70 %, собственных средств – 25 % и остальное – уставной капитал.

Ключевыми производствами китайско-белорусского индустриального парка являются:

1. Тонкая химия как одна из самых активно поднимающихся областей в нынешней химической промышленности, важная составная часть новых материалов. Продукция тонкой химии разнообразна, добавочная стоимость высока, назначение широко, спецификация производства большая. Тонкая химия может непосредственно служить многим отраслям народного хозяйства и во всех областях высокотехнологического производства.

2. Электроника, которая включает микроэлектронику, изготовление фотоэлектронных, электронных компонентов, программного обеспечения, вычислительной техники.

3. Биотехнологии и медицинское производство. Включают фармацевтическую отрасль (химическая фармацевтика, биогенетическая фармацевтика, традиционная китайская медицина и др.), медицинское оборудование, медицинские услуги.

4. Машиностроение.

Предполагается, что в структуре выпуска наибольшую долю в китайско-белорусском индустриальном парке составит производство электроники. В то же время по вложениям инвестиций наибольшую долю занимает машиностроение.

По предварительным данным структура выпуска белорусско-китайского индустриального парка будет состоять на 68 % из электроники, 21 % – машиностроение, 9 % – биомедицина и 7 % – тонкая химия. Вместе с тем, направляемые инвестиции в индустриальном парке будут иметь следующую структуру: машиностроение – 51 %, электроника – 26 %, биомедицина – 16 %, тонкая химия – 7%.

Инвесторами совместного проекта являются:

1. Китайская сторона – корпорация SINOMACH. Главная деятельность: разработка и производство механического оборудования, подряд объектов, торговля и услуги. Корпорация SINOMACH является крупнейшей в Китае в области проектирования и изготовления промышленного и строительного оборудования и входит в ТОП-500 крупнейших корпораций мира. В состав этой корпорации входят 28 проектных организаций, которые за последние 20 лет спроектировали и построили объектов общей площадью 10 млн км². Кроме того, с китайской стороны в роли инвестора выступает ОАО «Китайская корпорация инжиниринга SAMCE». SAMCE является дочерней компанией китайской национальной машиностроительной корпорации SINOMACH, находящейся в прямом подчинении Госкомитета по контролю и управлению государственным имуществом при Госсовете Китая.

2. В роли инвестора с белорусской стороны могут выступать государственное предприятие, акционерное общество или банк.

Китайско-белорусский индустриальный парк власти намерены создать в форме особой экономической зоны, резиденты которой получают беспрецедентные преференции. Согласно проекту указа президента, в первые десять лет после регистрации резиденты парка будут освобождены от уплаты налога на прибыль, на недвижимость, местных налогов, земельного налога, а также от обязательной продажи валютной выручки.

В последующие десять лет льготы для резидентов парка будут сохраняться – они будут уплачивать лишь 50 % от размера перечисленных налогов. Кроме того, до 2027 г., согласно проекту указа, резиденты парка освобождаются от обязательной продажи валютной выручки. Однако тут возникают определенные нестыковки. Необходимо отметить, что Беларусь в рамках Единого экономического пространства взяла на себя обязательство отменить обязательную продажу ва-

лутной выручки уже с 2017 г., следовательно, отпадает необходимость указания такой льготы в рамках данного проекта. По такому же принципу планируется освободить резидентов от уплаты налога на недвижимость, расположенную на территории парка, от земельного налога и местных налогов и сборов [2].

Также налоговые льготы получают и физические лица – работники парка. Они будут уплачивать подоходный налог по пониженной ставке – 9 %, а не 12 %. Это сделано с целью привлечения профессионального персонала. Такой налоговый режим действует, в частности, в Парке высоких технологий. Планируется также ввести в качестве стимула для юридических лиц понижающий платеж в фонд социальной защиты населения [3].

Сегодня, когда белорусская сторона предоставляет беспрецедентные налоговые льготы резидентам индустриального парка, возникает вопрос, какова будет отдача. Судя по последним заявлениям Минэкономики, в белорусском правительстве пока еще нет четкого понимания, какие инвесторы придут в этот парк и какие конкретные производства там появятся. Заявленный объем инвестиций в реализацию инвестиционного проекта составляет сумму, эквивалентную не менее 5 млн долл. США. Это достаточно крупная сумма, и рассчитана она на крупного иностранного инвестора.

В этой связи проект создания совместного индустриального парка с Китаем рассматривается как решение двойной задачи. Во-первых, Беларусь и Китай за счет работы этого парка могут значительно нарастить двустороннюю торговлю. Во-вторых, будет обеспечен приток иностранных инвестиций для развития и создания новых экспортоориентированных производств в Беларуси, которые смогут работать и на рынок Таможенного союза. Кроме того, в этом проекте будут обеспечены интересы китайских компаний в европейском регионе.

Польза индустриального парка для экономики во многом будет зависеть от того, какие проекты на его территории появятся. Парк станет экологическим научно-технологическим районом, удобным для проживания и работы под Минском. В то же время станет наиболее влиятельным парком Восточной Европы, плацдармом китайских компаний для выхода на рынок Европы и образцовым районом в экономическом сотрудничестве между Китаем и Беларусью.

Литература

1. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 16.08.2012 № 756 «Положение о Китайско-Белорусском индустриальном парке» // Сайт Посольства Республики Беларусь в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://china.mfa.gov.by/rus/industrial_park/park-polozhenie. – Дата доступа: 12.09.2012.
2. Заяц, Д. Белорусско-китайский индустриальный парк – кот в мешке / Д. Заяц // БелаПАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/economic/2012/03/11/ic_articles_113_177128. – Дата доступа: 12.09.2012.
3. Кожемякин, А. Китайско-белорусский индустриальный парк заманивает резидентов льготами / А. Кожемякин // БелаПАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/economic/2012/08/21/ic_articles_113_178914. – Дата доступа: 12.09.2012.

Б. В. СОРВИРОВ

зав. кафедрой экономической теории и мировой экономики Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, доктор экономических наук, профессор (г. Гомель, Республика Беларусь)

МАРШ НА ВЕРШИНУ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ДОГОНЯЮЩЕМ РАЗВИТИИ КИТАЯ

Многочисленные данные о влиянии научных исследований и разработок на народнохозяйственный потенциал передовых в технологичном отношении стран мира свидетельствуют о важной роли государства в деле стимулирования этого рода деятельности. Однако на практике многие рецепты, апробированные на Западе, в условиях Китая «не работают», ведь для каждой страны инновационный путь развития должен рассматриваться не как нечто самодовлеющее, оторванное от социокультурной и экономической среды, а как средство решения общегосударственных задач, реализации общенациональных целей. В этой связи необходимо отметить беспрецедентно успешный опыт технологического подъема КНР, которая отдала предпочтение самостоятельному пути развития и избрала инновационную политику в качестве локомотива социально-экономического обновления страны.

Прежде чем рассмотреть вопрос о роли инновационной деятельности и месте инновационных технологий в реализации концепции догоняющего развития и экономического подъема КНР, определим этапы развития науки и техники в Китае. До начала XVII в. Китай являлся мировым лидером по числу и по значимости научных открытий. Бумага, фарфор, порох, магнитный компас и многое другое коренным образом изменили жизнь не только самих китайцев, но и жителей многих стран мира. Этот бесспорный факт до сих пор остается предметом национальной гордости страны. Однако в новую историю темпы развития Китая резко упали. Результатом стали поражения в двух «опиумных» войнах (1841 г. и 1860 г.), которые позволили убедить местную элиту в необходимости освоения европейских достижений в области естествознания и точных наук. Определенную динамику этим процессам придала Синьхайская революция (1911–1913 гг.), совершенная под руководством партии Гоминьдан и ее лидера Сунь Ятсена. Обучение китайских студентов в университетах Европы и США приобрело массовый характер. В стране росло число образовательных учреждений и научно-исследовательских лабораторий. В 1914 г. было основано Научное общество Китая, членами которого стали наиболее известные на тот момент ученые и инженеры, а годом спустя учрежден журнал «Наука». К середине 20-х гг. XX в. Китай располагал рядом ученых с мировыми именами, результаты научных исследований которых публиковались в иностранных научных изданиях. Но даже этот поступательный эволюционный процесс технологического развития был практически сведен к нулю чередой милитаристских путчей, японской агрессией 1931–1945 гг. и гражданской войной 1946–1949 гг. Большинство представителей научной элиты эмигрировало, оставшаяся часть ушла в административный аппарат или на преподавательскую работу. Переме-

ны наступили после провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики. Произошла полная реорганизация ранее созданной научно-исследовательской инфраструктуры: в качестве ориентира была взята советская модель. В частности, была воссоздана АН КНР, почти полностью повторяющая организационную структуру АН СССР, президент которой С. И. Вавилов стал консультантом китайского правительства, а его книга «Тридцать лет советской науки» [1], переведенная на китайский язык, служила своеобразной инструкцией по внедрению соответствующих новаций в области организации научных исследований.

Китай в тот период не мог самостоятельно и в сжатые сроки восстановить почти полностью разрушенное в годы лихолетья народное хозяйство страны. Поэтому встал вопрос о приглашении большого числа советских специалистов по широкому кругу вопросов и о массовом обучении китайских студентов в технических вузах СССР. За годы сотрудничества китайской стороне было предоставлено огромное количество технической документации. В 1954 г. была организована Объединенная комиссия по научно-техническому сотрудничеству, которая ежегодно осуществляла координацию по многим проектам, в том числе в области ядерных исследований. Во время реализации первого пятилетнего плана (1953–1957 гг.) Китай получил значительное число современных технологий и индустриальных производств. Создавались совершенно новые отрасли промышленности. Советско-китайское сотрудничество тех лет отличалось беспрецедентными в мировой истории совместными крупномасштабными и капиталоемкими проектами. КНР активно заимствовала опыт СССР в области военных технологий и строительства вооруженных сил. В результате Народно-освободительная армия Китая превратилась в мощную боеспособную силу, обладающую всеми видами современных для того времени вооружений. Китайские историки отмечают, что благодаря помощи Советского Союза в максимально короткие сроки было восстановлено разрушенное народное хозяйство и создана индустриальная база для дальнейшего развития.

Последующая политика «большого скачка» (1958–1960 гг.) и «культурной революции» (1966–1976 гг.) оказала негативное влияние на гражданский сектор наукоемких производств. Работа многих НИИ была остановлена, фундаментальные исследования не проводились, научные журналы не издавались, подписка на иностранные научные издания была прекращена. Тем не менее благодаря сотрудничеству с Советским Союзом в 1949–1957 гг., Китай смог создать значительное число высокотехнологических предприятий и заложил фундамент для дальнейшего продвижения по пути технологической модернизации и создания научно-инновационного сектора экономики. Затянувшаяся на двадцать лет «инновационная пауза» завершилась с приходом к власти Дэн Сяопина. В декабре 1978 г. была заявлена политика «четырех модернизаций»: промышленности, аграрного сектора экономики, техники и обороны и наступила эпоха экономических реформ. Важнейшим несущим элементом в этой концепции стал термин «сяокан» (построение общества «среднего достатка» или «малого благоденствия», критерием которого назван среднедушевой доход не менее 1000 долларов США). Это термин был заимствован Дэн Сяопином у древних

китайских мыслителей. Достоинством смысла этого термина стало его встроенность в цивилизационную «систему координат» ханьского социума (что выгодно отличалось от известного бухаринского лозунга – «обогащайтесь» времен непа).

Сначала в экономике Китая доминировали производства, основанные на привлечении в народное хозяйство большого числа неквалифицированных трудовых ресурсов. Кроме гигантов социндустррии, возведенных в 50-х гг. XX в. по советским проектам, в качестве промышленной базы использовалось множество мелких предприятий, мануфактур и мастерских. Именно эти хозяйства в условиях большей экономической свободы обеспечили высокие темпы роста китайской экономики. Однако эффективность производства оставалась низкой, нарастали экологические проблемы.

Некоторые западные экономисты считали, что в середине 90-х гг. руководству КНР стала очевидна бесперспективность курса на экстенсивное развитие и невозможность сохранения высоких темпов роста, достигнутых в предыдущие десятилетия. Вместе с тем в статистических данных эта точка зрения не подтверждалась. Однако ставка на технологический прогресс как главный фактор обеспечения экономического роста была сделана уже с первых шагов экономических преобразований. Дэн Сяопин проявил себя не только как осторожный и последовательный реформатор, но и как современный лидер, ориентированный на инновационный вектор развития страны.

Линией старта по направлению к инновационной экономике (в Китае ее называют «вторая индустриализация», а «первая» – индустриализация аграрной страны) следует считать разработанную в 1995 г. среднесрочную программу: «Девятый пятилетний план экономического и социального развития и перспективная программа до 2010 года» («Программа 2010») [2, с. 38–44]. Среди количественных показателей, применяемых для оценки состояния научно-инновационного сектора, можно выделить следующие: доля затрат на НИОКР в ВВП, доля научных сотрудников и ИТР в общей численности занятых в отраслях народного хозяйства, количество обращений за получением патентов в расчете на 1 млн человек. Уровень информатизации оценивается по трем основным индексам: количество персональных компьютеров (ПК) на 10 тыс. жителей, число пользователей Интернета и количество мобильных телефонов на 1 тыс. жителей. Отметим также основанные на экспертных оценках показатели – обновление, распространение и усвоение знаний. Таким образом, во «второй индустриализации» предполагалась трансформация страны в направлении инновационного пути развития, которая имела две особенности.

Во-первых, по своим базовым параметрам «вторая индустриализация» является моделью догоняющего развития, когда целевым ориентиром экономического роста выступает достижение в исторически сжатые сроки определенного уровня технологического развития, абсолютного и среднедушевого ВВП, структуры потребления, уже достигнутых более развитыми странами. Вместе с тем сохранение Китаем своей идентичности выгодно отличает его от многих других стран, вставших на путь рыночной трансформации.

Во-вторых, КНР проводит промышленную и аграрную индустриализацию одновременно, делая ставку на опережающее развитие информационных технологий (и эта особенность составляет «китайскую специфику»). Поэтому возрастает риск появления дополнительных противоречий и диспропорций, связанных с увеличивающимся разрывом в уровне информатизации различных регионов.

Начав практическое осуществление «второй индустриализации», КНР к 2006 г. в основном достигла параметров, намечавшихся на первое десятилетие XXI в. Экономический рост оказался даже менее энергоемким, чем ожидалось. Особо следует выделить успехи страны в развитии информационного комплекса, в том числе в создании объектов инфраструктуры и формирования современной системы телекоммуникаций. Весьма значительными оказались успехи Китая в открытии своей экономики внешнему миру и углублении взаимодействия с мировым хозяйством.

11 декабря 2001 г. КНР вступила в ВТО. С 2005 г., по данным этой организации, страна стала третьей торговой державой мира и ведущим (с 2002 г.) реципиентом иностранных инвестиций. На территории материкового Китая зарегистрировано более 500 тыс. предприятий с участием иностранного капитала. Сделав ставку на экспорт готовых изделий, позволяющих эффективно использовать главное сравнительное преимущество – дешевую и квалифицированную рабочую силу, КНР занимает новые ниши на мировых рынках информационных продуктов.

В концептуальной рамочной программе «Программы – 2010» предусматривается осуществление двух стратегических переходов: от плановой экономики к «социалистической рыночной» и от экстенсивного способа роста к интенсивному. Реализация последнего стратегического проекта предполагает глубокую научно-техническую реконструкцию машиностроения, развитие наукоемких производств, информатизацию большинства традиционных отраслей народного хозяйства на базе зарубежных научных исследований и собственных НИОКР. Другими словами, определяется переход страны на инновационный путь развития, этапы которого отражены в «стратегии трех шагов» (таблица 1) [3, с. 251].

Таблица 1

Стратегия «трех шагов» в развитии науки и техники в КНР

Показатели	1-й шаг – 2000 г.	2-й шаг – 2000–2010 гг.	3-й шаг – 2010–2050 гг.
Уровень экономического развития	Рост ВВП на душу населения в 4 раза против 1980 г.	Рост ВВП на душу населения в 2 раза против 2000 г.	Рост ВВП на душу населения в 2 раза против 2010 г.
Доля вклада предприятий в НИОКР	30 %	50 %	60–80 %
Доля добавленной стоимости сферы информатики в ВП промышленности	35–50 %	50 %	Нет прогноза

На основе «первого шага» (к 2000 г.) отдельные виды китайской продукции (до 35 %) по уровню конкурентоспособности вышли на общемировой уровень. «Второй шаг» (2001–2010 гг.) должен приблизить индустрию высоких технологий к мировому уровню. «Третий шаг» (2011–2050 гг.) – «встать в один ряд» с мировыми научно-техническими державами [3; 8, с. 72].

Управление национальной инновационной системой Китая (государственной инновационной системой – ГИС КНР) многоуровневое. Государственный уровень включает следующие институты:

- ЦК КПК – отвечает за выработку стратегических направлений развития науки и технологий и кадровую политику.

- Госсовет КНР в лице Министерства науки и технологий, Госкомиссии по науке, технологиям и ВПК, а также АН КНР (общественные науки выделены в АОН) осуществляют практическое управление наукой и НИОКР.

- Академия инженерных наук Китая (экспертное сообщество) проводит научно-техническую экспертизу.

- Научно-техническое общество Китая объединяет более 160 научно-технических организаций и пропагандирует научные знания.

На корпоративном уровне функционируют:

- крупные государственные корпорации, переведенные на акционерную форму собственности (в том числе выпускающие продукцию двойного назначения);

- китайские компании всех форм собственности (в том числе китайские ТНК, такие как «Чайна петролеум», вторая в мире по капитализации на 1 января 2010 г.);

- малые технологические предприятия (малый и средний бизнес);

- вузовская наука.

При всех различиях в формах бюджетного финансирования вузовской науки можно выделить две наиболее распространенные: «реагирование» и «пакетные» гранты. В первом случае субсидируются индивидуальные соискатели или небольшие университетские коллективы. Считается, что такая форма финансирования обеспечивает лучшую интеграцию интересов заказчиков и исполнителей НИОКР, позволяет не только материально стимулировать исследователей, но и рационально распределить риск между участниками финансирования инновационного проекта. Этот способ поддержки университетских научных исследований и разработок практикуется в США. «Пакетные» гранты получает подразделение в целом. При этом решающее слово в распределении средств принадлежит вузовскому руководству. Данная модель, по мнению китайских специалистов, более отвечает иерархической организации университетских исследований, и поэтому наиболее распространенным способом финансирования вузовской науки в Китае являются пакетные гранты. Что касается бюджетного финансирования исследований и разработок, то, в соответствии с нормативами «Программы – 2010», происходит их поэтапный рост (в среднем на 10–15 % в год).

В КНР, как и в развитых странах, основная часть ассигнований на НИОКР поступает из частного сектора. Доля бюджетных вливаний в процентном отношении там уменьшается, а инвестиции от предприятий, банков, а также от иностранных ТНК («General Electric», «Microsoft», «Siemens», АВВ), которые открыли в Китае свои исследовательские центры, постоянно растут. По хозяйственным итогам 2005 г., всего четверть ассигнований на исследования и разработки приходилась на бюджет, две трети – на китайский бизнес и приблизительно 10 % – на иностранные инвестиции. Последний показатель даже выше, чем в ЕС, где доля внешних источников финансирования НИОКР составляет около 5 %. Намечено поэтапное повышение доли бюджетных затрат на НИОКР: до 2,5 % в 2015 г. и до 2,8 % в 2020 г. [4, с. 103–114]. В отличие от советской структуры с ее преимущественным финансированием отраслевой науки, КНР и здесь идет в русле мировых тенденций. Сопоставительный анализ объемов освоения средств различными субъектами научных исследований показывает, что главными потребителями инвестиций являются крупные госкорпорации (около 70 %); на втором месте отраслевые НИИ и КБ (почти 20 %); на вузовский сектор приходится 10 % общего финансирования НИОКР [5, с. 129].

Сильной и поучительной стороной модернизации в Китае является детальная проработка отдельных ее аспектов, определяющих приоритеты в фундаментальных исследованиях, основное поле технологического обновления, динамику внедрения высоких технологий. Необходимо при этом подчеркнуть, что речь идет не о целевых проектах инновационного характера, а о функциональных программах, определяющих тематическое направление научно-технологической политики в современных условиях, где определены направления и цели инновационного развития, а также механизмы их реализации. Среди таких программ можно выделить:

- 1) программу приоритетных фундаментальных исследований (исследования и разработки);
- 2) программу НИОКР в области ключевых технологий (внедрение);
- 3) программу освоения и оценки новой продукции.

Так, программой развития ключевых технологий предусматривалось производственное освоение наукоемких технологий, в том числе путем создания сети «фирм-инкубаторов», в задачу которых вменялось культивирование («выращивание») малого научно-технического бизнеса. В рамках программы организованы научно-технологические индустриальные парки (НТИП), которые накопили большой опыт структурных реформ и поиска новых источников экономического роста. Систему инкубации технологических инноваций представляют центры новых и высоких технологий (инновационные центры). Концентрируя вокруг себя инновационные центры различного типа, НТИП Китая формируют соответствующую инфраструктуру и институты, обеспечивают стартовые условия небольшим новаторским коллективам в проведении исследований

и разработок, предоставляют им информацию и финансовую поддержку. Таким образом, формируется инкубационная инфраструктура для воспроизводства технологических инноваций. Инновационные центры стали основой для ком-

мерциализации в сфере высоких технологий и основным компонентом государственной системы поддержки малого научно-технического бизнеса. Всего за эти годы, как отмечают исследователи, с их помощью было создано более 20 тыс. малых технологических предприятий (из которых около 3 тыс. организовано специалистами, получившими образование за рубежом или имеющими опыт работы в структурах ТНК, связанных с информатикой) [1]. Многие из этих предприятий выросли до размеров средних фирм и даже крупных корпораций, способных обеспечивать выпуск продукции гражданского назначения на сотни миллионов юаней в год.

Наукоемкие отрасли образуют в настоящее время лидирующую группу в экономиках развитых стран, являясь локомотивом экономического роста и позитивной динамики прочих социально-экономических показателей. Поскольку развитие высокотехнологичных производств (в первую очередь, связанных с информационным комплексом) напрямую зависит от объемов продаж, между мировыми производителями информационных продуктов идет острая конкурентная борьба за рынки сбыта. Острота конкуренции на рынке высоких технологий и глобальный характер этой борьбы делает скорость превращения технологического образца в товар важнейшим фактором жизнеспособности высокотехнологичных производств. Китай в этом аспекте глобальной экономики занимает лидирующие позиции.

Как видим, программа развития ключевых технологий в полной мере отражает тот поворот в научно-технической политике, который имел место в развитых рыночных экономиках: акцент на потребителя технологий, на их внедрение и на связь с экономическим ростом. По данным экспертов ОЭСР, Китай стал крупнейшим в мире экспортером продукции цифровых технологий, еще в 2003 г. превзойдя Японию и ЕС по объемам экспорта, а в 2004 г. отнял лидерство у США.

Показательно, что китайские власти не афишировали свои планы стать крупнейшим в мире экспортером продукции технотронного уровня. И когда этот факт свершился, для многих специалистов на Западе он стал полной неожиданностью. По данным МВФ, доля КНР в мировом экспорте приблизилась к величине 6 % [6, с. 193]. Это более чем втрое превышает аналогичный показатель северного соседа – Российскую Федерацию (и это при том, что основной статьей российского экспорта остаются сырьевые ресурсы). В КНР не устают повторять, что отечественные товаропроизводители должны руководствоваться принципом «импортом вскармливать экспорт» при осуществлении общей стратегической линии «импорт – ассимиляция – инновация».

Для современных экономик благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура предполагает дополнительные инвестиции в технологическую модернизацию. Планово-регулируемая экономика Китая не является здесь исключением: экспортный доход целенаправленно расходуется на приобретение передовых технологий. Именно ставка на развитие физической экономики в значительной мере позволила КНР догнать передовые страны мира и повысить устойчивость своей экономики перед лицом кризисов, потрясающих мировое хозяйство, в том числе и мирового финансового кризиса 2007 г.

Программой освоения и оценки новой продукции решается двоякая задача. Во-первых, предприятия наукоемких отраслей готовятся к «смене вех» в сторону выпуска продукции гражданского назначения, что соответствует мировым тенденциям и характеру структурных сдвигов в расходах на НИОКР. Так, по данным европейской статистики, доля оборонных НИОКР по ЕС с 1990 г. уменьшилась за десять лет более чем на 5 % и составила в начале XXI в. 14,5 % [7, с. 196]. Во-вторых, силами экспертного сообщества проводится необходимый объем прогностических работ и мониторинг уровня конкурентоспособности наукоемких производств с целью обнаружить (на возможно более ранних стадиях) перспективные «точки роста», имея в виду порвать в перспективе с имиджем мирового реципиента технологических инноваций.

Таким образом, возникает вопрос: в какие же социально-экономические координаты следует «поместить» реформы в КНР, в том числе инновационную политику? Безусловно, речь не идет о рыночных отношениях, где государство и общество выступают как равноправные партнеры. В рыночных экономиках диалектика развития наукоемких отраслей оставляет за государством функцию организации производства знаний. В настоящее время в странах ОЭСР на основе концепции «тройной спирали» – взаимодействия государства, науки и бизнеса – формируются транснациональные инновационные сети, значение которых состоит в получении эффекта синергии при росте масштабов этих сетей [5, с. 130]. Составляющие экономической системы КНР иные:

- гармоничное сочетание централизованного планового начала и рыночных методов хозяйствования (особенно в малом бизнесе);
- поддержка всех форм собственности при выделении госсобственности как основного уклада экономики;
- политическая гегемония одной партии;
- приоритетное развитие производительных сил высокотехнологического типа;
- повышение покупательной способности населения.

Таким образом, модель инновационного развития КНР исторически выстраивалась и до сих пор функционирует по преимуществу вне рыночных отношений.

Литература

1. Петухов, И. Тенденции и перспективы развития новых и высоких технологий / И. Петухов // Экономика Китая вступает в XXI век. – М., 2004.
2. Кузык, Б. Н. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. – М., 2011.
3. Экономика Китая вступает в XXI век / под ред. М. Л. Титаренко. – М., 2004.
4. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В. Михеева. – М., 2006.
5. Клавдиенко, В. Стимулирование инновационной активности: мировые тенденции и Россия / В. Клавдиенко // Общество и экономика. – 2006. – № 7–8. – С. 129–131.
6. World Economic Outlook. April 2005 // International Monetary Fund. – Wash. – 2005.

7. Обзор экономического положения Европы / ЕЭК ООН. – Нью-Йорк; Женева, 2002. – № 1.
8. Чэнь, Цян. Государство в инновационной экономики Китая / Чень Цян; под науч. ред. Б. В. Сорвинова. – Брянск, 2012.

А. В. ШАМШУР

младший научный сотрудник ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» (г. Минск, Республика Беларусь)

РОЛЬ КИТАЯ В ИЗМЕНЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ИННОВАЦИОННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Географическая структура мировых инновационных центров характеризуется разобщенностью и продолжающимися региональными сдвигами на пути своего формирования. Отличительными чертами современного мира являются начавшийся в конце прошлого века переход развитых стран от индустриальной к постиндустриальной экономике, называемой сегодня инновационной. Учитывая экономические условия, конкурентоспособной может быть только экономика инновационного типа, обеспечивающая прирост ВВП за счет расширения масштабов инновационной деятельности. Вектор инноваций в начале XXI в. продолжает смещаться в азиатском направлении. Существенное влияние на эти процессы оказывает непрерывно растущая экономика Китая. Сегодня Китай находится на первом месте в мире по привлечению иностранных инвестиций в высокотехнологичные сектора экономики. На конец 2010 г. в Китае насчитывалось около 700 тыс. иностранных предприятий, использующих около 1000 млрд долл. США иностранного капитала, на промышленное производство предприятий с иностранными инвестициями приходилось около 35 % всего национального объема производства. Экспортная продукция КНР обладает высоким уровнем конкурентоспособности на мировых рынках. В 2011 г. по объемам экспорта Китай был первый в мире. ВВП Китая в 2010 г. составил 5,88 трлн долл. США, в чем КНР обогнала Японию (5,44 трлн долл. США) и стала второй в мире по объему экономики после США [1].

Основными статистическими показателями, характеризующими развитие инновационной деятельности в стране являются: затраты на технологические, организационные и маркетинговые инновации, источники финансирования инноваций, объем отгруженной инновационной продукции, его удельный вес в общем объеме отгруженной продукции и др. Немаловажным показателем, характеризующим инновационную активность в стране, является число выданных патентов за год. Следует отметить, что требования у каждой страны к патентуемым изобретениям весьма различны, что дает возможность привлекать в национальные патентные ведомства иностранные предприятия на основе льгот и преференций. Это несколько искажает реальную структуру и инновационную картину мира, однако рассмотрение географии патентования представляет интерес как индикатор стимулирования научных исследований и разработок и создания в стране инновационно благоприятного климата.

В 2000 г. на долю первой тройки стран-лидеров по числу запатентованных изобретений приходилось 70 % всех выданных патентов на изобретения в мире. Выглядела она так: лидирующую позицию занимали США с их долей 34,4 %, доля Японии составляла 24,5 %, а третье место принадлежало Республике Корея – 7,6 %. В 2008 г. на долю трех стран-лидеров – Японии (27 %), США (24,1 %) и Китая (14,3 %) – приходилось 65,4 % выданных патентов в мире.

За период с 2000 г. страны северо-восточной Азии значительно увеличили свою долю в мировом патентовании и уже в 2008 г. мировым лидером в области инноваций стала Япония, увеличив количество выданных патентов в 1,4 раза (176 950 патентов) и опередив остававшихся долгое время бесспорным лидером в области внедрения инновационного продукта на мировой рынок США (число выданных патентов в 2008 г. 157 772). Число выданных патентов за рассматриваемый период увеличилось в США всего в 0,9 раза. Китай увеличил число выданных патентов в 7,2 раза – до 93 706, что составило 14,3 % от числа выданных патентов в мире. Постоянно совершенствующаяся законодательная база в области интеллектуальной собственности позволила иностранным предприятиям, имеющим свой бизнес в КНР, получать патенты на собственные изобретения в данной стране. В Республике Корея аналогичный показатель вырос в 2,7 раза – до 83 523, и составил 12,7 % от числа выданных патентов в мире. В 2008 г. пятерку лидеров стран-инноваторов по количеству выданных патентов замыкала Россия (4,4 % мировых патентов), увеличив количество патентов с 2000 г. в 1,6 раза – до 28 808 [2].

После начавшегося в 2008 г. резкого спада в мировой экономике отмечается снижение темпов роста подачи заявок на патенты по сравнению с показателями предыдущих лет. Долю в мировом патентовании в 2008 г. снизили Канада, Германия, Франция и Великобритания. Общемировой показатель темпов роста патентования в 2008 г. не достиг нулевой отметки благодаря существенному росту числа заявок, поданных в Китае, Японии и Республике Корея (рис. 1).

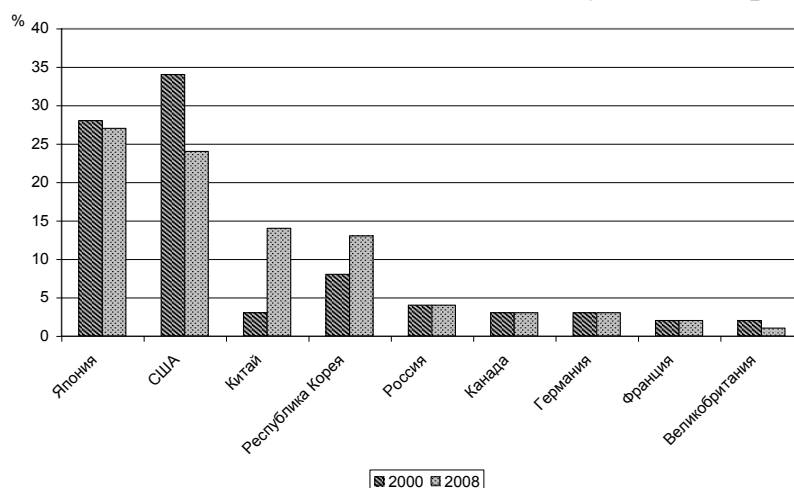

Рис. 1. Десятка стран-лидеров по доле выданных патентов в 2008 г., %

Примечание: составлено автором по [2].

Высокий уровень активности в патентовании в северо-восточной Азии, невзирая на сложную ситуацию в мировой экономике, обусловлен тем, что китай-

ские инвесторы продолжают расширять сферу использования данной формы интеллектуальной собственности. Во-первых, правительство Китая предоставляет ряд налоговых льгот на продукцию инновационного сектора экономики. Во-вторых, патентование в Китае значительно упрощено. По законодательству Китая срок действия патента отсчитывается с момента подачи заявки в патентное ведомство. Для изобретения срок действия исключительного права составляет 20 лет. Для промышленного образца и полезной модели – 10 лет. Согласно Патентному закону КНР, патентная экспертиза является отсроченной. Это означает, что в течение трех лет после подачи заявки на регистрацию патента заявителем должно быть направлено ходатайство о проведении патентной экспертизы. Если экспертиза докажет, что заявка не удовлетворяет условиям закона, заявителю направляется письмо с требованием внести в нее изменения или отказаться от нее. Это не только увеличивает количество выдаваемых патентов предприятиям КНР, но и привлекает иностранные предприятия для регистрации изобретений (50 % от всех выданных патентов) из таких стран как США, Япония, Франция, Великобритания и др. [3].

Территориальные сдвиги в мировом патентовании стали следствием и некоторых структурных сдвигов. Согласно данным по фирмам, официально зарегистрированным на бирже, расходы на НИОКР за период 2007–2008 гг. были сокращены в бюджете большинства автостроительных компаний (в частности, на 24,5 % в «Дженерал Моторс» и 19,8 % в «Тойота»), строительных компаний и компаний по производству потребительских товаров (в частности, на 17,8 % в «Катерпиллар» и на 3,9 % в «Юнилевер»). Аналогичная тенденция наблюдалась среди большинства фирм в сфере ИТ, за редким исключением в виде отдельных китайских (ZTE – увеличение на 45 % и «Хуавэй» – увеличение на 27 %) и американских компаний («Эппл» – увеличение на 20 % и «Майкрософт» – увеличение расходов на 10 %). Увеличились расходы на НИОКР и в фармацевтической отрасли, активно развивающейся в США и Китае. Значительно вырос спрос на патенты в области производства альтернативных видов энергии, особенно в Японии и США [4].

Так, в период с 1996 г. по 2010 г. в Китае патентные заявки подавались главным образом в области фармацевтики (7,81 %), цифровой связи (7,33 %), компьютерных технологий (6,06 %), электрических машин и аппаратов (5,57 %), измерительных приборов (4,65 %). В качестве сравнения по данному показателю среди остальных стран из первой пятерки по доле выданных патентов в 2008 г. (Япония, США, Республика Корея и Российская Федерация) можно отметить общую тенденцию (за исключением России) в подаче заявок, а, следовательно, и приоритетным направлениям в исследованиях, по таким направлениям, как компьютерные технологии и электрические машины, аппараты и исследования в области энергетики. В Российской Федерации лидирующие позиции занимают патентные заявки в области пищевой химии, медицинских технологий и градостроительства [5].

Таким образом, за первое десятилетие XXI в. Китайская Народная Республика сыграла важную роль в изменении географической структуры инновационной картины мира. Привлекая в свою страну иностранные инвестиции в вы-

сокотехнологичные сектора экономики, упрощая процедуру патентования как для китайских, так и для иностранных заявителей, а также предоставляя налоговые льготы на продукцию инновационных отраслей экономики, Китай повышает уровень национальных отраслей экономики, делая успешные шаги на пути инновационного развития.

Литература

1. Материалы семинара для развивающихся стран по управлению и инновациям во внутриконтинентальных зонах экономического развития. Организатор семинара Цзянсийский институт иностранных языков и внешней торговли, г. Наньчан, КНР, 23 мая – 12 июня 2012 г.
2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. – Минск, 2011. – 147 с.
3. Патентный закон КНР // Китайский информационный интернет-центр [Электронный ресурс]. – Китайский информационный интернет-центр. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/links/txt/2007-12/06/content_9353140.htm. – Дата доступа: 08.11.2012.
4. Свидетельства оздоровления ситуации, вызванной последствиями экономического кризиса в области инноваций и заявок на регистрацию объектов ИС // Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – WIPO. – Режим доступа: http://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2010/article_0029.html – Дата доступа: 07.05.2012.
5. Statistical Country Profiles // Всемирная организация интеллектуальной собственности [Electronic resource]. – WIPO. – Mode of access: http://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/country_profile. – Date of access: 08.11.2012.

Н. В. ЮРОВА

доцент кафедры международных экономических отношений Белорусского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В КИТАЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Процессы глобализации отражаются на социально-экономическом развитии стран и активизируют их участие в международном разделении труда. Как показывает эволюция развития международных экономических отношений, основные формы международного разделения труда наиболее эффективно реализуются в рамках международных и региональных интеграционных объединений. Таким образом, основная цель участия в интеграционных процессах – получение дополнительного социально-экономического эффекта от взаимовыгодного сотрудничества стран. Социально-экономический эффект заключается в беспрепятственном доступе товаров, работ, услуг на рынки стран-партнеров по интеграции, в получении возможности использования новых технологий, научных достижений в различных сферах жизнедеятельности, информационных ре-

сурсов; в дополнительных источниках сырьевых ресурсов капитала и рабочей силы и т. д. Поскольку страны существенно отличаются по уровню развития рыночных отношений, отраслей и секторов национальных экономик, рыночной инфраструктуры, существуют объективные сдерживающие факторы интеграции. Несмотря на обширный потенциал взаимодействия, практика реализации интеграционных интересов стран свидетельствует о том, что наиболее привлекательными сферами международного сотрудничества все еще остаются рынки товаров и капиталов.

В условиях современного социально-экономического взаимодействия стран одним из важнейших факторов развития интеграционных объединений выступает уровень и качество жизни населения стран-участниц. С одной стороны, показатели уровня и качества жизни населения дают представление об условиях развития человеческого потенциала, который в процессе реализации и развития может способствовать экономическому развитию страны, с другой – определяют динамику спроса, уровень и структуру потребления населения, что особенно важно для стран-партнеров по интеграции.

Для Китая важной стратегической задачей является интеграция в мировое сообщество через реализацию национальных экономических интересов. В последние годы Китай активизировал участие в интеграционных процессах на мировой арене, при этом следует учитывать тот факт, что Китай обладает несомненной экономической мощью, и его стратегические интересы как уже одного из мировых экономических лидеров не могут оптимально быть реализованы только в рамках региональной интеграции. Среди основных форм участия в экономической интеграции Китая выделяют: интернациональные районы (трансграничная интеграция), интеграционные объединения, членство в ВТО. Трансграничная интеграция основывается на территориальной близости и общности экономических, экологических, социально-культурных интересов приграничных районов. Примером такой интеграции следует считать создание Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай», в который вошли органы государственной власти Алтайского края (Российская Федерация), Баян-Ульгийского аймака (Монголия), Восточно-Казахстанской области (Республика Казахстан), Республики Алтай (Российская Федерация), Синьцзянь-Уйгурского автономного района (Китайская Народная Республика), Ховдского аймака (Монголия). Совет не имеет статуса юридического лица, однако под его эгидой реализуются различного рода проекты по хозяйственному освоению данного региона [1].

Среди международных интеграционных объединений, в которых активно участвует КНР, необходимо отметить Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и программу ЦАРЭС (Центрально-Азиатское Региональное Сотрудничество).

С момента создания АТЭС были определены ключевые принципы: неполитический характер форума, его консультативный статус и равноправие всех участников; сформулированы задачи: создание свободной и открытой торговой системы в регионе, содействие дальнейшему экономическому росту; была выдвинута главная долгосрочная цель организации и определены сроки ее осу-

ществления: для развитых стран установление свободного и открытого торгово-инвестиционного режима к 2010 г., для развивающихся – к 2020 г. Однако в АТЭС существует ряд объективных проблем, сдерживающих развитие и провоцирующих критику деятельности организации. Несмотря на это организация существует, страны в ее рамках могут представлять свои национальные экономические интересы и принимать взаимовыгодные интеграционные решения в области либерализации торговли и инвестиций, международной мобильности трудовых ресурсов и т. д.

Инициатором создания ШОС в свое время выступил Китай. Интеграционными стимулами развития стали укрепление взаимодоверия, добрососедства и дружбы между странами-членами; развитие плодотворного сотрудничества в политической, экономической, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной областях и в сфере охраны окружающей среды; защита и обеспечение мира, безопасности и стабильности в регионе; содействие установлению нового демократического, справедливого, рационального международного политического и экономического порядка [2]. ШОС для Китая сформировала институциональную основу взаимодействия с Россией, Казахстаном и другими странами при разработке и реализации региональных программ экономического сотрудничества.

Программа ЦАРЭС служит еще одним примером реализации интеграционных интересов стран участниц, причем активная реализация проектов свидетельствует уже о международном, а не о региональном статусе программы. Миссия Программы Центрально-азиатского регионального сотрудничества (ЦАРЭС) заключается в развитии через сотрудничество. Путем продвижения и содействия региональному сотрудничеству в области транспорта, торговли, энергетики и других ключевых областях, представляющих общий интерес. Программа ЦАРЭС предполагает снижение уровня бедности в странах-участниках, модернизацию инфраструктуры в зоне ЦАРЭС, создание оптимальных правил и процедур, регулирующих международные торговые отношения стран [3]. Активное участие Китая в программе ЦАРЭС позволяет увеличить собственное влияние в азиатском регионе.

Всемирная торговая организация стала новым этапом интеграции Китая в мировое сообщество. Независимые эксперты отмечают, что объем мировой торговли в результате вступления Китая в ВТО ежегодно увеличивается на 0,25 % дополнительно, а прирост производства в крупных странах-партнерах по торговле Китая – Японии, Сингапуре, Малайзии – от 2,2 % до 5,5 %. По данным агентства Синьхуа [4], с 2001 г. по 2011 г. за десять лет общий объем ВВП Китая увеличился в два раза, рост ВВП за год в среднем составляет 10,5 %. Как результат, Китай стал вторым в мире экономическим субъектом, так как в 2010 г. – по совокупному объему национальной экономики вышел на вторую строчку в мировом рейтинге, опередив Японию и уступив лишь Соединенным Штатам. А доля объема ВВП в мировом показателе увеличилась с 4,4 % в 2002 г. до 10 % в 2011 г.

Вступление Китая в ВТО стало существенным стимулом развивать интеграционные связи не только в традиционных направлениях (АТЭС, ШОС,

ЦАРЭС), но и с такими интеграционными группировками и странами, как Европейский союз, АСЕАН, страны Латинской Америки, Африки, СНГ.

Безусловно, китайская экономика на современном этапе демонстрирует стремительный рост. Членство в ВТО, интеграционные процессы позволяют реализовать основные экономические интересы Китая, однако следует не забывать тот факт, что исходной и конечной целью экономического развития выступает человек, уровень и качество его жизни. Достижение страной экономического роста не является самоцелью. Экономический рост страны должен способствовать расширению возможностей человека, создавать условия для реализации его потенциала, положительно влиять на уровень и качество жизни. Эти вопросы получили новое значение в контексте заявления лидера компартии Китая Ху Цзиньтао «с неизменной твердостью продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднестатистического общества». Выступая на XVIII Всекитайском съезде КПК, он указал, что «усиление социального строительства – важная гарантия гармонии и стабильности общества, в связи с этим необходимо поставить в центр внимания обеспечение и улучшение народной жизни и ускорять продвижение реформы социальной системы» [5].

Уровень жизни следует определять как социально-экономическую категорию, отражающую уровень доступности населению комплекса благ (материальных и нематериальных), удовлетворяющих потребности человека. Комплекс благ может включать: материальные ценности, доступ к услугам (здравоохранения, образования, культуры, спорта, туризма и т. д.), интеллектуальные ценности и духовные традиции. Уровни жизни различаются в зависимости от возможности реализации личных потребностей человека посредством использования доступных благ. Традиционно выделяют такие уровни жизни человека, как достаток (удовлетворение потребностей высшего порядка и всестороннее развитие человека), нормальный уровень (жизнедеятельность человека посредством рационального потребления и возможность расширенного воспроизводства интеллектуальных и физических способностей), бедность (воспроизводство человеческого потенциала для сохранения работоспособности и удовлетворения базовых потребностей) и нищета (минимально допустимый уровень потребления, обеспечивающий жизнеспособность человека).

Оценка уровня жизни может включать следующие факторы: личный доход, уровень занятости, доступность жилья, количество оплаченных дней отпуска в году, доступность здравоохранения, образования, продолжительность жизни, динамика инфляции, условия окружающей среды и т. д. Качество жизни как индикатор имеет субъективный характер и его трудно представить числовыми показателями. Факторы качества жизни впервые были отражены во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г.: равная защита со стороны закона, свобода мысли, свобода вероисповедания, свобода передвижения и выбор местожительства, право на отдых, право на образование, право на человеческое достоинство и др. В настоящее время качество жизни человека можно представить как интегральную социально-экономическую категорию, отражающую объективные и субъективные условия воспроизводства человеческого

потенциала с учетом качества и доступности материальных и духовных благ, степени свободы человека и возможности его всестороннего развития.

Для анализа результатов социально-экономического развития необходимо использовать основные показатели, характеризующие уровень и качество жизни населения в Китае. При этом важно использовать комплексный подход, учитывая показатели как международных организаций, так и государственных учреждений Китая, публикующих статистическую информацию.

В качестве определяющих ориентиров по уровню и качеству жизни зачастую используются рейтинги международных организаций и изданий. Ежегодно, основываясь на самостоятельно разработанной методологии оценки, публикуют международные отчеты и рейтинги: структурные подразделения ООН (ПРООН, ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), МВФ, а также Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международное общество по исследованию качества жизни (International Society for Quality-of-Life Studies), Научно-исследовательский центр социальных индикаторов (Social Indicators Research Centre), британский аналитический центр The Legatum Institute, издания International Living, The Economist и др. Поскольку не все рейтинги, перечисленных выше организаций и изданий публикуют информацию по уровню и качеству жизни в Китае, представим их выборочно.

Индекс развития человеческого потенциала Китая, по данным Доклада о человеческом развитии 2011 г. (ПРООН), составил 0,687, что соответствует группе стран со средним уровнем человеческого развития. Данный индекс включает показатели по продолжительности жизни, уровню образования и реальным доходам на душу населения. За последние тридцать лет наблюдалась положительная динамика развития человеческого развития в Китае по данному показателю (рис. 1). Китай в мировом рейтинге по ИРЧП занимает 101 место (для сравнения: Республика Беларусь – 65) [6, с. 128].

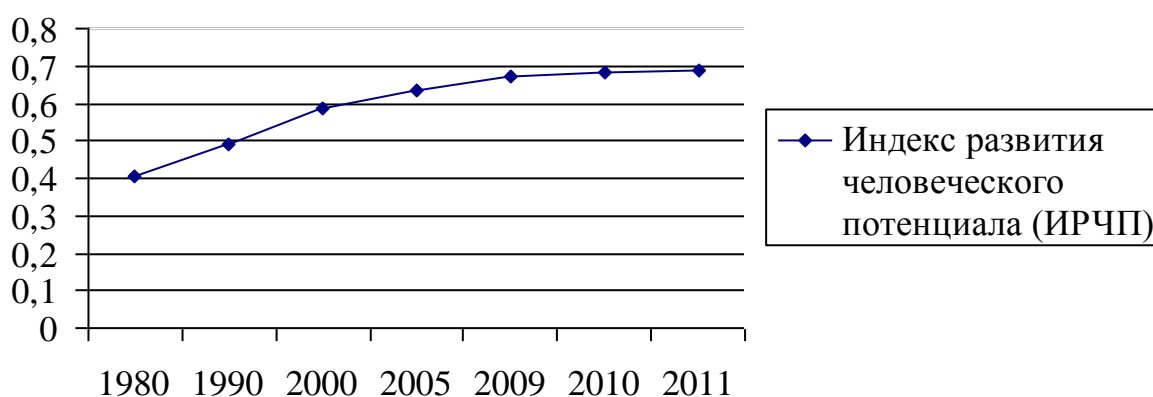

Рис. 1. Динамика Индекса развития человеческого потенциала Китая

По данным издания International Living, которое ежегодно публикует Мировой рейтинг по качеству жизни, Китай получил оценку 57, что также соответствует среднему уровню. Самый высокий результат у США (86), а самый низкий – у Сомали (28). Республика Беларусь получила оценку по данному рейтингу 51. Критерии оценки данного издания: 1) стоимость жизни, 2) культура,

3) экономика, 4) окружающая среда, 5) свобода, 6) здоровье, 7) инфраструктура, 8) безопасность и риск, 9) климат [7].

Индекс процветания Института Legatum (The Legatum Prosperity Index) представляет собой комбинированный показатель британского аналитического центра The Legatum Institute, который измеряет достижения стран мира с точки зрения их процветания. По данному показателю Китай в 2012 г. занял 52 место из 110 (в 2011 г. – 58 место). Для сравнения: Беларусь находится в данном рейтинге на 50 месте [8].

В целом, анализируя положение Китая по уровню и качеству жизни в международных рейтингах, следует заметить прочные позиции в среднем сегменте стран мирового сообщества. Это результат признания зарубежными странами результатов социально-экономической политики Китая и его устойчивой тенденции экономического роста.

Для полноты оценки уровня и качества жизни в Китае необходимо принимать во внимание не только международные рейтинги, но и национальные статистические данные. Так, по данным Госстата Китая, в 2002–2011 гг. в стране наблюдалось стремительное увеличение среднедушевого ВВП, среднегодовой рост составил 10,1 %, что из расчета по среднему уровню обменного курса юаня к доллару США соответствует 1135 долл. США в 2002 г. и 5432 долл. в 2011 г. В последнее десятилетие отмечены оживление, процветание и стабильное развитие рынка потребительских товаров. Объем розничной торговли потребительскими товарами увеличился, среднегодовой показатель равен 16,1 %. Благоприятной тенденцией следует отметить постепенное сокращение разницы в потреблении между городским и сельским населением. Разница в темпах его роста между городскими и сельскими районами страны сократилась с 7,7 % в 2002 г. до 1 % в 2011 г.

Важным показателем уровня и качества жизни выступает занятость. К концу 2011 г. общее число занятых в Китае достигло 764,2 млн человек, что на 31,4 млн человек больше, чем в 2002 г. С 2002 г. уровень зарегистрированной безработицы в городах и поселках городского типа неизменно держался на низком уровне (4–4,3 %).

В целях отражения уровня и качества жизни населения можно использовать коэффициент Энгеля, который представляет собой удельный вес расходов населения на продукты питания в потребительских расходах. В 2011 г. значение данного коэффициента городских семей составило 36,3 % (снизился по сравнению с 2002 г. на 1,4 %), а крестьянских семей – 40,4 % (снизился на 5,8 %). Еще одним важным показателем уровня и качества жизни общепризнан коэффициент (индекс) Джини, отражающий степень неравенства (от нуля до 1, стандартным считается индекс 0,2–0,3) или разрыв между бедным и богатым населением. В целом по Китаю (городское и сельское население) индекс Джини составляет 0,415, что является критическим показателем и характеризует большой разрыв между бедными и богатыми. В 2011 г. коэффициент Джини и в сельских районах Китая достиг 0,3949 и приблизился к общепринятому международному критически опасному уровню (0,4) [9]. Следует отметить, что,

несомненно, уровень доходов населения в Китае все еще значительно различается в зависимости от районов проживания, места работы и т. д.

Приведенные выше данные международных организаций и национальных статистических учреждений по уровню и качеству жизни населения свидетельствуют о том, что перед Китаем стоит ряд нерешенных социальных проблем. При этом есть уверенность, что грамотная социальная политика государства, основываясь на динамичном экономическом росте, способна привести к сокращению неравенства в доходах и повышению благосостояния населения.

Современный Китай – это страна с мощнейшим социально-экономическим потенциалом, который всегда будет интересен странам – партнерам в интеграционных перспективах. Интеграционные процессы, как показывает практика, позволяют придать положительный импульс социально-экономическому развитию, как регионам, так и стране в целом и являются взаимовыгодными для всех участников. Социальный компонент интеграции также очень важен, поэтому уровень и качество жизни в Китае выступают индикатором его интеграционной привлекательности. Приоритетной задачей руководства Китая должна стать увязка высокой динамики экономического развития с ростом благосостояния населения.

Таким образом, активное участие отдельных провинций Китая в региональной интеграции позволит ослабить нагрузку на централизованное управление страны в решении социально-экономических проблем, а реализация Китаем в целом интеграционных интересов в рамках отдельных объединений и организаций приведет к положительным сдвигам в уровне и качестве жизни населения, что совпадает с целью устойчивого развития Китая.

Литература

1. Положение о региональном объединении по приграничному сотрудничеству Международный координационный совет «Наш общий дом – Алтай» [Электронный ресурс] // Алтай трансграничный. Официальный сайт Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай». – Алтай трансграничный, 1996–2013. – Режим доступа: <http://www.altaiinter.info/council>.
2. Справка: Шанхайская организация сотрудничества [Электронный ресурс] // Официальный сайт саммита ШОС 2012. – МИД КНР, 2012. – Режим доступа: http://www.scosummit2012.org/russian/2011-06/13/c_13926481.htm.
3. Центральное-азиатское региональное экономическое сотрудничество: комплексный план действий [Электронный ресурс] // Central Asia Regional Economic Cooperation. – CAREC, 2009. – Режим доступа: <http://www.carecprogram.org/uploads/docs/CAREC-Comprehensive-Action-Plan-ru.pdf>.
4. Цифры и факты: успехи Китая в социально-экономическом развитии за период с 16-го до 18-го съезда КПК [Электронный ресурс] // Russian.news.cn. – Агентство Синьхуа. – Режим доступа: http://russian.news.cn/china/2012-10/07/c_131891574.htm.
5. 18-й Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс] // Russian.news.cn. – Агентство Синьхуа. – Режим доступа: http://russian.news.cn/dossiers/2012-11/08/c_131959351.htm.

6. Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех / пер. с англ.; ПРООН. – М., 2011. – 188 с.
7. 2011 Quality of Life Index [Electronic resource] // Retire Overseas. – International Living Publishing Ltd., 2013. – Режим доступа: <http://www1.internationalliving.com/qofl2011/#China>.
8. Country overview. China [Electronic resource] // The Legatum Institute 2012. – The Legatum Institute, 2012. – Режим доступа: <http://www.prosperity.com/CountryProfile.aspx?id=156>.
9. Растет разрыв в доходах между богатыми и бедными в сельских районах Китая [Электронный ресурс] // Партнеры. – partner.cn, 2006–2011.– Режим доступа: <http://www.partnery.cn>.

Т. А. ФЕДОРЦОВА

*доцент кафедры экономической географии зарубежных стран
географического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат географических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)*

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РОЛЬ КИТАЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Современное общество невозможно представить без использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Компьютеризация охватила практически все сферы человеческой деятельности в современном обществе и позволила расширить информационное пространство до глобальных размеров. В наше время информационные системы и сети передачи информации обеспечивают многие сферы деятельности стран: банковскую, финансовую, налоговую системы, статистику, управление транспортом, управление промышленными предприятиями и др. Электронная почта и Интернет стали частью современной жизни мирового сообщества. Под влиянием информатики уже давно идет формирование нового образа и стиля нашей жизни. Новые поколения воспринимают информационные системы как часть естественной среды обитания. Развитие ИКТ сегодня выступает своего рода индикатором конкурентоспособности страны в мировой экономике.

Развитие и динамика производства продукции ИКТ-сектора в странах и регионах мира идет разными темпами. По-прежнему сохраняется высокая концентрация промышленного производства (и особенно производства высокотехнологичной продукции) в небольшой группе стран-лидеров. Современный процесс развития ИКТ в мировой экономике определяется общими закономерностями развития мировой экономики, которая характеризуется следующими особенностями: потерял свои позиции бывшего лидера мировой индустрии регион Северная Америка; укрепил свои позиции европейский регион, в первую очередь за счет стран ЕС; очень заметно ослабил позиции регион стран СНГ (включая и Россию); появился новый региональный лидер – Азия; четко прослеживается азиатский вектор в мировом индустриальном развитии.

В настоящее время Китай является главным потребителем, производителем и экспортером многих видов высокотехнологичной продукции в мире. В сфере информационных технологий и производства высокотехнологичного оборудования Китай уже давно не исполнитель чужих заказов, а разработчик мировых технологических стандартов в области высоких технологий. Страна проявляет все большую активность в области разработки мировых технологических стандартов. Прогнозируется, что в будущем эти стандарты будут задавать тон мировой конкуренции в области высоких технологий. В настоящее время китайские компании все больше и больше определяют расстановку сил в международном высокотехнологичном производстве. В Китае используется собственный стандарт связи 3G (который также утвержден на международном уровне), а так как страна является крупнейшим рынком сотовой связи, китайские компании имеют все возможности для определения нового стандарта 4G.

Все это происходит в результате быстрого развития страны в целом и роста удельного веса Китая в мировой обрабатывающей промышленности (табл. 1). По объему промышленного производства в 2009 г. Китай превзошел Японию. Его доля в мировом промышленном производстве составила 15,7 %, уступая только США. С 2011 г. Китай является мировым лидером.

Таблица 1

Изменение удельного веса стран-лидеров в мировой обрабатывающей промышленности в 1985–2009 гг., % (составлена автором по [1])

№ п/п	Страна	Годы				
		1985	1995	2000	2005	2009
1	США	31,0	22,3	27,2	22,4	18,0
2	Китай (вкл. Гонконг)	4,6	4,6	7,0	10,2	15,7
3	Япония	15,3	21,9	18,3	13,5	15,0
4	Германия	8,4	9,3	6,9	7,9	6,2
5	Италия	4,1	4,0	3,6	4,1	3,9
6	Великобритания	4,0	3,9	4,0	3,7	3,6
7	Франция	3,8	4,2	3,4	3,5	3,2
8	Республика Корея	0,9	2,3	2,4	2,8	2,7
9	Россия	0,3	0,9	0,8	1,7	2,3
10	Бразилия	2,7	2,2	1,7	1,9	2,3

За годы существования Китая (с 1949 г.) в экономике страны произошли заметные изменения. Экономические преобразования, начавшиеся с 1978 г., способствуют ускорению социально-экономического развития. Это находит свое отражение в расширении экономических связей, росте ВВП, темпах развития внешней торговли, а также росте высокотехнологических производств. С начала XXI в. Китай лидирует в мировом экспорте продукции обрабатывающей промышленности (табл. 2).

Таблица 2

Страны-лидеры мировой обрабатывающей промышленности, 1995–2009 гг.
(составлена автором по [1])

Страна	Доля в мировом экспорте продукции обрабатывающей промышленности, %		Производство продукции обрабатывающей промышленности на душу населения, долл.	
	Годы			
	1995	2009	1995	2009
США	12,1	8,7	4327,0	5333,8
Япония	8,7	5,48	7743,0	7929,2
Китай	3,3	12,5	254,0	754,2
Германия	11,1	10,4	4311,0	5249,8
Республика Корея	2,9	3,75	2027,0	4561,7

Вместе с ростом экономического развития страны меняется ее роль в мировой экономике (табл. 3). Китай является второй по объему ВВП экономикой мира, его доля в мировом ВВП возросла до 14,2 % в 2011 г.

Таблица 3

Показатели развития крупнейших экономик мира, 2011 г. (составлена автором по [1])

Страны	ВВП по ППС, трил. долл.	Доля в мировом ВВП, %	ВВП на душу нас., долл.
США	15,08	19,0	48300
Китай	11,30	14,2	8400
Япония	4,444	5,6	34700
Индия	4,421	5,6	3700
ФРГ	3,114	3,9	38100
Великобритания	2,288	2,9	36500
Франция	2,214	2,8	35100
Россия	2,383	3,0	16700
Бразилия	2,294	2,9	11800
Италия	1,847	2,3	30500
МИР	79,39	100,0	11900

Стратегия экономического развития Китая привела к увеличению доли наукоемких и высокотехнологичных отраслей в структуре хозяйственного комплекса страны. Данные табл. 4 позволяют констатировать, что позиция Китая в мировом высокотехнологичном производстве очень сильно изменилась со второй половины XX в. Значительно уступая во второй половине и конце XX в. США, развитым странам Европы и Японии по производству высокотехнологичного оборудования, на рубеже XX–XXI вв. Китай стал увеличивать эти производства. В 2000 г. доля страны в мировом производстве высокотехнологичного оборудования составила 4,1 %, уступая только США, Японии и Германии. В 2005 г. Китай уступал только Японии и США, опередив европейские страны, а в 2010 г. – стал второй страной мира по производству высокотехнологичного оборудования после США.

**Доля лидеров в мировом высокотехнологичном производстве в 1985–2010 гг., %
(составлена автором по [2])**

№ п/п	Страна	Годы				
		1985	1995	2000	2005	2010
1	США	42,3	29,1	34,5	29,8	27,6
2	Китай	3,1	2,6	4,1	10,0	18,8
3	Япония	18,5	26,8	21,4	15,0	12,7
4	Германия	7,8	6,4	5,1	6,9	5,5
5	Республика Корея	0,9	3,5	3,8	4,8	3,9
6	Великобритания	4,4	4,5	4,6	4,4	3,0
7	Франция	3,8	4,3	3,6	3,6	2,7
8	Италия	3,1	2,6	2,2	2,6	2,1
9	Тайвань	0,7	1,7	2,7	2,5	3,7
10	Бразилия	2,0	1,8	1,5	1,4	2,0

По экспорту продукции высокотехнологических производств Китай является ведущей страной мира. На его долю приходится (включая внутреннюю торговлю между Китаем и Гонконгом) 23,7 % , без торговли с Гонконгом – 17 %. Это выше доли США – 11,7 %, Германии – 7,5 %, Японии – 5 % и даже стран ЕС вместе взятых, не включая внутривнутрирегиональную торговлю. Все это, безусловно, повышает роль Китая в мировой экономике, и в наше время без участия Китая не может решаться ни одна глобальная проблема.

Таким образом, государства, которые сумели поставить на службу национальной экономике преимущества глобализации мировых рынков высокотехнологичной продукции, широко внедряющие новейшие технологии и ИКТ в процесс управления социально-экономическим развитием, ныне добиваются наиболее впечатляющих результатов. Развитие китайской экономики и в дальнейшем сохранит тенденцию роста, а страна достигнет еще большего прогресса в экономической, политической, социальной, культурной, научно-технической и других областях.

Литература

1. The World Factbook [Electronic resource] // Central Intelligence Agency. – CIA. – Mode of access: www.cia.gov/Factbook.
2. Science and Engineering Indicators [Electronic resource] // National Science Board. – Science and Engineering Indicators, 2012. – Mode of access: <http://www.nsf.gov/statistics/seind12>.

**КИТАЙ ХХІ ВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ**

С. В. ВЕРГЕЙЧИК

*в 2007–2011 гг. – 1-й секретарь Посольства Республики Беларусь в КНР
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ЭВОЛЮЦИЯ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Отсчет новейшей истории белорусско-китайских отношений начинается с 20 января 1992 г. – даты подписания Соглашения об установлении дипотношений. В масштабах истории прошедшие 20 лет составляют весьма незначительный период. Однако за этот период благодаря усилиям руководителей и народов двух стран белорусско-китайские отношения смогли подняться до уровня стратегического партнерства и стали, по оценке руководства Китая, «образцом отношений между государствами» [1].

Установление стратегического партнерства было зафиксировано совместной декларацией, подписанной руководителями Беларуси и Китая в 2005 г. в ходе официального визита Главы белорусского государства в Пекин. В документе отмечается, что «отношения между двумя государствами вступили в качественно новый этап, этап всестороннего развития и стратегического сотрудничества». Развитие отношений с Китаем – приоритетное направление внешней политики Республики Беларусь.

У Беларуси и Китая схожее видение главных мировых проблем и путей их решения, соответственно и стратегические задачи у двух стран во многом общие. Страны успешно сотрудничают в международных организациях, оказывая взаимную поддержку по принципиальным вопросам. Республика Беларусь занимает неизменную позицию в отношении полного воссоединения Тайваня с КНР и осуждения любых спекуляций по вопросам Тибета и Синьцзяна, прав человека. Высокий уровень политического взаимодействия и доверия создали максимально благоприятные условия для всестороннего экономического сотрудничества. Красноречивое подтверждение этому – результаты взаимной торговли. Обратившись к статистике видно, что объем двусторонней торговли с США в 1992 г. в 2011 г. превысил 3 млрд долл. Таким образом, по объему товарооборота Китай занял 4-е место среди внешнеэкономических партнеров Беларуси вне СНГ. Особенно впечатляют темпы роста объемов торговли товарами и услугами в последний пятилетний период. В 2011 г. Китай стал вторым по объему импорта в нашу страну партнером и занял 7-е место по объему белорусского экспорта. К сожалению, в нашей двусторонней торговле по-прежнему сохраняется негативная для белорусской стороны тенденция роста отрицательного сальдо.

Надежной основой для динамичного развития двусторонних торговых связей служит высокий уровень белорусско-китайских политических отношений. Стороны регулярно обмениваются визитами на высшем и высоком уровнях, осуществляются активный межпарламентский диалог, динамично развиваются межведомственные белорусско-китайские контакты.

Как подчеркнул бывший министр иностранных дел Республики Беларусь С. Н. Мартынов, между Беларусью и Китаем сложилось очень доверительное сотрудничество и партнерство. Наши отношения характеризует, в первую очередь интенсивность, особенно в последнее время. Так, в марте 2010 г. Беларусь посетил с визитом заместитель Председателя КНР Си Цзиньпин. Осенью того же года Президент Беларуси побывал в Китае, где принял участие в работе Шанхайской выставки, а также встретился в Пекине с Председателем КНР Ху Цзиньтао. В сентябре 2011 г. в Минске принимали Председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго [2].

Видя в лице Беларуси надежного партнера, в ходе официальных встреч китайские руководители уверенно заявляют о поощрении и поддержке Китаем своих предприятий, которые инвестируют в экономику Беларуси и осуществляют торговое сотрудничество с нашей страной, и одновременно выражают приветствие выхода на китайский рынок все большего количества белорусских производителей высококонкурентных товаров.

С количественными изменениями в белорусско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве в начале нового столетия, особенно со второй половины первого десятилетия, одновременно четко обозначились качественные перемены. По сути, произошел динамичный переход от простой торговли товарами и услугами к реализации крупных инвестиционных проектов.

Всего пять лет назад речь шла о реализации на территории Беларуси с привлечением китайских кредитов одного проекта по модернизации Минской ТЭЦ-2 (кредит – 43 млн долл.). Сегодня, как отмечается в правительственном сообщении по итогам 13-го заседания белорусско-китайской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, состоявшемуся в Минске 30 октября 2012 г., в Беларуси реализуется более 20 крупных инвестпроектов с Китаем на сумму около 5,5 млрд долл. Завершен ряд совместных проектов, которые были начаты 3–5 лет назад. В частности, закончена модернизация минских ТЭЦ-2 и ТЭЦ-5, строительство двух цементных заводов в Гродненской и Могилевской областях. Ряд проектов вошел в активную стадию реализации: ведутся адаптация проектной документации, поставки оборудования, осваиваются финансовые ресурсы. На таком этапе находятся проекты по строительству двух блоков по 400 МВт на Березовской и Лукомльской ГРЭС, строительству Витебской ГЭС, цементного завода в Кричеве, электрификации двух участков Белорусской железной дороги, поставке грузовых электровозов [3].

Вице-премьер А. А. Тозик, еще работая в должности посла Республики Беларусь в КНР, отметил такую важнейшую черту совместных реализуемых и планируемых к реализации проектов, как их взаимовыгодный характер. Для Беларуси – это модернизация национальной экономики, что позволит существенно повысить конкурентоспособность выпускаемой нашими предприятиями продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Выгоды китайской стороны не менее значимы. Китай получает в центре Европы стратегически важную площадку для демонстрации и продвижения в Европу своих технологий, оборудования, производств. Кроме этого, предоставляя для этих проектов

кредитные ресурсы, Китай одновременно обеспечивает экспорт продукции своих компаний, развитие своих производств, обеспечивая работой и заработком тысячи своих граждан [4].

Приобретенный опыт сотрудничества позволяет сторонам реализовывать проекты с привлечением прямых инвестиций. В частности, в Беларуси прямые китайские инвестиции идут на строительство гостиничного комплекса «Пекин», жилого массива в микрорайоне Лебяжий, создание и развитие белорусско-китайских предприятий «Мидеа-Горизонт» и «Белджи». Белорусские инвестиции в совместные предприятия по сборке энергонасыщенных тракторов и комбайнов, созданные в Харбине в сотрудничестве с китайской корпорацией «Дунцзинь Групп», совместное с компанией «Или Юнчэн» крупное сборочное производство тракторов «Беларус» в индустриальном парке г. Урумчи «Гаосинь», совместное предприятие по сборке и техническому обслуживанию карьерных самосвалов БелАЗа с корпорацией «АВИК», являются примером успешной и взаимовыгодной кооперации белорусских и китайских машиностроителей. Создание совместных производственных предприятий, как показала практика, стало эффективной формой развития двусторонних торговых отношений Беларуси и Китая.

В последнее время вопросы развития белорусско-китайского стратегического сотрудничества находят все большее отражение в аналитических обзорах китайских экспертов. Ряд публикаций на эту тему появился в специализированных научных изданиях китайских «фабрик мыслей» – Китайской академии современных международных отношений (КАСМО), Китайского центра по исследованию современного мира при Международном отделе ЦК КПК, Китайского института международных проблем при МИД КНР, Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая (АОНК), Института социального развития Европы и Азии Исследовательского центра развития при Госсовете КНР. Содержащиеся в них оценки и заключения содействуют адекватному пониманию места двустороннего сотрудничества в современной структуре международных отношений, особенно в региональном контексте.

Среди последних публикаций обращает на себя внимание статья эксперта по вопросам стран СНГ, заместителя Центра исследований современного мира при МО ЦК КПК Ху Хао [5]. В ней он обращает внимание на три основных фактора, учет которых необходим в процессе развития белорусско-китайских связей.

Во-первых, внутригосударственный фактор, оказывающий наибольшее влияние на двустороннее сотрудничество. Непосредственное влияние на межгосударственные отношения, по мнению эксперта, оказывает фактор переизбрания глав государств. В отношении Беларуси подчеркивается, что, несмотря на достижение устойчивого политического курса в двустороннем сотрудничестве, иногда в процессе взаимодействия все же возникают некоторые помехи. На реализацию планов также оказывают отличия в образе национального мышления. Недопонимания сторон в области правового регулирования и недостаточные знания о ситуации в странах способны легко привести к появлению

противоречий в процессе перехода от простой торговли к инвестиционному сотрудничеству.

Во-вторых, внешний фактор, преимущественно российский. Автор приводит пример: в сентябре 2011 г., комментируя двустороннее соглашение о сотрудничестве с китайскими инвесторами в области приватизации белорусских предприятий, подписанное в ходе визита в Беларусь главы Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго, пресс-секретарь премьера РФ отметил, что такого соглашения даже нет с союзной Россией. «Беларусь станет торгово-экономическим и военно-стратегическим плацдармом КНР, если, конечно, в этот процесс не вмешается Россия, которая стремится не потерять эту важную для нее сферу влияния в Восточной Европе», – цитирует автор В. В. Карякина [6]. Таким образом, учитывая, что Китай является искренним партнером Беларуси, одновременно между КНР и Россией поддерживаются отношения всеобъемлющего стратегического партнерства, в процессе двустороннего сотрудничества, полагает Ху Хао, сторонам необходимо учитывать как взаимные интересы, так и интересы России.

Третий фактор – влияние Запада. Уже длительное время Запад обвиняет Беларусь в нарушении прав человека, несоответствии демократическим стандартам, неоднократно сдерживает торгово-экономическое сотрудничество с Беларусью и предоставление экономического содействия, отвергает контакты на министерском уровне и выше, по всякому поводу применяет санкции. Китай же, самостоятельно развивая контакты с Беларусью, в первую очередь учитывает интересы двух стран. Однако оказываемые Западом давление и санкции могут оказать неблагоприятное влияние на двустороннее сотрудничество.

Признавая наличие существенных подвижек и перспектив в сотрудничестве, эксперт отмечает, что в реализации отдельных двусторонних проектов успехи не так очевидны. И даже несмотря на поощрение китайской стороной выхода своих предприятий за рубеж и наличия у белорусской стороны потребности в выгодных внешних инвестициях. По мнению Ху Хао, причины заключаются в недостатке как опыта двустороннего сотрудничества, так и глубокого понимания государственного законодательного регулирования инвестиционной деятельности, денежно-финансовой системы, охраны окружающей среды, социально-политических условий, а также особенностей национальной психологии и трудовых традиций. С началом реализации проектов возникает множество непредвиденных трудностей, что в результате приводит к затягиванию сроков их завершения либо к серьезным экономическим потерям.

Для уменьшения «слепоты» в двустороннем инвестиционном сотрудничестве автор предлагает под эгидой правительств создавать консалтинговые или специализированные посреднические компании. Располагая хорошей репутацией, владея законодательством обеих сторон, они могли бы всесторонне содействовать сопровождению проектов (осуществлять набор персонала, участвовать в привлечении инвестиций и в проведении тендеров, консультировать в сфере охраны окружающей среды). Осуществляя анализ технико-экономических обоснований и политических рисков, выступая своеобразными «инкубаторами» и «ускорителями» проектов, эти структуры смогли бы защи-

тить инвесторов от непредвиденных рисков и убытков, обеспечить успешность проектов.

В целом же нынешний высокий уровень двусторонних связей, динамичные темпы развития экономики как Китая, так и Беларуси, взаимодополняемость экономик позволяют с большой долей уверенности прогнозировать, что ближайшие годы ознаменуются дальнейшим значительным ростом взаимной торговли. Интеграция региональных экономик уже стала одной из главных тенденций развития мировой экономики. Китай будет участвовать в процессах экономической кооперации и интернационализации на евразийском пространстве, и Беларуси необходимо использовать китайское присутствие в своих национальных интересах. Сотрудничество Беларуси с Китаем носит стратегический характер, и, как заявил в сентябре 2011 г. Глава государства на встрече с Председателем ПК ВСНП У Банго, в отношении с КНР Беларусь готова стать опорной страной в Европе.

Литература

1. Фу Минсинь. «Китай – страна великого будущего» (интервью с Послом Беларуси в КНР В. П. Бурей) / Фу Минсинь. – Китай, 2011 – № 9. – С. 26–29.
2. Интервью Министра иностранных дел Республики Беларусь С. Мартынова руководителю минского корпункта информагентства «Синьхуа» [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – МИД РБ, 2007–2012. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/smi/d85190eb48ae69c2.html>. – Дата доступа: 15.10.2012.
3. Заседание белорусско-китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству [Электронный ресурс] // Совет Министров Республики Беларусь. – Совмин, 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4666>. – Дата доступа: 30.10.2012.
4. «走进白俄罗斯» // 世界在线外交传媒集团 World Online Diplomatic Media Group Ltd. – Пекин, 2008.
5. 胡昊 (Ху Хао), «全面深化中白关系发展几点看法和具体建议» / 胡昊 // 当代世界研究中心 [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://www.cccws.org.cn/NewsInfo.aspx?Nid=783>. – Date of access: 20.10.2012.
6. Карякин, В. В. «Белорусская площадка готова для китайской экспансии» / В. В. Карякин // Независимое военное обозрение. – 2011.

В. В. ОДЕРИХА

доцент кафедры новой и новейшей истории

*Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка,
кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)*

БЛИЖНИЙ ВОСТОК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

За последние десятилетия Китайская Народная Республика (КНР) достигла гигантских успехов в экономической сфере, заметно укрепив свои позиции на мировой арене, превратившись в одну из мировых экономических сверхдержав. Уже сейчас она играет важную роль в мировой политике, и со временем эта роль будет только возрастать. Но если прежде стержнем внешней политики Китая выступала экономическая и политическая интеграция в мировое сообщество, то в настоящее время китайское руководство делает основной упор на формирование нового мирового миропорядка.

Основа стратегии национального развития КНР – представление о том, что в эпоху, когда основными глобальными тенденциями являются мир и развитие и можно избежать мировой войны, главной составляющей совокупной мощи государства становится экономическая мощь [1, с. 63]. В этой связи темпы роста китайской экономики поражают воображение. За 30 лет экономика страны в целом увеличилась в 15 раз, а внешнеторговый оборот – более чем в 100 раз.

Однако быстрый экономический рост таит в себе и серьезные риски, связанные прежде всего с нехваткой ресурсов, в особенности энергоресурсов. Еще в 1997 г. тогдашний премьер Госсовета КНР Ли Пэн был вынужден признать, что собственная добыча нефти не позволит удовлетворять темпы экономического роста Китая.

С 1993 г. Китай стал импортером нефти, в 2006 г. на него уже приходилось 16 % мирового ее потребления [1, с. 63]. И тенденция усиления зависимости КНР от импорта энергоресурсов будет только усугубляться, так как при возрастании потребности нефти в первом десятилетии XXI в. в среднем на 4 % в год внутреннее производство нефти в Китае возросло лишь на 1,7 %. В 2003 г. импорт нефти в КНР достиг 5,5 млн баррелей в день, выведя страну на второе место в мире по импорту нефти после США. Вот почему Ближний Восток, где сосредоточено 64 % всех разведанных мировых запасов нефти, занял особое место во внешнеэкономической стратегии Китая.

В настоящее время доля ближневосточной нефти достигает 60 % от всего объема импортируемой нефти. В 2002 г. закупки Китаем нефти из трех ближневосточных стран: Саудовской Аравии (11,53 млн т), Ирана (10,73 млн т) и Омана (8,31 млн т) составили 43,3 % от всего объема китайского импорта нефти [2].

Несмотря на усилия китайского руководства по диверсификации поставок энергоресурсов, в частности за счет ресурсов Центральной Азии, России и Африки, преодолеть зависимость от Ближнего Востока не удастся. Любые перебои с поставками могут иметь негативный эффект на китайскую экономику. Так, в январе 2003 г., в преддверии американского вторжения в Ирак, КНР, опасаясь

возникновения перебоев с поставками, на 77,2 % увеличил закупки нефти, что привело к повышению мировых цен на 51 % [8, p. 117].

За последнее десятилетие главные нефтяные компании Китая – China National Petroleum Corporation (CNPC), China petroleum and Chemical Corporation (Sinopec) и China National Offshore Oil Corporation (CNOOC) – получили целый ряд крупных контрактов на разведку, добычу, переработку нефти, а также на развитие нефтяной инфраструктуры в Ираке, Иране, Омане, Алжире и Ливии. В 2002 г. Sinopec подписала соглашение на сумму 25 млн долл. с целью разработки месторождения в Зарзайтине в пустыне Сахара и заключила соглашение о строительстве нефтеперегонного завода в Адраре стоимостью 350 млн долл. – впервые китайская компания приняла участие в алжирских нефтяных проектах [1]. В октябре 2005 г. CNPC получило контракт на разведку нефтяных полей в Ливии, тогда же CNPC получило подряд на строительство крупнейшего в Ливии нефтепровода [8, p. 117].

Но было бы неправильно ограничивать экономическое сотрудничество Китая со странами Ближнего Востока только сферой энергоресурсов. Ближний Восток стал важным рынком для китайских товаров и услуг. В 2004 г. объем товарооборота КНР с 22 арабскими странами достиг 36,7 млрд долл., практически сравнявшись с аналогичными показателями торговли США с данными государствами [8, p. 118].

В 2008 г. китайская компания China metallurgical Group (CMG) выиграла тендер на освоение медного месторождения Айнак в Афганистане и выделила 2,9 млрд долл. инвестиций [3, с. 86]. Права на разработку месторождения предоставлены китайской компании на срок 30 лет. Месторождение Айнак, в 35 км к востоку от Кабула, считается вторым в мире, его запасы оценены в 11 млн т. Предполагается, что это создаст около 100 тыс. рабочих мест. Только арендная плата будет составлять 400 млн долл. в год [3, с. 87].

Сотрудничество Китая со странами Ближнего Востока координируется в рамках двух международных форумов: созданного в 2004 г. Форума китайско-арабского сотрудничества и учрежденного в 2000 г. Форума китайско-африканского сотрудничества. В рамках обоих форумов регулярно проводятся встречи на уровне министров иностранных дел и глав правительств. Важное значение имело 4-е заседание Форума китайско-африканского сотрудничества в ноябре 2009 г. в Египетском городе Шарм-эль-Шейх. Китай на встрече представлял премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао.

Лига арабских государств (ЛАГ) придает большое значение расширению торгово-экономического сотрудничества с Китаем. По мнению генерального секретаря ЛАГ Амра Мусы, «арабские страны жаждут дальнейшего укрепления и развития дружественных отношений с Китаем. В современном мире экономической глобализации и рыночной экономики строительство нового типа арабо-китайского партнерства имеет далеко идущее значение» [5, с. 75].

Но экономическими вопросами сотрудничество КНР со странами региона не ограничивается. Как один из постоянных членов СБ ООН Китай поддерживает процесс мирного урегулирования ближневосточного конфликта путем диалога и политических переговоров на основе соответствующих резолюций

ООН и принципа «мир в обмен на землю», при этом выступая против политической изоляции и экономической блокады палестинских территорий.

В ноябре 2006 г. в Хартуме состоялась первая конференция дружбы между Китаем и арабскими государствами. В декларации, принятой по итогам форума, подчеркивалось, что укрепление контактов между народами Китая и арабских государств имеет позитивное значение для содействия дружественному сотрудничеству между двумя сторонами. Участники конференции призвали также к укреплению двусторонних связей в области культуры, науки и техники, через литературу, искусство и пропаганду [5, с. 75].

На фоне динамично развивающихся торгово-экономических связей развивается сотрудничество в культурной и научно-образовательной сферах. В этом большая заслуга созданного в 2002 г. в Каире Центра китайской культуры – первого подобного учреждения в арабском мире. С 2002 г. по 2006 г. курс обучения китайскому языку в нем прошли более 600 человек [5, с. 78]. В сентябре 2006 г. Каирский университет и канцелярия Национальной руководящей группы КНР по распространению китайского языка за рубежом подписали протокол о сотрудничестве в целях открытия Института Конфуция при Каирском университете.

Активно развиваются экономические и политические связи между КНР и Турецкой Республикой. Китай привлекает выгодное географическое положение Турции, открывающее прямой выход на различные регионы, также роль Турции в мусульманском и тюркском мире. Официальные контакты, состоявшиеся в последние годы, позволили Турции и КНР серьезно продвинуться в развитии двусторонних отношений.

В ходе визита в Анкару премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в октябре 2010 г. стороны заявили о намерении довести турецко-китайские отношения до уровня стратегического партнерства и о решении создать новый механизм по совместной борьбе с терроризмом и радикализмом [6]. Турция и Китай подписали ряд соглашений, направленных на интенсификацию связей в сфере торговли, включая Рамочное соглашение о расширении торгово-экономического сотрудничества.

Обычным делом стали взаимные визиты руководителей стран Ближнего востока и КНР [4].

Вместе с тем руководство КНР старается придерживаться политики равно удаленности в арабо-израильском конфликте. Поддерживая хорошие отношения с арабскими странами, Китай находится в прекрасных отношениях с Израилем. КНР неоднократно посещали руководители Израиля: в 1993 г. – премьер Ицхак Рабин, в 1998 г. – премьер Беньямин Нетаньяху, в 2007 г. – премьер Эхуд Ольберт. С 2003 г. по 2006 г. товарооборот между Израилем и КНР возрос с 1,8 млрд долл. до 4 млрд долл. [7]. Все это позволяет утверждать, что происходит усиление роли Китая в качестве одного из важнейших партнеров стран Ближнего Востока.

Литература

1. *Бабаян, Д.* Некоторые направления геополитики Китайской Народной Республики в Центральной Азии / Д. Бабаян // *Центральная Азия и Кавказ.* – 2010. – Т. 13, вып. 4. – С. 62–74.
2. *Волович, А. А.* Китай на энергетическом рынке Востока / А. А. Волович // *Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс].* – 2004. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/22-09-04.htm>.
3. *Зохидов, А.* Трансафганский транспортный коридор: интересы государств и перспективы развития / А. Зохидов // *Центральная Азия и Кавказ.* – 2012. – Т. 15, вып. 2. – С. 84–94.
4. *Куделев, В. В.* О некоторых итогах турне Ли Чанчуня по странам Магриба / В. В. Куделев // *Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс].* – 2008. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/06-04-08a.htm>.
5. *Мамед-Заде, П. Н.* Основные направления египетско-китайского сотрудничества в начале XXI века / П. Н. Мамед-Заде // *Ближний Восток и современность.* – М., 2007. – Вып. 31. – С. 72–81.
6. *Свистунова, И. А.* Об отношениях Турецкой Республики с Китаем / И. А. Сулейманова // *Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс].* – 2010. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/28-11-10.htm>.
7. *Сулейманов, Р. Р.* Китайско-израильские отношения на новом этапе / Р. Р. Сулейманов // *Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс].* – 2007. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/18-01-07a.htm>.
8. *Mao Yufeng.* China's Interests and Strategy in the Middle East and Arab World / Yufeng Mao // *China and the Developing World: Beijing Strategy for Twenty-first Century.* – N. Y., 2007. – P. 113–132.

А. В. ШАРАПО

заведующий кафедрой международных отношений Белорусского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ КОНФУЦИАНСТВА

Говоря о месте китайской цивилизации в современном мироустройстве и формах ее взаимосвязи с другими цивилизациями, следует акцентировать внимание на присутствующее в теме нашей конференции незаметное слово – «диалог». Именно оно, на наш взгляд, отражает сущность восприятия последними поколениями китайских руководителей происходящих на мировой арене глобальных трансформаций и вырабатываемых на этой основе внешнеполитических концепций. Характерно, что при всем учете современных тенденций мирового развития, внутривнутриполитического и экономического состояния страны внешняя политика КНР до сих пор во многом опирается на выработанные веками философские учения китайских мыслителей далекого прошлого. Несмот-

ря на все разнообразие их постулатов, они едины в одном – убежденности в уникальности китайской цивилизации, необходимости в этой связи следовать своим путем развития, опираясь на свое видение мироустройства. В этом смысле их философия носит интравертный характер и направлена прежде всего на установление этических норм для самого китайского общества и каждого его индивида.

Таково в целом и было учение Конфуция, который проповедовал покорность по отношению к «наместнику Неба» – императору и достижение гармонии в семье и между людьми. Конфуцианство предопределило определенную изоляцию китайской цивилизации, ее самобытность и нежелание быть подвергнутой влиянию извне. Материальным олицетворением такой изолированности является строительство китайской стены.

По мере становления государственности Китая и расширения связей с окружающим миром тезисы конфуцианства о гармонии и взаимопонимании начинают занимать все большее место во внешней политике этой страны, определяя во многом ее концептуальные основы. Лейтмотивом таких концепций стал тезис о «достижении процветания через мирное сосуществование» или в современном понимании – через диалог цивилизаций. Эти принципы, то отвергаемые, то принимаемые многочисленными китайскими династиями, дошли до наших дней и составили основу государственной деятельности и идеологической работы уже нынешнего поколения руководителей Китая. Особенно заметным стал этот процесс в послевоенные десятилетия, когда учение Конфуция как никогда ранее стало соответствовать партийно-политическим целям коммунистической партии Китая. Уже в первые годы после образования КНР эти идеи были изложены в известных пяти принципах мирного сосуществования Мао Цзедуна: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; взаимное ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование [1, с. 319]. Более практичную трактовку положений Конфуция для стратегии внешнеполитического курса Китая дал Дэн Сяопин: «Хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявлять выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть способным защитить свои взгляды, ни в коем случае не лезть вперед» [2, с. 127].

Однако наиболее полное сочетание, с одной стороны, принципов гуманизма и взаимопонимания, а с другой, – решимости защищать свои интересы нашло свое отражение во внешней политике Китая начала XXI в. В этот период на вооружение был взят конфуцианский постулат ХЕ СЕ (согласие, гармония) [3, с. 13]. Это понятие в современной его интерпретации означает терпимость, толерантность и миролюбие, т. е. те лозунги, которые отражают не только сущность отношения людей друг к другу в самом Китае, но и суть его международной политики. Возрождение принципа ХЕ СЕ во внешней политике Китая представляется не случайным.

Как известно, в 90-е гг. и особенно в начале XXI в. растущая экономическая и военная мощь КНР стала восприниматься рядом ведущих государств мира как угроза их лидерству и приоритетности в международных отношениях.

Как отмечал журнал «Вашингтон Квотерли», «Китай ведет себя все более жестко и несговорчиво по отношению ко многим соседям в Азии, к США и Евросоюзу» [4]. В международном обиходе даже появилось выражение «дипломатия улыбок Китая закончилась» [4]. Естественной реакцией на такой поворот в оценках внешнеполитической деятельности КНР стали усиление им пропаганды тезиса о мирном сосуществовании, неизменности политики добрососедства и при этом о сохранении Китаем права на более высокий международный статус. Основания на такие претензии у Китая были весомые. В 2010 г. КНР по годовому объему ВВП опередил Японию и вышел по этому показателю на второе место в мире, а по объему экспорта – на первое место. Появились прогнозы, согласно которым экономики Китая и США к 2018 г. количественно сравняются. КНР все увереннее стал превращаться из регионального в глобального игрока на мировой арене. В этой связи многие государства стали требовать активного включения Китая в решение глобальных проблем и его участия в т. н. «глобальном управлении».

Вот почему в начале XXI в. китайское руководство стало перед дилеммой: как совместить растущую мощь своей страны и желание войти в клуб великих держав с заветами Дэн Сяопина о необходимости «держаться в тени и не лезть вперед». В экспертных кругах Китая велись широкие дискуссии по определению статуса КНР на международной арене: к какому виду государств причислять современный Китай – к развивающимся, развитым или высокоразвитым странам? Например, в статье «Национальные задачи против стратегических выборов», подготовленной отделом исследования истории партии ЦК КПК, отмечается, что долгое время Китай позиционировал себя как развивающееся государство. На фоне того, что КНР стала второй экономикой мира, это представляется неуместным, однако излишняя переоценка собственных сил недопустима. Предстоит долгий процесс адаптации Китая к своему новому статусу мощной державы мирового уровня. Амплитуда этих дискуссий колебалась от воинствующих призывов во внешней политике до пацифистских лозунгов. Фигурально выражаясь, «успокоительным лекарством» в этих условиях явились как раз философские постулаты Конфуция и его последователей.

Толчок к возрождению идей конфуцианства дал т. н. «Манифест – предупреждение мировой общественности о китайской культуре», изложенный еще в 1958 г. четырьмя китайскими учеными. Современное новое конфуцианство провозглашало наступление «эры духовных ценностей» на основе признания «общности многих элементов китайской и западной цивилизации», но при условии сохранения принципов невмешательства. Суммарно эти идеи были изложены уже в наше время в «концепции современного мира» представленной в ноябре 2009 г. Председателем КНР Ху Цзиньтао. Она включает пять теорий: глубоких изменений, гармоничного мира, совместного развития, общей ответственности и активного участия [2]. В ее основе тезис – мировое сообщество должно уважать выбранные другими странами пути развития, обмениваться опытом и учиться друг у друга. В контексте мирового развития путь Китая представляется следующим образом: защищая мир во всем мире, добиваться собственного развития; полагаясь на собственные силы, реформы, инновации;

поддерживать внешнюю открытость к миру, стремиться к обоюдной выгоде и соразвитию с другими странами, способствовать всеобщему процветанию и построению гармоничного мира [2].

Позже эти идеи были подтверждены в Белой книге Госсовета КНР «Мирное развитие Китая» в сентябре 2011 г. [4, с. 36]. Как видим, современная программа отношения Китая с внешним миром во многом изложена философским языком китайских мыслителей. Характерно, что в ней присутствует этическая лексика о гармонии, соразвитии, открытости в общении, присущая учению Конфуция.

О том, что этические постулаты Конфуция взяты на вооружение в работе КПК и широко применяются в концептуальных положениях внешней политики, свидетельствует и некоторая смена акцентов в сторону активизации внешнеполитической идеологической деятельности. Ее цель – продвижение китайских идей и ценностей во внешний мир, пропаганда китайской культуры и демонстрация нового образа Китая. Основы внешнеидеологической работы КНР были заложены 6-м Пленумом ЦК КПК (октябрь 1996 г.), в постановлении которого впервые был введен термин «экспорт культурной продукции» или «мягкая сила культуры». В нем отмечалась специфика современной китайской цивилизации, пути ее развития и в этой связи ставились задачи по пропаганде открытости Китая для внешнего мира, духовного облика китайского народа и его культуры, традиций и обычаев. В рамках решения этого пленума в разных странах мира, в том числе и Беларуси, начали работать Институты Конфуция, всевозможные культурные центры, активизировался культурный обмен.

Курс на активизацию внешнеполитической идеологической работы был закреплён и в решениях XVI (2002 г.) и недавнего XVIII съезда КПК, где ставились задачи строительства «социалистической духовной цивилизации в Китае» и расширения ее отношений с другими цивилизационными сообществами. Характерно, что по духу и направленности постановления этих партийных форумов во многом совпадали с идеями конфуцианства, в частности, о созидательной роли китайской культуры, ее гуманитарной основе, значении сохранения «духовного дома» китайской нации. Достижение этих целей рассматривалось только в контексте гармоничного мироустройства, доверия и добрососедства – том мире, где Китай должен играть далеко не последнюю роль.

Трактовка интересов КНР на мировой арене в этих документах недвусмысленно свидетельствует о трансформации Китая из регионального в глобального международного игрока. Такой переход в лигу «сильных мира сего» потребовал от КНР переосмысления всей своей внешнеполитической стратегии, обновления самоидентификации страны и ее возможностей на мировой арене. Голос Китая все весомее звучит в Организации Объединенных Наций, с трибун международных сообществ, на форумах, в ходе многосторонних и двусторонних контактов. В нем просматриваются неоконфуцианские идеи, но уже с учетом особенностей XXI в.

На этой основе строятся и перспективы внешнеэкономической деятельности Китая на ближайшее десятилетие. Ее концепция включает как миролюбивую направленность конфуцианства, так и внешнеполитические принципы Дэн

Сяопина – «не высовываться», «не присоединяться», но при этом «активно защищать свои интересы». В теоретическом плане это выражается в провозглашении принципов «совместного развития», «совместной ответственности», «активного участия». Они должны реализовываться под лозунгом «преодоление регионализма во внешней политике» и «преодоление комплекса развивающегося государства».

Таким образом, во внешней политике современного Китая идея конфуцианского «гармоничного мира» является действенным внешнеполитическим инструментарием китайских руководителей, умело использующих традиционные национальные особенности китайской цивилизации для отстаивания своих интересов на мировой арене.

Литература

1. Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае: статьи и выступления / Мао Цзэдун // Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами. – М., 2002. – 527 с.
2. Мокретский, А. Парадигма мирного развития Китая / А. Мокретский // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 2.
3. Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 4.
4. Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 2.

А. Л. ШЕВЦОВА

старший преподаватель кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, аспирант кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В 2012 г. Беларусь и Китай уже завершили ряд совместных проектов, некоторые из них находятся в активной стадии, некоторые только начинают осуществляться. Китайские партнеры готовы работать практически в любой отрасли экономики Беларуси, увеличивать товарооборот между двумя странами, наращивать сотрудничество в сферах науки, образования, медицины, культуры.

Если структура двустороннего сотрудничества очевидна, точка отсчета белорусско-китайских отношений зафиксирована точно (в 2012 г. исполнилось 20 лет со времени их официального установления), а динамика отношений имеет тенденцию к росту, т. е. определенный интерес в рассмотрении регионального, пространственного фактора сотрудничества. Анализ пространственного фактора позволяет отметить некоторые моменты, не являющиеся важными для Китая, но имеющие значение для Беларуси в аспекте гармоничного развития ее территории.

Китай и Беларусь, являясь унитарными государствами с сильной властью центра, в развитии двусторонних отношений руководствуются в первую очередь общегосударственными (общенациональными) интересами. Региональный аспект сотрудничества специально не выделяется, он обусловлен целеполаганием всего комплекса отношений между двумя странами. Но активность китайского бизнеса в определенных белорусских регионах невольно выводит эти регионы на более перспективный уровень контактов, доходов и делает заметным их присутствие во внешней политике государства.

Наибольшую активность китайские партнеры проявляют в Минской и Гомельской областях. Как правило, сотрудничество регионов Беларуси с Китаем начиналось с проектов в области культуры, образования и науки.

Так, в 1997 г. была организована первая выставка китайского искусства в Гомельском дворцово-парковом ансамбле Румянцевых-Паскевичей. «Затем были выставки китайской традиционной живописи, национального костюма, современного дизайна Китая и другие. Все они пользовались неизменным интересом у гомельчан, предоставляя возможность поближе ознакомиться с историей, культурой и достижениями великой восточной державы» [1].

В настоящее время в Гомельской области реализуется ряд масштабных инвестиционных проектов с привлечением китайского капитала. Речь идет об электрификации железной дороги, связывающей областной центр с Минском, строительстве заводов по производству белой целлюлозы и картона в Светлогорске. В 2010 г. китайская корпорация China Road and Bridge Corporation (CRBC) одержала победу в тендере по проекту «Реконструкция республиканской автомобильной дороги М-5/Е271 Минск – Гомель на участке Жлобин – Гомель». Подписан договор генерального подряда на 400 млн долл. (заказчик с белорусской стороны – «Гомельавтодор»).

В июне 2011 г. началась реализация масштабного инвестиционного проекта – электрификации участков Гомель – Жлобин – Осиповичи и Жлобин – Калинковичи. Проект реализуется в рамках Государственной программы развития железнодорожного транспорта на 2011–2015 гг. и осуществляется за счет кредитных средств Экспортно-импортного банка Китая и собственных средств Белорусской железной дороги. Генеральный подрядчик проекта – корпорация CUEC (КНР). Субподрядчиком выступает УП «Белтрансавтоматика» Белорусской железной дороги. На первом этапе предстоит электрифицировать участок пути Жлобин – Осиповичи (107 км), на втором – Гомель – Жлобин (86 км) и Жлобин – Калинковичи (101 км). «Электрификация этих участков и последующий перевод на электротягу движения грузовых и пассажирских поездов позволит на 26 % снизить себестоимость перевозок и на 15 % сократить потребление топливно-энергетических ресурсов. Будет существенно улучшена экологическая обстановка на прилегающих территориях. Кроме того, на 24 % увеличится техническая и маршрутная скорости движения поездов, на 54 % возрастет производительность грузовых локомотивов» [2].

Развивается и обратная связь Гомельской области и Китая. На территории Китая работает сборочное производство комбайнов «Гомсельмаш». В 2012 г. в Урумчи (западный регион Китая) состоялась международная ярмарка «Китай –

Азия – Европа», где были представлены образцы совместного производства комбайнов «Гомсельмаш». В этом же году первые пробные поставки в Китай своей продукции начало ОАО «Быховский консервно-овощесушильный завод» [3]. Гомельская область расценивается в Китае как развитый промышленный юг Беларуси.

Минск и Минская область являются в данный момент наиболее привлекательными территориями для Китая. Особенно это заметно в сфере научно-технического сотрудничества и образования, а также в промышленности.

Важнейший научно-образовательный проект в Беларуси был создан в Минске в 2003 г. – Республиканский центр китаеведения «Иероглиф». В 2006 г. он был преобразован в Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета. В 2011 г. открылся второй институт Конфуция в Минском государственном лингвистическом университете. Цель деятельности институтов – формирование в Беларуси высокопрофессиональной китаеведческой среды, объединение китаеведов всех отраслей знания для всесторонней поддержки деятельности Беларуси в Восточной и Юго-Восточной Азии.

При Научно-технологическом парке Белорусского национального технологического университета «Политехник» создан Белорусский центр научно-технического сотрудничества с провинциями Китая. «Установлены региональные контакты в научно-технической сфере с ведущими провинциями КНР. В частности, действуют договоренности о взаимодействии с правительственными и научными организациями провинций Цзилинь, Шаньдун, Гуандун, Хэйлунцзян, Хэбэй, Хэнань, Нинся-Хуэйского автономного района, городов Пекин, Тяньцзинь, Харбин, Шанхай. Динамично развивается сотрудничество с автономным районом Внутренняя Монголия. Показательно, что в основном представители этих провинций принимали участие в мероприятиях научно-технического характера в Беларуси в 2012 г.» [4].

Важную роль играет заключение межрегиональных договоров о сотрудничестве и установлении побратимских связей. С 2002 г. работает соглашение между Минским облисполкомом и Народным правительством г. Чунцин о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и культурной областях. В городе Чанчунь (город-побратим Минска) с октября 2010 г. работает Белорусско-Китайский технопарк. Минская область начинает непосредственно региональное сотрудничество с провинциями Китая – крупнейшей провинцией Ляонин, провинцией Шаньдун (это один из наиболее промышленно развитых регионов Китая), Гуандун (здесь расположены штаб-квартиры лидеров китайского и мирового рынка телекоммуникаций – корпораций «Хуавэй» и «ЗТЕ», а также корпорация «Мидеа Групп»). На начальном этапе возможно взаимодействие в образовательной сфере, обмен студентами и преподавателями, образовательными программами. Но в целом китайские провинции заинтересованы в многопрофильном сотрудничестве и, что особенно важно, во взаимных инвестициях.

Взаимодействие будет организовано в сферах экономики, транспорта, сельского хозяйства, охраны окружающей среды, экологии, энергосбережения,

здравоохранения и социальной политики, культуры, образования и молодежной политики, спорта и туризма.

На сегодняшний день в Минской области зарегистрировано 9 предприятий с китайскими инвестициями: 3 совместных и 6 иностранных. Одним из важнейших инновационных проектов является строительство в Смолевичском районе Минского областного технопарка, основная специализация которого – машиностроение, металлообработка и электротехника [5].

Безусловно, важнейшим и крупнейшим проектом общенационального уровня является создание Китайско-белорусского индустриального парка на территории Смолевичского района. Работа по созданию парка проводится совместно с ОАО «Китайская корпорация инжиниринга САМС». Говоря о преимуществах Китайско-белорусского индустриального парка на бизнес-форуме представителей деловых кругов Беларуси и Китая 30 октября 2012 г., зам. министра экономики Республики Беларусь А. Филонов подчеркнул, что его резидентами смогут стать только крупные инвесторы, стоимость проектов которых не должна быть ниже 5 млн долл. «А это большой объем инвестиций. Ожидаются также вложения средств в фармацевтику, микробиологию, создание новых материалов и машиностроение. Это высокопроизводительное и важное для Беларуси производство», – сказал он [6].

В Минске и Минской области реализуются крупные белорусско-китайские проекты: строительство гостиничного комплекса «Пекин» (проект на сумму не менее 200 млн долл. будет реализовывать китайская строительная компания ВУСС), жилого массива в микрорайоне Лебяжий, создание и развитие белорусско-китайских предприятий «Белджи» (с компанией «Чжили») и «Мидеа-Горизонт». За счет льготных китайских кредитов и их технического оборудования закончено техническое перевооружение минских ТЭЦ-2 и ТЭЦ-5.

Кроме того, с привлечением китайских кредитов в столице будет строиться транспортная развязка на пересечении улиц Дзержинского и Алибегова (проект реализует «Горремавтодор»), завод индустриального домостроения («Минскстрой»), будет создаваться интеллектуальная транспортная система (УП «Столичный транспорт и связь»). Ориентировочная стоимость проектов составляет 316 млн долл. [7].

Важным проектом, который пока не набрал ожидаемой динамики, должна стать реконструкция Национального аэропорта «Минск».

Беларусь и Китай планируют с 2013 г. приступить к реализации совместного проекта по созданию в Минске суперкомпьютерного центра. Государственный комитет по науке и технологиям и китайская компания Inspur договорились разработать в Беларуси суперкомпьютерный кластер ОИПИ-INSPUR производительностью до 100 Тфлоп/с. Предполагается, что это будет совместная разработка (с белорусской стороны исполнителями выступают Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси и Белорусский государственный университет), но финансирование будет осуществляться за счет китайской стороны. Ориентировочная стоимость проекта – около 10 млн долл. В настоящее время проект находится на рассмотрении в Министерстве коммер-

ции КНР. При благоприятном решении финансирование проекта может начаться уже в 2013–2014 гг.

В свою очередь в Китае осуществляется сборка белорусских карьерных самосвалов БелАЗ (Жодино). Собранные в Китае белорусские самосвалы уже экспортируются в Монголию. В мае 2012 г. открылось сборочное производство тракторов «Беларус» в индустриальном парке «Гаосинь» (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР), где между РУП «МТЗ» и компанией Yili Yongcheng Agriculture Equipment Make Group Co., Ltd. (владелец сборочного производства) был подписан контракт на поставку 323 тракторокомплектов. Крупнейшим потребителем интегральных схем, производимых ОАО «Интеграл», является провинция Гуандун. Успешно работают в Китае созданные с участием БелАЗа, Минского тракторного завода, Минского завода колесных тягачей, совместные предприятия по сборке и техническому обслуживанию карьерных самосвалов с корпорацией «АВИК», кормоуборочных и початкоуборочных комбайнов, энергонасыщенных тракторов с корпорацией «Дунцзинь Групп», специальной техники с компанией «Санцзян» [8].

В Могилевской области китайские инвестиции позволяют вести строительство новых технологических линий по производству цемента в Костюковичах и Кричеве мощностью 1,8 млн т цемента каждая. Область пытается расширить сотрудничество и ищет китайского партнера и инвестора в реализации проекта по строительству на территории Могилевской области крупного литейного производства, которое смогло бы обеспечить крупногабаритным литьем два вагоностроительных предприятия в Могилеве и Осиповичах, а также помочь с разработкой месторождения трепела в Хотимском районе. Могилевская область активно развивает межрегиональное сотрудничество с китайскими провинциями Хэнань и Цзянсу.

Гродненская область в сотрудничестве с Китаем представлена крупнейшими предприятиями ОАО «Гродно Азот» и ОАО «Гродно Химволокно». Завершена подготовительная работа для строительства линий электропередачи для выдачи мощности от белорусской атомной станции.

Витебский горисполком и Харбинская зона развития подписали соглашение о сотрудничестве, которое определяет рамочные условия партнерства, в том числе информационный обмен, проведение совместных бизнес-встреч и деловых поездок, выставок-ярмарок наукоемкой продукции. Кроме того, китайские партнеры приняли предложение витебской администрации поучаствовать в создании Парка информационных и инновационных технологий. Ведутся работы по строительству блока в 400 МВт на Лукомльской ГРЭС, строительству Витебской ГЭС.

Город Харбин активно присутствует в белорусско-китайском сотрудничестве в целом. Создана белорусско-харбинская комиссия по торгово-промышленному, научно-техническому и культурному сотрудничеству [9].

В Брестской области Китай построил под ключ «стационарный инспекционно-досмотровый комплекс для рентгеновского сканирования автотранспортных средств, перемещаемых через таможенную границу. Стационарный инспекционно-досмотровый комплекс установлен в пункте пропуска «Козловичи»

Брестской таможни и предназначен для рентгеновского сканирования автотранспортных средств, перемещаемых через таможенную границу. Все работы по проекту выполнены китайской стороной под ключ, в том числе строительство помещений для размещения оборудования и персонала, поставка рентгеновской сканирующей системы и другого вспомогательного оборудования, монтаж, наладка оборудования, обучение персонала. В течение трех лет техническое обслуживание и ремонт комплекса будут выполняться китайской стороной. Общий объем безвозмездной технической помощи по проекту составил около 4 млн долл. [10].

Китайские инвестиции позволят построить энергоблок в 400 МВт на Березовской ГРЭС.

Анализируя белорусско-китайское сотрудничество в региональном разрезе, можно отметить в данный момент наибольшее присутствие китайских проектов в промышленно развитых Минской и Гомельской областях. Именно в этих областях сосредоточен основной научный потенциал Беларуси, а развитие науки и технологий является одним из приоритетов Китая.

Брестская и Гродненская области пока не смогли привлечь китайские инвестиции в заметном объеме, вероятно, в силу своего в значительной мере аграрного характера. Масштабы сотрудничества можно наращивать за счет предприятий сельскохозяйственного машиностроения «Лидсельмаш», «Лидагропромаш», вероятнее всего, эти предприятия смогут участвовать также в создании совместных предприятий на территории Китая. Интерес китайской стороны к продукции ОАО «Гродно Азот» и ОАО «Гродно Химволокно» будет, вероятнее всего, устойчиво нарастать, а постоянная реконструкция предприятий может привлечь китайские инвестиции.

Могилевская область может актуализировать свой транзитный потенциал и привлекать инвестиции в транспортные сети.

Все проекты в регионах являются частью общего стратегического сотрудничества Беларуси с Китаем. Из всей кредитной линии в 16 млрд долл., открытой Китаем для Беларуси, освоены или осваиваются пока только около 5,5 млрд долл. Сейчас Беларусь предлагает Китаю сотрудничество в финансовой сфере [11].

В рамках стратегического сотрудничества двух стран надо ожидать роста значения Китая для разных регионов Беларуси. По мере наращивания сотрудничества будут выделяться наиболее сконцентрированные на взаимодействии с Китаем регионы. Скорее всего, ими останутся уже наметившиеся в этом отношении Минская и Гомельская области. Те формы взаимодействия с китайскими партнерами, которые нарабатываются в этих областях, должны стать пилотными для остальных регионов Беларуси. Необходимо особенно тщательное и постоянное изучение опыта взаимодействия управленческих структур этих областей с китайскими партнерами и управленцами остальных областей Беларуси.

Литература

1. Китай намерен развивать отношения с Гомельской областью – Гун Цзяньвэй // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Kitaj-nameren-razvivat-otnoshenija-s-Gomelskoj-oblastju---Gun-Tszjanvej_i_606367.html. – Дата доступа: 08.11.2012.
2. Началась электрификация участков железной дороги Гомель – Жлобин – Осиповичи и Жлобин – Калинковичи // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Nachalas-elektrifikatsija-uchastkov-zheleznoj-dorogi-Gomel-Zhlobin-Osipovichi-i-Zhlobin-Kalinkovichi_i_557278.html. – Дата доступа: 8.11.2012.
3. Быховский консервно-овощесушильный завод поставил первую продукцию в Китай // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Вуховскіj-консервно-овосчесушильніj-завод-поставіў-первуjу-продукцыjу-в-Кітай_i_611098.html. – Дата доступа: 08.11.2012.
4. Беларусь и Китай наращивают сотрудничество в научно-технической области // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Belarus-i-Kitaj-naraschivajut-vzaimodejstvie-v-nauchno-technicheskoj-oblasti_i_601740.html. – Дата доступа: 08.11.2012.
5. Минская область осенью заключит соглашение о сотрудничестве с китайской провинцией Ляонин – Батура // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Minskaja-oblast-osenju-zakljuchit-soglashenie-o-sotrudnichestve-s-kitajskoj-provintsiej-Ljaonin---Batura_i_602900.html. – Дата доступа: 08.11.2012.
6. Китайские партнеры оказывают значительную поддержку в модернизации энергосистемы Беларуси – Филонов // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Kitajskie-partnery-okazyvajut-znachitelnuju-podderzhku-v-modernizatsii-energosisitemy-Belarusi---Filonov_i_613509.html. – Дата доступа: 08.11.2012.
7. Гостиничный комплекс в китайском стиле появится в Минске к 2014 г. // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Gostinichnyj-kompleks-v-kitajskom-stile-pojavitsja-v-Minske-k-2014-godu_i_527624.html. – Дата доступа: 08.11.2012.
8. Эффективной формой торговых отношений Беларуси и Китая стало создание СП – Тозик // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Effektivnoj-formoj-torgovyx-otnoshenij-Belarusi-i-Kitaja-stalo-sozdanie-SP---Tozik_i_613443.html. – Дата доступа: 08.11.2012.
9. В Харбине будут собирать белорусские сельхозагрегаты и прицепы // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/V-Xarbine-budut-sobirat-belorusskie-selchozagregaty-i-pritsepjы_i_613441.html. – Дата доступа: 08.11.2012.
10. Китай построил в Беларуси инспекционно-досмотровый комплекс // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Kitaj-postroil-v-Belarusi-inspektsionno-dosmotrovyj-kompleks_i_585154.html. – Дата доступа: 08.11.2012.
11. Беларусь предлагает Китаю купить один из Белорусских банков // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2010–2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Belarus-predlagaet-Kitaju-купить-один-из-Белорусских-банков_i_613441.html.

www.belta.by/ru/all_news/economics/Belarus-predlagaet-Kitaju-kupit-odin-iz-belorusskix-ban-kov_i_613501.html. – Дата доступа: 08.11.2012.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КИТАЕВЕДЕНИЯ

Е. В. БЕЛЯЕВА

*доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)*

АВТОХТОННЫЙ ПОСТМОДЕРН В ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НЕЗАПАДНЫХ СТРАН

Определение исторического статуса современного общества представляет очевидные трудности. Среди таких его наименований, как «постиндустриальное», «информационное», «глобальное», термин «постмодерн» имеет некоторые преимущества, так как обозначает не только этап исторического развития, но и тип общества, существенно отличающийся от традиционного и модерного типов социума. Кроме того, характеристика современного общества как постмодерного позволяет осмыслить не только экономическую или политическую, но в первую очередь культурную составляющую социальных процессов. В то же время статус самого постмодерна как исторического типа общества остается неопределенным. Постмодернизация стран Запада на волне информатизации и глобализации стала распространяться по всему миру и поначалу воспринималась негативно как очередное западное веяние, аналогичное модернизации. Поэтому в поисках собственного «проекта современности» западные страны обратились к своему культурному наследию, стремясь обнаружить в нем такое содержание, которое позволило бы им самостоятельно осмыслить происходящие изменения. Если успешность модернизации в большой степени зависела от того, как традиционные культуры осваивали ценности модерна, то постмодернизация может рассматриваться как процесс «модернизации на основе собственной традиционной идентичности» [1, с. 24], как самоорганизация социумов в хаотической среде глобального мира. В этом контексте в культуре западных стран обнаружились автохтонные феномены, функционально подобные элементам культуры постмодерна, но никак не связанные с ними происхождением. Так, российский исследователь С. С. Хоружий рассматривает исихазм – духовное течение в православной традиции – как неклассическую этику, которая «могла бы развиваться в универсальную и общечеловеческую этику, при этом сохраняя свою опытную, не-доктринальную природу» [2, с. 97].

Как китайскому, так и белорусскому народу есть на что опереться при решении задачи вхождения в глобальную цивилизацию и есть что предложить мировому сообществу. Сходство между древневосточными учениями, лежащими в основе китайской духовности, и идеями постмодерна уже не раз отмечалось исследователями [3; 4]. Наличие же в белорусском менталитете элементов, функционально подобных постмодерным феноменам, еще только начинает выявляться [5].

Древняя мудрость даосизма оказалась весьма конструктивной при осмыслении социальных и духовных проблем современного мультикультурного общества, для которого фундаментальной ценностью стала толерантность. Ее утверждение необходимо для политического и культурного сосуществования

народов и отдельных людей. В этическом аспекте толерантность является положительным моральным качеством, побуждающим личность к соблюдению нравственных норм в отношении человека других убеждений. Толерантность также способствует взаимопониманию сообществ и препятствует их взаимной агрессивности. Между тем обоснование идеи толерантности содержалось еще в даосских текстах той эпохи, когда нынешние проблемы межкультурного взаимодействия еще не были актуальны.

Родство современного видения моральных проблем и даосского отношения к жизни прослеживается в первую очередь в утверждении относительности добра. «Правильное станет неправильным, доброе станет худым» [6, с. 288]. «Когда в мире узнают, что доброе – добро, появляется зло» [6, с. 66]. Согласно даосизму, настойчивое утверждение нравственных ценностей – это не столько признак морали, сколько симптом ее отсутствия: «Когда Великий Путь в упадке, являются “человечность” и “долг”» [6, с. 129]. И наоборот: «устраните “человечность”, отбросьте “справедливость”, и люди вернутся к почитанию и любви» [6, с. 132].

Все конфликты в мире происходят из-за того, что люди и их сообщества прочно держатся «добра», «человечности» и «справедливости», под которыми они подразумевают свои собственные убеждения, и считают необходимым бороться со «злом» чужих убеждений. Даосская же мысль отвергает необходимость твердых нравственных убеждений, так как они не столько позволяют познать мир, сколько отгораживают их обладателя от всех остальных. «Кто имеет свой взгляд, немного сможет понять. Кто имеет свою правду, немногих сможет убедить» [6, с. 156]. Премудрый же человек «не имеет “своего взгляда”, и потому просветлен, не имеет “своего мнения”, и потому всем светит» [6, с. 147]. Даосский мудрец способен «все вместить в себя» [6, с. 122] и за счет этого разрешить извечную проблему противоречия между различными историческими нравственными кодексами, каждый из которых полагает себя «общечеловеческой моралью». Если история человечества «вместила» самые разные моральные представления, то и нравственный человек должен «вместить» это многообразие в свое сознание и исходить из него во взаимодействии с другими людьми.

Другая ценность даосизма, которую можно рассматривать в постмодерной перспективе, – это доверие в противовес подозрительности и стремлению оценивать нравственные качества каждого человека. «В речах благотворно доверие» [6, с. 90]. При этом доверие мыслится как ценность, более важная, чем истина или добро: «Тем, кто заслуживает доверия, я верю. Тем, кто доверия не заслуживает, я тоже верю: так торжествует доверие» [6, с. 253]. Для даосского мудреца нет добра вне доверия, а доверия нет там, где обладатель «истины» занимается разоблачениями «обманщиков». Доверие приобрело статус категории современной социальной философии [7; 8], превратившись в фундаментальную ценность глобального общежития. Доверие, которое выглядит непрактичным в каждом частном случае, высокоэффективно как долговременная стратегия социальных макровзаимодействий, приводящая к сокращению обмана и зла.

Определенные аналогии прослеживаются также между даосским и постмодерным представлением об управлении социальными процессами. Даосизм отвергал государственную иерархию и контроль, полагая, что «чем больше в стране законов и приказов, тем больше разбойников» [6, с. 284]. Так и постмодерные теории управления ориентированы на точечное воздействие на ситуацию в точках бифуркации, а также на самоорганизацию индивидов и сообществ. Проведенные параллели показывают, что имеет смысл говорить не только об общности методологических и теоретических оснований даосизма и постмодерна, но и о практическом значении, даосских этических установок для жизни в «текущей современности».

Главное наследие китайской культуры – конфуцианство – также обладает достаточно богатым содержанием и гибкостью, чтобы дать ценностную ориентацию для жизни в постмодерном социуме. «Обществоведы КНР постоянно подчеркивают, что конфуцианская этика способна решить проблемы не только их страны, но и всего человечества», они «особо выделяют толерантность конфуцианской традиции, ее синкретическую направленность и совместимость с требованиями межцивилизационной, и межрелигиозной гармонии» [9, с. 515]. Конфуцианские идеи взаимности и обязательности перед сообществом представляются пригодными и для глобальной цивилизации [10, с. 38].

Конфигурация морали постмодерна определяется ее субъектами – сетью сообществ, образованных самоопределяющимися индивидами. Такой тип организации социальных отношений вполне может подпитываться конфуцианскими идеями. Для процессов глобализации в Китае характерно, что «в деловом мире крайне важны сети личных связей, основанные на родственных и дружеских узах» [11, с. 32]. Так, главная конфуцианская ценность – семейные связи – выступает готовой основой формирования сетевых структур иного рода.

Конфуцианские идеи в высшей степени созвучны постмодерной идее толерантности. Среди высказываний Учителя в «Луньюй» много раз повторяется ясно сформулированный принцип «единения через разномыслие» [12, с. 160, 162, 208, 221, 235]. Он весьма похож на современное содержание принципа толерантности, согласно которому в мультикультурных обществах обладатели различных убеждений должны выработать нравственные принципы сосуществования. Сосуществование в глобальном мире невозможно без терпимости к разномыслию в вопросах добра и зла. Мысли, по Конфуцию, действительно могут оставаться разными, коль скоро люди соблюдают правила ли, т. е. ритуальные обязанности. И наоборот, правильное соблюдение ритуалов позволяет людям с разными убеждениями обрести единство действий. В глобальном мире граница толерантности также пролегает не в области идей, а в области социальной практики: события не являются злом, «пока они не угрожают утратой основных свобод и открытых для всех возможностей» [13, с. 181]. Толерантность в каком-то смысле оказывается самодостаточной ценностью и критерием морали: аморальным является то, что разрушает толерантное взаимодействие, все прочее рассматривается как нравственно допустимое. Подобно тому, как «благородный муж осторожно относится к тому, чего не понимает» [12, с. 204], человек современной культуры должен стремиться к взаимопониманию с дру-

гими людьми и избегать ксенофобии. Нравственность, даже отличную от собственной, трудно не оценить по достоинству. «В речах будь искренним и правдивым, в поступках – честным и уважительным, и даже если отправят тебя в страну варваров, веди себя именно так» [12, с. 216]. Только на основе нравственных принципов – искренности и уважительности – можно найти взаимопонимание с чужими людьми. Таким образом, специфика понимания Конфуцием толерантности состоит в том, что она фундирована добродетелью.

В той степени, в которой конфуцианские и даосские установки проявляются в менталитете современных китайцев, они могут функционировать как элементы постмодерна в нравственной культуре. Постмодернизация осуществляется за счет поиска в локальных культурах тех автохтонных феноменов, на основе которых можно освоить нравственную практику неклассического типа. Специфически истолкованное конфуцианство и даосизм могут стать той нравственной программой, которая позволит китайской культуре, сохраняя свою идентичность, органично входить в глобальное постмодерное пространство, опираясь не столько на западные идеи, сколько на собственную духовную традицию, содержащую функциональные аналоги постмодерна.

Нравственные процессы в Республике Беларусь происходят, с одной стороны, в условиях социальной трансформации, направленной на укрепление суверенного национального государства, а с другой – в условиях постмодернизации и глобализации современного мира. Система нравственности современного белорусского общества складывается в результате освоения современных и постмодерных нравственных ориентаций на основе собственной культурной традиции и автохтонных нравственных концептов. Ее место в глобальном мире будет определяться способностью транслировать свою аутентичность в условиях открытой коммуникации с другими системами нравственности.

Вхождение Беларуси в глобальное культурное пространство приводит к актуализации глубинных слоев ее идентичности, функционально сходных с культурными процессами постмодерна. Социологический анализ современного белорусского общества до некоторой степени позволяет оценить степень постмодернизации его нравов. При этом изначально можно выдвинуть гипотезу о том, что ценности глобального мира на белорусской почве обретут специфическое наполнение, а их функционирование будет обеспечено существенно иными, чем в западном мире, регулятивными механизмами.

Главной функцией морали постмодерна становится обеспечение толерантного сосуществования в едином мире различных культур и их носителей. Глобализация и постмодерн породили насущную необходимость взаимопонимания, как отдельных людей, так и систем нравственности. В этом контексте можно показать, что толерантность является не новой, а как раз традиционной особенностью белорусского национального менталитета, которая исторически обусловлена пограничным положением страны между Западом и Востоком, католицизмом и православием [14, с. 131–132]. Толерантность белорусов проистекает из такого их качества, как «памяркоўнасць» (рассудительность), которое проявляется в том, что человеку проще согласиться с некоторыми вещами, чем тратить силы на борьбу с ними. В любом случае эта ценность играет все более

значительную роль в жизни наших молодых современников. Даже тогда, когда некие поступки другого человека они считают плохими, они мирятся с этим, так как значимость классических «добра» и «зла» отступает перед таким благом, как мирное сосуществование с окружающими [15, с. 100–101]. Потребность в доброжелательных отношениях с другими людьми оказывается важнее, чем соответствие их жизни неким абстрактным нормам и принципам. В целом две трети современных белорусов считают толерантность чертой реального белорусского менталитета [16, с. 157]. В основе их постмодерной толерантности как способности адаптироваться к существованию в социуме различных систем нравственных представлений лежит традиционная «цярпліваць» (терпение) – общепризнанная особенность белорусского национального характера.

Индивиды постмодерного сетевого общества характеризуются стремлением образовывать сообщества, основанные на частных интересах и личных привязанностях, объединенные особым образом жизни. Индивид эпохи постмодерна не является одиноким и асоциальным субъектом, его инаковость не разрушает микрогруппу, с которой он себя идентифицирует. В этом плане традиционная приверженность белорусов аффективным типам идентичности (семья, друзья, соседи) [17, с. 33] может сослужить хорошую службу. На современном этапе в общественном сознании нашего общества произошла переориентация с общественных проблем на личные интересы, жизненное пространство и сфера самовыражения личности отождествляются с микросредой, семейной группой, дружеским и, наконец, виртуальным сообществом, роль которого постепенно растет. Постмодернизация в белорусском контексте предполагает укрепление коммунальных социальных связей. Таким образом, традиционный коллективизм малых групп, устойчивая ценность низовых аффилиционных сообществ выступают функциональным аналогом коммунитаризма как ценностной ориентации постмодерного общества, предполагающего приверженность индивида ко множеству избранных им локальных сообществ.

Процессы постмодернизации в целом связаны с ослаблением роли национальных государств и усилением значения сообществ. Данная тенденция также находит корреляцию в традиционной идентичности белорусского народа, получившей название «тутэйшасці». Социологические данные показывают, что идея патриотизма интерпретируется в общественном сознании по преимуществу в традиционном ключе, в ней акцентируется не национальный или государственный, а территориальный аспект. Белорусская идентичность имеет слабую гражданскую и этническую привязку; базовым интегрирующим фактором для белорусов оказывается общая территория и совместное проживание [18, с. 8–14]. В результате исторически преобладавший среди жителей Беларуси тип социокультурной идентичности под метафорическим названием «тутэйшыя» остается господствующим и в наши дни, составляя основу патриотических переживаний и, как ни странно, постмодерных трансформаций нравственности [17, с. 36; 18, с. 9].

Переход обществ на стадию постмодерна характеризуется также переходом к постматериалистическим ценностным ориентациям, основу исследования которых заложил Г. Ингледарт [19], среди которых особое внимание уделяется

экологическим ценностям. В Беларуси, при всей актуальности для населения экологической тематики, экоцентрическая ориентация сознания отнюдь не стала господствующей. Между тем традиционный экоцентризм традиционной нравственной культуры, предполагающий заботу о природной среде, неотторжимость жизни человека от благополучия других живых существ, постепенно актуализируется в постмодерном контексте.

Таким образом, в незападных обществах, к которым относятся и Беларусь, и Китай, наблюдаются автохтонные функциональные аналоги феноменов постмодерна в нравственной культуре. К ним относятся нравственная ценность сети семейных и дружеских связей, приверженность к низовым сообществам, доверие и толерантность. Они выступают залогом успешного вхождения наших стран в глобальную цивилизацию, а также решения проблем этой цивилизации на основе ценностей традиционной культуры.

Литература

1. Федотова, В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3–27.
2. Хоружий, С. С. Кризис европейской классической этики в антропологической перспективе / С. С. Хоружий // Этика науки / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В. Н. Игнатъев. – М., 2007. – С. 85–97.
3. Духовный опыт Китая / сост., пер. и коммент. В. В. Малявина. – М., 2006. – 400 с.
4. Ильин И. П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм / И. П. Ильин. – М., 1996. – 256 с.
5. Беляева, Е. В. Элементы постмодерна в нравственности современной белорусской молодежи / Е. В. Беляева // Трансформация мировоззрения в современном транзитивном обществе: материалы Междунар. науч. конф., 23 нояб. 2007 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: В. В. Бущик [и др.]. – Минск, 2007. – С. 169–171.
6. Дао дэ цзин / пер., вступ. ст., комм. В. В. Малявина. – М., 2002. – 544 с.
7. Фукуяма, Ф. Доверие / Ф. Фукуяма. – М., 2006. – 736 с.
8. Штомпка, П. Доверие в эпоху глобализации (эскиз проблематики) / П. Штомпка // Социология. – 2007. – № 3. – С. 51–57.
9. Ломанов, А. В. Поиски культурной идентичности / А. В. Ломанов // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; редкол.: М. Л. Титаренко (пред.) [и др.]. – М., 1999. – С. 498–517.
10. Chung, C. C. Korea, religious tradition and globalization / C. Chung. – Yonsei, 2001. – 67 p.
11. Яньсянь, Я. Управляемая глобализация: государственная власть и изменения в культуре Китая / Я. Яньсянь // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / П. Л. Бергер [и др.]; под ред. П. Л. Бергера, С. П. Хантингтона; пер с англ. В. В. Сапова; под ред. М. М. Лебедевой. – М., 2004. – С. 27–56.
12. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева [и др.]; вступ. ст. Л. С. Переломова; Ин-т Дальнего Востока. – М., 2004. – 431 с.
13. Ильинская, С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика / С. Г. Ильинская; Рос. акад. наук, Ин-т философии, Гос. ун-т гуманитар. наук, фак. политологии. – М., 2007. – 288 с.

14. *Бабосов, Е. М.* Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е. М. Бабосов; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск, 2005. – 229 с.
15. *Яковук, Т. И.* Динамика ценностных ориентаций белорусской молодежи периода системной трансформации общества / Т. И. Яковук; Брест. гос. техн. ун-т ; под ред. Е. М. Бабосова, А. А. Павловского. – Брест, 2003. – 234 с.
16. *Кириенко, В. В.* Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В.В. Кириенко; Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого. – Гомель, 2009. – 321 с.
17. *Титаренко, Л. Г.* Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе / Л. Г. Титаренко; Республик. ин-т высш. шк. – Минск, 2006. – 144 с.
18. Специфика гражданского и этнического самосознания представителей трех поколений / Л. И. Науменко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск, 2005. – 28 с.
19. *Inglehart, R.* Modernization and postmodernization : cultural, economic and political change in 43 societies / R. Inglehart. – Princeton, 1997. – 504 p.

С. В. ВОРОБЬЕВА

*доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)*

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИМЕНОВАНИЯ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЛОГИКЕ

Культура каждого периода развития человечества характеризуется своим менталитетом, который обусловлен типом логики и правилами мышления. Логика и ее правила регулируют не только рассуждающее мышление, но и социальные взаимодействия, принятые в обществе. Отсутствие определенных логических стандартов свидетельствует об отсутствии маркируемых ими ментальных или социальных феноменов. И наоборот, наличие логических маркеров указывает на их наличие.

Между логикой и культурой существует тесная взаимосвязь. Э. Фромм утверждал, что тот или иной исторически сложившийся тип логики в определенной мере детерминирует процесс становления и развития соответствующей ему культуры. В основании западной культуры лежит логика Аристотеля, основанная на необходимой связи оснований (посылок) и следствия (заключения). Она привела культуру к догме и науке, к католической церкви и открытию атомной энергии. Культура Китая, напротив, опирается, согласно Э. Фромму, на парадоксальную логику, которая ведет культуру к терпимости и стремлению изменить себя.

В то время, когда античная логика сформулировала законы непротиворечивости и исключенного третьего, китайская логическая традиция проявляла терпимость к парадоксальности и неоднозначности мышления. Древнекитайская практическая логика не только считала противоречие неизбежной стороной жизни, но и не требовала его изъятия из мышления. Поэтому ключевой в

древнекитайской логической традиции стала проблема именования. Именно в ее контексте обсуждался вопрос о корреляциях мышления и жизни, языка и реальности, сознания и бытия, мотива и поступка. Интерес современной науки к данным корреляциям сохраняет актуальность способов решения проблемы именования в древнекитайской практической логике. Поэтому целью сообщения является логико-методологическая реконструкция способов решения проблемы именования в данной логической традиции.

Методологическими основаниями исследований по вопросам именования стала философия конфуцианства. Социальный смысл этой конфуцианской программы заключался в том, чтобы отношения между реальными делами и их именованиями соответствовали традициям, обеспечивающим социальный гомеостаз. Ключевыми в конфуцианской программе стали требования «правильности имен» и «исправления имен». Теоретический и практический смысл этих требований афористически выражен в известном изречении Конфуция: «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном» [цит. по: 1, с. 160].

Конфуцианская программа – это поиск условий, при которых становится возможной организация социальной и личностной дисциплины. Человек, занимающий некоторое социальное положение, должен вести себя соответствующим этому положению образом (*чэнь*). Поэтому все беспорядки в обществе конфуцианцы связывали с нарушением этого требования. Изначальное понятие «порядок» как кодекс конкретных отношений, действий, прав и обязанностей поднимался до уровня образцовой идеи «правильности имен». Согласно Мэн-цзы, *чэнь* как образец поведения человека в конфуцианстве является асимптотической социальной функцией, т. е. к нему нужно стремиться, но он недостижим. Недостижимость демонстрируется посредством метафоры «Неба» (*Тянь*). «Небо подтверждает этическое совершенство – *чэнь*, а человек обязан постоянно думать и стремиться к нему» [цит. по: 1, с. 145].

Древнекитайская логическая традиция стала исторически первым образцом создания социальных технологий, теоретико-методологические основания которой составили операции с именами. Социальные технологии, регулирующие общественную практику людей, представляют собой рациональные принципы дисциплинарной организации мышления людей, т. е. их поведения в реальных жизненных ситуациях. По этой причине предметом логической рефлексии стала не абстрактная истина, как в античной логике, а реальная жизнь и повседневная коммуникация. Как результат, в сферу социальных технологий попало индивидуальное человеческое сознание – область внутреннего наблюдения индивидуума, например, формирование определенного типа поведения посредством схемы «Чэнь – Тянь».

Конфуцианский интерес к лингвистическим структурам чувственного опыта и к внутренней логике естественного языка, особенно к именам – языковым выражениям, связывающим язык и реальность, мотив и поведение, определялся концептуализацией как способом использования языка и мышления. Например, на вопрос «Правильно ли отвечать добром на зло?» Конфуций ответил: «Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью. На добро

отвечают добром» [3, с. 532]. В рассуждении о шести пороках Конфуций указывает на когнитивные ошибки, возникающие при нежелании человека осваивать новое. «Любить человеколюбие и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к тупости. Любить мудрость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к тому, что человек разбрасывается. Любить правдивость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к нанесению ущерба самому себе. Любить прямоту и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к грубости. Любить мужество и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к смутьянству. Любить твердость и не любить учиться. Порок в том, что это ведет к сумасбродству» [4, с. 171].

Формализация феноменов социальной и личностной дисциплины возможна в контексте решения проблемы именования. Понимание дисциплины как набора ясных, обусловленных и постоянных последствий, необходимых для регулирования участия в социальных взаимодействиях, начинается с уяснения и усвоения смыслового значения имен. Поэтому именованное как логическое отношение, связывающее человека и общественную жизнь, стало предметом научных притязаний последующих столетий.

Первый китайский логик Хо Ши (ок. 350–260 гг. до н.э.) – мыслитель доциньской эпохи – интерпретировал проблему именованного как процесс отражения характера предмета, осуществляемого при сравнении его с другими предметами. Это означает, что несравнимые вещи, в случае их идентификации, должны именоваться по-разному. Например, «полезное и бесполезное познается только в сравнении. Если не осознал бесполезного совета, то неважным может оказаться совет полезный». Сравнимые предметы, совпадающие по определенным признакам, предполагают как одинаковое именованное, указывающее на принадлежность к одному роду, так и разные имена, определяющие их видовую специфику. Признаки рода в большей степени, чем признаки вида, представлены в опыте. Поэтому признаки рода как признаки сходства являются чувственно воспринимаемыми признаками, в отличие от признаков видовых.

Хо Ши подчеркивал несоответствие между чувственно воспринимаемыми внешними признаками (свойствами) предмета и его сущностью, т. е. различал общие (неотличительные) и специфические (отличительные) признаки предметов. На этом основании он установил дистинкции между несущественными и существенными атрибутами именуемых предметов. Комбинациями отношений между ними определяется сущность процесса именованного в познании и самого познания. Это означает, что для Хо Ши существовал, с одной стороны, чувственный опыт, с другой – причинно-следственное мышление, объекты которого получают свой смысл только в связи с чувственным опытом.

Причинно-следственное мышление лежит в основе принятия решений. Оно позволяет предсказывать результаты своих поступков. В противном случае, связь между поведением и его результатом остается неясной. Человек остается вне программы «правильности имен», следовательно, не обладает рациональной основой для «оценочного ума». Он зависим от своих инстинктов и привычек, он безответственен.

Рассуждая о возможностях и пределах человеческого познания, Хо Ши утверждал, что «наибольшее не имеет внешней границы, а наименьшее лишено предела внутри себя» [цит. по: 5, с. 65]. Категории «наибольшее» и «наименьшее» («минимум») китайский логик интерпретирует в онтологическом аспекте, имея в виду невозможность пространственной локализации ни абсолютного максимума, ни абсолютного минимума. Диалектика противоположных имен, подразумевающая количественные характеристики, демонстрирует весь спектр возможностей человеческого бытия (польза/вред, здоровье/болезнь, радость/горе, чтимое/презираемое и др.).

Гунсунь Луна (ок. 325 – 250 гг. до н.э.) интересовал вопрос о том, каким образом особенное превращается в общее с помощью языка. Поэтому в центре его внимания оказались два способа именования: иконическое, передающее отношения между частью и целым, и теоретико-множественное, передающее отношение между классом и элементом. Например, необходимое явление, детерминированное внешними обстоятельствами, и случайное явление, не детерминированное ими, различаются в контексте отношения между частью и целым (системой, процессом или чертежем). Необходимость, детерминированная сущностью вещи, и случайность, не детерминированная сущностью вещи, различаются в контексте отношений между элементом класса (рода) и самим классом (родом).

Гунсунь Лун разработал учение о признаках-указателях (*чжи*), под которыми понимал цвет, форму, величину и другие качества и размерности предмета. Первичный доступ человека к миру организован с помощью признаков-указателей, определяющих содержание мышления человека. Раскрывая антиномии в содержании знаков, он признавал трудности в установлении границ признаков-указателей. Размышляя над антиномиями, он установил зависимость парадоксальности мышления от используемых имен.

Парадоксальность мышления, согласно Гунсунь Луну, детерминирована способом сопоставления элементов разных совокупностей. Б. Рассел в XX в. назвал этот способ «сопоставлением элементов разных логических типов», в результате чего возникают парадоксы. Гунсунь Луну принадлежит ряд парадоксов, к примеру, «летающая стрела временами не находится ни в движении, ни в покое», «если каждый день отнимать половину от палки длиной в одно *чи*, то этот процесс нельзя закончить и через 10 тысяч поколений» и др. [6, с. 65–66]. Гунсунь Лун, как и Хо Ши, зафиксировал наличие в реальности таких объектов, атрибутов и отношений, которые можно номинировать только средствами современных тернарного или теоретико-множественного языков: «признак признака», «признак свойства», «признак свойства признаков», «бесконечность в конечном», «признаки бесконечного в конечном» и т. д.

Анализируя процесс получения нового знания, Гунсунь Лун считал приоритетным вывод на основании примера (*юань*). Суть этого вывода заключается в использовании одной вещи для объяснения другой. И если такой вещи, которая может выступить в роли объяснительной модели, не существует, то нельзя признать вещь, нуждающуюся в объяснении, в качестве правильной. Следует признать, что данная идея Гунсунь Луна близка концепции контрпримера в

теории дискретного анализа мышления, так как в непрерывном (аналоговом) анализе контрпримеры невозможны.

Во второй половине III – начале II в. до н. э. апологетами Гунсунь Луна стали представители философской школы моистов. Сама школа была создана Моцзы (или Мо Ди (ок. 479–403)) в V в. до н. э. Логические идеи школы моистов были изложены в двух трактатах: «Гунсунь Лунцзы», в котором обобщены достижения предшественников, и «Мобянь», или «Рассуждения Моцзы», в котором представлены рассуждения самого учителя.

Логическая проблематика освещалась в указанных трактатах по следующим направлениям: 1) теория имен (*мин*); 2) теория высказываний (*цы*); 3) теория рассуждений (*шо*) и теория спора (*бянь*); 4) концептуальное изложение основных законов мышления. Данная проблематика определила особенности логики древнего Китая периода ранней Цинь. При объяснении ее специфики следует исходить из того факта, что логическое учение моистов разрабатывалось под влиянием управленческой этики этого периода. Поэтому основная задача практической логики заключалась в поиске условий, при которых возможным становится выполнение программы Конфуция и поддержание традиций.

В рамках теории *мин* было реконструировано отношение именованности. Операция приписывания имен объектам различной природы (предметам, явлениям, их свойствам и отношениям) рассматривалась моистами как один из важнейших компонентов процесса познания и общения. Поскольку имена связывают язык и реальность, постольку они являются, скорее, экзистенциальной ценностью, а не инструментальной. Поэтому теория *мин* была ориентирована не на мощность объема понятий, а на мощность множества признаков.

По степени абстрактности, т. е. по мощности множества признаков, моисты разделили имена на три группы: 1) общие; 2) родовые; 3) частные. Увеличение данной мощности происходит от общих имен («вещь», «свойство вещи») к частным именам («лимон», «желтый»). Родовые имена («фрукт», «цвет») являются опосредующим звеном. Грамматическая интерпретация данной классификации представляет собой деление на универсальные, общие нарицательные и частные нарицательные имена. Особо выделялся класс имен собственных, позволяющих производить замещения. Подобные логические формализации необходимы были для описания эпистемологических структур опыта: человек в состоянии указать пальцем на лимон, но не может показать фрукт или цвет вообще. Границами данного опыта выступают универсализации, маркируемые кванторами «все», «каждый», «никакой» или другими. Без них невозможны формулировки этических постулатов. В рамках моистской классификации имен были обоснованы представления об универсальных множествах и их роли в организации социального порядка.

Отношение именованности характеризовалось моистами как связь обозначающего и обозначаемого, т. е. имени и объекта, который оно замещает. Отношение именованности, согласно их концепции, включает три измерения: 1) «безотносительное обозначение»; 2) «субъектное обозначение»; 3) «объектное обозначение». Безотносительное обозначение – это синтаксическое отношение имени к имени, например, «мяукающий как кошка». В синтаксической

структуре обозначения недопустимы переменные без искажения отношения именованного. Субъектное обозначение – это семантическое отношение имени к его денотату, например, «кошка мяукает». Данное обозначение допускает наличие переменных в своем составе: «*X* мяукает». Объектное обозначение – это прагматическое отношение, включающее три элемента: имя как средство передачи информации, пользователь – транслятор информации, имеющий намерение относительно адресата информации, и непосредственно адресат информации.

Построение исчисления имен моисты начали с разграничения сравнимых и несравнимых имен. Подчеркивая тот факт, что познание начинается со сходства, моисты указали на бессмысленность употребления несравнимых имен. Абсурдно, по их мнению, спрашивать: «Чего больше – ума или зерна?»; «Что длиннее дерево или ночь?» [7, с. 106]. Вместе с тем они понимали относительность пределов сравнимости и несравнимости имен.

Несравнимые имена для моистов, как и для Хо Ши, Гунсунь Луна и др., составляли базис для образования новых конфигураций предубеждений и убеждений. Необходимым условием являлось переосмысление несравнимых имен, в результате которого они становились сравнимыми, т. е. совместимыми или несовместимыми. Древнекитайские логики осознавали, что при сопоставлении (ассоциировании) двух знакомых представлений-понятий может формироваться третье, особое, новое представление-понятие, не получившее пока специального названия или готового выражения в языке. Коммуникативная, управленческая, технологическая или другая ценность этого представления-понятия должна была быть подкреплена социально-этической значимостью, ибо то, чему нет названия, не существует для человека. Социально-этическая экспертиза выступала критерием «присваивания имен» новым понятиям. Номинированное ранее неизвестное значение представляло собой новый сценарий участия человека в жизни.

Моисты обосновали зависимость атомарного характера понятий от выбора логического дискурса. Атомарный характер понятий, именуемых элементарными, далее неразложимые наблюдения, детерминирован исчислением имен, исчислением высказываний либо контекстом рассуждений или спора. Например, моистский принцип всеобщности *цзиньбай* – «имеющий силу (S_1) должен помогать людям (P_1), а имеющий богатство (S_2) – поделиться с другими (P_1)» [8, с. 730] – допускал интерпретацию средствами исчисления имен: «некоторые люди, помогающие другим ($S(P_1)$), имеют силу ($P(S_1)$), а некоторые поделившиеся с другими ($S(P_2)$) – богаты ($P(S_2)$)», а также средствами логики высказываний: «если имеешь силу или богатство, то отношение к людям измеряется твоими физическими или материальными возможностями», что вместе с посылкой можно представить в виде следующей логической структуры, являющейся конструктивной дилеммой: $[(S_1 \rightarrow P_1) \wedge (S_2 \rightarrow P_2)] \rightarrow [(S_1 \vee S_2) \rightarrow (P_1 \vee P_2)]$.

Исследуя проблемы эристики, поздние моисты разработали теорию публичного спора. Спор они рассматривали через призму толерантности (терпимости) и критики – двух переменных человеческого блага и двух проявлений человеческой воли. Толерантность была редуцирована к признанию свободы дру-

гого человека «быть иным» и отстаивать свою «инаковость», поддерживаемую концепцией «правильности имен». Критицизм как проявление внутренней свободы – это воля к «правильности имен» и к «исправлению имен».

Моисты различали семь методов ведения полемики. Первый метод сводился к сопоставлению (*би*) двух предметов, один из которых используется для объяснения другого, т. е. к аналогии объектов. Тактика *би* предполагала поиск того предмета, который похож на предмет защиты. Мотивацией выступал принцип: «Если это хорошо в том отношении или контексте, то хорошо и в этом». Со времен Гунсунь Луна тактика *би* требовала уточнения отношения или контекста: «свойства, участвующие в формировании качества»; «качество как свойство предмета, находящегося в сфере интересов человека» и др.

Второй метод предусматривал сравнение (*моу*) структурных элементов двух высказываний, или аналогии понятий. Тактика *моу* предполагала уточнение предмета спора: об одном ли предмете думают противостоящие стороны? Цель тактики заключалась в уточнении представлений, переживаемых спорящими сторонами. В современных логико-аргументационных техниках данная тактика, совместно с тактикой *би*, именуется установлением раппорта. Установление раппорта означает согласование ценностей разных сторон и отодвигание противоречий.

Третий метод, рекомендуемый моистами в качестве эристического приема, – это распространение (*сяо*) признаков, характерных для класса предметов, на индивидуальные предметы, т. е. вывод из общего. Тактика *сяо* строилась на содержательной аксиоме дедукции: признак, присущий классу предметов, присущ каждому элементу класса. Данный метод близок к аристотелевскому силлогизму.

Четвертый метод предполагал «опору на мнения противника» и выявление противоречий в аргументах оппонента. Согласно данной тактике, следует уметь переключать внимание на эпистемологическую позицию оппонента с целью выявления его пороговых ценностей и уточнения своих. Подобное переключение позволяло работать не только с общепринятой реальностью, но и реальностью, порожденной противоположной стороной.

Последние три метода представляют собой рекомендации, определяющие пределы допустимого: разрешается высказываться необоснованно, т. е. говорить о возможных событиях; можно приводить еще не полностью доказанные доводы, т. е. рассуждать предположительно; подражать противнику, принимая за образец его тезисы и аргументы. Интеллектуальная работа в соответствии с тремя последними тактиками направлена на высвобождение от самомнения. Как воин изучает собственные поступки и проводит их инвентаризацию, так и участник словесных баталий для освобождения от самомнения должен детально видеть линии развития событий. Спорщик не приступает к действию, пока не владеет как минимум двумя описаниями или двумя позициями восприятия.

Методы ведения спора, разработанные в школе моистов, были направлены на согласование разных эмпирических и теоретических позиций. При этом речь не шла о преодолении противоречий. Вопрос ставился о способах ограничения мышления и социального взаимодействия рамками целесообразного. Например,

в роли подобной рамки мог выступать принцип солидарности, необходимый для сохранения группы. В иных ситуациях насмешка или презрение в роли целесообразного позволяли возвратить человека к традиции [9].

Таким образом, логико-методологическая реконструкция способов решения проблемы именованного в древнекитайской логике позволяет утверждать, что они по-прежнему актуальны и практически не нуждаются в модификации. Более того, предложенные способы решения представляют собой обоснованные схемы, применимые в решении других задач, связанных с организацией социального взаимодействия. Отношение именованного как связь языкового выражения (знака) и объекта, к которому он отсылает, тесно связано с конфуцианской программой «правильности имен». Подобная связь объясняет специфику резонансов, приводимых китайскими логиками для обоснования способов решения проблемы, и определяет условия применимости конструируемых аргументов.

Толерантностью к противоречию объясняется тот тип мышления, который сложился в древнекитайской традиции. Этот тип мышления не является монологическим. Напротив, он направлен к другому, и вследствие этой направленности не стремится авторитарно противопоставить свое иному, а стремится понять иное и приспособиться к нему. Понимание иного – это объяснение не связи между посылками и заключением, как в античной логике, а умение работать с именами.

Литература

1. Древнекитайская философия: в 2 т. / ред. Л. В. Литвинова. – М., 1972–1973. – Т. 1. – 384 с.
2. *Быков, Ф. С.* Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае / Ф. С. Быков. – М., 1966. – 244 с.
3. *Конфуций.* Беседы и суждения / Конфуций. – СПб., 1999. – 1120 с.
4. Древнекитайская философия: в 2 т. / ред. Л. В. Литвинова. – М., 1972–1973. – Т. 1. – 384 с.
5. История философии / пер. с чеш. И. И. Богута. – М., 1991. – 590 с.
6. История философии: в 6 т. / редкол.: М. Адынник [и др.]; АН СССР. – М., 1957–1965 гг. – Т. 1. – 716 с.
7. *Щербатской, Ф. И.* Избранные труды по буддизму / Ф. И. Щербатской. – М., 1988. – 428 с.
8. *Го Можо.* Философы древнего Китая / Можо Го; пер. с кит., общ. ред. и послесл. Н. Т. Федоренко. – М., 1961. – 737 с.
9. *Воробьева, С. В.* Китайская логика / С. В. Воробьева // Всемирная энциклопедия: философия. – М.; Минск, 2001.

О. И. ИГНАТЕНКО

*старший преподаватель кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)*

ФИЛОСОФИЯ ДЗЕН-БУДДИЗМА В КИТАЕ

Дзен-буддизм принято считать философско-религиозным направлением в Японии. Но начало этого направления и его формирование связано с Китаем Средних веков.

Дзен – это буддийский путь достижения прямой реализации трансцендентной природы жизни, ведущей к непосредственному восприятию действительности.

Сознание дзен – это стремление повернуть человека к нему самому, к его уникальной самости, к его удивлению открытия истины в себе и окружающем мире.

Начало и становление дзен-буддизма в Китае связано со школой Чань, которая представляла такое направление буддизма, как махаяна.

Название «чань» происходит от транскрипции с санскрита понятия дхьяна, под которым понимали мистическое созерцание, медитацию. Но, в отличие от буддийской практики, в школе чань методы пассивной медитации сочетались с методикой активной медитации, разработанной в даосизме.

В теории и практике Чань сформировались такие основные принципы, как:

- недоверие к слову и тексту как форме передачи высшей истины и дискурсивно-логическому мышлению как способу постижения истины;
- возможность достичь просветления и освобождения без длительного восхождения по пути самосовершенствования в процессе активной жизнедеятельности и эстетизации окружающей действительности (творчество поэтов, художников, актеров, «военно-прикладные искусства»);
- преодоление привязанности к духовным авторитетам и догмам;
- отказ от подражания и обретение внутренней свободы;
- снятие всех противоположностей («время – вечность», «субъект – объект», «жизнь – смерть», «истинное – ложное», «добро – зло»).

Последнее положение, т. е. отрицание противоположностей, вообще не увязывается с древнекитайской философией.

Дзен выражает действительность не с помощью религиозных объяснений, а через повседневные понятия. («Если идете – идите, когда сидите – сидите. И не сомневайтесь в этом»). Проблема всех времен и всего человечества – как жить в мире и находить освобождение – разрешается в дзен просто – через чистоту объективного восприятия самого этого мира. Обычная модель восприятия мира только через его понимание разрушается, в нем нет почвы для логического сознания. Интеллект и воображение отключаются, т. к. в повседневных действиях в них нет необходимости.

Дзен стремится высвободить человека из уже сложившихся моделей, разрушить строго зафиксированные формы. В этом объяснении много парадоксов, есть только конкретные представления.

Один из учителей дзена Уммон сказал, что в дзене существует абсолютная свобода: иногда он принимает что-то, иногда – нет; он создает из любого подхода блаженство восприятия».

Дзен отрицает все попытки рационализировать действительность, найти смысл, придать ей философскую форму. Дюркхайм по этому поводу заметил: «Это осознание жизни, действующей внутри нас, принципиально отличается от наблюдения и постижения извне. При таком наблюдении и постижении, тот, кто постигает, стоит в стороне от того, что постигается и наблюдается. При осознании же опыт остается единым с испытывающим, охватывает его и таким путем преобразует его». Дзен безразличен к каким-либо стремлениям человека и его амбициям. Дзен считает, что все в мире в равной мере свято и нельзя какой-либо аспект жизни считать более важным по отношению к другому, иначе можно прийти к ошибке дуализма, и это уведет от реальности.

Одно из положений дзена утверждает: «Совершенный путь не ведает трудностей. Кроме трудности неотдавания предпочтения. Лишь освобожденный от ненависти и любви он являет себя во всей его истинности». Такую точку зрения отстаивал первый патриарх дзена в Китае Бодхидхартма, пришедший из Индии (VI век). Индийский монах считал, что деяния человека не могут принести никаких заслуг, если они (заслуги) идут из сердца и не связаны с деяниями в миру.

Дзенский метод обучения заключается в демонстрации реальности, а не в говорении по ее поводу; эта демонстрация всегда воспринимается серьезно и без лишней торжественности. Воспринимать ее (реальность) в полном объеме означает отказ от стремления все определить через слово. Но слова уводят сознание в мир знаний о чем-либо вместо восприятия действительности в данный момент, когда нет еще ни мыслей, ни слов.

Основные методы дзен направлены на то, чтобы помочь увидеть обусловленность, что необходимо для определенных целей. Если человек уходит от принятых концепций, то мир разрушается и ему приходится воспринимать непосредственную реальность, что в свою очередь приводит к удивлению открытия его собственного существования.

Неопосредственный опыт сущего – это значит «здесь и сейчас», это понять что нечто «здесь и сейчас» («Вдыхая, я вбираю мир в себя, а выдыхая отдаю ему себя»).

Дзен представляет философскую мысль, утверждающую, что сущее есть реальность, противопоставляя все сущее реальности, создавая тем самым единство мира. Создавать единство мира или в чувствах, или в мыслях значит творить идею того, что этого единства нет. В действительности все едино, но в мыслях представить все можно разобщенно.

Когда мы стараемся отделить творца от его акта творения, жизнь от ее проявлений в мыслях и считаем эти мысли верными, то что-то теряем интеллектуально.

Главной целью дзенской практики является достижение состояния сознания, когда каждое «Я» опустошает само себя, отождествляет себя с вечной ре-

альностью. Эта пустота представляет собой динамически существующий вакуум, природа которого остается непознанной.

Этот опыт индивидуального сознания представляет состояние сознания, в котором Мудрость реализует свою собственную внутреннюю природу. Такое восприятие природы вещей понимается через посредство анализа и логики. Это – открытие нового неизменного мира, скрытого дуалистически ориентированного сознания.

Исходя из развития своего сознания, человек зависит и от внешних, и от внутренних условий в концептуальном плане. Опыт индивидуального сознания трансформирует субъектно-объектную двойственность в новое измерение бытия. В этом измерении нет индивидуального «Я» во время существования опыта сознания. Достижение такого состояния бытия приводит к раскрытию значения личностного существования, своего истинного места в жизни, нахождения своей самости со всем сущим. В результате такого опыта проявляются все лучшие человеческие качества личности, так как не существует отрицательных начал. Для тех, кто испытал такой переворот в своем сознании, жизнь становится удивительным открытием.

Дзенский метод освобождения направлен на прорыв через страсти, недостижимые мечтания и желания, страх и гнев. Дзен также старается уничтожить надежду на привычные принципы и идеи.

Основателем дзен-буддизма в Китае считается Хуэй Нэн (VII–VIII вв.). Именно он установил ныне традиционную практику дзадзэн, определяя ее так: «В центре всего доброго и дурного ни единой мысли не возникает в сознании – это мы называем дза. Видение вашей самости природы вне всякого состояния движения – это мы называем дзеном». Хуэй Нэн считал, что именно такое состояние сознания является важным для человека, меньше уделяя внимания физической позе.

Продолжателем идей Хуэй Нэна стал Лин Чи (IX в). Национальный дух Китая среди других государств отличался воинственностью, дзен того периода определялся резкой прямоотой и силой. Такой характер носил и метод обучения Лин Чи. Человек должен отклонять все привычные формы думания и тогда его сознание открывалось прямому восприятию собственной природы. Лин Чи отрицал и религиозные условности. Его метод выделял спонтанность и абсолютную свободу. В понимании Лин Чи дзен не связан с идеей Бога (Будды), но связан со всей реальностью человеческого бытия. Правильное человеческое существо стремится узнать и понять, что есть жизнь по своей сути, живет в соответствии с этими знаниями. И тогда человек свободен от идей о вещах и способен действовать в гармонии с универсумом.

Представления о человеке в дзен-буддизме связаны с отказом от представлений о человеке в повседневной жизни и общественной деятельности. Дзен утверждает, что человек в его истинной реальности есть и должен быть абсолютной самостью. Выходя из эмпирического мышления, дзен предлагает восприятие человека прямо как абсолютную самость до его понимания как объекта. И только тогда можно найти истинное представление о человеке, представляя

его таким, каков он есть в действительности, в его реальной сущности в данный момент.

Дзен предлагает практический способ, чтобы субъект смог углубиться в свое внутреннее содержание, чтобы преодолеть раздвоение самости, как субъекта, так и объекта, и найти свое собственное единство.

Представление о человеке в дзен-буддизме есть представление о человеке, прошедшем трансформацию самого себя, стал истинным человеком без условностей рангов в понимании Лин Чи.

Такое представление о человеке имеет особую важность в истории развития дзен-буддизма. Именно в учении Лин Чи человек переходит со второго плана на первый. Прежде основными терминами были слова, обозначающие Сознание, Природу, Мудрость, Абсолют. Лин Чи ставит человека в центр дзенской философии и создает вокруг живое и динамичное мировоззрение. Особенность в том, что эта мысль именно китайская, эта концепция реалистична вплоть до прагматичности. Прагматичность состоит в том, что человек это конкретный индивид, существующий в данном месте независимо от того, что он делает. Но этот человек – личность, живущий среди конкретных вещей. И данный человек включает две личности, как единство одной. «Хотите знать, кто наш духовный наставник? Будда? Он не более, чем вы сами, пребывающие здесь и теперь», – так писал Лин Чи.

Исходя из дзенского понимания состояний сознания «самости» возможно определение уровня самосовершенствования личности и ее свободу по отношению к условностям. Создавая себя, личность образует определенный уровень своего бытия вечного. Этот путь реализуется в каждый момент преодоления его правильными методами; результат такого преодоления определяется на каждом шагу. «Цивилизованный» человек, забыв то, что он есть на самом деле, надеется только на способности своего тела, на предметы окружающего мира. В результате все превращается только в формы без содержания.

С точки зрения восточной философии при сравнении значимости тела и сознания, следует, что сознание важнее, так как тело находится у него в подчинении. Череда страданий, их причин и пути преодоления представляет круговорот. Этот круговорот можно разделить на три сферы: мир желаний, мир форм и мир без форм.

Мир желаний связан с удовольствиями, имеющими форму, звук, запах, вкус и объект (осязаемый). Мир форм состоит из двух частей: в низшей испытывают наслаждение внутреннего созерцания; в высшей – человек отвлекается от конкретного чувства и испытывает какие-то нейтральные чувства. В мире без форм все осязаемые объекты и их свойства отсутствуют, это мир сознания, т. е. состояние души, в которое человек сам и вводит свое сознание.

Конкретизация состояния души (сознания) человека не присуща дзену, но тем не менее в дальнейшем развитии дзен-буддизма выделяют десять миростояний:

- мир ада (ад – это одна из сторон жизни, которая проявляется в реальном бытии; это предел страданий);
- мир голодных духов (связан с низшими желаниями);

- мир скотов (определяется как состояние потери разума, состояние действия инстинктов);
- мир демона Асуры (связан с состоянием агрессивности, с желанием быть всегда и во всем первым). В этом случае зарождающееся самосознание представляет себялюбие;
- мир человека – это естественное состояние человека, добросовестное занятие повседневными делами;
- мир неба – состояние, когда переполняет только радость, но в этом мире затаилась сущность желаний;
- мир слушающих голос (связан с голосом учителя, проповедующего «Закон»);
- мир самостоятельно идущих к просветлению. Этот мир противопоставляется предыдущему, но эти идущие ни с кем не делятся опытом достижения истины, что противоречит учению Махаяны;
- мир бодхисаттв; бодхисаттва сознательно жертвует собственным благополучием ради спасения других;
- мир будд – это состояние открытия всех законов бытия, прошлого, настоящего, будущего. «Мир будд» присутствует в каждом человеке, но скрыт дьявольской сущностью жизни и поэтому человеку самому невозможно его осознать.

Эти миры-состояния представляют модусы всего сущего и носят универсальный характер.

В дзен-буддизме и его вариантах выделяют три вида действий, вызывающих определенные следствия: действия, дающие заслуги; действия, не дающие заслуги; действия, дающие непоколебимость.

Действия первого вида приводят к счастливому перерождению, это жизнь человека в мире неба.

Действия второго порядка связаны с перерождением в облик демонов, голодных духов, мучеников ада.

Действия, дающие непоколебимость, относятся к высшим мирам.

Практика боевых искусств относится к высшему типу сосредоточения. Суть этой практики в том, чтобы сосредоточенно удержать сознание на определенном действии, в соединении ума и тела.

Боевые искусства – это особая практика выявления психического состояния человека, насколько он отстранен от личных желаний. Боец-философ погружен в свое сознание, психические действия связаны с целесообразностью. И все, что происходит с ним, происходит так, как должно происходить. Боец-философ, как и любой другой, на пути развития непоколебимости сознания проходит стадии «миров». На каком из миров остановиться – зависит от него самого. И, как утверждал один из учителей дзен-буддизма Дхамманада, если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя самого, то именно этот другой – величайший победитель в битве. Под битвой следует понимать постоянное преодоление себя, своих недостатков, это путь к состоянию боддхи.

Наиболее интересно состояние сознания воина «мира самостоятельно идущего к просветлению». Они уравновешены, гармонично развиты, но это они и их самость, что передать, научить других невозможно.

Уровень бодхиствты связан не с обучением боевой технике или философствованию. Это стремление поставить человека на путь самореализации, предоставления средств для проявления уверенности в себе и в то, что высшее состояние души зависит от самого человека. И на последнем этапе развития сознания возможна реализация охвата всего мира без дробления его сознания на частности.

Принцип «здесь и теперь» проявляется во всех поступках, в дзен-буддизме человек сразу находит решение. И это решение не связано с добром или злом.

Дзен-буддизм, начав свой путь в Китае, имеет продолжение и развитие в Корее, Вьетнаме, Японии, где кроме своих традиций наполняется новым прочтением.

М. А. ИСАЧЕНКОВА

*старший преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока
Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

КИТАЙСКИЙ КОСМОГЕНЕЗ: СТРУКТУРА ХАОСА

Универсальным мотивом мировой космогонии является представление о первоначале, которое в европейской традиции получило название *хаоса* (др.-греч. *χάος* от *χαίνω* – 'раскрываюсь', 'разверзаюсь'). В мифологической модели мира хаос – это прежде всего «вселенская пустота или аморфное состояние, предшествующее творению космоса» [1, с. 671]. Как правило, хаос предстает в виде темной бездны (у греков) или водной первостихии (у египтян, шумеров). Начало космогонического процесса характеризуется разделением неба и земли, выделением стихий, появлением и упорядочиванием предметов и явлений космоса.

В китайской традиции хаос обозначается *хуньдунь* и не имеет четкого описания. Одним из самых ранних письменных источников, где он упоминается, является даосское сочинение *Чжуанцзы*¹: «Владыкой Южного Океана был Быстрый, владыкой Северного Океана был Внезапный, а владыкой середины земли был Хаос. Быстрый и Внезапный время от времени встречались во владениях Хаоса, а тот принимал их на редкость радушно. Быстрый и Внезапный захотели отблагодарить Хаос за его доброту. «Все люди имеют семь отверстий, благодаря которым они слышат, видят, едят и дышат, – сказали они. – Только у нашего Хаоса нет ни одного. Давайте-ка продолбим их в нем». Каждый день они проделывали одно отверстие, а на седьмой день Хаос умер» [2]. Автор приводит легенду с определенной идеологической целью: показать негативность искусственных действий, насильственного вмешательства в есте-

¹ *Чжуанцзы* 莊子; III в. до н. э.

ственный ход вещей. Тем не менее в рассказе отражена архаическая стихия: изначальная аморфность, недифференцированность хаоса, его центральное положение и водное окружение.

В *Шаньхайцзин*² *хуньдунь* персонифицируется, приобретая характерный для народной религии фантастический вид природного духа, обитающего в Небесных горах (天山 *Тяньшань*) под именем Божества Реки-Предка (帝江神 *Дицзяншэнь* или 帝鴻神 *Дихуншэнь*). Обликом он напоминает птицу, похожую на бесформенный мешок, красный, словно огонь, и имеющий шесть ног и четыре крыла. У Дицзяна нет ни лица, ни глаз, однако он поет и танцует. Животное в виде мешка символизирует идею первичной нерасчлененности, а его имя подтверждает, что хаос мыслился водяным [3, с. 61]. Мифический зверь, тоже с признаками нерасчлененности, хотя заметно ослабленными, описан и в *Шэнь и цзин*³: к западу от горы Куньлунь водится зверь, похожий на длинношерстую собаку с медвежьими лапами, но без когтей. «У него есть глаза, но он не видит, ходить не умеет, есть уши, но он не слышит, зато чувствует приближение человека. В брюхе у него нет внутренностей, есть лишь прямая кишка и вся пища проходит насквозь. На добродетельных он кидается, к злодеям льнет...» [4, с. 35]. Следует подчеркнуть внешнее сходство описываемых существ с мешком. На этом основании французский китаевед Марсель Гране связывает идею *хуньдунь* с темой кожаного мешка, которая встречается в более поздних легендах. «Этот рассказ связан с царем У-и (правил, по традиции, 1198–1195 гг. до н. э.), одним из последних злых правителей династии Шан, который изготовил человеческую фигуру и назвал ее Духом небес (*Тянь-шэнь*), а потом сыграл с ним партию в шашки и выиграл ее. Чтобы выказать свое презрение к нему, царь повесил кожаный мешок, наполненный кровью, и пускал в него стрелы, приговаривая, что расстреливает Небеса. Вскоре после этого царь был убит молнией на охоте. Та же самая тема повторяется вновь спустя целое тысячелетие в связи с последним царем государства Сун, которое при Чжоу управлялось потомками дома, царствовавшего при Шан. Этот царь тоже подвесил кожаный мешок, полный крови, и тоже стрелял в него, приговаривая, что расстреливает Небо. Вскоре после этого, в 282 г. до н.э., он подвергся нападению со стороны коалиции других государств, был убит, а государство – уничтожено» [5, с. 343, 344]. Можно предположить, что мешок с кровью – реликт архаических представлений о небе и первозданном нерасчлененном хаосе.

Дерк Бодде указывает, что в *Цзочжуань*⁴ при описании событий 618 г. до н. э. *хуньдунь* «эвгемеризирован в виде злого сына одного из ранних мудрых правителей. <...>. Текст среди всего прочего называет и то, что он утаил («закрыл собою» или «скрыл от глаз») справедливость» [5, с. 343]. По-видимому, американский ученый хотел подчеркнуть отрицательный характер персонажа.

² *Шаньхайцзин* 山海經 «Каталог гор и морей»; окончательное оформление III–II вв. до н. э.

³ *Шэнь и цзин* 神異經 «Книга о чудесном и необычайном»; приписывают Дунфан Шо, II–I вв. до н. э., видимо, реально V–VI вв. н. э.

⁴ *Цзочжуань* 左傳 «Предание Цзо» IV в. до н. э. с позднейшими добавлениями.

Справедливости ради надо отметить, что в китайской мифологии не развивается тема негативного характера хуньдуня; скорее, его характеристика амбивалентна. Признаки нерасчлененности (сросшиеся ноги, зубы) обнаруживаются у ряда почитаемых мифических предков (напр., владыки Севера Чжунаньсюя).

Непосредственно космогонический процесс изображен лишь в сочинении III в. н. э. *Сань у ли цзи*⁵: «Небо и земля пребывали в хаосе, подобном содержанию куриного яйца, тогда-то и родился Паньгу. Спустя восемнадцать тысяч лет начала создаваться вселенная, чистое начало ян образовало небо, мутное начало инь образовало землю. Паньгу же находился в середине и менял свой облик по девять раз в день. На небе он стал духом, на земле – святым. Небо каждый раз поднималось на один чжан⁶, и земля становилась толще на один чжан, и Паньгу тоже вырастал на один чжан в день. Так продолжалось восемнадцать тысяч лет, пока небо не поднялось очень высоко, земля же опустилась очень низко, а Паньгу не вытянулся до огромных размеров. Потому-то земля отстоит от неба на девяносто тысяч ли⁷» [цит по: 4, с. 43]. В данном случае интересно, что хаос напоминает яйцо, в нем все слито, но при кажущейся пустоте он содержит неоформленные небо и землю, дает начало первосуществованию и первотворцу Паньгу⁸.

Тексты, которые мы использовали, оформлены приблизительно в одно время (за небольшим исключением), но информация в них достаточно противоречивая, что, по-видимому, может свидетельствовать либо об отсутствии постоянной формы хуньдуня, либо о невозможности познания его формы.

Прояснить семантику понятия поможет анализ терминов, обозначающих в китайском языке хаос: хуньдунь 混沌 или 渾沌, хуньлунь 混淪 или 渾淪, хуньюань 混元, хуньмин 混冥 (溟)). Наиболее информативным является иероглиф 渾沌, который в современных словарях имеет значения: 1) [изначальный] 'хаос', 'хаотичный', 'беспорядочный', 'смешанный', 'путаный'; 2) 'мифическое животное', где 渾 хунь – 'хаос', 'хаотичный', 'беспорядочный'; 太渾 – 'первозданный хаос'; 沌 дунь – употребляется только в сочетаниях, в том числе: 沌沌 – 1) 'мощный' (о напоре воды); 2) 'темный', 'непонятливый', 'неясный' [6, с. 918]. A Graphic Compendium of Chinese Characters дает следующее толкование иероглифов, входящих в биним 渾沌: хунь – 'звук воды, имеющей большой напор; возможно, в гроте', 'боевой клич во время атаки'; дунь – 'ограниченность сво-

⁵ *Сань у ли цзи* 三五曆記 («Записки циклов по третьим и пятым») / «Исторические записки о трех [правителях] и пяти [императорах]») Сюй Чжэна сохранилось в отрывках в энциклопедии «Императорское обозрение годов Тай-пин» (цз. 2).

⁶ чжан равен 3,3 м.

⁷ ли равно 0,576 км.

⁸ Д. Бодде обращает внимание, что термин хуньдунь «возродился в современном китайском обиходе для маленьких пельменей, похожих на мешочек (тонкая оболочка из теста с рубленным мясом внутри), которые являются основным ингредиентом популярного супа хуньдунь, подаваемого в китайских ресторанах» [5, с. 343]. Важно добавить, что клецки хуньдунь являлись обязательной обрядовой едой на Новый год: как символ первоосновы они – необходимый атрибут праздника, воссоздающего процесс творения.

бодного течения воды' [7, с. 72]. А.А. Маслов считает, что *хуньдунь* – «лишь ритмизированный набор звуков, не связанных ни с формой, ни с содержанием» [8, с. 218]. Оба иероглифа запечатлены в текстах, написанных стилем *чжунань*. Ключом в обоих знаках выступает «вода», что свидетельствует об изначальном представлении о хаосе как водной стихии. Левые части хотя и отличаются, но, на наш взгляд, имеют близкое ядерное значение. На пиктограмме *хунь* 渾 показан мощный водный поток, а слева изображение телеги в незамкнутом овале. Визуально знак телеги передает идею середины, что может означать наличие потенциального элемента, находящегося в центре первозданного хаоса. А в свете рассмотренного выше мифа о Паньгу можно предположить, что так обозначены слившиеся небо и земля.

Левая часть иероглифа *дунь* 沌 на пиктограмме обозначает росток, появляющийся из почки. Принимая во внимание ключ «вода», значением иероглифа должно быть «водная стихия, содержащая проросшую почку, как символ нарождающейся жизни».

В «Анналах Японии» (*Нихонсеки* 日本書紀, 720 г.), отличающихся сюжетной многовариантностью, в первой главе, которая посвящена разделению Неба и Земли и появлению первых божеств, есть несколько описаний, являющихся, на наш взгляд, иллюстрацией китайской пиктограммы *дунь*: «В древности, когда Небо-Земля были не разрезаны и Инь-Ян не были разделены, мешанина [эта] была подобна куриному яйцу, темна и содержала почку. <...>. Говорят, что в начале, когда [происходило] разделение [Неба-Земли], страна-твердь плавала и двигалась, как плавают на поверхности воды играющая рыба. И тогда между Небом и Землей возникло нечто. По форме оно напоминало почку тростника. И оно превратилось в божество. <1.2>. В одной книге сказано: в древности, когда страна была молода и Земля была молода, носилось [по воде] и плавало нечто вроде плавающего жира. В это время в центре страны родилось нечто. Формой подобно ростку, выходящему из почки тростника. Из него стало-родилось божество. <1.5>. В одной книге сказано: Когда Небо-Земля еще не родились, они были подобны облаку, плавающему по морю и не обретшему места, к чему прикрепиться корнями. Внутри родилось нечто, подобно тому, как впервые выходит из жижи тростниковая почка. И вот, оно превратилось в человека. Имя его – Куни-но токотати-но микото⁹» [9, с. 115–116]. Таким образом, китайско-японский мифологический космогенез можно представить в виде цепочки: хаос в виде куриного яйца, темный, но вмещающий почку, – первоначало всего сущего → разделение неба и земли → первое божество → рождение «десяти тысяч вещей», т. е. этот процесс имеет свои законы, а сам хаос, казалось бы пустой и темный, содержит в себе все потенции для развертывания вселенной.

В даосской традиции хаос «выступает как некое положительное, порождающее начало, которое содержит в себе семена всех вещей мира» [8, с. 221]. Как правило, под *хуньдунь* понимается аморфное, абсолютно простое и недифференцированное первоначало. Преобразование хаоса приводит к становлению

⁹ Куни-но токотати-но микото – Властелин, Навечно Утвердившийся на Земле.

космоса юй чжоу (юй 宇 'четыре стороны света, зенит и надир', чжоу 宙 – 'прошлое, настоящее, будущее'), т. е. соединению пространства и времени. В оппозиции хуньдунь – юй чжоу даосы отдают предпочтение первому члену, а его характеристики – мутный, глухой, темный и т. д. – считают идеальными качествами непроявленного мира [10].

Как совершенное понятие хуньдунь отождествляется с «изначальной пневмой» (юань ци 元氣), а также выступает синонимом дао как «сокровенной» (сюань 玄) первоосновы мира, еще не явленной в сущем – «тьме вещей» (вань у 萬物) [11].

Иногда хуньдунь рассматривается в качестве исходного пункта космогенеза, предшествующего дао как принципу, регулируемому уже дифференцируемый универсум. В Даодэцзине¹⁰ говорится, что первым в хаосе появляется Дао: *«Вот вещь, в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О беззвучная! О лишённая формы! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не имеет преград. Ее можно считать матерью Поднебесной. Я не знаю ее имени. Обозначая иероглифом, назову ее дао...»* [12, с. 27]. Понятия хуньдунь и Дао практически сливаются, их характеристики можно считать тождественными: *«Дао бестелесно. Дао туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности содержатся образы. Оно туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и определенностью»* [12, с. 24] или: *«Дао пусто, но в применении неисчерпаемо. О глубочайшее! Оно кажется праотцем всех вещей... Я не знаю, чье оно порождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует небесному владыке»* [12, с. 14].

Не всегда именно дао выступает «первой вещью», рожденной в хаосе: *«Пустота и небытие, покой и безмятежность – полезные свойства вещей. Суровый, откликается на впечатления, непреклонный, возвращается к корню, проскальзывает в бесформенное. То, что называю бесформенным, есть название Единого. То, что называю Единым, не имеет пары в Поднебесной. Подобный утесу, одиноко стоит, подобный глыбе, одиноко высится. Вверху пронизывает девять небес, внизу проходит через девять полей. Его окружность не описать циркулем, его стороны не вписать угольником. В великом хаосе образует одно. У него есть листья, но нет корня. В нем, как в мешке, покоится Вселенная. Оно для дао служит заставой»* [13, с. 30]. В тексте хуайнаньских мудрецов¹¹ нет четкого описания Единого, которое находится в хаосе и дает начало дао. Заметно, что характеристики хуньдуня, Единого, дао во многом совпадают. Может, это еле уловимые этапы структурирования хаоса, превращения его в космос? Возможно ли в принципе такое знание? В средневековых даосских книгах появляется разграничение «прежде небесного», т. е. того, что было до разделения Неба-Земли, и «после небесного». Адепты считали, что их канонические книги появились в «домирной» сфере, т. е. знание появляется да-

¹⁰ Даодэцзин 道德經 «Канон Пути и Благодати».

¹¹ Хуайнаньцзы 淮南子 «Учителя из Хуайнани», II в. до н. э.

же раньше рождения богов (ср. с гимном индийской *Ригведы*: «откуда бывшее в не-бывшем стало ясно мудрым вопрошающим в сердце»).

В даосских текстах нередко вместо слова *хуньдунь* употребляются производные от него (*хунь* 渾, *хунь-хунь* 混混, *дунь-дунь* 沌沌 и т. п.), которые обычно используются как метафоры неопишуемой простоты *дао* и субстанциального единства универсума. Синонимами слову *хуньдунь* являются *пу* 樸 (досл. 'простота необработанного дерева') и *су* 素 (досл. 'простота шелка-сырца'). Ряд видов даосской религиозной практики направлен на «возвращение» к изначальной простоте и целостности *хуньдунь*, утрата которых считается началом мировой деградации [11].

В европейской традиции хаос в обыденном смысле понимается как беспорядок, неразбериха, смешение. В древнегреческой мифологии это понятие изначального состояния мира, некоей «разверзшейся бездны», из которой возникли первые божества, но никак не беспорядочного его состояния. Значение беспорядка этому слову стали приписывать в раннехристианские времена. В китайской мифологии и даосском учении *хуньдунь* также не осмысливается отрицательно. Он обладает амбивалентной природой: с одной стороны, характеризуется первоначальной цельностью, с другой – является причиной «источника нежелательной динамики мировых процессов в виде оппозиционной «космоэнергетической» пары *инь-ян*» [10]. Так, «золотой век» даосский текст *Хуайнаньцзы* описывает следующим образом: «Люди в век совершенного блага сладко смеживали очи в краю, где нет границ, переходили в безбрежное пространство. Отодвигали небо и землю, отбрасывали тьму вещей, первоначальный хаос брали в качестве гномона¹² и, взмывая, плыли в границах безбрежного. Мудрец вдыхал и выдыхал эфир *инь-ян*, а вся масса живого, ласково взирая на его благо, следовала ему в согласии. В те времена никто ничем не руководил, ничего не решал, в скрытом уединении все само собой формировалось» [13, с. 45].

Не зря универсальной метафорой хаоса стала вода: «Среди всего, что имеет образ¹³, вода наиболее чтима» [13, с. 30]. «Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется с [ними]. Она находится там, где люди не желали бы быть. Поэтому она похожа на

¹² Гнóмон (др.-греч. γνóμων – указатель) – древнейший астрономический инструмент, вертикальный предмет (стела, колонна, шест), позволяющий по наименьшей длине его тени (в полдень) определить угловую высоту солнца. В цитируемом тексте – в значении 'указатель', 'ориентир'.

¹³ «В «Хуайнаньцзы» различаются несколько видов существования: бесформенное, или нетелесное (усин), – таково небытие. Единое, *дао* и все, что относится к области «внутреннего» (напр., гармония, внутренняя структура вещей и пр.); «имеющее образ» (сян) – таковы свет, который «можно видеть, но нельзя зажать в ладони», и вода, «которой можно следовать, но нельзя ее уничтожить»; и, наконец, телесное, «имеющее форму» (юсин) – такова вся тьма вещей. То, что существует в форме образа, соединяет в себе качества нетелесного и телесного миров и занимает между ними промежуточное место, одновременно принадлежа тому и другому миру, таково, в частности, *дао*» – комментирует переводчик текста Л. Е. Померанцева [13, с. 260].

дао» [12, с. 15]. Вода – олицетворение символа *инь*: она темна, глубока, холодна, но имеет отражение; не имеет формы, но принимает вид сосуда, в который помещена; слабая, податливая, мягкая, но преодолевает твердое и крепкое¹⁴. Качества, свойственные воде, являются идеальными для даосского мудреца. Именно они помогают вернуться к «изначальному», к «первозданной простоте», т. е. к хаосу.

Итак, в китайском космогенезе хаос-хуньдунь понимается как недифференцированное первоначало. В мифологии оно подобно содержанию куриного яйца, деление которого приводит к появлению неба, земли и всего многообразия мира. Также оно может быть персонифицировано в виде существа, напоминающего мешок. Водный характер хуньдуня угадывается опосредованно: в названии духа *Дицзян* (Предок-Река), в морском окружении хаоса в легенде Чжуанцзы. Убедительным тому подтверждением являются термины, обозначающие хаос: хуньдунь 混沌 или 渾沌, хуньлунь 混淪 или 渾淪, хуньюань 混元, хуньмин 混冥 (溟). Ключ «вода» в иероглифах, входящих в состав перечисленных биномов, раскрывает их основное значение. Наибольший интерес представляет знак хуньдунь 渾沌, свидетельствующий об архаических представлениях о структуре и законах изначального состояния мира: наличии священного центра, из которого происходит развертка и постепенное структурирование космоса. Для даосов хуньдунь отождествляется с «изначальной пневмой» (*юань ци* 元氣), дао как «сокровенной» (*сюань* 玄) первоосновой мира, еще не явленной в сущем – «тьме вещей» (*вань у* 萬物) или с дао как принципом, регулирующим уже дифференцируемый универсум.

Литература

1. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М., 1990 – 672 с.
2. Чжуан-цзы / пер. В. В. Малявина. – PSYLIB [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/chuan01/index.htm>.
3. Каталог гор и морей (Шаньхайцзин) / пер. Э. М. Яншиной. – Наталис, Рипол Классик. Восточная коллекция, 2004 – 352 с.
4. Юань, Кэ. Мифы Древнего Китая / Юань Кэ. – М., 1965 – 496 с.
5. Боддэ, Д. Мифы древнего Китая / Д. Боддэ // Мифологии древнего мира. – М., 1977. – С. 327–363.
6. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. – М., 1983. – Т. 2. – 1100 с.
7. 汉子图解字典/ 顾建平编著 / A Graphic Compendium of Chinese Characters. – 上海: 东方出版中心, 2008. – 1288 页.
8. Маслов, А. А. Тайный смысл и разгадка кодов Лао-цзы / А. А. Маслов; художник-оформитель А. Киричек. – Ростов н/Д, 2005 – 288 с.
9. Нихонсеки – Анналы Японии: в 2 т. / пер. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. 1. Свитки I–XVI. – 496 с. – (Литературные памятники древней Японии. IV).

¹⁴ «Вода – это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного» [12, с. 58].

10. *Ткаченко, Г. А.* Статьи по философии и истории даосизма / Г. А. Ткаченко // Восточная литература [Электронный ресурс]. – 2001–2013. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Lao_tsy/posl.htm.
11. *Торчинов, Е. А.* Хаос / Е. А. Торчинов // Китайская философия. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/china_philosophy/455.
12. *Дао Дэ Цзин.* Книга пути и благодати / Дао Дэ Цзин; пер. Ян Хин Шуна. – М., 2001. – 400 с.
13. *Философы из Хуайнани* [текст]: Хуайнаньцзы / пер. Л. Е. Померанцевой. – М., 2004. – 430 с.

М. Я. МАЦЕВИЧ

доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент

В. В. ВАЛЕЙТЕНOK

доцент кафедры политологии, социологии и социального управления Белорусского национального технического университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)

ТИПОЛОГИЯ «НИЧЕГО» В ФИЛОСОФИИ ХАЙДЕГГЕРА, ДАОСИЗМА И БУДДИЗМА¹

Вопросы встают на каком-то пути. Разумно поэтому иметь в виду прежде всего путь, а не застревать на разрозненных тезисах и формулах. Наш путь – путь мысли.

М. Хайдеггер

«Путь неслышим, а если мы что-то слышим – значит, это не Путь, – ответило Безначальное. – Путь незрим, а если мы что-то видим – значит, это не Путь. О Пути нельзя ничего сказать, а если о нем что-то говорят – значит, это не Путь. Кто постиг Бесформенное, которое дает формы формам, тот знает, что Пути нельзя дать имя».

И еще Безначальное сказало: «Отвечать на вопрос о Пути – значит не знать Путь. А спрашивающий о Пути никогда не слышал о нем. О Пути нечего спрашивать, а спросишь о нем – не получишь ответа. Вопросать о недоступном вопрошанию – значит спрашивать впустую. Отвечать там, где не может быть ответа, – значит потерять внутреннее. Тот, кто утратил внутреннее и спрашивает впустую, вокруг себя не видит вселенной, а внутри себя не замечает Великое

¹ По материалам исследования Яо Чжихуа, доцента кафедры философии университета Гонконга. *Comparative Philosophy*. – 2010. – Vol. 1. – № 1. – P. 7889.

Начало. Поэтому он никогда не поднимется выше гор Куньлунь и не сможет странствовать в Великой Пустоте».

Чжуанцзы

Парменид изгнал небытие из области знаний и запретил нам думать или говорить о данном понятии. Но на протяжении всей истории западной и восточной философии одними из самых заманчивых и парадоксальных понятий остаются понятия «небытия» или «ничто». Как сделать их понятными простым обывателям? Чем они отличаются друг от друга? Могут ли быть различные типы «ничего»? Вышеозначенные вопросы так и остаются риторическими.

В свое время Лейбниц удачно выступал против возможности существования более одного вида «ничего». Он утверждал, что если не может быть более одной пустоты, то не может быть и двух пустот точно такой же формы и размера. Эти две пустоты были бы идеальными «близнецами». Кто высказывается за пустоту, считал Лейбниц, тот руководствуется больше воображением, чем разумом. Поэтому, аргументировал философ Нового времени, если мы и имеем дело с пустым пространством, то только в его потенциальной форме. Он связывал проблему «ничто» с «принципом достаточного основания». «Ничто» не может происходить без достаточного основания, а в бесконечной цепи явлений нельзя не найти основания, поэтому все явления совершаются так, а не иначе [1].

Компаративистика традиционных классификаций «ничего» или «небытия» на Востоке и Западе привели китайского философа Яо Чжихуа к разработке своей типологии «ничего», которая включает три основных типа: 1) «привативное ничего», широко известное как отсутствие; 2) «отрицательное ничего» или ничто; 3) «оригинальное» ничего, ничего в эквивалентности к бытию – небытие.

Цель данной статьи – изучение сходств и различий между концепциями «ничего» в философии М. Хайдеггера, даосизма и буддизма. И те и другие соответственно представили свои разработки концепции «ничего» на Западе и на Востоке. Представитель логического позитивизма Рудольф Карнап критиковал западные традиции метафизики и концепцию «хайдеггеровского ничего» как крайний случай бессмысленной речи [2]. Кроме того, в восточнославянской цивилизационной матрице, прежде всего в глазах православных, даосизм и буддизм рассматриваются очень часто в качестве пассивных, отрицательных и даже разрушительных для интеллектуальных и социальных норм. На самом деле вышеуказанные три очень сложные философские категории, которые развивались в, казалось бы, совершенно различных культурных ландшафтах – европейское понятие (Nichts), даосское ничего 無 wú и буддийское понимание пустоты (Шуньята), – очень сходны и многое проливают в решении так называемого основного философского вопроса.

В основной работе «Бытие и время» Хайдеггер обращается к страху как одному из модусов бытия. Затрагивая данное понятие, он эксплицирует и его глубокую укорененность в иудео-христианской традиции. В длинном названии параграфа 40 «Основорасположение ужаса как отличительная разомкнутость присутствия» уже фиксируется репрезентируемое далее философом отличие

между страхом и ужасом. В своем исследовании он далее опирается на Августина, Лютера, Кьеркегора. Что касается ужаса, он пишет: «В от-чего ужаса его “ничто и нигде” выходит наружу. Наседание внутримирного ничто и нигде феноменально означает: отчего ужаса есть мир как таковой. Полная незначимость, возвещающая о себе в ничто и нигде, не означает мироотсутствия, но говорит, что внутримирно сущее само по себе настолько полностью иррелевантно, что на основе этой незначимости всего внутримирного единственно только мир уже насаждает в своей мирности.

Теснящее есть не то или это, но также не все наличное вместе как сумма, а возможность подручного вообще, т. е. сам мир. Когда ужас улегся, обыденная речь обыкновенно говорит: “что собственно было? Ничего”. Эта речь онтически угадывает по сути то, что тут было. Обыденная речь погружена в озабоченное подручным и проговаривание его. Перед чем ужасается ужас, есть ничто из внутримирного подручного. Но это ничто подручного, единственно понятное повседневной усматривающей речи, вовсе не есть тотальное ничто. Ничто подручности коренится в исходнейшем “ничто”, в мире. Последний однако принадлежит онтологически по сути к бытию присутствия как бытию-в-мире. Если соответственно в качестве от-чего ужаса выступает ничто, т. е. мир как таковой, то этим сказано: перед чем ужасается ужас, есть само бытие-в-мире» [3].

Это «ничего» и «нигде» и само «бытие-в-мире» напоминают нам о Боге, изображенном в апофатической традиции, Боге как бы в негативном плане в мистической христианской традиции. В отличие от таких философов, как Парменид и Платон, христианские мистики разработали понимание «отрицательного ничего» в отношении богословия как живой опыт. Их воззрения оказали влияние на многих немецких классических философов, в том числе Шеллинга и Гегеля. В данном аспекте, «ничего» не абстрактное понятие, а реальность, которая может быть пережита. Замечания мистиков приближают нас к традиции даосизма, которая подчеркивает мудрость практики «испытывания ничего», (聖人體無 Shèngrén tǐwú). Конечно, это – не так просто, чтобы «испытать ничего». В самом деле, и Хайдеггер признает, что такой опыт является редкостью. В работе «Что такое метафизика» он вопрошает: «Случается ли в бытии человека такая настроенность, которая, подводит его к самому Ничто? Это может происходить и действительно происходит – хоть достаточно редко – только на мгновенья, в фундаментальном настроении ужаса (страха). Под этим “ужасом” мы понимаем не ту очень частую склонность ужасаться, которая, по сути дела, сродни излишней боязливости. Ужас в корне отличен от боязни. Мы боимся всегда того или другого конкретного сущего, которое нам в том или ином определенном отношении угрожает. Боязнь перед чем-то касается всегда тоже чего-то определенного. Поскольку боязни присуща эта очерченность причины и предмета, боязливый и робкий прочно связан вещами, среди которых находится. В стремлении спастись от чего-то – от этого вот – он теряется в отношении остального, т. е. в целом “теряет голову”» [4]. В означенном тексте мы находим наиболее широкое обсуждение «ничего» Хайдеггером, ибо большая часть замечаний философа относительно «ничего» в «Бытии и времени» посвящены опы-

ту ужаса. А ведь мескирхский мыслитель развивал и другую тему, которая не столь очевидна в «Бытии и времени», а именно связи между бытием и «Ничто». Он писал: «Ничто приоткрывает себя в настроении ужаса – но не как сущее. Равным образом оно не дано и как предмет. Ужас вовсе не способ постижения Ничто. И все-таки благодаря ему и в нем Ничто приоткрывается, хотя опять же не так, будто Ничто являет себя в чистом виде “рядом” с жутко оседающей совокупностью сущего. Мы говорим, наоборот: Ничто выступает при ужасе заодно с сущим в целом. Что значит это “заодно с”?»

При ужасе сущее в целом становится шатким. В каком смысле это происходит? Ведь сущее все-таки не уничтожается ужасом так, чтобы оставить после себя Ничто. Да и как ему уничтожиться, когда ужас сопровождается как раз совершенной немощью по отношению к сущему в целом. Скорее, Ничто дает о себе знать, собственно, вместе с сущим и в сущем как целиком ускользающем» [5].

Рейнхард Мэй [6], исследовавший нигинтологию Хайдеггера и даосизма, пытался показать их взаимосвязь в соответствующих высказываниях, репрезентируемых в даосизме и чань-буддизме. Эти высказывания, например, следующие: «бытие и ничто порождают друг друга» (Даодэцзин. Ч. 2.); «...тысячам вещей под Небесами жизнь дает наличие, а само наличие рождается от неналичия» (Даодэцзин. Ч. 40.); «Бытие есть не что иное, чем ничего, ничего есть не что иное, как бытие» 信心銘 Xìnxīnmíng T2023, 1056a). Рейнхард утверждает, что все перечисленные выше даосские и буддийские писания были уже переведены на немецкий до 1920-х гг., и поэтому Хайдеггер мог иметь возможность читать эти источники и развивать свои идеи под их влиянием.

Хайдеггер, однако, признавал по исследуемому вопросу и вклад Гегеля [7, с. 140]. Но он не согласен с Гегелем в том, как и почему бытие и «чистое ничто» одно и то же. «“Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же”. Этот тезис Гегеля вполне правомерен. Бытие и Ничто взаимно принадлежат друг другу, однако не потому, что они – с точки зрения гегелевского понятия мышления – совпадают по своей неопределенности и непосредственности, а потому, что само бытие в своем существе конечно и обнаруживается только в трансценденции выдвинутого в Ничто человеческого бытия» [8].

Известно, что Хайдеггер, начиная с ранней стадии своей карьеры, испытывал необычный интерес к даосизму. «Дао» является единственным восточным философским термином, используемым в его опубликованных работах, наряду с греческим «логосом» (в первоначальном смысле) и его центральным понятием «Dasein» [9]. Возникает вопрос: являются ли мышление Хайдеггера, его фундаментальная онтология сопоставимы в той или иной степени с традицией даосизма?

Так, в 1946 г. Хайдеггер вместе со своими китайскими знакомыми взялся за изучение и перевод изречений Лаоцзы на немецкий язык. Его внимание прежде всего привлекли мысли о Дао, и было переведено восемь изречений о Дао. Таким образом, в исследовательской литературе зафиксирован взаимный интерес Хайдеггера и представителей дальневосточной традиции друг к другу [10].

Первоначальным значением «Дао» на китайском языке является «путь». Тем не менее не позднее, чем за период Воюющих царств (475–221 гг. до н.э.), «Дао» получило производные значения, такие как «дноуглубительные работы и открытие реки», «учение», «метод», «принцип» и «говорить». В метафизической традиции «Дао» интерпретируется, например, как «всеобъемлющий первый принцип» или «неизменный закон природы» самый высокий для концептуального мышления.

Тем не менее и Хайдеггер представил различные понимания «Дао» в своих эссе, посвященных природе языка, природе искусства, природе истины.

Ключевым словом в поэтическом мышлении Лаоцзы является Дао, которое, «собственно говоря», означает путь. Но так как мы склонны думать о «пути» поверхностно – как о растяжении соединительной линии двух мест, наше понимание «пути» слишком опрометчиво, банально и считается непригодным для того, что именуется Дао. Поэтому Дао затем стало переводиться как разум, мышление, смысл, значение и т. д.

Возможно, тайна тайн, вдумчиво говоря, прячется в слове «путь», если только мы позволим этому «имени» вернуться к тому, что оно оставляет не высказанным. Все путем...

Здесь мы видим, что Хайдеггер хотел сохранить «подлинный» и топологический смысл Дао-пути и противопоставить его современным концептуализациям в такие метафизические термины, как «разум», «смысл», «логос». Он делал это, выпуская «путь» из поверхностного в нелинейный режим. На самом деле его намерение «просвета», «постава» открывают путь «истинствования», путь к своей изначальности смысла: онтологической области и «источнику», путь, который «выпускает на простор», «дает всея пути».

Представляется, что хайдеггеровское понимание «пути» ближе Дао, нежели любые западноевропейские метафизические интерпретации. Таким образом, «Дао-источник явлений» даосов и «веществящий мир» Хайдеггера – одна и та же «правещь», присутствие мира по самому своему существу, именно «Ничто», «Ничто» из сущего и вместе с тем хранилище, вместилище всего сущего, его же и осуществляющее. «Ничего» как ощущение крайнего предела встает у Хайдеггера перед фундаментальной проблемой «ничто», будучи призванное в экстремальной ситуации осуществить глубинную ревизию своего содержания, своей структуры, своего ядра, своей истории и описать перечисленное в эксплицитных понятиях. Все это и проделывает «немецкий даос». Хайдеггер дает нам, славянам, возможность понять то, что естественным, артикулируемым образом мы понять не можем.

В начале даосизма «ничего», возможно, не было центральным понятием данного учения как Дао, но на данном этапе является важным составным аспектом Дао. Его значимость еще больше увеличивалась с развитием различных неоконфуцианских учений. «Ничто» не может быть центральным понятием в даосской философии, но, тем не менее, это, безусловно, один из наиболее характерных для данной традиции терминов.

無 wú – это простой способ выразить «ничего». Тем не менее этот и один иероглиф сам по себе остается загадкой. Его как картину, свиток можно пове-

сильно на стену и расценивать в качестве самостоятельного художественного произведения, и интерпретатор не ошибется, если останется в общем контексте, ничего не поняв. Этот же символ обычно используется как суффикс или префикс для китайских и японских слов. Описываемое можно сравнить с «не» или «менее» в английском языке. Выше представленный иероглиф в данном контексте способен также означать «не иметь», «нет, нет, нет», «отсутствии», или «ничего нет».

Богатая канонами китайская философия в состоянии учитывать как бы три различных типа «ничего». Они включают в себя «ничего» как отсутствие /исчезновение/, абсолютное ничего и небытие: (亡),(无),(無). Интересно, что этим трем типам иероглифов имеется возможность найти и аналоги, соответствующие трем основным типам «ничего» в европейской традиции, а именно: 1) «привативное ничего», широко известное как отсутствие; 2) «отрицательное ничего» или ничто; 3) «оригинальное» ничего, ничего в эквивалентности к бытию – небытие.

Теперь уместно рассмотреть, какой тип «ничего» наиболее свойственен даосам. Многие современные ученые различают два смысла ничего, отмеченные Лаоцзы в «Даодэцзине». Одним из них является эмпирический или здравый смысл использования данного понятия, ссылаясь на пустое пространство. Такое использование свойственно особенно в части 11. Другой тип «ничего» в своей метафизической основе можно найти, например, в частях 2 и 40.

В «Даодэцзине» есть также большое количество соединений в форме «не-х» или «нет-х», например, «недеяние» (у-вэй 無為), «не-я» (у-мин 無名), где слово «у» выступает в функции, качестве префикса-соединения и не может действовать самостоятельно как существительное или отдельная философская дефиниция. Его значение здесь близко к «привативному ничего» или «ничего» как отсутствию. Даосские классики, кажется, никогда не ставили акцентов на абсолютном или «отрицательном ничего», в связи с, прежде всего, логической невозможностью последнего.

В любом случае, концепция «ничего», репрезентированная в даосском философском контексте, подпадает под категорию «оригинальных ничего» или «ничего» как бытия. Описанное было разработано в двух аспектах.

Во-первых, в космогоническом или вертикальном измерении. Акцент «ничего» является источником или причиной происхождения сущностей-вещей. Именно отмеченная его способность дает возможность подняться над всеми сущностями и в то же время уйти от иерархической предзаданности. Аналогичная идея разработана и Чжуанцзы: бесчисленные вещи исходят из небытия. Бытие не может принести бытия в бытие, оно должно выйти из небытия, а небытие – из (у у) «отсутствия /даже следов/ отсутствия». Традиция, представленная Ван Би [11, с. 167], интерпретирует «ничего» как источник происхождения, корень (бэнь 本) всех вещей. По сравнению с западными мыслителями даосские подчеркивают именно космогоническое измерение «ничего».

Во-вторых, это онтологический или горизонтальный размер, который подчеркивает благополучие и взаимообусловленность порождения. Горизонталь-

ная взаимообусловленность между чистым бытием и чистым ничто, бесформенная оригинальность ничего через свою идентичность превращают его в сущее, устанавливающее свою онтологическую позицию в смысле «ничего» как особого рода бытия. Такие замечания аналогичны онтологическим замечаниям западноевропейских философов, в частности, Гегеля и Хайдеггера.

Путем сравнения сходства и различия между концепцией «ничего» в философии Хайдеггера, даосизма и буддизма мы проверили три типологии «ничего». Если мы выделяем в концепции «ничего» три основных типа (привативный, отрицательный и оригинальный), то даосский космогоническо-онтологический подход делает «ничего» более оригинальным, чем его понятийные аналоги в западной традиции. В отличие от: 1) пустоты в классическом буддизме, основанием которой является «привативное ничего», пустоты, которая трактовалась как неоформленное бытие, предшествующее оформленному, и как то, что впереди (абсолют), 2) пустоты йогачары-буддизма, в которой отрицается внешняя реальность, то есть, отрицается обладающий атомарной структурой внешний мир (приверженцы школы Йогачара полагают, что вещи не могут существовать иначе как, будучи проекциями чьего-то ума, они также придерживаются того, что не существует никакой не зависимой от ума атомарно структурированной внешней реальности), – «ничего» даосов наиболее парадоксальное и творческое.

Тем не менее предложенная в данной статье типология мало что проливает на свет в аспекте решения центральной философской проблемы в аристотелевской реконструкции: существует ли самостоятельная нематериальная причина? Затруднения по этому вопросу связаны с тем, что небытие или «ничего», сама их природа, ускользает от попадания в сущее или что-то, и таким образом сопротивляется любым попыткам определения или характеристики.

В истории западной философии тайна «ничего», как правило, связана с двумя одинаково таинственными вопросами. Одним из них является вопрос почему, согласно Пармениду, мы не можем думать и говорить о небытии? Этот вопрос становится еще более интригующим, когда мы все равно с легкостью обыденного языка продолжаем рассуждать о небытии, несмотря на замечания мудрого элеата. Другой известный «лейбнице-хайдеггеровский» вопрос: почему существует нечто, а не ничего? Данный вопрос продолжает оставаться одним из основных вопросов метафизики.

Исходя из предложенной в статье типологии «ничего», когда Парменид запрещал нам думать или говорить о небытии, он предупреждал нас или возражал вообще не относительно «абсолютного ничто». Очевидно, что его тип «ничего» касается логик, в том числе моистской, индуистской и буддийской, а также и современной аналитической философии. В силу специфики своего развития китайская логика осталась свободной от ряда догм, которых не удалось избежать аристотелевской логике: о наличии субъекта в каждом высказывании; о том, что каждое общее высказывание является высказыванием существования, вследствие чего не признавались пустые классы. Кроме того, в рамках буддийской логики было эксплицировано, что слова ничего не говорят нам о реальности (дхармах) и несут информацию о физическом мире определенным образом.

они, во-первых, фиксируют установленное посредством мышления некое положение дел в мире чувственных вещей, которое постоянно меняется. Поэтому слова обозначают вещи и ситуации только относительно. Во-вторых, когда мы называем вещь или утверждаем нечто о вещи в высказывании, то одновременно мы отрицаем все, названной вещью не являющееся [12, с. 319–321].

Китайские категории «наличия» и «отсутствия», в противоположность «пустоте» Парменида, из которой не позволено «возникать ничему», имеют вполне бытийный характер. Чтобы разорвать проклятие Парменида, Платон и его последователи развивали свои мысли именно в данном аспекте. Как отмечалось в выводах кандидатской диссертации Белой Ирины Витальевны «Путь человека к Истине в Даосизме эпохи Чжаньго (в корреляции с Парменидом): философско-антропологический анализ», в греческом мире размышления о Едином обязательно проходят стадию «предикации», даже если ее целью является отрицание у единого каких бы то ни было предикатов и эта предикация осуществляется на основе греческого инструментария категорий. В Китае же были озабочены только общим ходом вещей. Поскольку «Дао» – это просто «путь», по которому идут, он не поддается теоретическим конструкциям: ни онтологическим, ни теологическим.

Так почему существует «нечто», а «не ничто»? Греки, как и древние китайцы, были, можно сказать, подлинно космическими существами. Поэтому мы чаще всего ничего не понимаем в хайдеггеровской или даосской интерпретациях смысла «оригинального ничего». Ибо вопрос стоит о космогонии, т. е. как конкретное что-то с формой и содержанием возникает из бесформенного? Чтобы ответить на этот вопрос, христианские теологи будут прибегать к воле Божьей, в то время как даосы будут опираться на Творчество Дао. В любом случае «ничто» не следует понимать как «абсолютное ничего» или «отсутствие», подобные истолкования ведут только к напрасным спекуляциям.

На самом деле, как показывают китаеведы, великий образ «ничего» не отсылает нас ни к какой другой реальности, кроме своей собственной; но он дает нам увидеть ее в нас самих, лишенную конкретности, одновременно исключаящую и ограничивающую, такую, в которой неизбежно оказываются замурованными все индивидуальное и частное. Образ этот не дает нам доступа к какой-либо ее ипостаси, к истоку, но освобождает нас от всякого увязания в ней.

И современные европейские философы нам говорят об этом же: через «прозрачное сообщество» Жан-Люка Нанси, «Номо сасег» Агамбена и др. Агамбен, в частности, расширяет значение «ничего» до «профанации» [13], пытаясь вернуть человеку свободное использование того, что было отъято и помещено постепенно в отдельную сферу, вне контроля общества. Отсюда модель «профанаций» Агамбена превращается в модель детской игры в «жмурки», в которой объекты экономики, политики, науки, искусства, человеческой судьбы становятся «гераклитовскими» игрушками в руках ребенка. Изменение своей судьбы делается источником бесконечных использований и интерпретаций. Таким способом «ничего» как «профанация» деактивирует механизмы власти и возвращает в общественное употребление пространства, ранее захваченные ею.

Литература

1. *Sorensen, R. Nothingness / R. Sorensen // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/nothingness/>.*
2. *Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап // Философский портал [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/carnap/01.html>.*
3. *Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt>.*
4. *Хайдеггер, М. Что такое метафизика / М. Хайдеггер // Институт философии и права СО РАН [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/BIBLIOTECA/History_of_Philosophy/HAIDEGGER/xaid_1.htm.*
5. Там же.
6. *Reinhard, M. Heidegger's Hidden Sources / M. Reinhard // East-Asian Influences on His Comparative Philosophy / transl., complementary by Graham Parkes. – London, N. Y.: Routledge, 2010. – P. 6–28.*
7. *Гегель, Г. Наука логики / Г. Гегель. – М., 1970. – Ч. 1. – 501 с.*
8. *Хайдеггер, М. Что такое метафизика / М. Хайдеггер // Институт философии и права СО РАН [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/BIBLIOTECA/History_of_Philosophy/HAIDEGGER/xaid_1.htm.*
9. *Xianglong, Zhang. HeideggerandTaoismonHumanism / Zhang Xianglong // 中国儒学网 [Электронный ресурс]. – 2003–2011. – Режим доступа: <http://www.confuchina.com/07%20xifangzhexue/Heidegger%20and%20Taoism.htm>.*
10. Там же.
11. *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / редкол.: М. Л. Титаренко (гл. ред.) [и др.]; Ин-т Дальнего Востока. – М., 2006–2010. – Т. 1. – 2006. – 727 с.*
12. *Буддийская философия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук; редкол. В. С. Стёпин (гл. ред.). – М., 2000–2001. – Т. 1. – 2001. – 744 с.*
13. *Agamben, G. Profanation / G. Agamben. – N. Y., 2007. – 100 p.*

В. Ю. ПОПОВ

*доцент кафедры философии Донецкого национального университета,
доктор философских наук, доцент (г. Донецк, Республика Украина)*

КОНЦЕПТ «ДАО» В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Отвечая на вопрос «Что такое философия», вынесенный в заглавие книги, вышедшей во Франции в 1991 г., Жиль Делез и Феликс Гваттари утверждали: «Философия – искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты... Творить все новые и новые концепты – таков предмет философии» [1, с. 11]. Эта формула стала своеобразным философским завещанием этого знаменитого дуэта.

Вся история философии с позиций этого завета есть ничто иное, как история изобретений новых концептов, на основании которых создается определенная картина мира. Слово *концепт* (на латыни – *concept*) в классической фило-

софии и логике означало понятие, идею, представление, мнение; именно такое значение имеет оно и в современном французском языке. Впрочем, оно может означать и определенный экспериментальный товар, изготовленный в единственном экземпляре для демонстрации будущим покупателям (например, автомобиль «концепт-кар»), и некий воображаемый социальный конструкт, что является лишь порождением культуры, но люди согласны действовать, словно он действительно существует (например, нация как «воображаемое сообщество»).

Философские концепты как ментальные образования, которые несут в себе определенную этносемантическую специфику и одновременно порождают определенный стиль толкования реальности, всегда имеют личностное происхождение: аристотелевская *οὐσία*, декартовское *cogito*, кантовское *a priori*. Впрочем, хотя концепты имеют свой возраст, подпись изобретателя и определенное имя, они по-своему бессмертны и одновременно постоянно обновляются, претерпевают определенные «мутации», что и образует живую ткань истории философии.

Каждая культура пытается осмыслить себя через определенный ряд связанных между собой концептов. Среди них, как правило, выделяется доминантный, который выступает как некий символ, метафора определенной цивилизационной матрицы. Таким концептом для китайской культуры, несомненно, является концепт «Дао».

Слово «дао» имеет особый ореол таинственности и непостижимости. В словарях всех европейских языков оно начало применяться в широчайшем диапазоне значений: от «Дао физики» Фритьофа Капры до «дао сексуального массажа» определенных рекламных агентств. Именно это слово использовано для перевода на китайский слова «Логос (Слово)» в знаменитом первом стихе Евангелия от Иоанна: «В начале был Путь (Дао) (太初有道, 道与神同在, 道就是神)». Изначально слово «Дао» в китайском языке означало «путь», «тропа», «след» или «направление». Позднее им стали обозначать и путь в широком смысле – как определенный способ мировосприятия, склад ума, систему философских представлений. В четырехтомном «Большом китайско-русском словаре», изданном под редакцией И.М. Ошанина, в статье, посвященной иероглифу 道 – «дао», приведено более ста лексических значений этого иероглифа – слов, относящихся к разным грамматическим категориям, частям речи и т. д. Многозначность обуславливает трудноразрешимую проблему выбора из всего этого словесного разнообразия того слова, которое наиболее адекватно передает значение идеографического знака. Он принимает такие лексические значения, как «дорога», «говорить», «чувствовать», «выражать», «счетное слово для официальных бумаг», «должно», «следует», «родовая морфема для обозначения частей тела» и др. [2, с. 96.]. Для носителя русского языка это совершенно разные, несводимые друг к другу значения. Большое многообразие значений этого иероглифа дает широкое поле для его истолкования. Сведение его смысла только к одному из обширного комплекса имеющихся лексических значений недостаточно для его выражения. Это создает трудноразрешимую проблему адекватного выбора значения для его перевода на европейские языки.

Первое упоминание этого слова мы находим в знаменитой «Книге перемен» («Ицзин», или «Чжоуи»), которую большинство синологов считают древнейшей книгой в китайской библиотеке (наиболее поздняя ее датировка – между VIII и VII вв. до н. э., хотя ее канонически-гадательный пласт восходит к концу II – началу I тыс. до н. э.). Современный российский ученый А. И. Кобзев сравнивает ее по значению с Библией: «Библия и Чжоуи сходны и по своей роли духовного центра соответствующих культур, и по степени загадочности происхождения и глубинного смысла, продолжающей сохраняться несмотря на многовековые подвижнические усилия их исследователей» [3, с. 6].

Именно в «Ицзине» формируется примордиальный смысл иероглифа *дао* – «путь». Однако при этом смысл этот двойственен: путь – это и статический объект, дорога, и динамический процесс, движение по дороге. Соответственно, наиболее общие определения «дао» выделяют в нем и универсальную статическую структуру в виде бинарной оппозиции сил *инь* и *ян*, и универсальный процесс «обращения вспять» в виде перехода от одного члена оппозиции к другому и наоборот. «Одна *инь*, один *ян* – это называется *дао*» – утверждается в комметариях к третьей гексограмме.

На основе этого текста складывается определенная школа, получившая название ицзинистов. Толкование слова «дао» в ней кардинально различалось от даосизма, полагавшего абсолют (дао) вне мира, путь (дао), по их мнению, не выходит за пределы мира. Эта трактовка «дао» была, в конце концов, принята конфуцианством.

Несмотря на это автором концепта «дао», согласно устоявшейся философской традиции, считается Лаоцзы – самый загадочный древнекитайский философ, мифологизированный и обожествленный основоположник даосизма, предполагаемый автор «Даодэцзина».

Именно слово «дао» стоит в самом начале этого таинственного сакрального текста китайской цивилизации. Первая строка гласит следующее: 道可道非常道 – что читается как «ДАО КЭ ДАО ФЭЙ ЧАН ДАО». «Дао» (道) здесь означает «путь», который следует познать и постичь в ходе внутренней практики, а также сам процесс движения. «Кэ» (可) «может» или «возможность». «Фэй» (非) – «не», т. е. отрицание. «Чан» (常) – означает «постоянно». Таким образом, можно составить возможный вариант комбинаций с учетом слов-синонимов. А поскольку каждый переводчик обладает своим пониманием и приоритетами, то и переводы могут быть различны, и каждый из них может быть по-своему ситуативно правильным. Ниже приводится несколько распространенных вариантов перевода фразы «Дао кэ Дао фэй чан Дао»:

Путь, который можно пройти, не есть постоянный Путь (Торчинов) [4, с. 8].

Путь, что кончается целью, не может Путем быть Извечным (Кувшинов) [5, 19].

Избранный Дао – Дао не постоянный (Юй Кан) [6, с. 72].

Постоянный Путь составляется из возможности выбора Пути и невозможности выбора Пути (Виноградский) [7, с. 5].

Дао, которое может быть высказано, не есть постоянное Дао (Лукьянов) [8, с. 32].

Истину можно выразить необычным методом (Странник) [9, с. 3].

В ставшем почти классическим переводе Яна Хиншуна оно таково: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао» [10, с. 34].

Согласно «Даодэцзину», Дао порождает единицу, единица порождает два – Инь и Ян, которые порождают три и весь проявленный мир, т. е. Дао является источником всех форм. Одновременно это энергия, которая формирует весь процесс творения, и творение. Это творящий дух, который и создает, и разрушает, но создание и разрушение одинаково творят и поддерживают этот мир, обеспечивая его существование в том виде, в котором мы его знаем.

Так как Дао охватывает все, такие противоположности, как отсутствие и наличие Дао нельзя описать в интеллектуальных понятиях, из-за чего китайская философия полна парадоксов. Один из главных парадоксов состоит в том, что Дао одновременно и единичное – неповторимый путь каждой вещи и каждого явления в отдельности, т. е. самих по себе, и единое, универсальный закон Вселенной, то, что объединяет все вещи и все явления в одно существование. Другой парадокс состоит в том, что Дао – высшая сила, но Дао нельзя при этом представить в виде чего-то отдельного. Дао словно разлито во всех остальных действующих силах, словно пронизывает их.

В понятиях классической литературы Дао осмысливается как все пронизывающая сила, как одновременно и средство, и цель существования. Впрочем, цель существования в даосизме – это не движение от низшего к высшему, как в монотеистических религиях, а нечто необъяснимое и непонятное. Даже Дао не знает, что это такое. Дао – это не высшее существо, все знающее и все понимающее. Знание и понимание – термины, вообще не применимые к Дао. Цель существования – это «вещь в себе». Возможно, что все существующее существует «просто так», а цель мы ищем, потому что не понимаем принципов Дао. Когда же понимаем, мы перестаем искать цель и смысл, а живем «просто так» – и, возможно, только тогда совпадаем с принципами существования.

Дао действует без активности и намерения, вещи происходят из него и получают порядок. Дао вызывает какую-либо перемену и все же сам пуст и не активен. Это подчеркивается автором «Даодэцзина» намеренно, чтобы Дао никто не представлял себе как нечто существующее отдельно и создающее все существующее.

Действие Дао незаметно и вездесуще. Дао везде и во всем. Дао упорядочивает без того, чтобы господствовать. Мы везде и во всем видим действие Дао, но нигде не можем сказать, что вот это – Дао само по себе. Мир – это словно растение, которое растет, подчиняясь внутренним законам, но эти законы незаметны.

Каждому существу и каждой вещи присуще собственное Дао, собственный Путь существования. Недеяние также практикуется, поскольку Дао упорядочивает вещи самостоятельно, и не нужно вмешиваться в этот естественный порядок.

Дао можно понимать как всемирный принцип, рационально недоступный, и поэтому человек должен как можно меньше своим сознательным действием и стремлением мешать этому принципу осуществлять себя, должен жить более интуитивным способом. Следовать по пути разума, пренебрегая интуицией, значит враждовать с Дао, а враждующий с Дао неминуемо причиняет вред и себе, и окружающему. Он словно плывет против течения, но это течение настолько сильно, что все равно подчинит его себе. Плывущий против течения зря тратит свои силы. Истощая свои силы, он приходит к гибели.

Не только у человека есть часть в Дао, но и каждая вещь и существо имеет собственное Дао и собственный путь. Каждое существо на дороге Дао неповторимо в его изменениях и проявлениях. Дао обнаруживается как постоянное движение и изменение. Понимать Дао означает понимать опыт существования, а не неподвижные интеллектуальные программы. Понимать означает в классическом даосизме следовать по пути Дао: видеть, чувствовать, ощущать действующие силы и плыть по волне, не сопротивляясь течению. Это не означает, что человек должен броситься в первую же попавшуюся ему волну. Сначала надо интуитивно почувствовать, как живет этот мир, а потом уже отдаваться волне. Жить естественно в даосизме значит следовать естественности, избегая произвольных действий, вызванных попыткой осмыслить существующее вместо того, чтобы существующее почувствовать.

Конфуций также считал «дао» и «дэ» основополагающими философскими концептами, сосредоточившись, однако, на их человеческих, а не на небесных ипостасях, которые взаимосвязаны, но могут проявляться и независимо друг от друга («Луньюй», V, 12/13, XII, 19) [11, с. 32].

В общем смысле «дао» в «Луньюе» – благой ход общественных событий и человеческой жизни, зависящий как от предопределения (XIV, 36/38), так и от отдельной личности (XV, 29). Его носителем выступает индивид, государство, все человечество (Поднебесная), эпоха (см., например: IV, 15, VIII, 13, XV, 25). В силу различия носителей различны и их дао (XV, 39/40): прямое и кривое (XVIII, 2), большое и малое (XIX, 4), присущее «благородному мужу» (цзюнь цзы) и «ничтожному человеку» (сяо жэнь) (XVII, 4) [11, с. 74].

Поднебесная может вообще утрачивать дао. В идеале единое дао должно быть познано. Его утверждение в мире исчерпывает смысл человеческого существования; при отсутствии дао в Поднебесной следует «скрываться», отказываться от службы.

Ближайшие ученики Конфуция придали высшей ипостаси дао (великое – да, всепроникающее – да дао) универсальный онтологический смысл, а основатель ортодоксального конфуцианства Дун Чжуншу (II в. до н.э.) выдвинул тезис: «Великий исток дао исходит из Неба».

Уже Мэнцзы (IV в. до н. э.) «подлинность» определял как «небесное» дао, а «помышление» (заботу) о ней – как «человеческое дао». Дао «совершенно-мудрых» сводится лишь к «сыновней почтительности и братской любви». В целом дао представляет собой соединение человека и «гуманности». В отличие от Конфуция, оценивавшего «середину дао» как недостаточность (Луньюй), Мэнцзы видел в этом (или «срединном дао») гармоническое состояние.

Представители школы военной мысли (бин цзя) также положили концепцию дао в основу своего учения. В Суньцзы дао определяется как первый из пяти устоев военного искусства (наряду с «условиями Неба и Земли», качествами полководца и законом), состоящий в единстве волевых помыслов народа и верхов. Поскольку война рассматривается как «путь (дао) коварства», дао связывается с идеей эгоистической самостийности и индивидуальной хитрости, которая была развита в позднем даосизме (Иньфуцзин).

Хань Фэй (III в. до н. э.), опираясь на идеи конфуцианства и даосизма, развил намеченную Сюньцзы и важнейшую для последующих философских, особенно неоконфуцианской, систем связь понятий «дао» и «принцип» (ли): «Дао есть то, что делает тьму вещей таковой, что определяет тьму принципов. Принципы суть формирующие вещи знаки (вэнь). Дао – то, благодаря чему формируется тьма вещей». Вслед за даосами Хань Фэй признавал за дао не только универсальную формирующую, но и универсальную порождающе-оживотворяющую функцию.

Под влиянием буддизма сновоположники «учения о таинственном (сокровенном)» Хэ Янь (II–III вв.) и Ван Би (III в.) отождествили дао с «отсутствием/небытием». Го Сян (III–IV вв.), признавая это отождествление, отрицал исходное порождение «наличия/бытия» из «отсутствия/небытия», т. е. отвергал возможную креационно-деистическую трактовку дао Пэй Вэй (III в.) прямо отождествил дао с «наличием/бытием». У Гэ Хуна (IV в.), будучи «формой форм», в ипостаси «Единого», дао обрело два модуса – «Таинственное единое» и «Истинное единое».

Конфуцианец Чжан Цзай (XI в.) соотнес дао с парой «дэ – дао», первый член которой определялся как «дух» (шэнь), т. е. способность вещей к взаимному восприятию (гань), а второй – как «трансформация» (хуа). «Деятельное проявление» «телесной первосущности» «пневмы» (ци), трактуемой как бесформенная «Великая пустота» (тай сюй), «Великая гармония» (тай хэ) или единство «наличия/бытия» и «отсутствия/небытия», Чжан Цзай приравнял к «надформенному» дао, которое им описывалось и как пронизывающее тьму вещей взаимодействие противоположностей, выражающееся в их взаимном восприятии, находящем свою телесную форму в индивидуальной природе. Универсальность этого взаимодействия обуславливает возможность его познания.

Еще ранее предтеча неоконфуцианства Хань Юй (VIII–IX вв.) вернулся к исходному конфуцианскому смыслу дао (противопоставив его даосскому и буддийскому пониманию) как следованию «гуманности» и «должной справедливости». Главные представители неоконфуцианства сделали упор на общепонтологический смысл дао. Согласно Шао Юну (XI в.), «бесформенное» и «самовозвращающееся» дао является «корнем Неба, Земли и тьмы вещей», порождающим (оживотворяющим) и формирующим их. Чэн Хао (XI в.) вслед за Чжан Цзаем приравнивал дао к «[индивидуальной] природе», а Чэн И (XI в.) различал их как «деятельное проявление» и «телесную сущность», хотя говорил и о едином дао, выявляющемся в «предопределении», «[индивидуальной] природе» и «сердце». Регулярность в действии дао Чэн И выражал с помощью категории «срединное и неизменное», или «равновесие и постоянство». Он определял

«верность» как «телесную сущность», т. е. «небесный принцип», а «взаимность» – как «деятельное проявление», т. е. человеческое дао.

Развивая идеи Чэн И, Чжу Си (XII в.) отождествил дао с «принципом» и «Великим пределом», а «орудия – с «пневмой», средством порождения/оживотворения вещей и силами ян и инь. Хотя Чжу Си отстаивал единство дао как «телесной сущности» и «деятельного проявления», он подвергся критике со стороны Лу Цзююаня (XII в.), доказывавшего, что инь и ян суть «надформенное» дао, а следовательно, между дао и «орудиями» нет той функциональной разницы, которую установил Чжу Си. Ван Янмин (XV–XVI вв.), развивая идеи Лу Цзююаня, отождествил дао с человеческим «сердцем» и его основой – «благосмыслием». Синтезируя взгляды предшественников, Ван Чуаньшань (XVII в.) отстаивал тезис о единстве «орудий» и дао как конкретной реальности и упорядочивающего ее начала. Результатом этого упорядочения является благодать (дэ). Ван Чуаньшань считал, что дао не лишено «формы» или «символа», но лишь доминирует над «формами», которыми наделено все в мире «орудий». Дай Чжэнь (XVIII в.) утверждал, что человеческое дао коренится в [индивидуальной] природе, а [индивидуальная] природа имеет исток в Небесном дао.

С середины XIX в. китайская философия подвергается агрессивному натиску западной культуры. Концепт «дао» находит свое прибежище лишь в религиозно-мистических спекуляциях даосских монахов. Лишь в 20-х гг. XX в. с возникновением так называемого «современного неоконфуцианства» или «постконфуцианства» начинается серьезное переосмысление синтеза концептов китайской и западной цивилизаций. Это оригинальное учение, главным идеологом которого являлся видный китайский ученый-философ Фэн Юлань (1895–1990), представляло попытку синтеза идей китайской и западной философии, главным образом сунского конфуцианства и позитивизма. Фэн Юлань выступил за соединение принципов научного исследования; позитивный (метод западной философии), строящийся на доказательствах и анализе, и негативный (метод китайской философии), по автору, связанный с интуицией. Философское кредо Фэн Юланя, изложенное в «Новом рационализме», включает четыре основных концепта, среди которых концепт Пути (Дао) занимает видное место.

В своем понимании дао он пытается синтезировать конфуцианскую и даосскую интерпретации. Так, Фэн Юлань, приводя знаменитую притчу из 26-й главы «Чжуанцзы», завершает ее фразой: «Словами пользуются для выражения смысла. Постигнув смысл, забывают о словах. Где бы найти мне забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!» И это уже не разговор с помощью слов: в том же «Чжуанцзы» рассказывается о встрече двух мудрецов, которые не произнесли ни одного слова, ибо «когда они встретились, Дао было там» [12, с. 53].

Анализируя параллели западной и китайской философии, китайский мыслитель отмечал, что Кант и неоконфуцианцы двигались в одном направлении, «но Кант все же не высказал того, что уже высказали представители учения о дао» [12, с. 328].

Как известно, даосы всегда утверждали, что о Дао нельзя говорить, но на Дао как присутствие можно намекнуть, на него можно указать. И поэтому слова

(рифмы, краски, ноты) можно забыть, когда цель достигнута, и Дао как принцип бытия и бытийствующий принцип непосредственно усмотрено: ведь, поймав зайца, забывают про силки! А философский текст в Китае – лишь силки для ловли Дао. И главное в китайском философском тексте – его наполненность суггестивными афоризмами, среди которых центральное место принадлежит концепту Дао.

Литература

1. *Гваттари, Ф.* Что такое философия? / Ф. Гваттари, Ж. Делез; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М.; СПб., 1998. – 286 с.
2. Большой китайско-русский словарь. – М., 1984. – Т. 4. – 1062 с.
3. *Кобзев, А. И.* Китайская книга книг / А. И. Кобзев // Китайская классическая «Книга перемен» / Ю. К. Щуцкий. – 2-е изд. – М., 1997. – С. 6–28.
4. *Торчинов, Е. А.* Даосизм. «Дао-Дэ цзин» / Е. А. Торчинов; пер. Е. А. Торчинова. – СПб., 1999. – 288 с.
5. Дао Дэ Цзин / пер. с древнекит. и коммен. А. Кувшинова. – 4-е изд., пер. и доп. – М., 2001. – 169 с.
6. *Кан, Юй.* Дао дэ цзин: основы дао и дэ или канон выявления изначального / Юй Кан: пер. с древнекит. – Сергиев Посад, 1994.
7. *Виноградский, Б. Б.* Лао-Цзы. Трактат о пути и потенции (Дао дэ цзин) / Б. Б. Виноградский // Антология даосской философии / сост. В. В. Малявин, Б. Б. Виноградский. – М., 1994. – С. 23.
8. *Лукьянов, А. Е.* Лао-Цзы и Конфуций: философия Дао / А. Е. Лукьянов; РАН, Ин-т Дал. Востока. – М., 2001. – 384 с.
9. Лао-цзы. Дао дэ цзин / пер. В. Странника. – М., 2006. – 270 с.
10. Дао-дэ цзин. / пер. Ян Хин-шуна // Дао: гармония мира. – М., 1999. – С. 34–76.
11. Лунь Юй / пер. Л. С. Переломова // Л. С. Переломов. Конфуций. Лунь Юй. – М., 1998. – 168 с.
12. *Фэн, Юлань.* Краткая История китайской философии / Фэн Юлань. – СПб., 1998. – 374 с.

Т. Г. РУМЯНЦЕВА

зам. заведующего кафедрой философии культуры по научной работе
Белорусского государственного университета, доктор философских наук,
профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ В КОМПАРАТИВИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Цель работы – показать значение такой сравнительно молодой отрасли знания, как философская компаративистика в установлении диалога между главными цивилизациями современного мира. Особый акцент при этом будет сделан на освещение *диалога европейской и китайской философских культур*, который имеет огромное значение для решения актуальных глобальных проблем современности.

Мировая философская литература последних десятилетий много занимается проблемой диалога и понимания Другого, сравнивает мысль Востока, Запада и других регионов мира. Конец XX и начало XXI в. демонстрируют стремление к *синтезу философских культур*. Наука, анализирующая все эти проблемы, и есть философская компаративистика. Она занята сегодня сравнением различных философских культур и традиций, показывает, что проблемы, игнорируемые в одной цивилизации, интенсивно изучались и изучаются в другой, решения, которые не были найдены в одной культуре, успешно реализовывались в других.

Именно философская компаративистика инициирует сегодня поиски общих универсальных ценностей и оснований человеческих культур и в то же время признает среди основных прав человека право быть Другим. Ею сформулированы основные принципы этики устойчивого развития, которая предполагает смену цивилизационных ориентиров, изменение направления развития современного общества, а именно – переход от материальной к *духовной* цивилизации, ориентированной на высшие бытийные ценности. Без преодоления бездуховности, равнодушия к любым нравственным изменениям, духовного возвышения и обновления современного мира легко предугадать самый вероятный прогноз его ближайшего будущего. Это предполагает и создание новой межкультурной философии – философии общих ценностей и интересов, которая могла бы стать основной стратегией нового человечества, осознающего себя как единое целое. В этом плане с точки зрения перспектив формирования планетарного ценностного сознания большой интерес представляет синтез философских систем Востока и Запада, которые всегда были двумя противоположными цивилизационными парадигмами и двумя противоположными социокультурными мирами.

Неотъемлемой частью духовного облика целого ряда стран современного Востока стала китайская философская традиция, которая без преувеличений обрела сегодня статус духовного центра, фундамента, на котором сформировались культуры многих народов Восточной Азии. Эта философия глубоко про-

ника в быт ряда государств, сформировала стереотипы массового сознания, стала общекультурным мировоззрением.

Сегодня во всем мире, в том числе и в нашем белорусском обществе, наблюдается повышенный интерес к Китаю, во многом связанный с упрочением позиций этого государства на международной арене, его достижениями в области экономики, политики и культуры. Для того чтобы глубже осмыслить китайское мировоззрение, стиль и способ мышления, следует тщательно изучать не только современную ситуацию, но и исходить из знания культуры Китая в самом широком смысле. Здесь особенно важно отметить, что, учитывая значимость в этом обществе традиции, которая всегда базировалась именно на китайской философии, понимание культуры Поднебесной невозможно без осмысления как древней, так и современной китайской философии.

Известно, что Запад в разные исторические эпохи активно прибегал к изучению инокультурных источников, причем не только в целях ознакомления, но и для собственного духовного обновления. Так, в эпоху Возрождения и особенно в Новое время в тогдашней европейской философии и историографии часто встречаются попытки обращения к сравнительному анализу. В конце XVII–XVIII вв. центром синологии становится Париж, так как именно французские монахи-иезуиты часто бывали тогда в Китае и даже занимали места технических специалистов при китайском императорском дворе. В 1736 г. была опубликована первая сводная монография под названием «Описание Китайской империи» Ж.-Б. Дюальда. Под его редакцией также издавалась многотомная серия исследований, сделанных иезуитами в Китае. Круг интересов первых исследователей был очень широк, включая переводы китайской классической литературы на латинский язык. Пристальное внимание привлекали древняя история и философия Китая. Эти исследования иезуитов в определенной мере способствовали развитию европейской науки и культуры, так как система аттестации чиновников посредством экзаменов, введенная в некоторых германских государствах, была во многом заимствована именно из Китая. Не случайно в своих письмах российскому монарху Петру I немецкий философ и математик Г. Лейбниц писал о духовном значении Китая и необходимости установления культурных и торговых связей между ним и Европой через Россию. Кстати говоря, сам он чрезвычайно интересовался естественной теологией китайских мыслителей, а его знакомство с текстом «Ицзин» во многом повлияло на идеи разрабатываемой им двоичной логики.

Но особый интерес к философии Древнего Китая наметился в Европе в век Просвещения. Так, Вольтер видел в Китае пример «философской монархии», а П. Пуавр – пример естественной регуляции атеистического общества. Российская императрица Екатерина II, которая, как известно, поддерживала контакты со многими деятелями французского Просвещения, вела с ними, среди прочего, и философские дискуссии о Китае. Большое распространение в годы ее правления приобрела работа французского писателя Н. Г. Леклерка «Великий Юй и Конфуций. Китайская история». В книгу, представляющую собой пересказ китайской истории и философии, вошли популярные в Европе того времени теории, согласно которым Конфуций был едва ли не физиократом и «физиком»,

знакомым со многими экспериментальными науками. К этой же эпохе относятся и первые попытки философски обобщить ставшие известными в Европе факты относительно общественного строя Китая. Уже в XX в. китайский историк философии Чжу Цяньчжи даже разработает теорию стимулирующего воздействия китайской цивилизации на европейскую. Можно отметить и глубокий интерес к мысли Китая в кружке друзей и соратников известного французского философа-материалиста Гассенди, к которому примыкали Сирано де Бержерак, Мольер и др. Из-под пера участников этого объединения вышел целый ряд работ, которым суждено было положить начало формированию главных направлений в оценке мысли стран Востока европейской философией последующих столетий. Одна из этих работ была написана Франсуа Ламотом Левайе, философом, учеником Монтеня и предшественником П. Бейля. Он издал книгу «Конфуций – Сократ Китая». Автор, основываясь на текстах работавшего в Китае иезуитского миссионера Николя Триго, поставил Конфуция рядом с канонизированным Платоном и Сократом, заявляя, что китайская философская мысль превосходит греческую, а строй Китая – еще и в XVII в. является идеалом для европейцев. Китай он характеризовал как построенное на принципах высокой морали государство ученых. «Никто, кроме философов, не правил Китаем» [1]. Хотя в целом Китай был важен для этого автора главным образом для того, чтобы продемонстрировать европейским монархам модель «благожелательного деспотизма».

Большой вклад в дело сопоставления культур, образов жизни, стилей философствования европейцев и китайцев внес английский писатель-эссеист Оливер Голдсмит, издавший книгу «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке». Эти так называемые «китайские письма» были насыщены огромным ориентальным материалом [2]. Важные элементы будущего сравнительного культуроведения, а также отдельные гениальные наброски будущей философской компаративистики мы находим в знаменитом «Западно-восточном диване» И. Гете. Это прежде всего идеи о необходимости знакомства европейцев с Востоком, религия и философия которого пока мало понятна европейцам, а также важное положение о том, что нельзя мерить философское и литературное произведение, написанное в рамках одной культуры, мерой, к нему неприменимой, что, однако, по Гете, не означает невозможности их сопоставления и сравнения, выделения одновременно общего и различного [3, с. 162].

Однако систематическое изучение философии Китая начинается только с XX в. Необходимые же предпосылки для выделения философской компаративистики в качестве особой отрасли философского знания сложились лишь к 40-м гг. Большой вклад в ее развитие внесли и известные китайские философы XX в. – Ху Ши и Фэн Юлань, которые не раз высказывали в своих трудах идеи о необходимости синтеза западной и восточной философии. И хотя Ху Ши не раз критиковали в самом Китае за то, что у него якобы отсутствует гордость за свою китайскую философию, за его космополитизм и пр., так как он во многом был сторонником вестернизации страны, тем не менее он много сделал для ознакомления западного мира с великими школами мысли Древнего Китая.

Его грандиозный труд «Логика и философия», хотя и посвящена по преимуществу развитию данных дисциплин в различные периоды китайской истории, анализ их эволюции разворачивается в контексте компаративистского анализа логики и философии Китая и Запада. Так, мы находим здесь множество ярких примеров и иллюстраций из истории западной философии, когда Лао Цзы он сравнивает с Протагором, конфуцианскую логику – с логикой Аристотеля и частично с идеями Ф. Бэкона. Для него совершенно естественным становится возможность восполнить «отсутствие методологии в современной китайской философии введением философских и научных методов, которые были развиты в западном мире, начиная со времен Аристотеля до наших дней» [4, с. 112].

Что касается другого китайского философа XX в. – Фэн Юланя, создателя так называемого нового неоконфуцианства, то его историко-философские труды получили широкую известность далеко за пределами Китая и были переведены почти на все европейские языки. Так, его двухтомник «История китайской философии», а также «Краткий очерк китайской философии» и «Книга источников по китайской философии» дают возможность европейцам подробно ознакомиться со всеми школами Древнего Китая, и в особенности с историей конфуцианства, включая его новейшие разновидности. Компаративистский подход проявляет себя здесь в том, что автор книг постоянно сравнивает основных представителей конфуцианства с Сократом, Платоном и Аристотелем, проводя параллели между идеалами правителя у Мен Цзы с идеалом правителя в «Государстве» Платона и т. п. В свою очередь китайский мыслитель обнаруживает значительное сходство идей Мэнцзы и Аристотеля в акцентировании роли разума, проводит параллели между восточной философией и идеями Шопенгауэра.

В конце XX в. проблемы компаративного анализа европейской и китайской философии заняли важное место не только в творчестве отдельных мыслителей, но и в работе Всемирных философских конгрессов. Так, актуальными темами докладов и круглых столов в Брайтоне (1988 г.) стали: «Западная культура и китайская культура XVIII в.: Лейбниц и Китай», «Китайская философия как философия человека», «Проблемы коммуникации между китайской и Западной философией за последние два столетия: соотношение мышления и материи, человеческого бытия и природы, теории познания и философского понимания человеческой природы» и т. п.

Стремление инициировать философов заниматься совместным анализом существующих в современном мире проблем было продемонстрировано и на Международной научной конференции «Философия в диалоге культур», которая прошла в рамках Всемирного Дня философии в Москве и Санкт-Петербурге (2009 г.) Одной из главных задач этой конференции было стимулировать публичные дебаты мыслителей и гражданского общества по поводу вызовов, встающих перед современным социумом. Речь шла и о необходимости преодолеть схематизм и европоцентризм в понимании культур Востока, но наиболее актуальными были признаны попытки рассмотрения в качестве самостоятельной темы – *взаимодействие философских цивилизаций и культур*.

Все это свидетельствует о том, что в поисках разрешения кризиса ценностных оснований, заложенных еще философией модерна, философы Запада

все чаще обращаются сегодня к мысли Востока, и не в последнюю очередь к Китаю. В его духовном наследии они пытаются найти пути разрешения наиболее острых проблем, связанных с переходом человечества к стадии техногенно-информационного «общества потребления», вступающего в конфликт со многими морально-этическими нормами прошлого, а также с поиском новых идей, которые обогатили бы саму западную науку [5, с. 3]. Это во многом связано и с тем, что вместе с Индией Китай претендует сегодня на особую роль в современном глобализирующемся мире. Известно, что по одному из сценариев «будущего в контексте глобальной коммуникации» именно эти страны могут занять ведущее место в перспективно развивающемся мире. В этом плане значение компаративистской философии заключается сегодня уже не просто в сравнении различных культур, а в способствовании продуктивному межкультурному диалогу и созданию так называемой межкультурной философии, которая смогла бы предложить будущему человечеству позитивные ценности. Всем этим вопросам была посвящена прошедшая в ноябре 2012 г. в Москве научная конференция на тему «История философии: вызовы современности», в рамках которой большое место было уделено теме «История философия в контексте различия культур». Так, по словам виднейшего российского востоковеда М. Т. Степанянц, современная философия на Востоке, прежде всего в двух основных ее цивилизационных ареалах – в Китае и Индии, занята по преимуществу «поддержанием традиций и поиском ответов на вызовы современности» [6]. И хотя большинство современных восточных философов остаются традиционно мыслящими, занимаясь описанием, комментированием и толкованием того, что утверждалось до них, мысли и устремления многих из них обращены и к поискам наиболее эффективного пути достижения мирового лидерства.

Это тесно связано с превращением Китая и Индии в ведущие державы уже в первой половине XXI в., по уже упоминаемому нами так называемому «азиатскому сценарию» глобального развития. Сегодня Китай стоит перед выбором между тремя базовыми альтернативами: глобализация по западному образцу; изоляционистский национализм, замешанный на религиозном фундаментализме; реформаторство, обеспечивающее модернизацию, без утраты культурной идентичности [6]. И у каждой из этих альтернатив есть свои сторонники и противники. Хотя в последнее время Китай активнее всего работает над формированием такой комплексной программы ценностей будущего мира, в основе которых лежит как идея сохранения своей идентичности, так и определенного сближения с западными идеями и ценностями. Причем, несмотря на многие базисные несовпадения с западным индивидуализмом и либерализмом, это сближение все чаще рассматривается как равноправное сотрудничество двух сторон, как стремление добиться их органического синтеза. В сегодняшнем Китае, как и во многих других азиатских обществах, по-прежнему очень сильны идеи коллективизма, а к коренным национальным интересам помимо вопросов суверенитета и территориальной целостности относят духовные ценности; при этом защиту идентичности, в том числе коллективной идентичности, приравнивают в КНР к культурной безопасности государства. Решающая роль здесь отводится сильному централизованному государству, что же касается процесса формиро-

вания личности, то здесь приоритет отдан семье, образованию, традиционным обычаям и ритуалам, а также преобладанию общественных обязанностей над личными правами и т. п. Однако вряд ли все это следует рассматривать как непреодолимое препятствие для сотрудничества с другими культурами и цивилизациями современного мира.

В духе современной философской компаративистики ставится целый ряд задач в читаемом сегодня на философском отделении БГУ курсе «Философия Древнего Востока». Их решение позволит не только выявить главные предпосылки формирования мысли Древнего Китая и его специфической, по сравнению с Западом, системы ценностей, но и одновременно показать ее взаимосвязь с европейской духовной традицией. На основе изучения наиболее значимых текстов мыслителей Древнего Китая, репрезентирующих основные идеи восточной философии, становится также возможным раскрыть степень актуальности философского наследия этого региона мира в контексте будущего развития человечества.

Литература

1. Культурное наследие народов Востока и современная идеологическая борьба: сб. ст. / редкол.: А. Д. Литман, В. М. Солнцев; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М., 1987. – 271 с.
2. *Голдсмит, Оливер*. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке / Оливер Голдсмит; пер. А. Г. Ингера. – М., 1974.
3. *Гете, И. В.* Западно-восточный диван / И. В. Гете; пер. В. В. Левик. – М., 1988. – 901 с.
4. История современной зарубежной философии: компаративистский подход / редкол.: Ю. Н. Солонин. – СПб., 1997. – 480 с.
5. *Рыков, С. Ю.* Древнекитайская философия: курс лекций. / С. Д. Рыков; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М., 2012. – 312 с.
6. *Степаняц, М. Т.* Чем живет современная восточная философия? / М. Т. Степаняц // Институт философии РАН [Электронный ресурс]. – 2007–2013. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page23052063.htm>.

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

СПЕЦИФИКА КОМБИНАТОРИКИ СЧЕТНЫХ ЗНАКОВ ДЛЯ КИТАЙСКИХ ИНТЕНСИВНЫХ ЁГЕНОВ

Счетные знаки при переменных ёгенах (в теории частей речи [1] – глагольные счетные слова), представляющие собой большой класс в системе счетных знаков китайского языка, появились значительно позже счетных знаков при тайгенах. Самые ранние счетные слова при тайгенах зафиксированы в надписях, датирующихся эпохой Шан (1600–1046 гг. до н.э.), вместе с тем в них совершенно отсутствуют счетные слова при ёгенах. Как полагает Ван Ли, первые счетные слова при ёгенах появились не ранее эпохи Тан (618–907 гг.): «До эпохи Тан, кроме знака ‘再’, обозначающего повторное действие, перед глаголом обычно ставился числовой знак... После эпохи Тан постепенно стали появляться единицы счета, указывающие на действия, например: ‘回’ раз, ‘次’ раз и др.» [2, с. 232–234]. Иного взгляда придерживается Лю Шижун: «В китайском языке глагольные счетные слова появились или постепенно начали появляться самое позднее в эпоху Вэй, Цзинь и Шести династий (220–589 гг.), кроме того, находились в стадии развития, а не просто на начальном этапе зарождения» [3, с. 7–9]. Ши Цуньчжи, Цзян Лихун, Жэнь Миншань, а также Лю Тун и У Пафан привели доказательства того, что счетные знаки при ёгенах употреблялись уже в эпоху ранней Цинь (221–206 гг. до н. э.) [4, с. 27].

Система счетных знаков при ёгенах получила активное развитие в эпоху Вэй, Цзинь и Шести династий, когда насчитывалось довольно большое количество специализированных и заимствованных счетных единиц. Среди специализированных счетных слов можно отметить “过”, “番”, “遍”, “阵”, “下”, “次”, “周”, “度” и др.; среди заимствованных – “声”, “拳”, “口”, “杵”, “槌”. Хотя их число и сфера употребления были весьма ограничены, но в целом, как пишет Лю Шижун, если сравнивать глагольные счетные слова той эпохи и современного китайского языка, можно сказать, что особых различий нет [3, с. 8].

Во времена Тан и Сун система счетных слов при ёгенах была развита достаточно хорошо, уже тогда появились многие счетные слова, характерные для современного китайского языка, постепенно совершенствовались и их синтаксические функции. К этому времени процесс возникновения, закрепления и развития системы счетных знаков уже был полностью завершен. В дальнейшем, по мере развития общества и изменений в языковой системе, варьировались количество и комбинаторика счетных знаков, но кардинальным преобразованиям эта система уже не подвергалась.

Правило комбинаторики счетных знаков при тайгенах и самих тайгенов справедливо и для счетных знаков при ёгенах и самих ёгенов – с одним и тем же счетным знаком могут сочетаться различные ёгены, так же как и к одному и тому же ёгену могут присоединяться различные счетные знаки. Счетные знаки

при ёгенах сравнительно малочисленны, наиболее часто встречающиеся знаки – “次”, “回”, “度”, “下”, “番” и др. Каждый из этих счетных знаков может комбинироваться с различными ёгенами, например, счетный знак “次” *раз* может встречаться в сочетаниях “安排一次” *наладить один раз*, “表扬一次” *продемонстрировать один раз*, “帮一次” *помочь один раз*; счетный знак “下” *раз* могут употребляться в сочетаниях “回答一下” *ответить один раз*, “打一下” *ударить один раз*, “吃一下” *поест один раз*. В свою очередь, с одним ёгеном могут сочетаться множество счетных знаков. Так, ёген “抓” хватать может комбинироваться со счетными знаками “次”, “回”, “把”, “下” и др., образуя сочетания, имеющие один и тот же вариант перевода на русский язык, но включающие различные счетные знаки: “抓一次”, “抓一回”, “抓一把”, “抓一下” *схватить один раз*.

Закон вариативной комбинаторики имеет свои ограничения в конкретных случаях употребления отдельных счетных знаков. Например, счетные знаки “次” и “遍” обозначают кратность совершаемого действия, но сфера комбинаторики знака последнего не так широка, как область комбинаторики первого. Так, счетный знак “次” может сочетаться с ёгенами “去” *пойти/поехать*, “听” *слушать*, “过去” *сходить*, “说” *сказать*, “看” *посмотреть*, “讲” *рассказать*, “上来” *подниматься*, “休息” *отдохнуть*, “批评” *покритиковать* и др. В то же время счетный знак “遍” из вышеперечисленных ёгенов может комбинироваться лишь с несколькими ёгенами из вышеперечисленных: “听” *слушать*, “说” *сказать*, “看” *посмотреть*, “讲” *рассказать*.

Основываясь на свойствах количественных параметров процессов, мы разделим эти счетные знаки на следующие категории:

Категория	Универсальные счетные знаки	Обычные счетные знаки при переменных ёгенах		
		Счетные знаки с семантикой кратковременности	Счетные знаки с семантикой длительности	Счетные знаки с семантикой целостности
Счетная единица	回、次、度	下	番、阵	遍、顿、场、趟

Универсальные счетные знаки

К этой категории относятся счетные знаки “次”, “回”, “度” – знаки, обладающие наиболее широким семантическим полем. Ёген, способный комбинироваться со счетным знаком, может сочетаться с любым счетным знаком этой группы.

Рассмотрим более подробно этимологический, семантический и комбинаторный аспекты этих счетных знаков.

【次】: 1. Обозначает явления, способные происходить неоднократно: 一次机会 *одна возможность*, 第十三次代表大会 *13-й съезд ВСНП*. 2. Называет

процессы, способные происходить неоднократно: 谈了一次 *поговорить один раз*, 参观过两次 *участвовал два раза*, 商量了一次 *обсуждал один раз*.

【回】 : 1. Аналогично знаку “次”. Обозначает количество раз совершаемого действия: 去了一回 *сходил один раз*, 看过几回 *читал несколько раз*. 2. Сходно со знаками “件” *вещь*, “桩” *дело*. Обозначает количество раз совершаемого действия. Счетному знаку часто предшествуют указательные ёгены “这” *этот*, “那” *тот*, “这么” *так* “那么” *так*, “怎么” *как* и др.: 我知道这回事 *я знаю об этом [деле]*. 你说的是一回事, 他说的是一回事 *ты говоришь одно [дело], он говорит другое [дело]*. 3. Обозначает главу или раздел книги: 《红楼梦》第十回 *десятая глава романа «Сон в красном тереме»*.

【度】 : 1. Сходно со знаками “次”, “回”. Обозначает кратность совершаемых действий: 前后六度衔命 *всего шесть указов*, 两度来京 *два раза приехать в столицу*. 2. Единица измерения дуги или угла. 3. Единица измерения электричества, просторечное наименование единицы «киловатт». 4. Единица измерения широты и долготы, градус.

Обычные счетные знаки

В эту группу входят знаки “下”, “番”, “阵”, “遍”, “顿”, “场”, “趟”. Их семантическое поле не такое широкое, как у знаков предыдущей группы, их комбинаторика подвергается значительным ограничениям: счетный знак “下” сочетается с ёгенами, называемыми краткосрочный, непродолжительный процесс; знаки “番”, “阵” сочетаются с ёгенами, называемыми длительный процесс; знаки “遍”, “顿”, “场”, “趟” составляют подгруппу знаков, называемых целостный процесс.

Счетные знаки для переменных ёгенов, называющие кратковременный процесс:

【下】 : 1. Обозначает количество раз совершаемого процесса, в современном китайском языке может встречается форма “下子”: 说一下儿 *сказать один раз*, 打几下 *ударить несколько раз*, 研究一下 *исследовать один раз*. 2. Обозначает способности, навыки. Из числовых знаков сочетается только со знаками «два», «несколько». Может эризовываться или принимать форму “下子”: 他就这么两下 *он такой умелец*, 你可真有两下子 *ты действительно мастер на все руки*.

Счетные знаки для переменных ёгенов, называющие продолжительный процесс.

Эта подгруппа состоит из двух знаков – “番”, “阵”, которые комбинируются с ёгенами, обозначающими продолжительный, в ряде случаев сложный и долговременный, процесс.

【阵】 : 1. Обозначает продолжительный процесс, может подвергаться эризации. Из числовых знаков сочетается только со знаком «один»: 刮了一阵儿风 *подул ветер*, 下了一阵儿雨 *пошел дождь*, 商量了一阵 *долго обсуждать*. 2. Обозначает продолжительный процесс, в путунхуа может подвергаться эризации. Из числовых знаков сочетается только со знаком «один»: 一阵雨 *период*

дождя, 一阵儿冷风从门缝里钻进来 *холодный ветер врывался через дверную щель*, 一阵剧痛使他昏迷了 *от резкой боли он потерял сознание*.

【番】 : 1. Аналогичен знакам “种” *род*, “类” *тип*, обозначает разновидность, используется в отношении людей и предметов. Из числовых знаков сочетается только со знаком «один»: 一番心思 *одна мысль*, 一番情意 *одно чувство*. 2. Аналогично счетным знакам “遍”, “次”, “回”, “阵”, обозначает кратность процессов: 进行一番调查 *провести расследование*, 嘱咐一番 *сделать внушение*, 挣扎一番 *приложить все силы*. 3. Обозначает процесс, больше или меньше в несколько раз, сходно со знаком “倍”. Обычно применяется после егена “翻” (*удвоить*). Сочетание 翻一番 означает «удвоить» (букв. больше в один раз), сочетание 翻两番 означает «повторить четыре раза». Числовой знак «один» может опускаться: 产量翻一番 *объем продукции удвоился*, 国民经济翻两番 *темпы роста народного хозяйства увеличились в четыре раза*.

Счетные знаки для переменных ёгенов, называющие целостный процесс.

В эту подгруппу входят четыре счетных знака – “遍”, “顿”, “场”, “趟”, каждый из которых обозначает очень интенсивный, целостный процесс. В отношении семантики, разница между этими знаками довольно велика, что обусловлено различиями в их этимологическом значении.

【遍】 : аналогично счетным знакам “次”, “回”, обозначает полностью завершенный процесс от начала и до конца 看一遍 *посмотреть один раз*, 说一遍 *сказать один раз*, 读几遍 *прочитать несколько раз*.

【顿】 : 1. Используется для подсчета приемов пищи: 一日三顿 *поесть за день три раза*, 这顿饭吃了半小时 *в этот раз ел полчаса*. 2. Называет процессы со значением порицания, брани, укора, аналогично “次”, “回”, например: 批评了一顿 *отругал разок*, 痛打一顿 *сильно побить*, 骂了一顿 *отругал*, 教训了一顿 *проучил*.

【场】 : а) cháng 1. Обозначает ход какого-либо процесса: 头场雪 *первый снег*, 下了两场雨 *два раза шел дождь*, 闹了一场病 *расхворался*, 受了一场惊吓 *испугался*, 这是一场革命 *это революция*, 经过一场激烈的大辩论 *в процессе ожесточенных дискуссий*, 引起了一场风波 *поднял большие волны*. 2. Обозначает некоторые речевые процессы: 大闹一场 *поднять шум*, 大哭一场 *сильно ругаться*. Стоит обратить внимание на то, что в случаях обозначения некоторых речевых процессов за счетным знаком нельзя употреблять тайген. б) chǎng 1. Обозначает однократное развлекательное мероприятие: 一场戏 *одна пьеса*, 两场京剧 *две пекинские оперы*, 几场舞会 *несколько танцевальных вечеров*, 两场节目 *два номера [программы]*. 2. Обозначает часть пьесы или оперы: 九场话剧 *девять актов пьесы*, 话剧共三幕六场 *в пьесе три акта*. 3. Используется для исчисления экзаменов: 今天考了两场 *сегодня было два экзамена*, 再考一场数学就放假了 *осталось сдать экзамен по математике – и каникулы*.

【趟】 : 1. Подобно знакам “遍”, “次”, обозначает определенное количество процессов: 去了一趟 *сходил один раз*, 送了两趟货 *доставил товар два раза*. 2. Обозначает кратность других процессов: 看了一眼 *взглянул один раз*, 洗了一趟 *помыл один раз*, 扫了一趟 *подмел один раз*, 被人笑了一趟 *быть высмеянным [один раз]*. 3. Обозначает транспортный рейс: 八点这趟车赶不上了, 只好等十点那趟 *на восьмичасовой поезд не успеет, придется ждать десятичасового*. 4. Обозначает комплекс движений ушу (боевого искусства): 练一趟拳 *тренировка в кулачной борьбе*, 舞一趟剑 *одна танец с мечами*, 耍一趟三节棍 *поразмахивать трехколенной дубинкой* (для разбивания щитов противника).

Литература

1. Гордей, А. Н. Части языка и процедуры их разграничения / А. Н. Гордей // Пути Поднебесной. – Минск, 2006. – Вып. 1, ч. 1. – С. 69–75.
2. 王力. 汉语史稿 / 王力. – 北京: 中华书局, 1980.
3. 刘世儒. 魏晋南北朝量词研究 / 刘世儒. – 北京: 中华书局, 1965.
4. 叶桂柳. 明代汉语量词研究 / 叶桂柳. – 湖南: 岳麓书社, 2008.
5. 刘子平. 汉语量词词典 / 刘子平. – 内蒙古: 教育出版社, 1996.

ВАН ЧЖЭ

старший преподаватель Университета Цзяо чжун (КНР)

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА ПО ВИДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Для определения состава знаков со значением *лица* нами был проведен анализ дефиниций, который позволил выявить **общие лексические компоненты** в составе номинативных единиц. Обращение к словарному толкованию знаков связано с тем, что в большинстве случаев иностранцу невозможно восстановить лексическое значение данных слов другим способом.

В нашем исследовании компоненты семантической модели «*лицо – деятельность лица*» рассматриваются в рамках определенных тематических групп. В сопоставлении данных русского и китайского языков нами выделяются три тематические группы наименований лица:

Первая группа представлена **именами, обозначающими должностных лиц**. Например:

Дипломат – 外交官 wàijiāoguān. **Номинативная единица** состоит из двух лексических компонентов: 外交 + wàijiāo *дипломатия* и 官员 guānyuán *чиновник*.

Директор 负责人 fùzérén *нести ответственность* и человек.

Игумен 修道院院长 xiūdàoyuàn yuànzhǎng *монастырь* и *директор*

Инспектор 监察人 jiānchá rén *ревизия* и человек

Князь 公爵 gōngjué 王公 + 爵位 *дворянство* и *титул*

Вторая группа номинативных единиц включает **имена, обозначающие лиц профессиональной деятельности.**

Различия в способах реализации данной семантики связаны, во-первых, с разными лексическими компонентами в составе знаков, во-вторых, с характером деятельности и ее социальной оценкой. По качеству деятельности выделяются две подгруппы наименований лица.

Первую подгруппу составляют лица, выполняющие работу по специальности согласно полученному образованию.

В русском языке значение интеллектуальной деятельности и деятельности, связанной с работой по специальности, регулярно передается лексическими компонентами *работать* и *заниматься деятельностью*. Например: *работать учителем, режиссером; заниматься врачебной деятельностью*. В китайском языке:

Адвокат 律师 lùshī 法律 + 师傅 право и мастер

Врач 医生 yī shēng 医学 + 学生 медицина и учащийся

Учитель 导师 dǎoshī 指导 + 老师 руководство и учитель

Имена второй подгруппы обозначают лиц, связанных с прикладными профессиями.

Семантика деятельности, не требующей специального образования, выражается лексическими компонентами *заниматься ремеслом, промыслом, делом*. Например: *заниматься ремеслом горшечника, заниматься кожевенным ремеслом, заниматься промыслом живодера*. Общие лексические компоненты для двух подгрупп – *работать* и *заниматься*. Например: *работать врачом, заниматься водолазным делом*.

Способы представления данной семантики в китайском языке:

Башмачник 鞋匠 xiéjiàng 鞋 + 匠 обувь и мастер

Бочар 木桶匠 mùtǒngjiàng 木桶 + 匠 ведро и мастер

Водолаз 潜水员 qiánshuǐ yuán 潜水 + 员 под водой и человек

Кожевник 制革工人 zhìgé gōngrén 制革 + 工人 выделывать кожу и рабочий

Извозчик 马车夫 mǎchēfū 马车 + 夫 экипаж и мужчина.

Третья группа имен обозначает лиц непрофессиональной деятельности. Данная семантика включает **занятие, поведение и состояние** лица.

Занятие может иметь нейтральную социальную оценку, например: *рыбак – ловить рыбу, ягодник – собирать ягоды, огородник – заниматься огородом*. Негативную оценку имеет деятельность *барышника, взяточника, вредителя, крючкотвора, палача, шпиона* и др. Группа активно пополняется за счет профессиональных имен. Например:

Живодер в первом значении – лицо, которое профессионально занимается убоем животных. **Второе значение является переносным** – жестокий человек, мучитель. В этом значении знак закреплен в китайском языке: 残酷的人 cánkùderén жестокий и человек.

Все единицы, которые связаны с **поведением** лица, имеют лексические указатели: *вести себя, поступать как, как кто, быть каким, совершать какие*

поступки, проявлять что. Например: вести себя мужественно, вести себя как подхалим, проявлять высокомерие, проявлять любопытство, поступать дерзко. Группа также активно пополняется за счет профессиональных имен, например:

Знак **Акробат** – цирковой мастер гимнастики, из греческого языка *вершина* и *иду*, – может развивать в речи семантику поведения «неуместная ловкость, шутовство».

Актёр в первом значении – исполнитель ролей в театральном представлении. Во втором, переносном, значении – притворщик; человек, который показывает себя не таким, каков он есть на самом деле.

Сравним в китайском языке:

Акробат 技巧运动员 jìqiǎo yùndòngyuán *навык и спортсмен*

Актёр 演员 yányuán 表演 + 员 *выступление и человек*

Имена *лиц по состоянию* реализуют семантику в сочетании со словами *быть, жить кем, вести жизнь кого, предаваться чему*. Например: *быть бродягой, быть сиротой, жить беспризорником, вести жизнь странника, предаваться философии*.

Примеры знаков непрофессиональной деятельности в китайском языке:

Нейтральное занятие:

Благодетель 行善的人 xíngshànderén 做好事 + 人 *делать хорошее дело и человек*

Благотворитель 慈善家 císhànjīā 慈祥善良 + 人 (家 → 人) *добрый и человек*

Отрицательное занятие:

Базарник базарный торговец 集市小贩 jíshì xiǎofàn *базар и торговец*

Барышник 贩卖者 fānmàizhě 卖东西 + 人 (者 → 人) *продавать и человек*

Взяточник 贪污分子 tānwū fēnzǐ 贪污 + 分子 *коррупция и элемент*

Вредитель 破坏分子 pòhuài fēnzǐ 破坏 + 分子 *нарушать и элемент*

Кляузник 好拨弄是非的人 hàobōnòngshìféiderén *любить, вызывать ссору и человек*.

Поведение:

Безбожник 无神论者 wúshénlùnzhě 没有 + 神 + 人 (者 → 人) *нет, бог и человек*

Ветреник 轻浮的人 qīngfúderén *легкомысленный + человек*

Высокомерный (человек) 高傲的人 gāoàoderén 高大 + 骄傲 *большой, гордость и человек*

Злорадный (человек) 幸灾乐祸的人 xìngzāilèhuòderén *радость, беда и человек*

Дерзкий 勇猛的人 yǒngměngderén *хватить отличной смелости и человек*

Деликатный 有礼貌的人 yǒulǐmàoederén *вежливый и человек*

Состояние:

Бездельник 懒汉 lǎnhàn 懒惰 + 男人 (汉 → 男人) *ленивый и мужчина*

Белоручка 不愿干重活的人 bùyuàn gàn zhòngghuóderén не хотеть, делать тяжелую работу и человек

Беспризорник 流浪儿 liúlàngér 没有家 + 儿童 без дома и ребенок

Бродяга 流浪者 liúlàngzhě 没有家 + 人 (者 → 人) без дома и человек

Домосед 不爱出门的人 búài chūménrén 不爱出门 + 人 не любить выйти и человек

В китайском языке **номинативные единицы** имеют двухкомпонентную структуру в явном, развернутом виде. Например:

Генерал – 将军 jiāngjūn управлять и армия

Диктатор – 独裁者人 dúcáizhěrén диктатура и человек

В русском языке двухкомпонентность в данных знаках представлена в свернутом виде.

В терминах **комбинаторной семантики** **номинативная единица** – это устойчивая последовательность знаков, в которой один знак (модификатор) определяет другой (актуализатор) а само слово рассматривается как **свернутая номинативная единица** [1]. **Актуализатор** – это общий лексический компонент в структуре номинативной единицы, например: *хитрый человек, мудрый человек, глупый человек; человек, живущий в горах; человек, живущий в Китае*. **Модификатор** – различающий лексический компонент. В указанных выше примерах свертка происходит в пользу модификатора: *хитрец, мудрец, глупец, горец, китаец*.

Факты китайского языка доказывают, что все свернутые номинативные единицы в русском языке представляют исторически сложившуюся последовательность знаков **актуализатор и модификатор**.

Польский лингвист Ян Розвадовский открыл закон двучленности вновь возникающих понятий. Суть этого закона заключается в том, что новые понятия одними признаками связываются со старыми, а другими – отличаются от них. Поэтому в составе знака должен быть, по Розвадовскому, отождествляющий (интегральный) и различающий (дифференциальный) компонент. С течением времени может наблюдаться ослабление семантики интегрального члена – актуализатора. Это приводит к явлению, которое Ян Розвадовский назвал «сгущением понятий», когда двучленное понятие преобразуется в одночленное. Например, слово *яд* в русском языке совершенно утратило семантические и словообразовательные связи с глаголом *есть*. Поэтому в ранее двучленном понятии «отравляющая еда» остался только дифференциальный признак – модификатор «отрава», который является теперь основным в семантике этого слова.

В русском языке порождение знаков, обозначающих лицо по виду деятельности, представляет собой свертку номинативных единиц в пользу модификатора. Актуализатор *человек* оказывается свернутым в суффикс (например: *капризник – капризный человек*) или стертым (например: *балагур*). В китайском языке мы имеем развернутые структуры:

Капризник Тот, кто ведет себя капризно, склонен к капризам 任性的人 renxingderén 由着 + 性格 + 人 *распустить характер и человек*.

Балагур разговорчивый человек, шутник, забавник. 诙谐的人 huìxiéde rén юмористический и человек.

Таким образом, для получения достоверных результатов научного исследования, описание тематических представителей с семантикой лица видится нам в сопоставлении действующих в русском и китайском языках моделей.

Литература

1. Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии; отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно, 2005. – С. 32–35.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. – М.; Л., 1948–1965. – 1958. – Т. 6.
3. Большой китайско-русский словарь / под ред. И. М. Ошанина. – М., 1983–1984.
4. Компактный большой русско-китайский словарь. – Пекин, 1989. – 1157 с.
5. Большой русско-китайский словарь / под ред. Лю Цзэжун. – Пекин, 1963 – 1384 с.
6. Китайско-русский словарь. – Пекин, 1990.

Е. В. ГОБОВА

*младший научный сотрудник Института востоковедения
имени А. Ю. Крымского Национальной академии наук Украины
(г. Киев, Республика Украина)*

ПАУЗАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В КИТАЙСКИХ СМИ

Дикторская речь в средствах массовой информации КНР является строго регламентированной не только в лексическом или стилистическом планах, но и с положений реализации просодических явлений. Стандарты, существующие и используемые как руководство на этапе обучения дикторов радио, телевидения и других способов массового распространения информации, достаточно четко и разносторонне описывают требования, выдвигаемые к оформлению потока звучащей речи [1, с. 28]. Главным образом они касаются правильного произношения звуков и тонов [2, с. 62], в которых наиболее часто возникают ошибки, связанные в основном с диалектной интерференцией или с неправильным прочтением иероглифов [3, с. 25; 4, с. 82].

Паузальное членение дикторской речи описывается в китайских источниках как «речевая пунктуация», которая, впрочем, не соответствует напрямую фактической пунктуации начитываемых текстов [1, с. 329] и выполняет функцию оформления логических связей речевого потока. Принято отдельно рассматривать способы реализации пауз и их разновидности. При этом от традиционного общего разделение пауз на логические и гезитационные классификация пауз в дикторской речи отличается достаточно широким диапазоном разновидностей. Среди них выделяют десять видов [1, с. 331–335]:

- 1) 区分性 – разделяющая (используется в перечислениях);

- 2) 呼应性 – пауза-«эхо» (оформляет ритмическую структуру предложения);
- 3) 并列性 – сочинительная (оформляет сочинительные отношения между членами предложения);
- 4) 分合性 – подчинительная (оформляет подчинительные отношения между членами предложения);
- 5) 强调性 – усилительная (выделяет основное содержание);
- 6) 判断性 – пауза суждения (хезитационная пауза или пауза имитирующая хезитацию в художественном чтении);
- 7) 转换性 – пауза изменения состояния (используется для введения новой, часто неожиданной информации);
- 8) 生理性 – «физиологическая» пауза (используется как прием в художественном чтении);
- 9) 回味性 – пауза «воспоминания» (используется для эффекта незавершенности, в основном в художественной речи);
- 10) 灵活性 – пояснительная (при уточнении, выделении новых или сложных к восприятию понятий).

В целом такая классификация скорее подходит для описания художественных приемов речи и характеризуется не столько длительностью паузы относительно общего темпа речи или синтаксического строения фраз, сколько ее интонационным оформлением. Аналогичным образом описываются и способы паузального членения: по изменениям интонационного контура высказываний до паузы и после нее. Что касается длительности, то конкретных нормативных рекомендаций на этот счет нет, однако она может определяться одним из перечисленных выше видов. Необходимо также отметить, что в этой классификации не приводится различие пауз по такой характеристике, как «шумность».

Таким образом, паузы в дикторской речи можно разделить на логические и эмоциональные, а в отдельную, третью, группу можно вынести паузы «технического» характера – паузы для переведения дыхания и связанные с иными неязыковыми причинами. Однако относительная длительность паузы даже будучи важным художественным средством не имеет четких границ, но при этом разработана система для обозначений длительности пауз в предварительной обработке текста перед зачитыванием его в эфире [1, с. 337].

Помимо того, пауза может влиять на реализацию лексических тонов, что находится в граничном положении относительно нее. Наиболее часто это проявляется в слогах, которые находятся непосредственно перед паузой, иногда изменение лексического тона в таких случаях даже может выходить за рамки нормативного произношения [4, с. 89].

Немного другая ситуация с паузальным оформлением речи дикторов в тех случаях, когда звучит живая речь без предварительно подготовленного текста. Исходя из проведенных ранее экспериментальных исследований, в неподготовленной диалогической речи распределение пауз менее однородно и сильно зависит от меры дистантности общения [5, с. 231]. Относительная спонтан-

ность речи напрямую влияет на длительность как хезитационных, так и логических пауз.

Кроме того, длительность пауз имеет большое значение для поддержания ритмомелодической организации речи, что в сочетании с логическими ударениями в речевом потоке создает у слушателя ощущение целостности и завершенности высказывания. При достаточно плавном и небыстром темпе речи предложения чаще всего делятся на речевые такты длиной в 8–10 слогов для китайской устной речи [1, с. 367]. Однако для спонтанной речи достаточно сложно свести это число к среднему значению, которое было бы показательным, поскольку в таких условиях с одной стороны, речевые такты неоднородны, с другой – проблематично четко выделить смысловые группы из-за нелинейности семантической структуры устного текста [5, с. 134].

Пауза является в китайской речи одним из важнейших элементов логического членения высказываний. В том виде, в каком она используется дикторами в китайских средствах массовой информации, пауза кроме того является художественным способом оформления смысловой нагрузки сообщения. Для подготовленной и спонтанной дикторской речи действуют одни и те же нормы китайского языка, однако в условиях слабодистантного общения длительность пауз и ритмичное членение речевого потока на такты может быть достаточно неоднородным. Также лексические тоны слогов, граничащих с паузами в спонтанной речи, чаще поддаются нейтрализации в тех случаях, когда пауза не хезитационная, а логическая.

Литература

1. 张松。中国播音学 / 张松。— 北京：北京广播学院出版社，2003。— 658 页。
2. 武传涛。播音员主持人语音不规范现象浅析 / 武传涛 // 《语言文字应用》，2012。— V.2。
3. 张琰彬、呼月宁等。汉语普通话声调发音错误检测 / 张琰彬，呼月宁等 // 《清华大学学报(自然科学版)》，2008。— 第 S1 期。
4. 邓红华、邓函夏。浅谈节目主持人语音不规范现象及对策 / 邓红华，邓函夏 // 《现代语文》，2006。— V. 12。
5. Бубнова, Г. И. Письменная и устная коммуникация. Синтаксис и просодия / Г. И. Бубнова, Н. К. Гарбовский. – М., 1991. – 272 с.

К. В. КАРАСЕВА

старший преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока
Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

СВЕРНУТЫЕ КИТАЙСКИЕ ЛОГОГРАММЫ

Любая лексема может быть подвергнута рекурсии по схеме «актуализатор + модификатор», где актуализатор является определяемым знаком (уже известной реалией), а модификатор – определяющим (новой характеристикой к ней) [1–3]. Такая структура обусловлена тем, что лексема формируется в предложении, в котором известная лексема, обозначающая известную реалию, включается в качестве субъекта в предложение, описывающее ситуацию известную, но необычную для данной реалии. При этом модификатор формируется в предикативном ядре предложения, которое отображает данную новую ситуацию. Например, наблюдая, как газированная вода для создания прохладительного напитка, человек продолжает называть напиток *вода*, но к нему добавляет модификатор газированная (газированная вода): *вода газированная* (\equiv *вода насыщается газом*) > *газируемая вода* > *газированная вода* > *газировка*. Как видно, конечным этапом формирования новой лексемы является конденсация двухкомпонентной единицы в однокомпонентную, ее универбизация, при этом старую лексему в вышеописанном примере представляет суффикс *-ка* [2, с. 130–134].

Бинарные структуры могут быть нескольких видов: составные (*социально опасный, покрыть краской*), сложные (*солнцезащитный, водопад*), сокращенные (*прекрасный, покрасить*) и сжатые (*яркий, идти*) знаки [4]. Составные и сложные логограммы представляют собой развернутые знаки, а сокращенные и сжатые – свернутые. Рассмотрим свернутые китайские логограммы.

Сокращенные китайские логограммы представляют собой знаки, в которых можно выделить отдельные компоненты, однако вследствие семантической (пропуск компонентов ядерной цепочки¹) и большей, чем у сложных логограмм, степени синтаксической свертки некоторые компоненты частично или полностью утрачивают первоначальную форму, замены их на другие и т. п. семантические связи между компонентами для пользователей письма нарушаются и развернутый знак становится свернутым.

В соответствии с двумя типами рекурсии² все логограммы можно поделить на две большие группы:

1. Знаки, которые могут быть развернуты по типу номинативной рекурсии.
2. Знаки, которые могут быть развернуты по типу предикативной рекурсии.

¹Субъект (S), акция (A), объект (O) постулируют минимальную (ядерную) цепочку модели мира и являются семантическими эквивалентами подлежащего, сказуемого и дополнения в предложении. Каждый элемент ядерной цепочки способен к мультипликации. Например, мультипликация субъекта дает субъект 2 или инструмент; мультипликация акции – акцию 2 или модальность; мультипликация объекта – объект 2 или локус [3, с. 20–21].

² О рекурсии вообще см. [6] и в китайском иероглифическом письме см. [7].

Примерами сокращенных логограмм с номинативной рекурсией могут служить следующие знаки.

Логограмма 美 (měi) в древности представляла собой изображение человека (大) с бараньими рогами на голове (羊) (или маски в виде бараньей головы) (1)³. Ядро значения логограммы формируется следующим образом: человек с бараньими рогами → ядро⁴ значения логограммы *красивый (человек)*. Актуализатором является иероглиф 大 (dà) *большой*, а модификатором – иероглиф 羊 (yáng) *баран*. Логограмма относится к категории сокращенных, поскольку изначально знак 大 *большой* формировал значение логограммы своим аспектом выражения (изображение человека анфас с раскинутыми в стороны руками), а в современном письме он употребляется в значении *большой*. Кроме того, знак 羊 используется в сокращенной форме, которая самостоятельно не употребляется.

Среди сокращенных логограмм также встречаются иероглифы, которые традиционно относят к категории фоноидеограмм. Как и в составных логограммах, они делятся на логограммы, в роли модификаторов которых выступают фонетические знаки, которые также уточняют подпредметную область значения логограммы или только выделяют логограмму из множества логограмм с таким же ключом.

Логограмму 海 (hǎi) обычно рассматривают как фоноидеограмму с ключом 水 (shuǐ) *вода* и фонетиком 每 (měi) *каждый, всякий*. Ее первоначальное значение – *море* [8, с. 299; 9, с. 194]. Также есть мнение, что в цзиньвэнь логограмма состояла из знаков 人 (rén) *человека*, 母 (mǔ) *мать* и 水 (shuǐ) *вода*, которые вместе составляли идеограмму: море – мать воды [10, с. 85]. Однако большая часть древних логограмм в своем составе содержат именно знак 每 *каждый, всякий* [11, с. 770]. Между тем логограмма 每 в древности представляла собой изображение женщины с перьями на голове (2) и ее изначальное значение было *красивый* (о женщине) [12, с. 280]. Поэтому логограмму можно рассмотреть и как идеограмму: красивая вода. Актуализатором логограммы является знак 水 (shuǐ) *вода*, а модификатором – знак 每 *каждый, всякий*. Поскольку иероглиф 每 утратил свое первоначальное значение, то логограмма относится к категории сокращенных знаков.

Логограмма 度 (dù) является фоноидеограммой с ключом 又 (yòu) *правая рука* (современное значение *опять*) и сокращенным фонетиком 庶 (shù) *простолюдины* (современное значение *многочисленный*). Ее первоначальное значение – *вытянуть руки для измерения длины* [12, с. 448; 9, с. 120]. Л. Вигер полагает, однако, что данный иероглиф является идеограммой, и его первоначальное значение *правовая система* [13, с. 71]. Актуализатором логограммы является

³ Здесь и далее цифра в круглых скобках относит к Приложению после основного текста статьи.

⁴ Ядро и периферия значения – термины К. Пайка [17].

ся иероглиф 又 *правая рука*, а модификатором – сокращенный иероглиф 庶 *многочисленный*. Поскольку фонетический знак подвергся значительному изменению, в настоящее время логограмма 度 относится к категории сокращенных знаков.

Свернутые логограммы с предикативной рекурсией могут быть разделены на две группы: логограммы, утратившие изначальную развернутую структуру вследствие синтаксической свертки, и логограммы, в которых также пропущены элементы ядерной цепочки модели мира.

Описанная ниже группа логограмм представляет собой первый тип свернутых логограмм с предикативной рекурсией. Как правило, в таких логограммах взаимное расположение элементов относительно друг друга в пространстве также является значимым для семантики логограммы.

Логограмма 孝 (xiào) состоит из знаков 耂 (lǎo) *старый* (сокращение от ключа 老 (lǎo) *старый*) и 子 (zǐ) *ребенок* (3). Иероглиф представляет одно из базовых нравственных понятий древнего Китая, согласно которому дети должны всегда слушаться и почитать своих родителей. Поэтому знак 子 *ребенок* располагается снизу знака 耂 *старый* в том месте, где у полного варианта иероглифа 老 *старый* раньше изображалась палка, тем самым описывая ситуацию, когда ребенок помогает своему родителю. Знак 子 *ребенок* представляет субъект, а знак 耂 *старый* – объект: ребенок поддерживает старого человека → ядро значения *поддерживать, помогать* → периферия значения *исполнять сыновний (дочерний) долг, почитать*. Актуализатором логограммы является знак 子 *ребенок*, а актуализатором – знак 耂 *старый*. Поскольку знак 耂 *старый* является сокращением от иероглифа 老 (lǎo) *старый* и самостоятельно не употребляется, поэтому логограмма 孝 является сокращенной.

Типы свернутых логограмм с предикативной рекурсией, где пропущены некоторые элементы ядерной цепочки модели мира⁵, в целом совпадают со сложными логограммами: инструмент + объект, инструмент + медиатор + объект, инструмент + медиатор.

Логограмма 承 (chéng) в эпоху цзягувэнь представляла собой изображение двух рук (по нашему мнению, логограмма 卂 (gǒng) *две руки*), поддерживающих 卩 (jié) *коленипреклоненного человека* (4) [9, с. 63]. Позднее, в эпоху сяочжуань, снизу был добавлен еще один иероглиф – 手 (shǒu) *рука*, который стали писать слитно с верхним знаком 卩 *коленипреклоненный человек*. В уставном письме логограмма 承 *поддерживать, подпирать* приобрела современную

⁵ Акция, как правило, в наиболее древних знаках опускается, вследствие невозможности отобразить непосредственно процесс статичным знаком (пиктограммой), и автоматически ассоциируется с инструментом действия. Только впоследствии с ростом количества сложных знаков, обозначающих процесс, становится возможным обозначать и акцию. Поэтому для удобства анализа мы не будем рассматривать пропуск акции как свертку.

форму. Знак 卅 *две руки* представляет субъект, а знак 卩 *коленопреклоненный человек* – объект: некто двумя руками поддерживает человека → ядро значения логограммы *поддерживать, подпирать*. Рассматриваемая логограмма относится нами к категории сокращенных, а не сжатых, поскольку ее ключом считается иероглиф 手 *рука*, что свидетельствует о еще неполной свертке знака. Актуализатором является знак 卅 *две руки*, а модификатором – знак 卩 *коленопреклоненный человек*.

Логограмма 妻 (qī) *жена* в эпоху цзягувэнь представляла собой изображение *правой руки* (又), хватающей *женщину* (女) за волосы (5). Иероглиф описывает древний обычай, согласно которому часто женщин другого или даже своего племени насильно забирали и делали своими женами [9, с. 417]. В соответствии с ядерной цепочкой модели мира знак 又 *правая рука* представляет инструмент, а знак 女 (nǚ) *женщина* – объект. В соответствии с ядерной цепочкой модели мира знак 又 (yòu) *правая рука* репрезентирует инструмент, знак 女 (nǚ) *женщина* – объект, а изображение волос, которое в настоящее время представлено горизонтальной чертой – медиатор. Однако значение логограммы описывается относительно объекта (т. е. в соответствии с обратной предикацией) и формируется следующим образом: *женщина, которую схватили за волосы рукой* → *женщина, которую насильно забрали* → ядро значения *жена*. Актуализатором логограммы 妻 *жена* является иероглиф 女 *женщина*, а модификатором – система знаков 又 *правая рука* и *волосы* (в китайском письме не закрепились его конкретная форма). В современном письме в логограмме четко выделим только знак 女 *женщина*, который также является ключом, поэтому логограмма относится к категории сокращенных знаков.

Логограмма 戒 (jiè) состоит из знаков: 卅 (gǒng) *две руки* и 戈 (gē) *алебарда* (6) [9, с. 262]. Иероглиф 卅 (gǒng) *две руки* представляет инструмент, а иероглиф 戈 (gē) *алебарда* – медиатор: некто, держа руками алебарду, отражает опасность → ядро значения логограммы *принимать меры предосторожности, быть готовым встретить опасность и защищаться*. Актуализатором логограммы является иероглиф 卅 *две руки*, а модификатором – иероглиф 戈 *алебарда*. Данную логограмму мы относим к категории сокращенных знаков, поскольку в его составе присутствует знак 卅, который в настоящее время как самостоятельный иероглиф китайского письма не употребляется и является сжатым знаком, поэтому при анализе иероглифа 戒 исследователь сталкивается с необходимостью отдельного анализа исторической эволюции элемента 卅.

Среди сокращенных логограмм зафиксированы иероглифы, в которых присутствует смешение нескольких макропроцессов. Логограмма 受 (shòu) первоначально представляла собой изображение *руки* (又), предающей другой руке (又) тарелку [12, с. 376], которая позднее трансформировалась в лодку (舟) [10, с. 203; 15, с. 311] (7). Существовала также разнопись, где сверху изоб-

ражался знак 爪 (zhǎo) *когти*, который представлял собой изображение руки с опущенными вниз пальцами [10, с. 203]. Впоследствии данная разнопись стала доминирующей. Логограмма одновременно описывает два макропроцесса: *передавать* и *получать*. Семантика логограммы может быть описана относительно каждого из субъектов, представленных в структуре иероглифа. Например, при формировании семантики *передавать* верхний знак 又 *правая рука* (или 爪 (zhǎo) *когти*) представляет инструмент, нижний знак 又 *правая рука* представляет адресата (частный случай медиатора), а знак 舟 (zhōu) *лодка* – объект. И наоборот, при формировании семантики *получать*, ситуация описывается относительно нижнего знака 又 *правая рука*, который становится инструментом, а верхний знак 又 *правая рука* (или 爪 (zhǎo) *когти*) – медиатором. В зависимости от определения наблюдателем стрелы акции определяется актуализатор логограммы: нижний или верхний знак 又 *правая рука* соответственно, а модификатором является новая ситуация, в которой участвует индивид, т. е. система знаков 又 *правая рука* и 舟 *лодка*. Иероглиф 舟 *лодка* в современном письме ошибочно передается знаком 冃 (mì) *крышка*, вследствие чего рассматриваемая логограмма относится к категории сокращенных знаков. В настоящее время у логограммы 受 осталось только значение *получать*, а для передачи значения *передавать* был создан иероглиф 授 (shòu).

В эпоху сяочжуань вследствие наличия нескольких древних иероглифов, где присутствует два знака 又 *правая рука* сверху и снизу (受 (shòu) *передавать, получать*, 爰 (yuán) *меняться*, 鬲 (lù) *мотать шелк*), Сюй Шэнем в список ключей своего словаря был включен как самостоятельный знак 爰 (biào) *передавать, получать* [8, с. 106; 12, с. 206].

Сжатые китайские логограммы обладают наиболее затемненной структурой, их структура настолько изменилась, что судить о ней можно только после тщательного исследования исторической эволюции знака. Как правило, в структурном отношении двухкомпонентность в синхронии вообще не просматривается, т.е. знак подвергся такой степени свертки, что превратился в однокомпонентную единицу, вследствие чего при визуальном анализе невозможно понять значение такого иероглифа. Первоначальная двухкомпонентность таких логограмм может быть восстановлена только посредством анализа их этимологии. В этой группе, как правило, встречаются наиболее древние иероглифы, которые обнаруживаются уже в самых ранних образцах китайской иероглифической письменности (цзягувэнь и цзиньвэнь).

Примером сжатых логограмм с номинативной рекурсией может служить логограмма 亦 (yì), первоначально представлявшая собой рисунок человека (大), у которого под подмышками изображались точки (8). Иконичность логограммы сохранялась вплоть до господства подчерка лишу, когда знак приобрел современный вид [12, с. 214; 10, с. 263]. Семантика логограммы формируется следу-

ющим образом: та часть человека, на которую указывают. Отсюда ядро значения логограммы в диахронии – *подмышки*. Полагают, что впоследствии иероглиф был заимствован по звучанию для знака алфавита синтаксиса *тоже, также* [12, с. 214; 10, с. 263; 9, с. 628]. Актуализатором его является знак 大 (dà) *большой*, а модификатором – точки. В современном письме ключом логограммы 亦 является знак 丷 (tóu) *верх*, что говорит о полной свертке изначальной явной двухкомпонентности знака.

Примерами сжатых логограмм с предикативной рекурсией могут служить следующие логограммы.

В древности логограмма 年 (nián) представляла собой изображение человека (人), несущего на голове скошенные злаки (禾) (9). Внутреннюю структуру логограммы ученые трактуют следующим образом: человек несет созревшие злаки домой, что символизирует конец года [10, с. 154]. В эпоху господства подчерка сяочжуань человек был заменен на знак 千 (qián) *тысяча* (возможно, из-за того, что в древности представлял собой фигуру человека (人), перечеркнутую внизу чертой). В кайшу утвердилась форма 季. Одновременно как разнопись использовался знак 年, который впоследствии стал доминирующим. Знак 人 *человек* представляет субъект, а знак 禾 *хлеб на корню* – объект. Семантика логограммы формируется согласно обратной предикации: человек несет злаки → злаки, которые уже можно нести → ядро значения *созревшие злаки, урожай*. Из ядра развилась периферия семантики логограммы *сезон, когда созревают злаки* → *сезон, пора года* → *год*. Актуализатором логограммы 年 является знак 禾 *хлеб на корню*, представляющий объект, а модификатором – знак 人 *человек*, представляющий объект. Поскольку в логограмме в настоящее время невозможно выделить никакие отдельные знаки, то она относится к категории сжатых знаков.

Логограмма 及 (jí) в древности изображала правую руку (又), схватившую впереди идущего человека (人) (10) [9, с. 234]. В эпоху сяочжуань знак 人 (rén) *человек* был заменен знаком, изображавшем лежащего лицом вниз человека⁶, который впоследствии был объединен с элементом 又 (yòu) *правая рука*, и образована современная форма логограммы 及. Знак 又 *правая рука* представляет инструмент, а знак 人 *человек* – объект: некто рукой схватил человека → ядро значения *догонять, настигать* → периферия значения *доходить до, достигать*. Актуализатором логограммы является иероглиф 又 *правая рука*, а модификатором – знак 人 *человек*. В настоящее время ключом иероглифа 及 является элемент 丿, что свидетельствует о полной утрате изначальной внутренней формы знака и переход его в категорию сжатых логограмм.

⁶Е Байлай полагает, что данный знак является изначальной формой иероглифа 伏 (fú) *лежать ничком* [102, с. 116].

Логограмма 兵 (bīng) изначально представляла собой изображение сверху знака 斤 (jīn) *топор*, а снизу знака 卂 (gǒng) *две руки* (11) [9, с. 33]. В эпоху почерка лишу иероглифы 斤 и 卂 были объединены и образована современная форма логограммы 兵. Знак 卂 *две руки* представляет инструмент, а знак 斤 *топор* – медиатор: некто топором воздействует на какой-то объект → ядро значения *наносить удар оружием, поражать* → периферия *оружие, армия, солдат*. Актуализатором логограммы является знак 卂 *две руки*, а модификатором – знак 斤 *топор*. Ключом логограммы в настоящее время является знак 八 (bā) *восемь*, что не соответствует изначальной внутренней форме, поэтому логограмма относится к категории сжатых знаков.

Логограмма 之 (zhī) в эпоху цзягувэнь представляла собой изображение 止 (zhǐ) *ступни* сверху и горизонтальной черты снизу (一), символизировавшей отправной пункт (12) [12, с. 34]. Постепенно трансформируясь, к эпохе подчерка сяочжуань знак 止 стал все более походить на знак 屮 (chè) *росток*. Внутренняя структура логограммы изменилась и ее стали анализировать как росток (屮), пробивающийся из земли (一) [13, с. 203] → *пускать, выпускать* (напр., о ветках) [14, с. 80]. В соответствии с ядерной цепочкой иероглиф 止 *ступня* представляет инструмент, а горизонтальная черта – локус: некто начинает движение от отправной точки → ядро значения *идти, направляться*. Позднее на основе ядра семантики развилась периферия, и логограмма стала использоваться в качестве знака алфавита синтаксиса⁷. Актуализатором логограммы является знак 止 *ступня*, а модификатором – горизонтальная черта. В настоящее время ключом логограммы является знак 丶 *точка*, что свидетельствует о полной утрате изначальной внутренней формы логограммы.

В категорию сжатых логограмм также включается группа предельно сжатых логограмм, в которых невозможно установить структурную двухкомпонентность, но в них присутствует семантическая двухкомпонентность, определить которую можно только обратившись к экстралингвистическим факторам, которые и определяют тип модификации. Как правило, предельно сжатые логограммы встречаются среди наиболее древних знаков китайского письма, большая часть которых являются ключами. В китайской лингвистической традиции такие знаки рассматриваются как простые далее неразложимые языковые единицы. Однако через метаязыковое определение⁸ удастся установить их двухкомпонентность⁹.

Первый тип модификации предполагает изменение ориентации знака в пространстве, вследствие чего появляется новая семантика и новый знак.

⁷ Знаки алфавита синтаксиса – термин комбинаторной семантики – средства метаязыка (предлоги, послелогои, союзы, частицы и проч.), используемые для построения и преобразования языковых структур [3; 4].

⁸ Например, двухкомпонентность лексемы *тракт* устанавливается через метаязыковое определение *большая дорога* [2, с. 133].

⁹ Подробнее о предельно сжатых китайских логограммах см. [16].

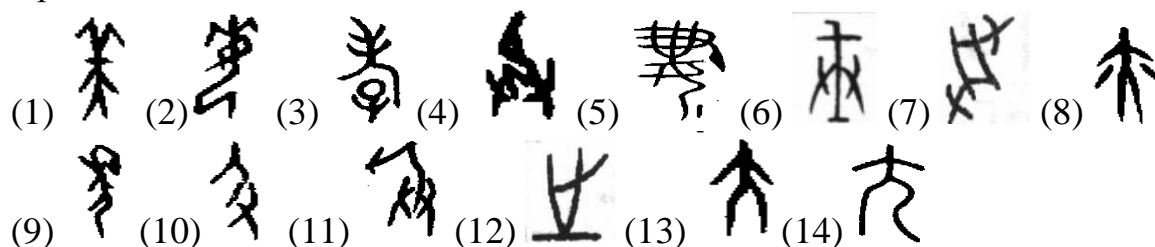
Логограмма 匚 (fāng) *ящик, контейнер* образовалась путем поворота знака 凵 (kǎn) *яма, вместилище* на 90° вправо. Его двухкомпонентность определяется следующим образом: *ящик* – это вместилище с отверстием сбоку (или лежащее на боку). Актуализатором логограммы 匚 *ящик, контейнер* является знак 凵 *яма, вместилище*, а модификатором – ориентация в пространстве.

Второй тип модификации предполагает незначительные изменения знака без использования каких-либо иных структурных элементов, зафиксированных в письме как отдельные знаки.

Логограмма 尢 (wāng) *хромой, калека* образовался путем изменения части знака 大 (dà) *большой*. Последний изначально представлял собой изображение человека анфас с раскинутыми в стороны руками и расставленными ногами (13) [9, с. 91]. Путем изображения изогнутой правой ноги был создан новый знак 尢 (14). Двухкомпонентность знака определяется через метаязыковое определение: *калека* – человек с подвернутой ногой. Актуализатором является знак 大 *большой*, а модификатором – изображение подвернутой ноги.

Таким образом, наиболее распространенными структурами свернутых логограмм с предикативной рекурсией также как и у развернутых сложных логограмм являются структуры, где представлен инструмент и объект действия, инструмент, медиатор (в том числе локус и адресат как частные случаи медиатора) и объект, а также инструмент и медиатор. Это объясняется тем, что, будучи ближайшими индивидами субъекта и объекта, инструмент и медиатор позволяют восстановить их с опорой на модель мира. При этом свернутые логограммы, в отличие от развернутых, подвержены значительной синтаксической свертке, которая предполагает искажение написания компонентов логограммы, их слияние или замену одних компонентов на другие, что ведет к затемнению внутренней структуры логограммы. Кроме того, на примере предельно сжатых логограмм показано, что свертка может доходить до такой степени, что восстановить двухкомпонентность логограммы возможно только через метаязыковое определение.

Приложение [10, 11]:

Литература

1. Rozwadowski, J. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów / J. Rozwadowski // Wybór pism. – Т. 3. – Warszawa, 1960. – S. 21–95.
2. Мартынов, В. В. Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М., 1982. – 192 с.

3. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск, 1998. – 156 с.
4. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007 (рукопись, аудиокурс).
5. Карасева, К. В. Развернутые китайские логограммы / К. В. Карасева // Беларусь – Китай: сб. науч. тр.: в 2 ч. / под общ. ред. А. Н. Гордея, Лю Сулин. – Минск, 2012. – Вып II, ч. 2. – С. 42–50.
6. Гордей, А. Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения / А. Н. Гордей // Карповские научные чтения: сб. науч. ст.: в 2 ч. / редкол.: А. И. Головня [и др.]. – Минск, 2011. – Вып. 5. – Ч. 1. – С. 18–26.
7. Карасева, К. В. Рекурсивный анализ китайских логограмм / К. В. Карасева // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2012. – № 2. – С. 49–53.
8. 说文解字: 新版 / (东汉) 许慎撰。 — 上海: 上海教育出版社, 2003。 — 413 页。
9. 汉字形义分析字典 / 曹先擢, 苏培成。 — 北京: 北京大学出版社, 1999。 — 736 页。
10. 熊国英. 图释古汉字 / 熊国英。 — 山东: 齐鲁书社, 2006。 — 312 页。
11. 甲金篆隶大字典 / 徐无闻等编。 — 第 6 次印刷。 — 成都: 四川出版集团: 四川辞书出版社, 2005。 — 1046 页。
12. 汉字源流字典 / 谷衍奎编。 — 北京: 华夏出版社, 2003。 — 863 页。
13. Wiger, S. J. Chinese Characters. Their origin, etymology, history, classification and signification / S. J. Wieger. — N. Y., 1965. — 811 p.
14. Большой китайско-русский словарь / под ред. И. М. Ошанина. — М., 1984. — Т. 4. — 1064 с.
15. 李乐毅. 汉字演变五百例 / 李乐毅。 — 北京: 北京语言学院出版社, 1992。 — 500 页。
16. Карасева, К. В. Предельно сжатые китайские логограммы / К. В. Карасева // Международные отношения: история, теория, практика: материалы II науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ, Минск, 2 апр. 2012 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2012. – С. 223–226.
17. Pike, K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior / K. Pike. – The Mauton, 1967. – 1762 p.

Д. Ю. КОВАЛЬ

*преподаватель, аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока
Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)*

СООТНОШЕНИЕ СЕМАНТИКИ ИДЕОГРАММ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИХ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ

Внутренняя структура логограммы обладает семантикой, которая формируется на основе комбинации иероглифических примитивов¹ и кортежей иеро-

¹ Иероглифический примитив (далее примитив) – предельная пиктограмма семантической рекурсии. Семантическая рекурсия – в словообразовании – разложение на актуализатор и модификатор, в котором актуализатор является определяемым знаком (уже известной реальностью), а модификатор – определяющим (новой характеристикой к ней) [1, с. 35].

глифических примитивов². Семантика внутренней структуры логограммы не всегда совпадает со значением логограммы в целом. Например, значение внутренней структуры логограммы 定 dìng – «благополучно вернуться домой». Структура данного знака содержит сверху примитив «крыша», а внизу кортеж 正 zhèng «прямой», который в свою очередь состоит из примитивов 一 yī «единица», «горизонтальная линия» и 止 zhǐ «останавливаться» (в древней графической форме – стопа) [2, с. 399; 3, с. 1262]. Таким образом, структура логограммы включает изображение стопы, дошедшей до определенной линии (места назначения) под крышей (т. е. в доме). Благодаря семантике внутренней структуры логограмма 定 dìng развила значение «спокойный», «уверенный», вошла в биномы 決定 juédìng «решить», 預定 yùdìng «наметить» и даже стала обозначать медитацию в буддийских (переводных и китайских) текстах [4, с. 415].

Значение внутренней структуры логограммы – это внутренняя форма слова, но для письменного иероглифического знака [5, с. 85–86]. Древняя семантика знака влияет (предопределяет) внутреннюю форму (структуру) логограммы, а структура оказывает влияние на дальнейшую эволюцию семантики знака. Семантика внутренней структуры логограммы раскрывает особенности модели мира³ создателей иероглифической письменности, характерные черты развития китайского иероглифического письма: переход от пиктографии к идеографии, включение фонетических элементов.

Идеограмма – это письменный знак, который является мотивированной комбинацией пиктограмм [6]⁴. Значение внутренней структуры идеограммы можно анализировать с двух точек зрения. В первом случае в ней можно выделить актуализатор и модификатор и рассматривать значение внутренней структуры как семантику номинативной единицы. Например, в логограммах 射 shè «стрелять», 找 zhǎo «искать», 叉 shā «пика» (исходя из их древней графической формы) примитив «рука» выступает в роли актуализатора, а оружие, которое держит рука, (соответственно порядку указанных знаков: лук, алебарда, пика) является модификатором [2, с. 191, 202; 3, с. 441, 961, 957].

Во втором случае во внутренней структуре идеограммы можно обнаружить структуру предложения (в той или иной мере развернутого) и рассматривать семантику внутренней структуры в процедуральном представлении. Процедурально представленная семантика является ответом на вопрос «для чего используется предмет?», «каким свойством обладает предмет?», а не «что такое предмет?». Если определять понятия процедурально, т. е. не через синонимы, которые ведут в итоге к логическому кругу [7, с. 5], то можно проследить семантическую эволюцию знака. Процедурально может быть представлена как акциональная, так и неакциональная семантика. Процедурально представленное

² Кортеж иероглифических примитивов – любая упорядоченная конечная последовательность иероглифических примитивов, обладающая значением.

³ Модель мира – архитектура стереотипов, т. е. упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие [1, с. 34].

⁴ Пиктограмма – схематическое изображение предмета или его признаков. Фонограмма – мотивированная комбинация пиктограмм с намеком на звучание иероглифа [6].

значение всегда может быть выражено с помощью предложения. Элементы процедурально представленной семантики соответствуют таким стереотипам⁵ модели мира, как субъект, инструмент, акция, медиатор, объект и результат.

Многие китайские идеограммы имеют акциональную семантику. При этом большинство китайских логограмм, обладающих акциональным значением внутренней структуры, являются ёгенами⁶. Например, древняя графическая форма логограммы 限 xiàn «ограничивать» содержит примитивы 阜 fù «холм» слева, 目 mù «глаз» и 人 rén «человек» справа [2, с. 88; 3, с. 976]. Таким образом, идеограмма 限 xiàn имеет структуру: субъект (人 rén «человек»), акция (目 mù «глаз» в значении «смотреть») и объект (阜 fù «холм»). Семантика внутренней структуры логограммы 限 xiàn «человек смотрит на холм» формирует значение «ограничивать», поскольку холм закрывает обзор. Таким образом, примитивы, входящие в структуру логограммы 限 xiàn «ограничивать» являются элементами процедурального представления семантики данного знака.

Акциональная семантика может быть обнаружена как у идеограммы в целом, так и на уровне значения ее внутренней структуры. При этом семантика знака в целом и его внутренней структуры могут не совпадать, в том числе на одном из уровней может отсутствовать акциональность. Например, графическая структура логограммы 皮 pí «шкура», «кожа» содержит акциональную семантику «рукой сдирают шкуру с животного». При этом знак 皮 pí является тайгеном⁷. В данном случае неакциональная семантика логограммы 皮 pí «шкура» имеет процедуральное представление во внутренней структуре знака.

Акциональной семантикой чаще всего обладают идеограммы. Но также существуют пиктограммы, у которых развилось акциональное значение. В этом случае однокомпонентная структура пиктограммы может рассматриваться как обладающая предельно свернутой акциональной семантикой. Например, знак 干 gān, gàn является пиктограммой, изображающей колющее оружие. Однако, обозначая инструмент акции, данная логограмма развила значение действия: «вторгаться», «касаться», «иметь отношение», «работать» – и стала употребляться в составе таких биномов как 干涉 gānshè «интервенция», 干犯 gānfàn «посягать» и т. д. [8, с. 280-281; 9, с. 147].

В процедуральной семантике внутренней структуры идеограмм может наблюдаться различная степень развернутости. Если рассматривать структуру приведенных выше знаков 射 shè «стрелять», 找 zhǎo «искать», 殳 shū «пика» не с точки зрения наличия таких компонентов, как актуализатор и модификатор, а анализировать акциональную семантику их внутренней структуры, то можно выделить элементы свернутого предложения: инструмент-1 (рука) и инструмент-2 (орудие: лук, алебарда, пика – в соответствии с порядком указанных логограмм).

⁵ Стереотип – закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира [1, с. 34].

⁶ Ёген – часть языка, обозначающая признак индивида [1, с. 35].

⁷ Тайген – часть языка, обозначающая индивид [1, с. 35].

Во внутренней структуре идеограмм с акциональной семантикой так же, как в предложении могут сворачиваться и реконструироваться различные элементы цепочки «субъект – инструмент – акция – медиатор – объект». Например, логограмма 侵 qīn «вторгаться» в надписях цзягувэнь содержала изображение руки, погоняющей метелкой рогатое животное (скот), по-видимому, 牛 niú «быка». Начиная с надписей цзиньвэнь в логограмме появляется примитив 人 rén «человек» и исчезает изображение 牛 niú «бык» [2, с. 244; 3, с.439]. Таким образом, в процессе развития графической формы и внутренней структуры логограммы 侵 qīn «вторгаться» произошла реконструкция субъекта и свертка объекта процедуральной семантики внутренней структуры знака.

Важной особенностью семантики внутренней структуры идеограмм является то, что акция, как правило, обозначается с помощью инструмента. Например, в приведенной выше логограмме 限 xiàn «ограничивать» примитив 目 mù «глаз», будучи инструментом, обозначает акцию – «смотреть». Подобное явление объясняется тем, что иероглифическая письменность обозначает стереотипы модели мира, во-первых, двухмерно, во-вторых, статично. Любая акция осуществляется в рамках пространственных и временных параметров. Логограммы – это картинки, а не анимация, поэтому временной параметр не может быть отображен в принципе, а пространственный – только частично в двухмерном варианте. Акциональная семантика во внутренней структуре идеограмм может быть обозначена только через соотношение участников акции. Замена акции инструментом наблюдается также у пиктограмм, благодаря чему они и могут развивать акциональную семантику. Обозначение акции с помощью инструмента осуществима благодаря синкретизму⁸ изначальной семантики знака и возможности конверсии частей языка⁹.

Компоненты процедурального значения в структуре идеограммы также могут уточнять особенности акции, обозначенной логограммой. Например, древняя графическая форма идеограммы 陷 xiàn «упасть» содержит изображение человека, упавшего в яму (левый элемент «холм» был добавлен позже) [2, с. 12; 3, с. 1081]. Древняя графическая форма знака 坠 zhuì «падать» изображает человека, падающего со скалы (нижний примитив «земля» был добавлен позже) [2, с. 13; 3, с. 1080]. В структуре данных логограмм яма и отвесная скала являются медиаторами и уточняют такую характеристику процесса, как завершенность и незавершенность – «упасть» и «падать». Вертикально расположенная скала выступает в качестве визуального указателя на протяженность процесса, а горизонтальная линия дна ямы указывает на его конечность и

⁸ Синкретизм семантики древнего знака – возможность древнего языкового знака одновременно обозначать индивид и его признак, субъект, акцию и объект, связанная с предикативной (междометной) природой древнего знака [10, с. 76; 11; 12].

⁹ Части языка – подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением [1, с. 35]. Конверсия (от лат. *conversio* – превращение) – в словообразовании – переход лексемы из одной части языка в другую либо из одного подмножества (постоянного, переменного и степени) части языка в другое, при котором аспект выражения лексемы (ее внешняя форма) остается без изменений [13, с. 34].

завершенность. Если рассматривать данные логограммы с точки зрения структуры номинативной единицы, то примитив «человек» в них является актуализатором, а «яма» и «скала» – модификаторами. При рассмотрении структуры логограммы как предложения «яма» и «скала» будут играть роль статического обстоятельства места. При этом сохраняется закономерность происхождения медиатора из объекта, а статического обстоятельства места из дополнения.

Соотношение семантики идеограмм и значения их внутренней структуры тесно связано с взаимодействиями ядра и периферии семантики знака [14, с. 600–601]. В процессе развития семантики знака ядро и периферия меняются местами, и ядро может сворачиваться в пользу периферии [15, с. 12]. Этим обеспечивается развитие значения, т. е. взаимные перемещения ядра и периферии составляют механизм семантической эволюции. Причиной наличия ядра и периферии у значения являются синкретизм изначальной семантики знака и процедуральное значение. Вследствие наличия процедуральной семантики знака возникает периферия значения. Каждый элемент процедуральной семантики знака является потенциальной периферией значения, которая может стать ядром, создав новую периферию, не утратив при этом связи с прошлым семантическим развитием. Таким образом, имеется основной элемент и дополнительный. Свертка всегда идет в пользу привнесенного элемента. При этом в языке могут наблюдаться случаи возвращения старого ядерного значения и ухода нового на периферию.

Благодаря описанным выше процессам взаимодействия семантического ядра и периферии значение идеограммы может соответствовать всей акции, процедурально представленной во внутренней структуре либо отдельным ее компонентам или группам компонентов. Например, графическая структура логограммы 皿 xiè «кровь» имеет процедуральную семантику «наполнять кровью жертвенный сосуд» [2, с. 347; 3, с. 333], однако в качестве семантики письменного знака выступает только один из элементов – «кровь». В пиктограммах возможно и обратное, когда один компонент внутренней структуры, т. е. единственный примитив пиктограммы, может обозначать целую акцию. Например, знак 止 zhǐ является изображением стопы, и у данной логограммы развилась акциональная семантика «останавливаться» [2, с. 142; 3, с. 1073].

Связь семантики внутренней структуры логограммы и ее значения также может осуществляться посредством обобщения. Гипо-гиперонимические переходы между семантикой внутренней структуры и значением знака наиболее часты в идеограммах, которые обозначают ёгены. Например, графическая структура логограммы 解 jiě содержит изображение рук, вырывающих рог у быка [2, с. 522; 3, с. 423]. Значение внутренней структуры логограммы 解 jiě «расчленять» стало причиной развития у всего знака в целом семантики «разделять», «анализировать» и т. д.

В некоторых случаях логограмма обладает семантикой, соответствующей элементу акциональной цепочки, не представленному (опущенному) во внутренней структуре логограммы. Например, идеограмма 福 fú «счастье» изображает руки, возлагающие на алтарь жертвенный сосуд [2, с. 306; 3, с. 1036].

Значение логограммы «счастье» является результатом акции, процедурально представленной во внутренней структуре знака. Результат является частью акциональной цепочки, однако он часто не обозначен во внутренней структуре логограмм.

Еще одной формой взаимодействия семантики внутренней структуры логограммы с ее значением является связь через элементы модели мира, не представленные непосредственно в структуре знака. Таким элементом модели мира является оценка. Наиболее ярким примером подобного взаимодействия является логограмма 好 hǎo «хорошо», «хороший», во внутреннюю структуру которой входят примитивы «женщина» и «ребенок» [2, с. 51; 3, с. 1182]. В рамках акциональной цепочки оценка может рассматриваться как разновидность результата.

На примере китайских идеограмм весьма показателен переход между структурой предложения и номинативной единицы, обусловленный синкретизмом семантики иероглифического знака и древнего языкового знака вообще. Результаты анализа семантики китайских идеограмм являются подтверждением таких положений комбинаторной семантики, как:

1) изоморфизм семантики ёгена и предложения – большинство идеограмм с процедуральным значением внутренней структуры являются ёгенами;

2) сводимость семантики тайгенов к семантике ёгенов – значение внутренней структуры пиктограмм можно рассматривать как семантику предельно свернутой акциональной цепочки (пиктограммы могут быть ёгенами);

3) изоморфизм лексической и синтаксической семантики – проявляется во взаимодействии значения внутренней структуры идеограммы и семантики всего знака в целом, когда значением всей логограммы становится один из элементов процедуральной семантики внутренней структуры знака [16, с. 97, 98].

Литература

1. Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно, 2005. – С. 32–35.
2. 谢光辉. 常用汉字图解 / 谢光辉. — 北京: 北京大学出版社, 1998. — 652 页。
3. 顾建平. 图解汉字字典 / 顾建平. — 上海: 东方出版中心, 2008. — 1288 页。
4. Маслов, А. А. Классические тексты Дзэн / А. А. Маслов. – Ростов н/Д, 2004. – 480 с.
5. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007 (рукопись, аудиокурс).
6. Русский семантический словарь / Ю. Н. Караулов [и др.]; под ред. С. Г. Бархударова. – М., 1982 – 568 с.
7. 汉俄词典 / 夏仲毅. — 北京: 商务印书馆, 2008. — 1250.
8. Большой китайско-русский словарь / З. И. Баранова [и др.]; под ред. Б. Г. Мудрова. – М., 2002. – 528 с.
9. Якушин, Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушин. – М., 1985 – 137 с.
10. Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке / Г. Е. Корнилов. – Чебоксары, 1984. – 184 с.

11. *Гордей, А. Н.* Междометие как минимальная коммуникативная единица: дисс. ... канд. филол. наук / А. Н. Гордей. – Минск, 1994. – 174 с.
12. *Гордей, А. Н.* Учебник китайского языка в семантическом представлении [Электронный ресурс] / А. Н. Гордей. – Минск, 2000.
13. *Pike, K.* Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior / K. Pike. – The Mouton, 1967. – 1762 p.
14. *Саруханова, Ю. И.* Регрессивная транспозиция ёгенов: дисс. на соиск. акад. степени магистра по специальности 10.02.19 – теория языка / Ю. И. Саруханова. – Минск, 2007. – 46 с.
15. *Гордей, А. Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск, 1998. – 156 с.

Ю. В. МОЛОТКОВА

старший преподаватель кафедры китайской филологии Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПИСЬМА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Чтобы овладеть навыками письма в условиях искусственной языковой среды, необходимо обеспечить целостность отобранного содержания обучения, подразумевающую адекватность, системность и достаточность всех его компонентов [1]. Содержание обучения составляет одну из основных проблем методики [2, с. 38]; практически все методисты обращаются к ней (И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез, Г. В. Рогова, Е. И. Пассов, И. Н. Верещагина, Е. Н. Соловова, А. Н. Щукин, С. Ф. Шатилов, А. Н. Шамов). Тем не менее по-прежнему нет однозначного мнения в вопросе его компонентов. Так, в рамках современной концепции языкового образования в Республике Беларусь оно представляет собой единство предметного и эмоционально-ценностного планов обучения [3]. Некоторые исследователи выделяют процессуальный и культуроведческий компоненты [4, с. 38–39], другие в качестве таковых называют содержательный и процессуальный планы [5, с. 87] и т. д. Одним словом, анализ подходов к определению понятия «содержание обучения» показал, что оно многокомпонентно и меняется в зависимости от особенностей социально-образовательной ситуации и конкретных целей обучения, а также подходов к организации и условий, в которых осуществляется учебный процесс [6, с. 28]. Мы придерживаемся точки зрения Г. В. Роговой, согласно которой содержание обучения включает три компонента: лингвистический, т. е. языковой и речевой материал [2, с. 40, 47]; психологический, подразумевающий формируемые навыки и умения [2, с. 45]; и методологический, связанный с овладением приемами и стратегиями учения [2, с. 48]. Анализ исследований, посвященных приемам и стратегиям учения, показал, что понятие «стратегия учения» шире, чем «прием учения» [7; 8], именно поэтому в контексте данной работы будут рассматриваться стратегии овладения иероглифической системой письма. Рассмотрим подробно все составляющие содержания обучения иероглифическому письму.

Лингвистическое содержание включает, во-первых, графическую систему – совокупность всех средств иероглифики: черты, графемы, простые и сложные знаки, во-вторых, сюда входит и каллиграфия, предусматривающая правильное начертание письменных знаков и разборчивое письмо [9, с. 252]. В отношении иероглифики каллиграфия предполагает корректное написание черт, графем и цельных иероглифов, верное расположение графем в иероглифических знаках, пропорциональное написание компонентов одного знака, написание иероглифов равного размера, правильное размещение иероглифов на строке и странице. Кроме того, обучение каллиграфии позволяет решать развивающие и воспитательные задачи в процессе формирования красивого почерка, а вместе с ним и

развития эстетического чувства. В-третьих, составной частью лингвистического содержания является и орфографическая система – правописание или система правил использования письменных знаков [2, с. 196]. Знание орфографии китайского письма позволяет делать правильный выбор нормативных орфограмм для записи иероглифов, а также осуществлять различение отдельных элементов графического слова [10]. В-четвертых, содержание обучения включает и минимум иероглифов, предназначенный для усвоения студентами на первом году обучения.

Следующей составляющей содержания является *психологический компонент*, суть которого заключается в приобретении языковых знаний и графических, орфографических и каллиграфических навыков письма на китайском языке. К иероглифическим знаниям мы относим: структурированные языковые знания, связанные с правилами написания иероглифов, с семантикой иероглифа, его структурой, с правилами сочетаемости иероглифических единиц между собой, с правилами определения сферы применения единицы, с культурой страны изучаемого языка. Таким образом, структуру иероглифических знаний можно представить следующим образом:

- знание черт, последовательности и правил написания черт;
- знание графем, последовательности и правил написания графем в знаке;
- знание ключей, и правил пользования ими для поиска иероглифов в словарях;
- знание иероглифического знака: звукобуквенный стандарт; графическая форма; семантика; синтаксическая схема знака; синтагматические связи – сочетаемость знака с другими знаками; культурный компонент семантики;
- знание категорий иероглифов.

К навыкам письма на китайском языке мы относим графические, каллиграфические и орфографические навыки. Вслед за Н. Г. Агарковой определяем графический навык как способность воспроизводить рукописные иероглифические знаки и отдельные элементы, представляющую собой техническую сторону речевой деятельности, т. е. начертание их на бумаге с помощью соответствующих движений руки [11, с. 13–14]. В определении каллиграфического навыка мы также придерживаемся мнения Н. Г. Агарковой, которая утверждает, что он заключается в способности писать красивым, правильным и устойчивым почерком. В силу специфики иероглифического письма добавим, что каллиграфический навык также характеризуется умением писать геометрически пропорциональные знаки равного размера с учетом требований наклона и направления движения линий, с соблюдением правильной и постоянной высоты, ширины и угла наклона элементов в знаке. Орфографические навыки базируются на принципах написания слов, принятых в конкретном языке [9, с. 254]. С учетом специфики иероглифической системы письма определим орфографический навык как способность видеть структурный состав знака, выделять его основные компоненты, выбирать верные компоненты для записи определенной языковой единицы и правильно располагать их в структуре одного знака.

И наконец, *методологическое содержание* обучения иероглифической системе письма. Анализ современной ситуации в преподавании китайского языка

показал, что письму как цели обучения требуется больше внимания и времени, чем то, которое оказывается на данный момент. Студенты пишут недостаточно, и их не обучают стратегиям, облегчающим овладение этой сложной системой письма, что снижает и мотивацию, и качество выполнения письменных заданий [2, с. 203]. Наблюдения показывают, что формирование иероглифических знаний и навыков письма могло бы происходить успешнее, если бы обучаемые с самого начала были знакомы с тем набором стратегий, которые помогли бы им в процессе усвоения графических символов. В рамках когнитивного подхода к обучению иероглифике особую актуальность приобретают стратегии овладения иероглифической системой письма, которые не только позволяют облегчить усвоение графики, каллиграфии и орфографии, но и приводят к осознанию студентами выполняемых действий и операций, а следовательно и к развитию у них способностей к рациональному использованию времени и усилий в процессе овладения сложной системой письма на китайском языке. В последние 20–30 лет стратегии овладения иностранными языками привлекают внимание все большего количества исследователей (Р. Оксфорд, В. В. Касевич, Дж. Брунер, А. Коуэн, Т. В. Клементьева, К. Кауфман, М. В. Садченко, А. А. Залевская, Г. В. Ейгер, И. А. Рапопорт, М. К. Кабардов, С. МакГиннис и др.). В самом широком смысле учебные стратегии (learning strategies) – это действия или операции, используемые учащимися с целью оптимизации процесса усвоения, обработки, хранения и воспроизведения информации, позволяющие ускорить процесс учения, сделать его более легким, интересным и эффективным [12, с. 31]. Среди предлагаемых на сегодняшний день классификаций стратегий в контексте нашего исследования наибольший интерес приобретает классификация Дж. М. О’Мэлли и А. У. Шэмот, которые выделяют три группы стратегий: метакогнитивные, когнитивные и социо-аффективные [7, с. 24]. В рамках данной классификации мы попытались провести анализ стратегий овладения иероглифической системой письма, выделенных различными исследователями и используемых непосредственно обучаемыми. Так, в результате анкетирования С. МакГиннис выяснил, что обучаемые применяют такие стратегии, как механическое заучивание наизусть, создание историй и ассоциаций, связанных с графической формой или звукобуквенным соответствием иероглифа, использование детерминативов и фонетиков и т. д. [13, с. 308]. При этом наиболее часто используемым оказалось механическое заучивание наизусть. Следует отметить, что выделяемые исследователем стратегии более напоминают способы заучивания иероглифов.

Другой исследователь – Ван Цзяньцин рассмотрел когнитивные и метакогнитивные стратегии изучения иероглифики, используемые иностранными студентами при овладении китайским языком. В его исследовании первые подразумевают такие действия, как анализ, синтез, перенос; они носят характер оперативной обработки информации и имеют прямую связь с выполнением конкретной задачи [13]. Вторые включают планирование, контроль и оценку своей деятельности по изучению языка, и иероглифики в частности, например, управление вниманием, самоконтроль и т. д. Результаты исследования Ван Цзяньцина показали, что обучаемые чаще всего прибегают к следующим стра-

тегиям: анализ графической формы иероглифа; соотнесение звукобуквенного стандарта и значения; прописывание иероглифов по чертам; многократное прописывание. Второстепенными оказались такие действия, как обобщение, индукция, что касается метакогнитивных стратегий, то они практически не используются обучаемыми [13, с. 313–315].

Таким образом, анализ немногочисленных исследований (Ван Цзяньцин, Кэ Чуаньжэнь, С. МакГиннис) показал, что обучаемые, как правило, либо механически заучивают материал наизусть, либо создают ассоциации и истории, связанные с иероглифическими знаками. На наш взгляд, это происходит прежде всего от незнания того набора стратегий, которые могут применяться. Поэтому необходимо с самого начала подвести обучаемых к осознанию стратегий овладения иероглификой и актуализировать потребность в их знании и умении пользоваться теми, которые впоследствии позволили бы им самостоятельно и более эффективно усваивать, хранить и воспроизводить изучаемые иероглифы. Мы попытались, во-первых, выделить ряд необходимых для овладения студентами языкового вуза стратегий и, во-вторых, определить, на каком этапе обучения и какие из них целесообразно использовать.

Итак, вслед за Дж. М. О’Мэлли и другими мы выделяем три группы стратегий: метакогнитивные, когнитивные и социо-аффективные. Метакогнитивные стратегии включают обдумывание процесса учения, его планирование, контроль правильности понимания воспринимаемой информации, самооценку, осуществление мониторинга в ходе выполнения разнообразных заданий. Когнитивные стратегии предполагают активное манипулирование учебным материалом, его трансформацию и организацию. И наконец, социо-аффективные стратегии отражают влияние социальных и аффективных факторов на процесс учения и выражаются, с одной стороны, в активном взаимодействии обучаемых друг с другом и преподавателем, кооперировании усилий для достижения учебных целей и, с другой стороны, в поддержании чувства уверенности в себе, поддержке мотивации к учению, редукции влияния негативных эмоциональных состояний [7, с. 24].

В соответствии со спецификой предмета исследования и в рамках предлагаемой методики обучения иероглифической системе письма особую актуальность приобретают следующие *метакогнитивные стратегии*:

1. Избирательное внимание: сосредоточение внимания на отдельных иероглифических знаках и их отдельных аспектах.

2. Планирование: совместное и впоследствии самостоятельное планирование изучения иероглифов, организация работы над изучаемым материалом.

3. Мониторинг: проверка правильности понимания изучаемого материала, мониторинг осуществляемых действий в процессе выполнения заданий.

4. Оценка, самооценка и корректировка: проверка результатов по завершению выполнения задания и корректировка в случае необходимости.

Когнитивные стратегии овладения иероглифической системой письма предполагают следующие:

1. Организация: группировка изучаемого материала, классификация иероглифов в соответствии с определенными аспектами.

2. Использование образов: опора на визуальные образы для понимания и запоминания вербальной информации.

3. Элаборация: установление смысловых и других связей между компонентами воспринимаемой информации, интеграция новых знаний и уже имеющихся о предмете анализа.

4. Выведение заключений (индукция): опора на изученные гнезда, использование информации, содержащейся в ранее изученных гнездах иероглифов для установления значений неизвестных новых знаков.

5. Дедукция: применение правил для понимания и интерпретации изучаемых иероглифов.

6. Перенос: опора на имеющиеся специальные знания для облегчения выполнения определенного задания.

7. Резюмирование: синтез обрабатываемой информации, обеспечивающий проверку того, как воспринимаемый материал удержан в памяти.

8. Повторение: самостоятельное повторение изучаемого материала.

Среди *социо-аффективных стратегий* в процессе обучения иероглифике следует обращать внимание на осознанное овладение студентами следующими стратегиями:

1. Уточняющие вопросы: обращение за дополнительными разъяснениями, примерами к преподавателю, одногруппникам.

2. Кооперирование: работа в группах, парах для совместного решения учебных задач, сбора необходимой информации.

3. Саморегуляция: разговор с самим собой, поддержка уверенности в себе, в успешном выполнении заданий, повышение уровня мотивации и снижение уровня тревожности.

Предполагается, что в зависимости от этапа обучения целесообразно предлагать студентам использование определенных стратегий [7]. Так, на *этапе ознакомления с новым материалом* происходит приобретение индивидом значений предметов материальной и духовной культуры и способов действий с ними. Следовательно, необходимо познакомить студентов со стратегиями, предполагающими адекватную организацию подлежащего усвоению материала, использование образов и способов создания связей между изучаемыми иероглифическими знаками. На *этапе формирования навыков письма*, происходит обработка приобретенных знаний, исходя из чего особое значение приобретают стратегии, направленные на выведение заключений и дедукцию, перенос и элаборацию. На следующем *этапе совершенствования навыков письма* студенты резюмируют полученную информацию, окончательно помещают ее в сети ранее изученных иероглифических знаков, поэтому для них будет очень полезным знать, каким образом необходимо осуществлять резюмирование, как наиболее эффективно и с наименьшими затратами сил и времени повторить изученный материал. Помимо указанных когнитивных стратегий, на каждом этапе обучения следует знакомить студентов с метакогнитивными стратегиями, ведь гораздо более «важнее научить студентов учиться и применять адекватные приемы систематизации и анализа материала, чем вооружить их конкретными предметными знаниями» (С. Д. Смирнов) [7, с. 31]. Таким образом, считаем,

что на этапе ознакомления с новым материалом следует обучать студентов стратегиям, предполагающим сосредоточение внимания на отдельных аспектах иероглифов, а также планирование, как самостоятельного изучения, так и материала, предлагаемого для изучения на занятии. На этапах формирования и совершенствования навыков письма полагаем уместным обучение стратегиям мониторинга и самооценки. Кроме того, как показывает практика, в процессе обучения иероглифике следует вооружать обучаемых и группой социо-аффективных стратегий. На всех этапах учебного процесса необходимо развивать самостоятельность не только в умении учиться, но и в способности мотивировать себя, поддерживать чувство уверенности в себе, а также учить студентов взаимодействовать друг с другом и с преподавателем.

Знание обучаемыми стратегий овладения иероглификой и осознание ими содержательных характеристик используемых стратегий, равно как и их значения для достижения необходимого результата, является условием реализации позитивного функционального потенциала стратегий овладения иероглификой [7, с. 169]. Этот потенциал реализуется за счет организующей, регулирующей и мотивирующей функций, выполняемых стратегиями. В рамках предлагаемой методики обучения иероглифической системе письма на основе когнитивного подхода обучение стратегиям осуществляется, во-первых, посредством специально организованного иероглифического минимума, который наглядно демонстрирует способы представления материала, акцентирует внимание на его отдельных аспектах. Во-вторых, комплекс упражнений спланирован таким образом, что показывает обучаемым, как следует наиболее эффективно организовывать работу над изучаемыми иероглифами. В-третьих, инструкции к упражнениям сформулированы таким образом, что их можно использовать в качестве памяток о том, что и как следует делать с изучаемым материалом. В-четвертых, огромное значение приобретает и использование графических организаторов, которые также демонстрируют возможности рациональной организации материала для более эффективного его запоминания. В-пятых, на занятиях по иероглифике применяются различные формы работы: фронтальная, парная, групповая, что способствует развитию умений сотрудничества и кооперирования при необходимости решения определенных учебных задач. И наконец, методика обучения иероглифике в рамках когнитивного подхода предполагает обязательное наличие этапа вовлечения или вызова мотивации у обучаемых, что отвечает требованиям социо-аффективных стратегий овладения иероглифической системой письма.

Таким образом, все компоненты занятия, комплекс упражнений и формы работы организованы так, чтобы научить студентов учиться и осознавать необходимость и важность использования различных стратегий на разных этапах обучения для осуществления более эффективного изучения предлагаемого материала, для развития самостоятельности и способности работать в коллективе.

Итак, исходя из специфики иероглифической системы письма и с учетом современного уровня методической теории обучения иностранным языкам была сделана попытка определить содержание обучения иероглифической системе письма на китайском языке, включающее три компонента, прочные основы

каждого из которых должны быть заложены на начальном этапе обучения и наглядно могут быть представлены в виде следующей схемы.

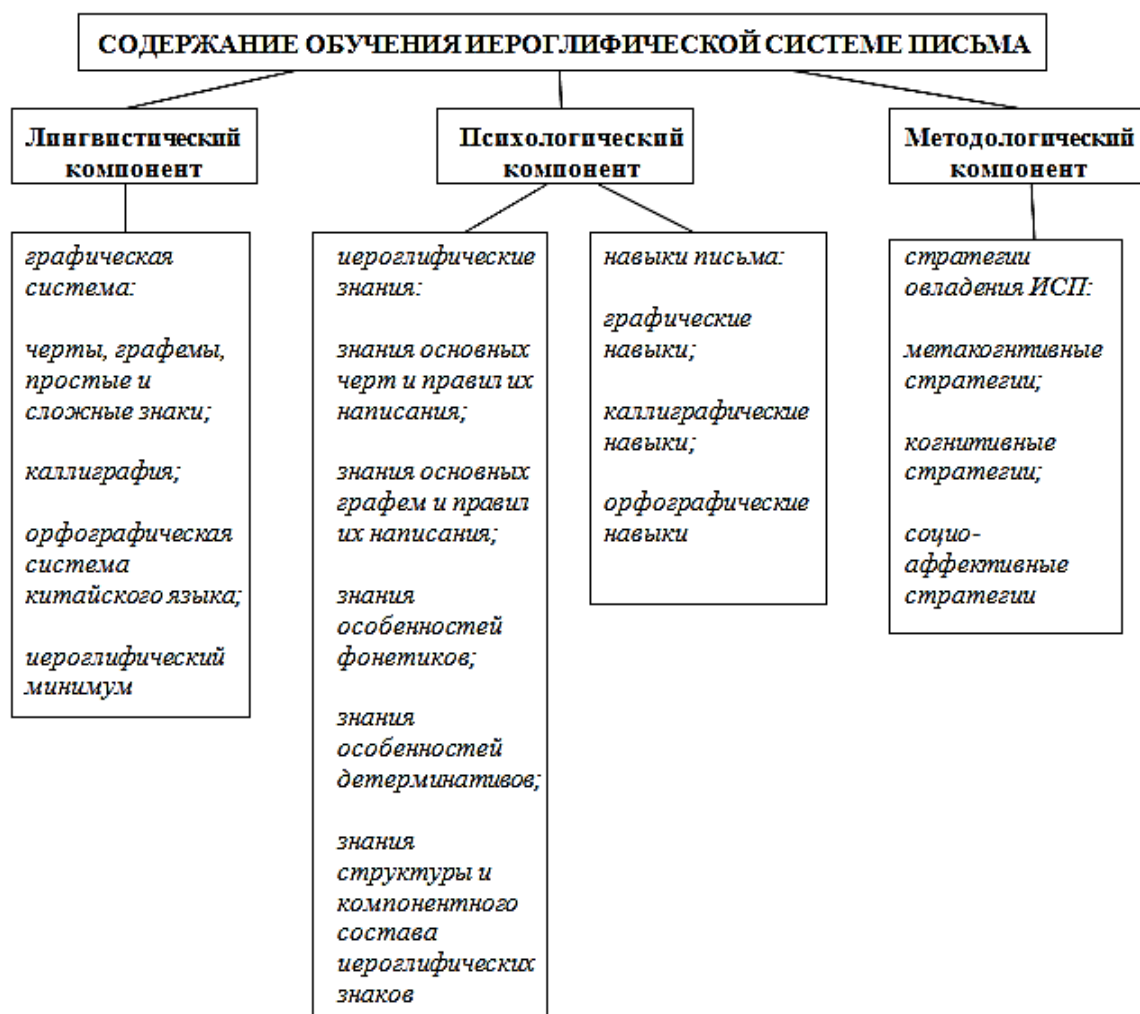

Рис. 1. Содержание обучения студентов языкового вуза иероглифической системе письма на китайском языке

Литература

1. *Бабинская, П. К.* К проблеме отбора дидактических единиц, обеспечивающих подготовку к межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранному языку / П. К. Бабинская // *Замежные мовы ў Рэспубліцы Беларусь.* – 2005. – № 3(15). – С. 18–21.
2. *Рогова, Г. В.* Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях: пособие для учителей и студентов пед. вузов / Г. В. Рогова, И. Н. Верещагина. – 3-е изд. – М., 2000. – 232 с.
3. *Баранова, Н. П.* Концепция языкового образования (иностраный язык) в системе общего среднего образования (проект) / Н. П. Баранова, П. М. Бабинская, Н. В. Демченко // *Замежные мовы ў Рэспубліцы Беларусь.* – 2007. – № 1. – С. 17–24.
4. *Колосовская, И. Г.* Обучение учащихся общеобразовательных учреждений восприятию и пониманию иноязычной речи (английский язык как второй иностранный): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / И. Г. Колосовская. – Минск, 2009. – 214 л.

5. *Барилова, Е. Э.* Обучение французскому алфавиту в младших классах школы на основе выделения конкретных ориентиров: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Е. Э. Барилова. – М., 1998. – 162 л.
6. *Есаулов, И. В.* Оптимизация содержания обучения китайскому языку на языковых курсах: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / И. В. Есаулов: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2008. – 26 с.
7. *Садченко, М. В.* Психологические стратегии овладения иностранным языком в учебной деятельности студентов: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / М. В. Садченко. – Хабаровск, 2004. – 205 л.
8. *Шипелевич, Л.* Пути и способы повышения мотивации обучения русскому языку с использованием современных технологий: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Л. Шипелевич. – М., 2000. – 315 с.
9. *Гальскова, Н. Д.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студентов лингвист. ун-тов и фак. иностр. яз. высш. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 5-е изд., стер. – М., 2008. – 336 с.
10. *Молодых, В. И.* Опыт типологического изучения современного китайского письма: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / В. И. Молодых. – М., 1987. – 180 л.
11. *Агаркова, Н. Г.* Теоретические основы методики обучения первоначальному письму: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Н. Г. Агаркова. – М., 1991. – 395 л.
12. *Колесникова, И. Л.* Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И. Л. Колесникова, О. А. Долгина. – СПб., 2001. – 224 с.
13. 王建勤。汉语作为第二语言的学习者与汉语认知研究 / 王建勤。— 北京: 商务印书馆, 2006。— 428 页。
14. *Ван, Цзяньцинъ.* Когнитивные исследования в области китайского языка и психологии изучающих китайский язык в качестве второго иностранного / Ван Цзяньцинъ. – Пекин, 2006. – 428 с.

А. С. ПЫЖ

магистрант кафедры языкознания и страноведения Востока факультета международных отношений, специалист Центра экономики и маркетинга Республиканского института китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

СЕМАНТИКА ОСНОВНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

*Краски в общем вызывают в людях большую радость.
Глаз нуждается в них так же, как он нуждается в свете.*

И. В. Гёте

С незапамятных времен человек стремился описать окружающий его мир, при помощи слова передать красоту природы и многообразие наблюдаемых явлений и предметов.

Психологи в результате ряда научных экспериментов доказали, что различные цвета по-разному воздействуют на эмоциональное состояние человека. Одни цвета, например красный или оранжевый, оказывают возбуждающее, бодрящее действие, другие, например синий или зеленый, наоборот, успокаивают, позволяют сосредоточиться. Возможно, именно с этим влиянием цвета на человеческую психику и связан тот факт, что каждому цвету присущи определенные значения и свойства.

Несмотря на то, что физическая природа цвета одна и та же для всех культур, межъязыковые различия в лексике цветообозначений достаточно существенны. Различные народы по-разному толковали значения тех или иных цветов, что связано прежде всего с культурными, философско-религиозными, а также природными реалиями.

В системе цветоименований помимо историко-культурных обнаруживаются также и гендерные различия. Данные экспериментов зарубежных ученых свидетельствуют о том, что женщины обладают более обширным словарем цветоименований, чем мужчины, и более успешно оперируют сложными цветообозначениями. Интересно также отметить, что вышеуказанные различия в большей степени присутствуют у носителей китайского языка, чем у представителей европейской культуры, например, у носителей английского языка¹.

¹ «Данные исследований говорят о том, что, во-первых, вербальные функции у мужчин более четко локализованы в левом полушарии, а у женщин они распределены в обоих полушариях, во-вторых, влияние тестостерона в период внутриутробного развития замедляет рост левого полушария у мужского пола по сравнению с женским и способствует относительно большему развитию правого полушария у лиц мужского пола, и в-третьих, именно левое полушарие отвечает за наличие «изысканных», сложных цветоименований в нашей речи. А тот факт, что данные различия в разной степени проявляются у носителей английского и китайского языков может быть объяснен разницей социальных ролей мужчин и женщин в данных культурных общностях» [1].

Как правило, ядро группы цветоименований в том или ином языке образуют основные названия цветов, которые являются универсальными для многих этнических культур. В английском, например, в данную группу входят слова white «белый», black «черный», grey «серый», red «красный», green «зеленый», blue «синий», yellow «желтый», orange «оранжевый», pink «розовый», brown «коричневый», purple «фиолетовый». В китайском языке к таким цветоименованиям некоторые исследователи (А. В. Садовая, [1]) относят 白 (bái) «белый», 黑 (hēi) «черный», 灰 (huī) «серый», 红 (hóng) «красный», 黄 (huáng) «желтый», 绿 (lǜ) «зеленый», 蓝 (lán) «синий», 紫 (zǐ) «фиолетовый», 棕色 (zōngsè) «коричневый», 橙色 (chéngsè) «оранжевый». В свою очередь каждый из основных цветоименований группирует вокруг себя огромное количество слов, обозначающих оттенки того или иного цвета (неосновных цвета). Часть этих слов-цветоименований входит в основной словарный фонд языка, другие, новые цветоименования, постоянно создаются как в художественной литературе, так и в повседневной речи, а третьи постепенно устаревают и полностью выходят из употребления. Основные цветоименования, как правило, не обладают мотивацией и представляют собой языковую универсалию. Слова же, образующие группу неосновных цветоименований, в большинстве своем являются мотивированными, а потому тесно связаны с национально-культурной спецификой, что выражается в выборе предметов, участвующих в их создании.

У каждого народа, помимо символов и эталонов, общих с другими народами, существует система образов, характерных только для данной культурной общности. Например, такие производные цветоименования, как «кровавый» (цвет крови, ярко-красный) имеет аналогичную семантику и происходит от слова «кровь» во многих языках: в английском – blood-red, в китайском – 血红色 (xuè hóngsè) от слова 血 (xuè) «кровь»; а такой цвет, как «изумрудный» в китайском языке передается через сочетание 碧绿 (bìlǜ), что дословно можно перевести как «зеленая яшма», а точнее, «яшмовая зелень, зелень цвета яшмы». Поскольку образ яшмы абсолютно не свойственен русскому символизму, этот образ присущ, в основном, китайской культуре, то правомернее переводить данное сочетание, как «изумрудный, ярко-зеленый» или в крайнем случае, «бирюзовый». Тот факт, что в древнерусском языке присутствовал специальный термин, обозначающий изумруд – «смарагд», говорит о том, что он издавна знаком представителям русской культурной общности.

От языка к языку различается как количественный, так и качественный состав группы цветообозначений, что обусловлено историко-культурными, географическими и антропологическими факторами. Кроме того, слова-цветообозначения в любом языке не только называют определенные участки цветового спектра, но и обладают дополнительными со-значениями, отражающими культурные ценности и особенности мышления носителей того или иного языка. Поэтому при анализе таких значений важно учитывать те социальные условия, в которых может восприниматься и интерпретироваться данное цветоименование. В результате исследования коннотативных значений цветоименований некоторые ученые пришли к выводу, что white «белый» в ан-

глийском языке и 红 (hóng) «красный» в китайском языке имеют наиболее обширные системы со-значений, проявляющих высокую степень устойчивости и распространенности [1].

Во вторичной номинации цветовой лексики в значительной степени отражаются знания истории, мифологии, философско-религиозные суждения об устройстве мирового порядка. А цветоименования любого языка проявляют выраженную национально-культурную специфику, являясь важным элементом анализа языковой картины мира той или иной культурной общности.

Теория Берлина-Кей. Особый интерес в изучении цветобозначений представляет теория Б. Берлина и П. Кей об универсальном характере эволюции цветоименований. Английские ученые в результате ряда исследований пришли к выводу, что процесс возникновения и развития цветоименований в различных языках является своего рода языковой универсалией. Обработав обширный лингвистический материал (данные около 80 языков разных языковых семей), в своей работе «Базовые цветоименования: их универсальность и эволюция», написанной в 1969 г., они делают следующие выводы:

- цвет – это семантическая универсалия;
- цветообозначения в индоевропейских языках могут быть описаны с помощью трех признаков: цветовой тон (hue), яркость (brightness) и насыщенность (saturation);
- основной единицей цветообозначения выступает «базисный цветовой термин» (basic color term);
- количество универсальных базисных цветов-терминов ограничено.

Берлин и Кей выделили 11 основных цветовых терминов: белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый, коричневый, фиолетовый, оранжевый, розовый, серый. Критериями выделения выступают следующие признаки: 1) слово должно представлять собой моноксемный термин; 2) его значение не должно быть уже значения другого названия цвета; 3) слово должно обладать широкой сочетаемостью; 4) слово должно быть значимо для носителей языка; 5) в состав «основных цветоименований» не должны включаться недавние заимствования.

Помимо прочего Берлин и Кей разработали и обосновали стадийный характер цветовых понятий, т. е. все цвета в языке и культуре появляются в определенном порядке – от более простых и значимых для человека к более сложным. Этот порядок, как правило, присущ большинству языков. Всего Берлин и Кей выделили семь стадий формирования основного набора терминов-цветообозначений. Первый уровень – это белый (как образ солнечного света) и черный (символизирует ночной покой) цвета. На втором уровне находится красный как цвет крови и огня, важнейших составляющих в жизни человека. По мнению английского этнографа, социолога и фольклориста Виктора Тернера, изучавшего ритуальную практику африканских племен, триада «белый-черный-красный» не только универсальна, но и, возможно, первична, так как символический смысл цветовой триады является принципиально схожим в самых различных культурах [2, с. 50–80]. На третьем, четвертом и пятом уровнях появляются соответственно синий (цвет воды и неба), зеленый (цвет растительности) и желтый (свет солнца, звезд; цвет золота) – цвета, преобладающие в

окружающем человека природном мире. На шестом уровне выделяется коричневый, а на последнем, седьмом, – розовый, оранжевый, фиолетовый и серый.

Кроме того, ученые сделали вывод о том, что большинство наименований цветов происходит от названий предметов. Вначале цвет передается в языке опосредованно, путем указания на цвет соответствующих распространенных предметов или объектов природы: «как молоко», «как снег» (белый), «как сажа» (черный), «как кровь» (красный) и т. д. Например, китайский иероглиф 赤 (chì), передающий алый цвет, восходит к ритуальным жертвоприношениям древних китайцев и изначально изображал человека, сжигаемого на костре; английский «violet» и русский «фиолетовый» восходят к латинскому слову «viola», означающему «фиалка». Следует отметить, что китайский язык авторами этой теории был отнесен к категории проблематичных случаев. Последовательность возникновения терминов для обозначения фиолетового и розового цветов не соответствует закономерности, зафиксированной у Берлина и Кея, они появились раньше седьмой ступени развития системы цветообозначений.

Особенности системы цветообозначений китайского языка. С древности в основе классификации цветоименований в китайском языке выступала так называемая «хроматическая гамма пяти цветов» (五色 wǔ sè), входящая в состав стройной пятеричной системы космологических представлений древних китайцев, в основе которой лежит связь основных, родовых цветов со сторонами света и целым рядом понятий. Однако с проникновением спектральной теории Ньютона в Китай традиционное понятие «пяти цветов» уступило место семи цветам теории спектрального анализа. Произошло наложение понятий, в результате чего термин 紫 (zǐ) «пурпурный»² заимствовал значение «фиолетовый». В современном языке лексема 紫 (zǐ) передает как фиолетовые, так и пурпурные оттенки. Кроме того, появилось заимствование «оранжевый»³ 橙色 (chéngsè) (знак 橙 (chéng) обозначает апельсиновое дерево), которое, по мнению некоторых исследователей, «еще не является до конца «психологически выделенным», в связи с чем можно сказать, что как цветоименование оно еще находится в процессе формирования» [3, с. 16].

Очевидно, что на разных этапах исторического развития система базовых цветообозначений менялась по своему количественному и качественному составу: например, базовым в значении «красный» в древнекитайском языке выступала лексема 赤 (chì), которая не входит в состав базовых цветообозначений современного китайского языка, будучи вытесненной знаком 红 (hóng).

Система цветообозначающей лексики китайского языка резко отличается от систем других языков, в определенных аспектах не соответствуя универсальной теории Берлина-Кея об особенностях эволюции цветоименований.

² Пурпурный цвет – один из группы не спектральных цветов (к ним также относятся оттенки серого, розовый). В колориметрии к пурпурным относят гаму цветов, полученных при смешивании красного цвета с синим или фиолетовым.

³ Русский термин «оранжевый» также происходит от французского слова orange – «апельсин».

Розовый и фиолетовый цвета, как было отмечено выше, появились раньше седьмой ступени развития системы цветообозначений.

Интересно также отметить, что цветовой термин «розовый» постепенно начинает утрачиваться. В китайском языке он передается как 粉红 (fěnhóng) и состоит из двух знаков 粉 (fěn) и 红 (hóng), обозначающих «розовый» и «красный» цвета соответственно. Однако для второго иероглифа «красный» является первостепенным, ядерным значением, а для первого ядерным значением выступает «порошок, пыль, мука», например, 米粉 (mǐfěn) «рисовая мука», 牙粉 (yáfěn) «зубной порошок». Затем появляются такие значения, как «пудра, белила, румяна», а также «вермишель» (например, в сочетании 粉汤 (fěntāng) «суп с вермишелью»). И только в последнюю очередь словарь дает обозначение цвета, причем, наряду с розовым, данный иероглиф может также обозначать и белый цвет (отсюда такие сочетания, как 粉墙壁 (fěnniángbì) «выбелить стену»). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в китайском языке отсутствует унарный знак для передачи розового цвета, в отличие, например, от русского языка: термин «розовый», передающий цвет при смешивании красного и белого, восходит к естественному эталону розового цвета – розе, а точнее, к цветку бутонов и лепестков распространенных видов шиповника (*Rosacanina*). А в английском языке присутствуют целых два термина: *rose* (более красный оттенок) и *pink* («маргаритковый»). Система ассоциаций и символов, связанных с этим цветом, достаточно богата и разнообразна в европейской культуре (цвет радости и счастья в католицизме; цвет греческой богини любви и красоты, Венеры; цвет мечты и надежды в русском символизме; цвет нежности и романтики в поэзии; женский цвет в одежде – стереотипное восприятие), в отличие от китайского языка, в котором розовый цвет как таковой не обладает ярко выраженной и значимой семантикой.

Кроме того, в древнекитайском языке существовала (и существует до сих пор) общая лексема 青 (qīng) для обозначения смешанного сине-зеленого цвета, к чему европейская наука пришла только в настоящее время: существует профессиональный термин «циановый», служащий обозначением сине-зеленого цвета, который весьма близок к голубому (и его иногда условно называют голубым). В китайском языке 青 (qīng) часто также употребляется в значении именно синего цвета: 青出于蓝而胜于蓝⁴ «синяя краска происходит от индиго, но превосходит его по синеве» (образно об ученике, превзошедшем учителя). Таким образом, 青 (qīng) ставится выше по своим колористическим свойствам, чем 蓝 (голубой, синий, лазоревый, цвет индиго).

Наиболее ранние цветоименования этимологически обозначали цвета определенных явлений природы. Так, 白 (bái) (белый) обозначал цвет солнечного света⁵, 赤 (chì) – цвет огня, а 青 (qīng) – цвет растений. Более поздние тер-

⁴ Данное выражение восходит к высказыванию китайского философа Сюнь Цзы 荀子 (ок. 313–215 гг. до н.э.): “青，取之于蓝，而青于蓝”.

⁵ Ключом иероглифа 白 (bái) является иероглиф 日 (rì), обозначающий солнце.

мины перешли в разряд цветоименований из названий объектов окружающей действительности в результате расширения значения того или иного знака.

Еще одной особенностью китайской системы цветообозначающей лексики является обозначение одним термином различных участков спектра. Например, термин 青 (qīng), передающий синий, голубой, зеленый и даже черный цвет (一双青鞋 (yīshuāngqīngxié) – «пара черных туфель»). Это обусловлено прежде всего особенностями восприятия цветового пространства китайцами.

Также необходимо отметить, что китайские термины цвета зачастую не соответствуют общепринятым универсалиям. Например, желтый не является блестящим и не соотносится с цветом солнца, а является родовым понятием, включающим в себя коричневый, так как желтый цвет для китайцев – прежде всего цвет земли. Вместо желтого прототипом солнца у китайцев выступает красный, который одновременно является символом огня.

Интересен анализ вторичных терминов цветообозначений, например, цвет 桃色 (táosè) многие словари переводят с китайского как «персиковый» (от лексемы 桃 (táo) – «персик»), хотя его этимология восходит к обозначению цветового тона не плода, а цветка персикового дерева, в связи с этим его следует переводить как «розовый».

Система цветоименований в китайском языке является весьма развитой, язык обладает богатым набором средств для передачи основных участков спектра, а также их оттенков. В различные исторические периоды данная система непрерывно изменялась, обогащалась и усложнялась. Особенности менталитета китайского этноса и специфические культурные традиции, обусловленные уникальной системой философско-религиозных представлений, отличают систему цветообозначающей лексики от похожих систем других языковых общностей.

Желтый цвет. Желтый цвет, вслед за символикой Центра, стал обозначением императорской власти и национальной государственности⁶, что приобрело нормативный характер в эпоху династии Цин (1644–1911 гг.)⁷. Например, выражение 黄袍加身 (huángpáojiāshēn), буквально «надеть на себя желтый халат», означает «вступить на престол, прийти к власти» [5, с. 102]. В то же время в древнекитайских верованиях и анимистических представлениях установились прочные ассоциации желтого цвета со смертью и миром мертвых (по причине его семантических связей с почвой и земной поверхностью). Например, 黄土 (huángtǔ) «желтая земля» – принятый в китайском языке образный синоним могильного холма, могилы; 黄泉 (huángquán) «Желтый источник» – одно из названий подземного мира мертвых, отсюда 致黄泉 (zhì huángquán) «достичь

⁶ В таком значении он входит в титул 黄帝 Хуанди (huángdì) «Желтый император/владыка» – верховное божество Центра, занимающее главенствующее положение среди «пяти императоров» 五帝 (wǔ dì) [4, с. 628].

⁷ Цвет императорской власти не всегда был одним и тем же: во времена династии Сун (960–1127) таким цветом был коричневый, при династии Мин (1368–1644) – зеленый, а уже при Цин (1644–1912 гг.) – желтый.

Желтого источника» – поэтическая метафора кончины человека. В даосской традиции желтый цвет является символом обожествленного Лаоцзы 老子⁸.

В пейзажной лирике и живописи желтый соотносится с цветом осенней, т. е. увядающей, растительности и, следовательно, выступает знаком осени как конца года и конца человеческой жизни, старости: 黄发 (huángfà) «пожелтевшие волосы», обр. в знач. «старый, преклонных лет; старик»⁹. В то же время желтый цвет символизирует детство, незрелость человека: 黄口孺子 (huángkǒurúzi) – желторотый юнец; 黄毛丫头 (huángmáoyātou) – «рыжая, желтоволосая девчурка», в значении молодая неопытная девушка (с шутливым или пренебрежительным оттенком). Совершенно другое происхождение имеет буддийский желтый цвет (цвет облачения монашествующих). Он восходит к одеянию (кашья, «лоскутная ряса») странствующих аскетов (шраманов). Оно должно было быть сшитым из лоскутов выброшенной одежды, настолько ветхой, застиранной и выцветшей, что ее остатки приобретали однотонный грязно-желтый цвет.

Красный цвет. Красный 红 (hóng) интерпретируется как «темно-красный» и изначально отождествлялся с цветом свежей (но густо и обильно текущей) крови. Стоящий за ним хроматический ряд включает в себя следующие основные цвета и оттенки: 赤 (chì) может передавать алый, рыжий и бурый цвета, а также часто выступает смысловым заместителем 红¹⁰ (hóng); 朱 (zhū) багряный, 丹 (dān) киноварный, 绛 (jiàng) вишневый темно-красного оттенка; 紫 (zǐ) – пурпурный, который прилагается ко всей гамме пурпурно-лиловых тонов, включая собственно пурпурный, фиолетовый и лиловый цвета; 赫 (hè) – огненно-красный, пламенеющий; багровый; 赭 (zhě) – красно-коричневый; багряный; бордо (например, 浅赭 (jiǎn zhě) «светло-коричневый»; 赭面 (zhě miàn) «багровое лицо»; 赭衣 (zhě yī) – темно-красная одежда (надеваемая на преступников); в переносном значении – преступник), также употребляется в значении «краснозем, умбра, красная охра».

Для всех цветов красного хроматического ряда также прослеживается несколько различных ассоциаций. Во-первых, вслед за символикой Юга¹¹ они входят в государственную символику, служат общей цветовой характеристикой и ранговыми цветами знати. Так, пурпурный цвет 紫 (zǐ) входит в образные названия атрибутов и дворцовых покоев императора. Например, 紫阙 (zǐquè) «пурпурные хоромы» – императорский дворец; 紫禁城 (zǐjìnchéng) – «Пурпурный запретный город» в Пекине, бывший резиденцией китайских императоров

⁸ 黄冠 (huángguān) – желтый головной убор (образно в значении: а) крестьянская одежда; б) даосский клобук; даосский монах) [42, с. 641]).

⁹ В русском языке старость ассоциируется с серым цветом, ср. «седой старик», «седая старина» (в значении «древность»), в английском аналогичная семантика: greynbeard «седобородый» – в значении «старик, пожилой человек».

¹⁰ 赤 (chì) входит в титул божества-повелителя Юга – Чи Ди (赤帝, chì dì) «Красный император».

¹¹ Юг вообще был самой почитаемой стороной света у древних китайцев.

династии Мин и Цин; 紫泥 (zǐ ní) «фиолетовая краска для печатей», которой скреплялись высочайшие указы императора; 紫金山 (zǐjīn shān) – «Гора фиолетового золота», место погребения Сунь Ятсена в Нанкине. В «Суждениях» Конфуция в 17 главе «Ян Хо» так говорится об отношении древнекитайского философа к пурпурному цвету: «Плохо, когда фиолетовый затмевает красный» [6, с. 145] (《论语·阳货》: 恶紫之夺朱也 [7, с. 201]). «Фиолетовый цвет, излюбленный правителями того времени, Конфуций считал сложным, смешанным, нечистым и противопоставлял ему *красный* как основной и чистый, который в своей изначальной простоте представлял образцово древним. Древние китайцы связывали красный цвет с Югом, а в фиолетовом видели смесь красного с черным – цветом Севера» [6, с. 474]. Неприятие Конфуцием пурпурного оттенка как символа роскоши и власти свидетельствует о том, что данная символика была характерна для этого цвета уже с VI в. до н. э.

В пурпурный и багряный (朱 zhū) цвет в различные эпохи окрашивались те или иные детали официального костюма аристократов и сановников (шелковые шнуры, обувь). Использование красного цвета в качестве государственного было наиболее характерными для эпохи династии Мин¹², правящий дом которой, имея фамильный знак Чжу¹³ 朱 (Багряный), считал себя находящимся в магической связи с Югом и под покровительством стихии огня. В результате в дворцовых интерьерах предпочтение отдавалось мебели с красным лаковым покрытием, а дворцовые здания выдерживались в красно-золотой гамме: красные стены, крыши с золотистым черепичным покрытием¹⁴.

В свете сказанного не может не обратить на себя внимание и цветовое решение государственной символики – флага и герба КНР, выполненной в тех же цветах. Что касается красного цвета как маркера радостных событий, то лучшим примером этого выступает новогодняя обрядность и атрибутика.

Следующая цепочка ассоциаций – связь с культом плодородия и свадебной обрядностью. Само слово «свадьба» в китайском языке передается через сочетание 红事 (hóngshì) «красное событие». Одевание китайских жениха и невесты и все свадебные атрибуты – исключительно красного цвета. Сочетание 红楼¹⁵ (hónglóu) «красная башня» и 红衣 (hóngyī) «красное платье» – образные названия соответственно женских покоев и женского костюма. Причем в приложении к женщине красный цвет передает и ее красоту: 红女 (hóng nǚ) «красная женщина» – красавица, 红面 (hóngmiàn) «красное лицо» – внешность красави-

¹² Династия Мин 明朝 (míngcháo).

¹³ Основателем династии Мин.

¹⁴ 朱门 (zhū mén) «красные ворота» (обр. в знач.: жилище знати, богатый дом): ср. 朱门酒肉臭 [路有冻死骨] из богатых домов тянет запахом мяса и вина [а на дорогах лежат кости замерзших от холода]. Ср. также 白屋朱门 «домишко с белыми стенами и красные ворота» (т. е. жилище бедняка и хоромы богача: богатые и бедные).

¹⁵ Ср. 青楼 (qīnglóu) – «синяя башня» – изначально «женская половина дома знатного лица», с династии Хань закрепилось значение «публичный дом».

цы¹⁶; 红颜薄命 (hóngyánbómìng) – «красивые женщины страдают от несчастной судьбы», «не родись красивой, а родись счастливой».

В мифологической и даосско-религиозной традиции цвета багряный 朱 (zhū), красный 红 (hóng) и вишневый 绛 (jiàng) прилагаются к божественным персонажам, явлениям и предметам высшего мира. Например, «Багряная ласточка» (朱燕 zhūyàn) – волшебная птица, бывшая, возможно, тотемом чжоусцев; «Красная река» 朱水 (zhū shuǐ) – одна из волшебных рек, текущих у подножия Куньлуня; «вишневые одеяния» 绛衣 (jiàngyī) – облачения духов. Главное место в даосско-религиозной образности занимает киноварный цвет, отождествляемый с киноварью 丹(dān) (сульфид ртути), которая была одним из важнейших химических ингредиентов снадобий бессмертия. «Киноварь» входит в оригинальное терминологическое название обоих направлений даосского учения о бессмертии (内丹 nèidān – внутренняя алхимия; 外丹 wàidān – внешняя алхимия¹⁷), а через киноварный цвет определяются многие даосские принадлежности: «киноварные письма» (丹字) – даосские трактаты [3], «киноварная пилюля» (丹药 dānyào) – эликсир бессмертия [3]. В красных тонах – с акцентированием картин восхода и заката солнца – обычно выдержаны и поэтические описания окружающей действительности, даваемые в произведениях на даосско-философские и даосско-религиозные темы. В китайско-буддийской традиции особое значение придавалось пурпурному цвету, в который начиная с эпохи Тан (618–907 гг.) окрашивались одеяния высших церковных иерархов.

Красный цвет также символизирует войну (кровь, кровавые события). Одно из самых известных восстаний в Китае – восстание «красных повязок»¹⁸ (红巾之乱 hóngjīnzhīluàn).

В натурфилософской символике «красный» является символом мужского начала 阳 (yáng)¹⁹.

Синий и зеленый цвета. Сине-зеленый цвет, судя по этимологии иероглифа 青 (qīng), исходно передавал непосредственно зеленый цвет, точнее, цвет древесной листвы. Это прежде всего цвет молодости и весны: 青梅竹马²⁰

¹⁶ Аналогичная семантика (связь с солнцем, культом плодородия, женщиной и женской красотой) у славян: «красна девица», «Красная площадь».

¹⁷ **Внутренняя алхимия** – совокупность даосских духовных практик, включающих в себя элементы йоги, медитации, дыхательной гимнастики цигун, визуализации (цуньсян) и ритуала. **Внешняя алхимия** – раздел даосской науки о бессмертии, в которой предполагается, что долголетия или бессмертия можно достичь, принимая медикаменты, приготовленные особым образом. Целью внутренней и внешней алхимии является достижение бессмертия или долголетия.

¹⁸ Движение в Китае против монгольского владычества и монгольской династии Юань, которое завершилось падением империи и установлением новой китайской династии Мин в 1368 г.

¹⁹ 红男绿女 (hóngnánlǜ nǚ) – «мужчины в красном, женщины в зеленом», пестрая толпа нарядных мужчин и женщин; юноши и девушки.

²⁰ Данное выражение восходит к стихотворению Ли Бо (李白, 701–762/763 гг.) «Чанганские мотивы» (перевод А. И. Гитовича) – 《长干行》: “郎骑竹马来, 绕床弄青梅” – досл.

(qīngméi zhútmǎ) «зеленые сливы и бамбуковые лошадки» (т. е. детские игры, также обр. о детской непосредственности и чистоте, о дружбе с детства; о влюбленных, которые дружили с детства); 青春 (qīngchūn) – 1) молодость, юность; весенняя пора жизни; 2) *поэт.* весна-красна; весна; 青娥 (qīng'é) (досл.) «зеленая красавица» – (поэт.) [красивая] девушка, девушка-подросток; 青黄 (qīnghuáng) «молодые всходы и спелые хлеба»: 青黄不接 (qīnghuángbùjiē) «зеленое (новый урожай) и желтое (старые хлеба) не сходятся»; хлеба не хватило до нового урожая (обр. в знач.: не сводить концы с концами; оказаться в тяжелом материальном положении).

«Восточный» хроматический ряд оказывается наиболее сложным с колористической точки зрения, так как он охватывает собой всю гамму зеленых и синих цветов, а также, частично, серый и черный цвета (в последнем случае с синим и зеленым отливом). Опорными цветами этого хроматического ряда являются:

绿 (lǜ) зеленый, ассоциируется, как правило, с растительностью (листья, трава, иглы вечнозеленых деревьев), но может также употребляться и для обозначения черных волос;

- сине-голубые цвета: темно-лазурный (кубовый) 石青 (shíqīng); индиго 靛蓝 (diànlán); два голубых цвета 沧 (cāng) и 苍 (cāng), передающие темно-голубой, синий, лазоревый и зелено-голубой цвета, но второй из них прилагается исключительно к воде, тогда как первый – к растительности и, кроме того, к волосам или шерсти животных, передавая в этом случае сизый цвет²¹;

- цвета бирюзовой гаммы: 碧 (bì) – бирюзовый, изумрудный, передающий все цвета и оттенки, свойственные природной бирюзе;

- 翡翠 (fěicuì) – специальный цвет, передающий оперенье зимородка и цвет малахита.

Цвета собственно зеленой гаммы, помимо ассоциаций с растительностью, олицетворяют стихию воды и Женское космическое начало 阴 (yīn). Поэтому любые их сочетания с красным цветом имеют эротическую символику, что с наибольшей очевидностью прослеживается в литературно-поэтической образности, например, описание красных лучей солнца, скользящих по зеленой воде; красных бутонов (цветов) среди зеленой листвы²².

«жених скакал на бамбуковой лошадке и приносил зеленые сливы» [41, с.1020], у А. И. Гитовича: «На палочке мой муженек верхом / Скакал, не жалея сил, / Он в гости ко мне приезжал тогда / И сливы мне приносил».

²¹ 苍狗 «синие псы» (cānggǒu) – поэтическая метафора «синие тучи» (У Ду Фу: 白云苍狗 (báiyúncānggǒu) – «то тучки белые плывут, то вдруг как сизые собаки», в современном значении обр. о неожиданных переменах) [3].

²² 红花虽好，也绿叶扶持 (hónghuā suī hǎoyě lǜyè fúchí) – «как ни прекрасен [красный] цветок пиона, и ему нужна поддержка зеленых листьев» [15, с. 97].

Цвета сине-голубой гаммы чаще всего выступают в качестве символов Неба и небесного простора²³, хотя могут прилагаться и к воде, как правило, к морским волнам; в буддизме – символ Разума, высоты духовного просветления.

Белый цвет. Белый 白 (bái) из-за ассоциации Запада со смертью в китайской традиционной культуре, является принятым траурным цветом²⁴. Осмысление в даосизме запада как сакральной части света придало белому цвету прямо противоположные значения. В даосской образной системе он передает идею пустотности как определяющего свойства Дао, олицетворяет чистоту его постижения и духовных исканий личности.

Белый цвет также возглавляет достаточно пространственный хроматический ряд, который наиболее четко выделялся и последовательно соблюдался в обрядовых практиках и в декоративно-прикладном искусстве, в первую очередь в фарфоровом производстве (для глазурного покрытия). В нем признаются, в том числе: 月白 (yuèbái) – лунно-белый цвет, для ритуальных одеяний, использовавшихся (в цинскую эпоху) при жертвоприношениях на Алтаре Земли; 清白 (qīngbái) – чисто-белый цвет, олицетворяющий внутреннее совершенство человека, а также природных реалий и предметов; несколько разновидностей белого цвета с оттенками: «цвет мяса свежей рыбы» – с розоватым оттенком, «цвет слоновьей кости» – с палевым оттенком, «цвет снега» – серебристо-белый, «цвет нефрита» – с чуть заметным зеленоватым или сероватым оттенком.

Черный цвет. Черный 黑 (hēi), вслед за символикой Севера, ассоциируется с ученостью и образованностью, став в результате (хотя и в нескольких вариантах – сине-черный, темно-коричневый) принятым цветом костюмов ученого-книжника, наставника и учащихся. Даже для этого цвета признавался отдельный хроматический ряд, в котором особое место занимает цвет 玄 (xuán) – черный с красноватым отливом, посредством которого передавались все те явления и сущности, которые определяются как «таинственное, сокровенное»: 玄之又玄 (xuánzhī yòuxuán) – нечто таинственное и загадочное (《老子》). 緇 (zī) «черный цвет», «черный шелк», буддийский монах (черноризец). Термин 乌 (wū) восходит к «цвету вороного крыла», то есть к черному (ядерное значение – «ворон, ворона»): 乌马 (wūmǎ) – «вороная лошадь», 乌事 (wūshì) – «черное (темное) дело»; 乌云 (wū yún) – «черные тучи»; 乌龟 (wū guī) – [черная] черепаха (также бран. о сводне, наводчике); рогоносец (о муже неверной жены); 乌纱帽 (wū shā mào) – шапка из черного тонкого шелка, летний парадный головной убор (с *дин. Тан*); в переносном значении «карьера».

В китайской литературе часто упоминается, что кровь драконов «черна (темна), желта» («Ицзин»), таким образом, дракон является символом союза Неба и Земли.

²³ 青天 (qīngtiān) 1) чистое (ясное) небо (обр. также о чистоте души или помыслов); 2) честный чиновник; неподкупный судья. Отсюда: 青天霹雳 (qīngtiānpīlì) – [как] гром среди ясного неба; совершенно неожиданно, нежданно-негаданно.

²⁴ 白事 báishi – «белое событие», похороны; траур.

Так различия в системах цветоименований, как базовых так и оттеночных, в первую очередь обусловлены двумя важнейшими факторами: природно-климатические условия проживания этноса, а также менталитет, присущий представителям данной культурной общности.

Литература

1. Садовая, А. В. Системы цветоименования английского и китайского языков: от абстрактного к образно-ассоциативному и гендерному уровням: автореф. дис. канд. филол. наук / А. В. Садовая // Электронная библиотека диссертаций и авторефератов, современная наука РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sistemy-tsvetonaimenovaniya-angliiskogo-i-kitaiskogo-yazykov-ot-abstraktnogo-k-obrazno-assot>. – Дата доступа: 15.05.2012.
2. Тернер, В. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу) / В. Тернер // Семиотика и искусствознание. – М., 1972.
3. Богушевская, В. А. Семантика цветоименований в китайском языке: универсальное и национальное: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / В. А. Богушевская; МГЛУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 189 с.
4. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М., 2006. – Т. 2: Мифология. Религия / ред.: М. Л. Титаренко [и др.]. – 2007. – 869 с.
5. Китайско-русский словарь идиом / С. Ю. Сизов. – М., 2005. – 317, [3] с.
6. Конфуций. Изречения / Конфуций; пер. с древнекит.; сост., пер., коммент. И. И. Семенов. – М.: Эксмо, 2009. – 544 с.
7. 论语 / 李明阳译注。—— 合肥: 黄山书社, 2011。

И. Э. РАТНИКОВА

*профессор кафедры русского языка филологического факультета
Белорусского государственного университета, доктор филологических наук,
профессор*

ВАН ЮЙХУН

*магистр филологических наук, аспирант кафедры русского языка
филологического факультета Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В КОМПАРАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Объектом рассмотрения данной публикации являются китайские имена собственные людей (фамильные антропонимы), рассматриваемые на фоне русских соответствий; предметом – их национально-культурная специфика, которая выявляется нами в сопоставлении с русскоязычными ономастическими единицами. В качестве источников языкового материала мы использовали

«Словарь китайских фамилий» Чэнь Минюань и Ван Цзунху [7], а также «Словарь русских фамилий» В. А. Никонова [4].

Актуальность компаративных описаний, каковы бы ни были их объект и предмет, включает две инвариантных позиции, связанные а) с задачами совершенствования перевода и предупреждения интерференции; б) с ориентацией на выявление национально-культурной специфики, зафиксированной в языке, что соответствует кардинальному направлению современных филологических изысканий. При этом сопоставительные исследования типологически далеких языков (как, например, китайский и русский) осуществляются в значительно меньших масштабах, чем аналогичные изыскания в сфере языков родственных, и обусловлены, как правило, активизацией культурных, экономических, политических контактов стран, где функционируют эти языки. Характеризуя научный контекст, в котором ведется исследование по заявленной теме, надо сказать, что национально-культурная специфика китайских ономастических единиц по отношению к русским изучена далеко не в полной мере: внимание исследователей к языкам, представляющим индоевропейскую и сино-тибетскую семьи, сосредоточено преимущественно на сопоставлении таких категорий, как фраземы и концепты. Среди выполненных в Беларуси работ компаративного характера, где дано последовательное описание китайско-русских ономастических параллелей, следует в первую очередь назвать исследование Ван Ли «Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской: структура, номинация». Выявленные в нем особенности моделей номинации улиц, площадей, культовых сооружений отражают различия в культуре и мировоззрении народов. Так, урбанонимы, мотивированные именами выдающихся людей, в Китае относительно немногочисленны, как непопулярен в целом метонимический принцип именования «в честь» кого-либо, обусловленный древним табу на имя императора. Для русскоязычной урбанонимии, как известно, типичны мемориальные номинации в честь выдающихся людей, не имевших никакого отношения к именуемому объекту. Среди белорусских экклезионимов встречаются только мотивированные именами святых, тогда как в Китае храм может быть назван в честь любой известной личности. В китайских городах есть названия объектов, мотивированные поэтонимами (именами героев художественных произведений), чего не отмечается в урбанонимии русскоязычной. Автор приходит к выводу, что китайское урбанонимное пространство тяготеет к единицам, отражающим духовную жизнь китайского народа, например религиозно-идеологические традиции (конфуцианство, буддизм, даосизм), тогда как на урбанонимию Беларуси в большей степени воздействуют такие экстралингвистические факторы, как природные условия, политический строй, идеология, отношение к православной или католической религиозной традиции [2].

Объект данной публикации, фамильное имя, как и другие антропонимические знаки, – это феномен, принадлежащий одновременно языку и культуре, социально-историческое образование, которое сформировалось и функционирует как необходимый элемент взаимодействия членов социума. Этимологическое значение антропонимов – это фактически зеркало эпохи, социально-политической и этнической культуры. Во внутренней форме личных и фамиль-

ных имен зафиксированы рефлексы древних философских, религиозных, бытовых представлений, национальных обычаев, ритуалов, деталей быта и т. д., благодаря чему данные исторической антропоники исключительно существенны для лингвокультурологических и антропоцентрических исследований.

Формирование китайских фамилий относится к древнейшему периоду и опережает возникновение фамилий в европейских и некоторых азиатских странах, например, Японии, на несколько тысячелетий. С этим связана одна из примечательных мотивационных особенностей фамильных антропонимов в Китае. Как известно, значительный пласт европейских, в том числе славянских, фамильных имен, деривационно связанных с личными и прозвищными именами, имеет патронимическое происхождение – от канонического или неканонического имени предка по мужской линии, часто главы семьи или рода. Частотным словообразовательным признаком таких фамилий являются форманты, этимологически весьма разнообразные – от суффиксов со значением посессивности (принадлежности к определенной семье, отцу: фр. *Toutissienos* ‘*filis de Toutissa*’; *Basilescu* ‘*filis de Basile*’, рус. *Петров, Ильин*) и суффиксоидов с прямым значением «сын» (нем. *Petersen* ‘*PetersSohn*’, *Dietrichsen* ‘*Dietrichssohn*’) до суффиксоидов, обозначающих отношения родства метафорически, как, например, еврейские патронимические форманты *-штам* ‘ствол’ или *-бейн* ‘кость’ (*Мандельштам, Гирибейн* и под.). Фамилии патронимического происхождения составляют фрагмент историко-культурного наследия патриархата, это своеобразное лингвистическое отражение социального, экономического и духовного доминирования отца в семье и подчиненного положения женщины в феодальный период развития цивилизации, на который пришлось, в основном, формирование фамилий.

Матронимические, или гинекономические, фамилии, образованные от женских имен, составляют сравнительно малочисленную категорию внутри европейских отантропонимных образований: нем. *Juttenson* ‘*Nickel Sohn der Jutta*’, *Gretener* (от *Margarethe*), рус. *Татьяничев, Авдомын, Орнин, Улитов* и др. Для их социального закрепления требовались специальные основания (вдовство женщины, солдатчина, когда женщина оставалась на долгие годы во главе семьи, незаконнорожденность, т. е. наличие безмужних детей, особые заслуги или отличительные особенности отдельных женщин). А.Н. Антышев, опираясь на немецкий антропонимический материал, приводит и другие причины, по которым фамильный оним возникал как дериват материнского личного имени: например, мать превосходила отца знатностью рода, богатством или большей известностью; связанные феодальными устоями родители иногда давали своим отпрыскам фамилию, производную от личного имени их госпожи; клерикальный характер имели фамилии, производные от монастырей, носящих женское имя святого патрона: *Madlener* < *Kloster St. Magdalena*, *Kathreiner* < *Kloster St. Katharina* [1, с. 30].

В этом отношении китайский фамильный антропонимикон сильно отличается от европейских. Являясь на сегодняшний день индивидуальным наименованием одной семьи, древние китайские фамилии возникали как названия целых племенных групп. При этом первичные китайские фамилии формирова-

лись в матриархальный период и передавались по материнской линии. В многотомном словаре Сюй Шэня (58–147 гг. Восточной династии Хань) «Объяснение письма и растолкование иероглифов» 24-й том посвящен иероглифу, символизирующему «женскость» («Женская часть – 女»), где, в частности, сказано: «Слово «фамилия» (姓 – син) означает ‘рожденный от женщины’, потому что иероглиф состоит из двух частей: 女 ‘женщина’ и 生 ‘рождаться’» [8, с. 249]. Не случайно многие китайские фамилии включают иероглиф 女 ‘женщина’: 姒 (Си), 姚 (Яо), 姑 (Гу), 妨 (Фан), 妊 (Жень), 妊 (Юнь), 女然 (Жань), 女其 (Ци), 如 (Жу), 始 (Ши) и др.

Необходимо отметить, что образование китайских и европейских фамилий различается формальными средствами: специальный патронимический формант в европейских языках и усечение в китайском (такой способ образования фамилий соответствовал тенденции к ее односложности в китайском языке).

В современном китайском антропонимиконе насчитывается около семисот активных фамилий, при этом к числу распространенных принадлежит только сто, а список наиболее частотных фамильных именовании исчисляется двумя десятками. Отмечаются также единицы с максимальным индексом частотности: 李 (Ли), 王 (Ван), 张 (Чжан). Их носители составляют, по разным источникам, около 20 % населения страны (более 300 миллионов человек). Относительная ограниченность репертуара актуальных китайских фамилий в прошлом компенсировалась дополнительными различительными элементами, принадлежащими другим сферам ономастики: например, для конкретизации фамилии писателя на книгах ставили название уезда – родины этого автора.

Функционирование фамильных именовании в китайской культуре регламентируется теми же закономерностями, что и в целом в Юго-Восточной Азии: наследование по отцовской линии, сохранение фамилии отца при замужестве, препозитивное расположение по отношению к личному имени в антропонимической формуле.

В исследованном лексикографическом материале мы выявили группы, объединяющие фамилии на основе общности мотивационного признака, – наиболее представительные из этих групп будут охарактеризованы ниже.

1. Ономастические единицы, восходящие к именам или прозвищам предков, например: 孔 (Кун), 汤 (Тан), 鱼 (Юй), 常 (Чан), 高 (Гао), 阿 (А), 哀骀 (Айттай), 犴 (Ань), 印 (Ан), 白 (Бай), 百 (Бай), 邦 (Бан), 包 (Бао), 卑 (Бэй), 被 (Бэй), 备 (Бэй), 贲 (Бэнь), 边 (Бянь), 宾 (Бинь), 宾牟 (Биньмоу), 丙 (Бин), 伯比 (Боби), 伯常 (Бочан), 伯昏 (Бохунь), 伯州 (Бочжоу), 勃 (Бо), 布 (Бу), 柴 (Чэй), 昌 (Чан), 苙 (Чан), 尝 (Чан) и др.

Аналогами китайских фамилий этой группы являются русские единицы, сохранившие в своей основе личные и прозвищные имена. При этом репертуар производящих основ русских фамилий на фоне китайских весьма неоднороден. Так, среди русских фамилий данного типа различаются мотивированные а) исконными (языческими) и б) заимствованными (каноническими) именами в основном греческого, латинского, древнееврейского происхождения, например:

(а) *Бабаков, Бабин, Багин, Баранов, Батраков, Башуткин, Беляев, Бершов*; (б) *Абрамцев, Акин(ь)шин, Амелякин, Амплеев, Алипов, Васильев, Вахромеев, Веденеев, Выгодский* и др. Кроме этого, среди фамилий второй подгруппы отмечаются такие, которые мотивированы именами из других языков, славянских и неславянских: *Аушев, Алаев, Арутюнов, Асадов, Асланов, Балашов, Бандурин, Батманов, Бахтияров* и др.

2. Фамилии, мотивированные названиями профессий и обозначениями социального статуса: 卜 (*Бу*) ‘гадание’, 巫 (*У*) ‘колдун’, 屠 (*Ту*) ‘скотобоец’, 张 (*Чжан*) ‘лук’ (оружие), 陶 (*Тао*) ‘чиновник в сфере управления керамикой’, 司马 (*Сыма*) ‘управляющий военными делами’, 司徒 (*Сыту*) ‘высший чиновник в государственной администрации’, 仓 (*Сан*) ‘управляющий складом’, 钱 (*Цянь*) ‘управляющий финансами’, 师 (*Ши*) ‘чиновник, управляющий во дворце мастерами музыкальных инструментов’, 公 (*Гун*) ‘король’, 侯 (*Хоу*) ‘удельный князь’, 伯 (*Бо*) ‘граф’, 子 (*Цзы*) ‘виконт’, 男 (*Нань*) ‘барон’, 王 (*Ван*) ‘князь’. Как показывают примеры, в фамилиях зафиксировались слова-историзмы, называющие профессии, посты и титулы, которые имели место в древнем и средневековом Китае.

Специфической для китайской антропонимии является группа фамилий, мотивированных таким древним видом личного именованья, как шихао, – посмертные прозвищные номинации императоров и чиновников высокого ранга по их заслугам перед народом или по их героическим поступкам: 文 (*Вэнь*) ‘письменность’ (посмертное прозвище человека, который много сделал для развития образования), 景 (*Цзин*) ‘оживленная атмосфера в обществе’ (носитель посмертного прозвища много сделал для развития экономики и социальной сферы). Шихао известны со времен династии Западный Чжоу (XI–III вв. до н. э.); затем традиция посмертного именованья прервалась (222–206 гг. до н. э., время правления императора Цинь Шихуан) и была восстановлена в завершающий период династии Цин (1840–1912 гг.). Китайские фамилии, мотивированные шихао, фиксируют также качества носителя, которыми он запомнился современникам, в том числе отрицательные: 穆 (*Му*) ‘хорошие моральные качества’, 宣 (*Сюань*) ‘человеколюбие’, 简 (*Цзянь*) ‘простой и экономный’, 庄 (*Чжуан*) ‘щедрый’, 灵 (*Лин*) ‘не слушающий советов’, 厉 (*Ли*) ‘зверский’, 闵 (*Минь*) ‘жалость’, 哀 (*Ай*) ‘скоробь’ и др.

Профессии или отношение к кустарному производству отражены во внутренней форме таких русских фамилий, как *Мельников, Гончаров, Кузнецов, Бочаров, Бочкарев, Пивоваров, Ткачев, Пряхин, Извозчиков, Каретников, Переплетчиков, Писарев, Ведерников, Барышников, Коробейников, Дубоделов, Круподеров, Живоделов* (*живодел* ‘рабочий, снимавший шкуры с убитых животных’) и др.; должность и статус – в таких фамилиях, как *Бурмистов, Воеводин, Князев* и т. д. Русские фамилии могут также фиксировать не непосредственно название профессии, а название основного объекта профессиональной деятельности: *Телегин, Хомутов, Сюртуков, Конкин, Мраморнов, Алебастров, Топо-*

рищев, Фонарев, Кастрюлин, Аршинов, Сбитеньков (сбитень ‘старинный русский сладковатый напиток, который варили в самоварах’) и др.

3. Фамилии, мотивированные географическими названиями. Китайские фамилии, которые связаны с названиями географических объектов, включают следующие группы: а) фамилии по происхождению предка (от названия царства), например: 齐 (Ци), 鲁 (Лу), 晋 (Цзинь), 宋 (Сун), 郑 (Чжэн), 吴 (У), 越 (Юэ), 秦 (Цинь), 楚 (Чу), 卫 (Вэй), 韩 (Хань), 赵 (Чжоу), 魏 (Вэй), 燕 (Янь), 陈 (Чэнь), 蔡 (Цай), 曹 (Цао), 许 (Сюй), 杨 (Ян), 蒋 (Цзян), 沈 (Шень), 吕 (Люй), 邹 (Цоу), 苏 (Су), 鲁 (Лу), 韦 (Вэй), 任 (Жэн), 薛 (Сюэ), 酆 (Фэн), 刘 (Лю) и др.; б) фамилии по названию территории, пожалованной императором предку, например: 岑 (Цэнь), 费 (Фэй), 鲍 (Бао), 柳 (Лю), 苗 (Мяо), 彭 (Пэн), 范 (Фань), 葛 (Гэ). Специфической по отношению к русской антропонимии выступает также подгруппа фамилий по месту проживания предка, образованная от названия внутригородского объекта: 西门 (Симэн) ‘западные ворота крепости’, 南郭 (Наньго) ‘южная стена крепости’, 东郭 (Дунго) ‘восточная стена крепости’, 池 (Чи) ‘река для охраны города и крепости’, 北宫 (Бэйгун) ‘северный дворец’, 北郭 (Бэйго) ‘северная стена крепости’, 北门 (Бэймэнь) ‘северные ворота крепости’.

Как в китайском, так и в русском языке отмечается большое количество фамилий, внутренняя форма которых отражает место проживания или происхождения их носителей-предков. Ср. фамилии, образованные от названия местности, где проживал их первоноситель (*Роцин, Могилевский, Полянский, Майданюк, Островчук* и др.). Сюда относятся, в частности, группы фамилий князей и служащих (XVII–XVIII вв.): *Тамбовцев, Ростовцев, Брянцев, Астраханцев, Смолянинов, Москвичев, Москвитинов, Веневитинов, Вологжанинов* и другие. В XIV–XV вв. в фамилиях князей могли фиксироваться наименования или местоположение географических объектов, находившихся в их владении: *Тверской, Мещерский* (внутренняя форма фамилий указывает на то, что земельные владения их носителей располагались в Тверской губернии и Мещере) [5, с. 39]. В Китае многие фамилии также были производны от названий феодальных владений или места рождения человека, при этом в первом поколении фамилия могла иметь более сложную семантическую и формальную структуру, например, потомки Ди, маркиза Оуян Тина, взяли фамилию 欧阳 (Оуян). Насчитывается около двухсот фамилий данного типа, часть которых двусложны, однако немногие из них дошли до наших дней: 慕容 (Мужун) и 那 (На) [6, с. 511].

Другая категория людей, получавших фамилии с рассматриваемым типом мотивации, не относилась к коренному населению данной территории. Когда человек не был местным, первое, что интересовало окружающих после его имени, было то, откуда он прибыл или откуда родом, вследствие чего давались оттопонимные прозвища – будущие фамилии. Этот принцип номинации фамильным именем был, в частности, широко распространен в XVI–XVII вв.: в основу фамилий были положены названия родных городов и сел именуемых (*Батуринец, Киян, Звенигородский, Рязановский, Полтавец*) [3, с. 192].

Среди русских фамилий отмечаются мотивированные названиями рек, на берегах которых располагались поселения или поместья первоносителей: фамилии *Ухтомский*, *Ушинский*, *Писемский*, *Сицкий* образованы от названий рек *Ухтома*, *Уша* (левый приток Немана), *Письма* (приток Костромы), *Сить* (приток реки Мологи). Китайские фамилии также реализуют данный принцип номинации: 姜 (*Цзян*) – фамилия от названия реки 姜水 (*Цзяншуй*); 姬 (*Цзи*) – фамилия от названия реки 姬水 (*Цзишуй*); 黄 (*Хуан*) – от названия реки 黄河 (*Хуанхэ*) и т. п.

В китайском языке отмечаются фамилии, производные от названий гор: 乔 (*Чао*) – фамилия от названия горы 桥山 (*Чаошань*); 衡 (*Хэн*) – от названия горы 衡山 (*Хэншань*); 蒙 (*Мэн*) – от названия горы 蒙山 (*Мэншань*); 余 (*Шэ*) – от названия горы 余山 (*Шэшань*) и др. Среди русских фамилий этот семантический тип мотивации представлен мало (ср. двойную фамилию известного русского геолога *Семенов-Тянь-Шанский*, второй, топонимический, компонент которой добавлен самим ученым в честь крупнейшей горной системы Центральной Азии – Тянь-Шань ‘Небесные горы’).

Сопоставление китайского и русского антропонимического материала позволяет выделить и другие соотносительные группы фамилий с общим мотивационным признаком: это, например, фамилии, мотивированные названиями качеств, оценок и действий людей, или фамилии, фиксирующие порядок рождения детей в семье: кит. 孟 (*Мэн*) ‘первый’, 仲 (*Чжун*) ‘второй’, 叔 (*Шу*) ‘третий’, 季 (*Цзи*) ‘четвертый’; рус. *Второв*, *Третьяк*, *Осьмухин*, *Девятаев*, *Девяткин*, *Десятов* и др.

Интересна группа китайских фамилий, предположительно мотивированных именами мифологических предков родов и семей – животных, растений, объектов земной поверхности: 熊 (*Сюн*) ‘медведь’, 马 (*Ма*) ‘лошадь’, 牛 (*Ню*) ‘бык’, 羊 (*Ян*) ‘баран’, 龙 (*Лун*) ‘дракон’, 凤 (*Фэн*) ‘феникс’, 水 (*Шуй*) ‘вода’, 花 (*Хуа*) ‘цветок’, 叶 (*Е*) ‘лист’ и т.д. «Тотемная» гипотеза не нашла аргументированного подтверждения, поскольку отсутствуют древние письменные источники, где могли бы быть зафиксированы мотивы выбора фамилий. Однако имеются косвенные данные о появлении таких фамилий, например в исторической литературе и легендах, указывающие на связь фамилии с тотемом. Наиболее известный источник происхождения фамилий от тотемов – это предание о войне Чжулу, которая велась 4600 лет назад (в далекой древности император Хуан сражался с Чи Ю в поле Чжулу и призвал на эту войну медведей, тигров, пантер, львов и других животных). Русскоязычным соответствием этой группе китайских фамилий, на первый взгляд, являются антропонимические единицы типа *Волков*, *Быков*, *Медведев*, *Соколов*, *Орлов*, *Березин*, *Ивин* и т. д. Однако при общем характере производящих основ (что важно для синхронического подхода) в данном случае мы имеем дело с иным характером формирования фамилии: приведенные русские фамилии в диахронии мотивированы прозвищными дохристианскими именами, которые, в свою очередь, восходят к апеллятивам, называющим объекты животного и растительного мира. В любом случае

можно констатировать общность актуальных для духовного мира народов (и, соответственно, для личной номинации) природных феноменов.

Соотношение состава антропонимических классов внутри китайского и русского языков зеркально противоположно: подобно тому как перечень актуальных китайских фамилий ограничен, ограничен и перечень современных русских личных имен (это связано с регламентированным характером имянаречения на Руси в христианский период). В то же время китайские личные имена в количественном отношении подобны современным русским фамилиям, фиксирующим в своей внутренней форме бесконечное многообразие способов личной номинации в дохристианский период. При этом репертуар китайских личных имен не ограничен (и даже теоретически представляет собой открытое множество) благодаря отсутствию канонизированных списков имен: любое слово или словосочетание могут быть выбраны в качестве индивидуального имени. (Хотя в практике имянаречения большое значение придается традициям: имя должно не только быть благозвучным, но и иметь определенное положительно окрашенное значение).

Еще одна существенная черта, в которой проявляется «зеркальность» соотношения антропонимических классов в китайском и русском языках, – это мотивированность единиц, обусловленная религиозным фактором. В русском антропонимиконе выделяется группа фамилий, мотивированных религиозными и церковными понятиями (религия занимала огромное место в жизни русского народа): *Попов, Дьяконов, Приходской, Обеднин, Колоколов, Ключарев, Молитвин, Божьев, Дьячков, Храмов, Владыкин, Богодухов* и под. Фамильные имена с подобной внутренней формой в «Словаре древних и современных фамилий Китая» нами не обнаружены, что логично объяснить древностью их возникновения: ценности буддизма и даосизма «не успели» запечатлеться в опередивших их по времени возникновения клановых именах. Зато в сфере китайских личных имен широко отражена мотивация лексемами из области религии.

Китайские и русские фамилии отражают глобальные различия в восточной и западной культурах, к которым относится, в частности, упомянутое выше место, которое данный антропоним занимает в формуле именованного: предшествование фамилии в языках Юго-Восточной Азии и личного имени в европейских языках манифестирует примат общественного, семейного над индивидуальным и наоборот.

Как видим, в целом мотивы наречения китайских и русских фамильных имен соответствуют универсальным принципам: фамилии отражают в своей внутренней форме имя отца первоносителя (личное или прозвищное); профессию, должность, социальный статус лица; территориальную характеристику лица (по месту его рождения или местонахождению его земельных владений); особенности качеств и поведения человека; моральные и философские ценности и др. При этом как в рамках рассмотренных групп, так и за их пределами наблюдаются расхождения, демонстрирующие национально-культурные особенности антропонимических систем Китая и России. Резюмируя сказанное, отметим, что фамилии реализуют разновидность ономастических универсалий: многие их свойства, характеристики, закономерности функционирования явля-

ются общими для ономастикона различных языков. Ономастические универсалии отражают общечеловеческие закономерности развития культуры и мышления, универсалиям в ономастике принадлежат, в частности, сам факт наличия наследуемых (фамильных) имен и их более официальный (по сравнению с личными именами) характер.

Литература

1. *Антышев, А. Н.* Имена. Немецкие антропонимы / А. Н. Антышев. – Уфа, 2001. – 239 с.
2. *Ван, Ли.* Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской: структура, номинация : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02; 10.02.20 / Ли Ван; Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск, 2007. – 20 с.
3. *Никонов, В. А.* География фамилий / В. А. Никонов; отв. ред. С. И. Брук. – М., 1988. – С. 192 .
4. *Никонов, В. А.* Словарь русских фамилий / В. А. Никонов; сост. Е. Л. Крушельницкий. – М., 1993. – 224 с.
5. *Суперанская А.* Фамилии, оканчивающиеся на- ский/-ская,-цкий/-цкая / А. В. Суперанская // Наука и жизнь. – 2003. – № 1. – С. 39–40.
6. 张学衔。 华夏百家姓探源 / 张学衔。 — 南京: 南京大学出版社, 1992。 Чжан Сюэсянь. Исследование китайских фамилий / Чжан Сюэсянь. – Нанкин, 1992.
7. 陈明远、汪宗虎。 中国姓氏词典 / 陈明远、汪宗虎。 — 北京: 北京出版社, 1994。 Чэнь, Минъюань. Словарь китайских фамилий / Чэнь Минъюань, Ван Цзунху. – Пекин, 1994.
8. 许慎。 说文解字 / 许慎。 — 上海: 上海古籍出版社, 1981。 Сюй, Шэнь. Пояснение к книге «Объяснение письма и растолкование иероглифов» / Сюй Шэнь. – Шанхай, 1981. – С. 249.

Ю. И. САРУХАНОВА

*преподаватель, аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока
Белорусского государственного университета, магистр филологических наук
(г. Минск, Республика Беларусь)*

МЕТАСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ КИТАЙСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЗНАКОВ

Китайский язык относится к тем языкам, которым присущ переход частей языка в служебные знаки, когда изначальное слово утрачивает свое лексическое значение. Такой переход является метауровневым, так как знак с уровня языка-объекта переходит на уровень языка описания (метаязыка) [1, с. 270]. Процесс превращения частей языка в служебные знаки сопровождается появлением у них способности обозначать абстрактные понятия. В дальнейшем, когда преобладающим становится наиболее общее и широкое абстрактное значение, слово оказывается настолько обедненным в своем вещественном значении, что уже не может более обозначать конкретные вещи и явления, а способно лишь обозначать и выражать связи и отношения, существующие между этими вещами и яв-

лениями, между их признаками и свойствами. Слово, таким образом, утратив вещественное, лексическое значение, приобретает новое, металингвистическое значение.

На сегодняшний день в китайском языке существует немало парных элементов, одинаково звучащих и записывающихся одним и тем же иероглифом, но выступающих в разных ролях: процессуальный знак – играет однозначную роль сказуемого, полупредлог – играет металингвистическую роль, выражая при этом объектные, пространственные, временные, целевые и причинные отношения. На пути перехода китайских процессуальных знаков в полупредлоги можно выделить следующие этапы:

1. Использование процессуального знака в конструкциях с несколькими сказуемыми подряд в одном предложении без соединительных слов, конструкций и приемов. Такое явление особо характерно для китайского языка, в котором полностью отсутствует морфология.

(1) 醉把花看益自伤。 *Zuì bǎ huā kàn yì zì shāng.*

Дословно: Пьяный держать цветок, смотреть с еще большая боль.

Возможный перевод: Пьяный, я смотрел на цветок, который держал в руке, и чувствовал себя еще более убитым горем.

Здесь 把 *bǎ* является процессуальным знаком со значением «брать, держаться за» [18, с. 57] без какого-либо намека на возможность рассмотрения его в качестве другой части языка. Он используется как первое сказуемое в конструкции с несколькими сказуемыми подряд.

(2) 以万乘之国被围于赵。 *Yǐ wànchéngzhī guó bèiwéiyú Zhào.*

Дословно: С десять тысяч колесниц государство получить окружение от Чжао.

Возможный перевод: Страна с десятью тысячами колесниц была окружена Чжао.

Этимологическим источником полупредлога 被 *bèi* современного китайского языка был процессуальный знак «накрывать», который впоследствии приобрел более общее значение «получать».

2. Первый этап дает начало второму этапу, в процессе которого один из процессуальных знаков в конструкции с несколькими сказуемыми подряд постепенно теряет свое исходное значение и переходит из разряда единиц языка в разряд единиц метаязыка. Это обусловлено целым рядом факторов, а в первую очередь, спецификой китайского и особенно древнего китайского языка, в котором ядром предложения был процессуальный знак, а служебные слова использовались в очень малом количестве. Такая особенность классического китайского языка и привела к появлению конструкций с несколькими сказуемыми подряд. Поэтому вполне обоснованным является то, что с течением времени некоторые процессуальные знаки китайского языка постепенно стали утрачивать исходное значение и переходить в знаки служебные.

(3) 醉把茱萸子细看。 *Zuì bǎ zhūyú zǐ xì kàn.*

Дословно: Пьяный **ВА** кизил внимательно рассматривать.

Возможный перевод:

а) Пьяный, я взял кизил и внимательно рассмотрел его.

б) Пьяный, я внимательно посмотрел на кизил.

Как видно из этого примера, знак 把 [17, с. 91] начинает приобретать особенности служебного знака (3b) из того, что раньше было первым сказуемым в конструкции с несколькими сказуемыми подряд (3a).

То же самое происходит и со знаком 被, который приобретает более абстрактное значение, т. е. от «получать» переходит к «подвергаться чему-либо, страдать от». В результате чего психическое/психологическое воздействие становится доминирующим значением.

(4) 今兄弟被侵。 *Jīnxiōng-dì bèiqīn.*

Дословно: Сегодня брат получить нападение.

Возможный перевод: Сегодня братья получили нападение (были атакованы).

3. Процессуальные знаки утрачивают свое исходное лексическое значение, теряют прежние признаки, для них характерные, и приобретают новые признаки, характерные для полупредлогов.

Так знак 被 *bèi* перешел от передачи значения психического/психологического воздействия к передаче пассивной формы с нейтральной, а иногда даже положительной коннотацией, как видно из следующих примеров [4, с. 535]:

(5) 陆琴方被人恭维。 *Lù Qín-fāng bèiréngōng-wéi.*

Дословно: Лу Циньфан ПАССИВ люди восхвалять.

Возможный перевод: Лу Циньфан восхвалялся людьми.

Знак 把 также со временем утратил свое значение, как процессуальный знак:

(6) 莫把杭州刺史欺。 *Mò bǎ Hángzhōucìshǐ qī.*

Дословно: Нет ВА Ханчжоу губернатор обманывать.

Возможный перевод: Не обманывайте губернатора Ханчжоу.

Конечно, процесс перехода процессуальных знаков в служебные не является однодневным и происходит в результате эволюции языка с течением времени.

Среди основных причин метасемантических переходов процессуальных знаков можно выделить следующие:

1. Утрата необходимости в передаче лексического значения.

Переход возник тогда, когда с течением времени один из расположенных рядом процессуальных знаков в конструкциях с несколькими сказуемыми подряд становится менее важным для передачи лексического значения, чем соседние процессуальные знаки, и постепенно полностью утрачивает его.

2. Наличие/отсутствие превосходной позиции по отношению к другим процессуальным знакам в предложении.

Обычно в конструкциях с несколькими сказуемыми подряд один из процессуальных знаков является центральным и занимает превосходную позицию по отношению к другим процессуальным знакам. Это способствует тому, что процессуальные знаки, которые не заключают в себе превосходной позиции,

постепенно утрачивают свое лексическое значение и переходят в знаки служебные.

3. Упрощение коммуникационного процесса.

При лексических лакунах, которые вынуждают одновременно два процессуальных знака относиться к одному и тому же объекту действия, первый процессуальный знак переходит в служебный знак.

Как уже говорилось выше, такие переходы часто вовсе не означают утрату знаком своего изначального значения, поэтому вновь появившиеся единицы существуют наряду со своими прототипами, сохраняя при этом идентичность в аспекте выражения (графически и фонетически). Однако следует отметить, что в аспекте содержания между такими единицами существуют значительные отличия, основные из которых рассмотрены ниже:

1. Полупредлоги всегда требуют наличие дополнения, тогда как процессуальные знаки могут употребляться с пустым дополнением.

(7) 我刚才去了一趟，他没在（家）。 *Wǒ gāngcái qùle yītàng tā méi zài (jiā)*.

Дословно: Я только что ходил раз, он нет находится (дома).

Возможный перевод: Я только что туда ходил, его не было (дома).

(8) 我每天在家吃饭。 *Wǒ měitiān zài jiā chīfàn*.

Дословно: Я каждый день в дом есть.

Возможный перевод: Я каждый день ем дома.

Как видно из примера (7), сказуемое может употребляться без дополнения, если из контекста понятно, о каком предмете идет речь, тогда как по отношению к полупредлогу (8) такое опущение не допустимо.

2. Полупредлог может относиться только к одному дополнению, в то время как у сказуемого таких дополнений может быть несколько [16, с. 179].

(9) 我从来没给过他钱。 *Wǒ cónglái méi gěiguō tā qián*.

Дословно: Я никогда не давать он деньги.

Возможный перевод: Я никогда не давал ему денег.

(10) 他通常给玛丽做饭。 *Tā tōngcháng gěi Mǎlì zuòfàn*.

Дословно: Он часто для Мэри готовить еду.

Возможный перевод: Он часто готовит еду для Мэри.

Полупредлоги, в отличие от процессуальных знаков, не могут дублироваться.

(11) 咱们比一比。 *Zánmenbǐyìbǐ*.

Дословно: Мы сравнивать.

Возможный перевод: Давай сравним.

(12) 我比你高。 *Wǒ bǐ nǐ gāo*. (Нельзя сказать 我比比你高。 *Wǒ bǐ bǐ nǐ gāo*.)

Дословно: Я по сравнению с ты высокий.

Возможный перевод: Я тебя выше.

4. Полупредлоги также не могут оформляться полусуффиксами 了, 过, 着 [16, с. 174].

(13) 你跟着他! *Nǐ gēnzhe tā*.

Дословно: Ты следовать за он.

Возможный перевод: Иди за ним!

(14) 我跟他说话。 *Wǒ gēntā shuōhuà.*

Дословно: Я с он разговаривать.

Возможный перевод: Я с ним разговариваю.

В случае, если мы добавим полусуффикс 着 к полупредлогу 跟 в примере (14), смысл предложения полностью поменяется:

(15) 我跟着他说话。 *Wǒ gēnzhe tā shuōhuà.*

Дословно: Я следовать за он разговаривать.

Возможный перевод: Я следуя за ним, разговариваю (сам с собой, с ним, или еще с кем-то).

Если в примере (14) четко ясно, кто с кем разговаривает, то в примере (15) это можно понять только из контекста.

5. У полупредлога, в отличие от процессуального знака, не может быть отрицательной формы, полупредлоги не могут оформляться служебными знаками. Тем не менее часто из контекста можно ошибочно понять обратное.

(16) 我已经给玛丽打了半个小时的电话。 *Wǒ yǐjīng gěi Mǎlì dǎle bànge xiǎoshí de diànhuà.*

Дословно: Я уже с Мэри звонить полчаса телефон.

Возможный перевод: Я уже полчаса разговаривал с Мэри по телефону.

(17) 他不在上海学法文。 *Tā bù zài Shànghǎi xué fǎwén.*

Дословно: Он нет в Шанхай учить французский язык.

Возможный перевод: Он не учит французский язык в Шанхае.

В примере (16) непосредственно перед полупредлогом 给 употребляется служебный знак 已经, тогда как в примере (16) перед полупредлогом 在 используется отрицание 不. Однако переставив конструкцию полупредлога с дополнением в другую часть предложения, становится видно, что и служебное слово в примере (16), и отрицание в примере (17) относятся не к полупредлогам, а к процессуальным знакам:

(18) 给玛丽, 我已经打了半个小时的电话。 *Gěi Mǎlì, wǒ yǐjīng dǎle bànge xiǎoshí de diànhuà.*

Дословно: С Мэри, я уже звонить полчаса телефон.

Возможный перевод: С Мэри я уже полчаса разговаривал по телефону.

(19) 在上海他不学法文 (他学英语)。 *Zài Shànghǎi tābùxué fǎwén (tāxué yīngyǔ).*

Дословно: В Шанхай он нет учить французский язык (он учить английский язык).

Возможный перевод: В Шанхае он не учит французский язык (он учит английский язык).

6. Процессуальные знаки можно использовать отдельно, в частности, при ответе на вопрос, полупредлоги самостоятельно не употребляются [15, с. 87]:

(20) 你到北京了吗? 到。 *Nǐ dào Běijīng le ma? – Dào.*

Дословно: Ты прибыть в Пекин вопр. частица? Прибыть.

Возможный перевод: Ты прибыл в Пекин? Прибыл.

(21) 你工作到深夜吗? 工作。 *Nǐ gōngzuò dào shēnyè ma? – Gōngzuò.*

Дословно: Ты работать глубокая ночь вопр. частица? Работать.

Возможный перевод: Ты работаешь до глубокой ночи? Работаю.

В примере (20) невозможно ответить на вопрос с помощью знака 到, используемого в роли полупредлога, тогда как в примере (19) ответ дается с помощью знака 到, который здесь является процессуальным и используется в роли сказуемого.

Итак, в китайском языке существует ряд служебных знаков (полупредлогов), появившихся в результате метасемантических переходов китайских процессуальных знаков. Причины того, что процессуальные знаки развивают в себе металингвистическое значение, обусловлены особенностями китайского языка, которому характерно использование процессуальных знаков в конструкциях с несколькими сказуемыми подряд. Это со временем приводит к тому, что один из процессуальных знаков в такой конструкции постепенно теряет свое исходное значение и переходит из разряда единиц языка в разряд единиц метаязыка. При этом многие процессуальные знаки сохраняют свое изначальное значение, в результате чего в языке образуются парные элементы, идентичные в аспекте выражения, но различные в аспекте содержания.

Литература

1. Гордей, А. Н. Части языка вместо частей речи / А. Н. Гордей // Язык. Глагол. Предложение. – Смоленск, 2000. – С. 258–271.
2. Гордей, А. Н. Части языка и процедуры их разграничения / А. Н. Гордей // Пути поднебесной. – Минск, 2005. – Вып. 1. – Ч. 1. – С. 69–75.
3. Горелов, В. И. Практическая грамматика китайского языка / В. И. Горелов. – М., 1957. – 192 с.
4. Задоев, Т. П. Учебник китайского языка / Т. П. Задоев, Хуан Шуин. – М., 2002. – 756 с.
5. Иванов, А. И. Грамматика современного китайского языка / А. И. Иванов. – М., 2001. – 302 с.
6. Коротков, Н. Н. Китайский язык / Н. Н. Коротков, Ю. В. Рождественский, Т. П. Сердюченко; под ред. Т. П. Сердюченко. – М., 1961. – 135 с.
7. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – М., 1978. – 387 с.
8. Никитина, Т. Н. предлоги и союзы в древнекитайском языке / Т. Н. Никитина // Проблемы востоковедения. – 1959. – № 4 – С. 113–121.
9. Федорова, Е. К. К вопросу о природе союзов и предлогов в современном китайском языке / Е. К. Федорова // Вопросы китайской филологии; под ред. Рогачева. – М., 1963. – С. 236–249.
10. Шутова, Е. И. О грамматической роли порядка слов в китайском языке / Е. И. Шутова // Советское китаеведение. – 1958. – № 4 – С. 85–89.
11. Янкивер, С. Б. К вопросу о разграничении предлогов и союзов в китайском языке / С. Б. Янкивер // Краткие сообщения института народов Азии. – 1964. – № 68 – С. 75–81.
12. Янкивер, С. Б. Принципы разграничения предлогов и глаголов в современном китайском языке / С. Б. Янкивер // Спорные вопросы грамматики китайского языка; под ред. Г. П. Сердюченко. – 1963. – С. 131–141.

13. 现代汉语词典, 商务印书馆。— 2003。— 1767 页。
14. 现代汉语虚词词典。— 商务印书馆。— 2005。— 807 页。
15. 张斌。现代汉语虚词 / 张斌。— 华东师范大学出版社, 2002。— 315 页。
16. 朱德熙。语法讲义 / 朱德熙。— 商务印书馆, 2006。— 231 页。
17. 李晓琪。现代汉语虚词讲义 / 李晓琪。— 北京大学出版社, 2005。— 256 页。
18. 许德楠。使用词汇学 / 许德楠。— 北京, 1989。— 250 页。
19. 徐宗才。古代汉语第一册 / 徐宗才。— 北京语言大学出版社, 2003。— 351 页。

Н. Н. СКВОРЦОВА

*доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета
Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук,
доцент (г. Минск, Республика Беларусь)*

К ПРОБЛЕМЕ СОГЛАСОВАНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО СТИЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ С ТРЕБОВАНИЯМИ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫМИ К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как известно, разные культуры способствуют развитию одних индивидуальных черт и в то же время не способствуют развитию других. Индивиды, будучи носителями той или иной лингвокультуры, являются «активными субъектами своего развития» (И.Б. Бобрышева), следовательно, транслируют определенный культурно-познавательный стиль и придерживаются национальных академических стереотипов.

В современных условиях все возрастающей конкуренции на рынке образовательных услуг игнорирование различных аспектов межкультурной коммуникации, в частности «взаимодействия национальных академических стереотипов, существенных для эффективного обучения иностранным языкам» [1, с. 247], невозможно. Образовательные традиции этноса как часть культурных традиций не могут не учитываться в межкультурной коммуникации.

Между тем особенности национальных традиционных технологий обучения, характер национальных академических стереотипов, потребность согласования культурно-психологических характеристик этногруппы с требованиями учебно-познавательной деятельности – все это можно определить как проблему в случае, если речь идет о получении образования в инокультурной (иноязычной) среде. Особую остроту проблема согласования *своих* норм учебного поведения с *чужими* нормами и правилами учебно-педагогического общения, с требованиями учебной деятельности, принятыми в *иной* культуре, приобретает в контексте обучения китайских студентов русскому языку (русскому языку как иностранному) в вузах Республики Беларусь.

Учет сложившейся системы организации учебного процесса и требований, предъявляемых к учебной деятельности, продуктивное сопоставление национальных технологий обучения и норм учебно-педагогического общения, возможность преимущественного использования образовательных традиций – все это

теоретически должно относиться к представителям обеих контактируемых культур: белорусской и китайской. В действительности же наблюдается односторонний вектор, «игра в одни ворота»: как правило, китайские национальные академические традиции и особенности культурно-познавательного стиля китайских учащихся учитываются, белорусские же традиционные технологии обучения и способы организации учебного процесса, в целом, игнорируются китайским контингентом. (Данный вывод носит субъективный характер, однако заметим, что он подкрепляется многолетними наблюдениями преподавателей различных дисциплин за учебной деятельностью преимущественной части китайских студентов и сделанными на основе этих наблюдений схожими выводами.)

Преподаватели русского языка как иностранного, обучающие китайских студентов, могут перечислить практически все «сильные» и «слабые» – с точки зрения белорусских образовательных традиций – стороны китайских учащихся. Характеристики потенциала китайских студентов таковы: активность зрительного канала и развитая моторика (опора на текст, письменная фиксация и т. п.); образное ассоциирование (в отличие от вербального ассоциирования, свойственного европейским студентам [2, с. 116]); действие по образцу, т. е. сличение, сопоставление своего действия с образцом; перевод; аналогия; заучивание, повторение; конкретизация (в отличие от формально-логического абстрагирования) и нек. др. Различия между учебными тактиками, используемыми китайским контингентом, с одной стороны, и европейским, с другой, очевидны. К слову, в последнее десятилетие специалисты стремятся к тому, чтобы экспериментально установить сходства и отличия учебных тактик, объективно охарактеризовать учебный потенциал этногрупп [2]). Подобные исследования обеспечат в дальнейшем прочную научную основу развития и укрепления национально ориентированной методики преподавания русского языка как иностранного.

Констатируется, что «китайцы сильны в выполнении письменных заданий, а в аудировании и говорении они слабы» [3, с. 101]. И если это утверждение вряд ли можно оспорить, то довольно категоричное, радикальное методическое указание: «Пересказ текстов китайским студентам не задавать! Учат наизусть. Это традиция обучения в Китае» [3] – едва ли кажется оптимальным методическим решением данной проблемы. Хотя нельзя не согласиться с тем, что «о творческом продуцировании речи <...> при подобных заданиях можно забыть». Немаловажным является и вопрос оценки подобного «пересказа». Так, «за заучивание предлагается ставить «2» или словесно оформлять низкий результат» [3]. Однако исходя из рабочего определения пересказа как «*подробного* <...>

изложения, *воспроизведения* текста или его фрагментов» [4, с. 31] (разрядка наша – С. Н.) преподаватель вряд ли сможет убедительно аргументировать выставление китайскому студенту низкой оценки за так называемый «пересказ», т. е. за озвученное речевое произведение, которое является попросту заученным текстом, а не «подробным изложением» его содержания.

Между тем отказ от пересказа означает игнорирование комплекса учебных задач, которые ставит перед собой преподаватель: научить студентов выделять основную, дополнительную и избыточную информацию в тексте, извлекать не-

обходимую информацию; сжимать и расширять (свертывать и развертывать) текст; развивать тему текста за счет ввода новой информации, иллюстративного материала и т. п.; составлять вторичные тексты (аннотация, реферат); комментировать и интерпретировать высказывания автора; участвовать в беседе и дискуссии по проблематике текста и проч. Все разнообразие и весь объем текстовых материалов по учебным дисциплинам едва ли под силу выучить (наизусть!) даже китайским студентам с их развитой «зрительной модальностью» [2, с. 116] и способностью к запоминанию больших объемов информации (ср.: «Все учить на память – это у китайцев в крови» [3, с. 100]). Иными словами, при таком подходе следует отказаться от обучения различным видам работы над текстом, от обучения построению монологического высказывания репродуктивно-продуктивного характера, между тем как умение строить связное монологическое высказывание репродуктивно-продуктивного характера является одним из основных умений учебной деятельности вообще всех студентов (не только иностранных). Это входит в противоречие с требованиями, предъявляемыми к учебной деятельности иностранных студентов, равно как и с требованиями, предъявляемыми к речевой деятельности студентов на изучаемом языке. Так, на основном этапе обучения русскому языку как иностранному студенты должны уметь воспроизводить прочитанный или прослушанный текст с заданной степенью свернутости, выделяя необходимую информацию и излагая ее в определенной форме и последовательности; уметь воспроизводить прочитанный или прослушанный текст в форме тезисов, конспекта; уметь развернуть прослушанный текст по предложенному тезисному, вопросному или назывному плану; уметь аннотировать и реферировать и др.

На наш взгляд, в данном случае уместнее говорить не столько о типичных трудностях китайских учащихся и неправильно выполняемых заданиях, сколько об этапах обучения, на которых одни трудности непреодолимы, а другие могут быть с той или иной степенью успешности сняты. Так, на начальном этапе обучения студенты работают, как правило, с текстами небольшого объема. Иностраным учащимся, и прежде всего носителям китайской лингвокультуры, легче пересказать такие тексты дословно, без изменения структуры предложений, нежели передать содержание текста своими словами, направляя речемыслительную деятельность на свертывание текста на изучаемом (в данном случае – русском) языке, на перефразирование и синонимические замены. Между тем на основном и продвинутом этапах обучения, когда учащиеся готовы к манипулированию структурой предложения, целесообразность заданий, направленных на совершенствование навыков изложения текста с заданной степенью свернутости (выделение основной информации и сокращение второстепенной путем отброса или трансформации), значительно выше. При обучении использованию приемов сжатия текста, в том числе при выполнении заданий, направленных на перефразирование и замену исходного высказывания синонимичной грамматической структурой, следует обращать внимание на предложения, содержащие имена собственные, даты, статистические данные. При переформулировании таких высказываний учащиеся стремятся прежде всего сообщить конкретные данные (антропонимы, топонимы, числа и т. п.), что вполне логично: эти дан-

ные представляют для адресата наибольшую ценность и, кроме того, позволяют говорящему восстановить, воспроизвести связанный с ними фрагмент текста. К слову, это объясняется подсознательным стремлением к рациональному использованию возможностей памяти. Особое место в таком комплексе заданий занимают трансформационные действия. Принято считать, что трансформации как таковые не имеют коммуникативной цели. Применение трансформационной техники не выводит синтаксис за рамки таксономического описания: «когнитивная реальность трансформаций сомнительна», в репрезентационном плане они лишь связывают различные синтаксические структуры [5, с. 122]. Тем не менее трансформационные действия дают возможность обучаемому идентифицировать образцы (стереотипы), осознать связь грамматической формы с ее функцией и опираться в своей продуктивной речевой деятельности на выбор соответствующей формы; кроме того, трансформации иллюстрируют то, что не только отличает, но и объединяет разноуровневые языковые средства.

Веками укорененная практика заучивания и повторения китайскими учащимися чужих фраз и текстов, хорового проговаривания готовых формул, безусловно, осложняет процесс формирования речевых умений и навыков. Однако принятие тезиса о том, что успехи китайских студентов в продуцировании связного речевого произведения (в особенности монолога-описания и монолога-рассуждения) весьма скромны, не означает, что выработка навыков продуцирования текста безнадежна (как показывает наш опыт, для поляка, чеха, немца, вьетнамца, перса, араба и др. написать логичное, внутренне непротиворечивое, цельное, убедительное и грамотное сочинение/эссе на русском языке является не менее трудным заданием, чем для китайца).

Следует заметить, что, несмотря на типичные учебные тактики китайских студентов, отличающиеся от учебных тактик европейских студентов, несмотря на особенности традиционной китайской модели обучения и трудности адаптации китайского контингента к новым для них образовательным традициям и стандартам, убедительно не доказана бесперспективность интегрирования представителей китайской культуры в иную учебно-образовательную модель, не доказана принципиальная невозможность принятия китайскими учащимися чужих образовательных традиций. Также представляется сомнительной невозможность построения эффективной индивидуальной учебной траектории «идеального китайского студента» в соответствии с новыми для него правилами учебно-педагогического общения.

Таким образом, в практике преподавания русского языка китайским студентам следует не только учитывать принципиальные расхождения моделей организации учебных процессов, но и выявлять точки пересечения, зоны сближения в методических системах обучения, искать альтернативные и вместе с тем продуктивные пути решения обозначенной проблемы, что позволит избежать противоречий в плане соблюдения требований, предъявляемых к учебной деятельности студентов, с одной стороны, и учета этнопсихокогнитивных характеристик, с другой.

Литература

1. Чумак, Л. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие / Л. Н. Чумак. – М., 2009.
2. Бобрышева, И. Е. Культурно-познавательные стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному / И. Е. Бобрышева. – М., 2004.
3. Валит, Е. С. Психолингвистический, социо- и лингвокультурологический аспекты на каждом занятии. Возможно? Да! / Е. С. Валит // Актуальные проблемы организации учебного процесса и обучения иностранных граждан в высших учебных заведениях: сб. науч. ст. / редкол.: С. И. Лебединский (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – С. 96–102.
4. Величко, А. В. Русский язык в текстах о филологии: пособие для иностранных студентов-филологов I–II курсов / А. В. Величко, Л. П. Юдина. – М., 2008.
5. Баранов, А. Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Роль языка в средствах массовой коммуникации: сб. обзоров. – М., 1986. – С. 100–143.

М. С. ФИЛИМОНОВА

*старший преподаватель, аспирант кафедры восточных языков Минского государственного лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ОБУЧЕНИЕ ЧТЕНИЮ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Вследствие того, что в Республике Беларусь в последнее время стал наблюдаться растущий интерес к изучению китайского языка и он был введен в качестве образовательного предмета в школах Республики Беларусь, появилась необходимость разработки методики обучения данному языку, и, в частности, методики обучения такому важнейшему аспекту, как чтению.

В Республике Беларусь изучение китайского языка школьниками является довольно нелегким процессом. Это связано со следующими причинами. Китайский язык кардинально отличается от русского (белорусского) и всех европейских языков по многим параметрам. Фонетическая система отличается от русской целым рядом особенностей, касающихся как звукового состава, так и структуры слога. Отличия в грамматическом строе выражаются как в морфологии, так и в синтаксисе. Однако наибольшие трудности вызывает у учащихся овладение письмом и чтением иероглифов.

Согласно отечественным и зарубежным исследователям, комплексный процесс чтения состоит из трех основных аспектов: биологического, психологического и лингвистического (Д. С. Коршунов, 2012). Биологический аспект чтения включает особенности зрительного восприятия, а также устройства и функционирования человеческого мозга, обрабатывающего визуальную информацию. Изучение данного аспекта показывает, что процесс чтения не состоит из последовательного узнавания и сложения букв – это процесс во мно-

гом одновременный, при котором человек опирается на информацию, извлекаемую из фрагмента строки длиной до 17–19 букв и пробелов (McConkie, Rayner 1975), или до 5–6 иероглифов (Tsai, McConkie, 1995; Tsaietal, 2000). Изображение текста при этом воспринимается с различной степенью четкости, что, тем не менее, позволяет извлекать определенную орфографическую, фонологическую и семантическую информацию на всем протяжении функционального перцептивного поля: как в четкой, фовеальной его части, так и в нечеткой, парафовеальной (Balota, Rayner 1991; Pollatsek, Tan, Rayner 2000; Tsaietal 2004; Yan, Richter, Shu, Kliegl 2009).

Психологический аспект чтения включает общие особенности зрительного восприятия как ментального процесса, а также специфику восприятия языковых единиц. Анализ психологической литературы позволяет сделать вывод, что зрительное восприятие письменной речи с самых ранних своих этапов – с уровня «общих очертаний», еще до полного опознавания – тесно связано с семантической информацией (Величковский 1973, 1982, 2006). Здесь также более предпочтительным выглядит не последовательный, а параллельный характер процессов зрительного опознавания и понимания (Шехтер 1981; Шехтер, Потапова 2001).

Лингвистические особенности чтения заключаются в том, что данный вид речевой деятельности как процесс является частным проявлением языка как процесса (Щерба 1974; Касевич 2006). Из этого следует, что различия в языках, в их строе, графике и орфографии неизбежно влияют на специфику чтения на этих языках (Маслов 1973). При этом достаточно универсальным представляется вопрос о роли в чтении морфемы и слога. Китайский язык являет собой редкий пример непротиворечивого объединения в одной орфографической единице – иероглифе – единиц семантики, фонологии и графики.

В зарубежной лингвистике есть ряд работ, описывающие основные модели чтения иероглифического китайского языка. Это такие модели, как **модель лексических составляющих (lexical constituency model, LCM)** Чарльза А. Перфетти и Лю Ин из Питсбургского университета (США), а также Тань Лихай из Университета Гонконга (КНР), **многокомпонентная модель чтения (multicomponent model of reading)** Майкла Харма и Марка Сейденберга (Harm, Seidenberg 2004), **«треугольная модель» китайского чтения («triangle model» of Chinese reading)**. **Модель лексических составляющих (lexical constituency model, LCM)** в качестве ключевого этапа чтения рассматривают идентификацию слова и предполагает, что она возможна только тогда, когда идентифицированы три составляющих слова: орфографическая, фонологическая и семантическая, она подтверждает универсальность «тройственного союза» орфографии, фонологии и семантики для чтения. Работа **многокомпонентной модели чтения (multicomponent model of reading)** показывает, что чтение и понимание слова возможно в результате взаимодействия орфографического, фонологического и семантического компонентов, сложная комбинация признаков из которых образует определенный паттерн, являющийся распределенной репрезентацией данного слова. Она применима и к иероглифическому чтению. Данная возможность реализована в **«треугольной модели» китайского чтения**

(«triangle model» of Chinese reading), реализованной группой ученых из Китая и США. Две последние модели подтверждают важный вывод: связь написания со значением в китайском языке усваивается быстрее, чем написания со звучанием.

Несмотря на то, что в лингвистике уже описан ряд моделей чтения иероглифического китайского языка, на данный момент не существует учебных пособий, при помощи которых осуществлялось бы последовательное обучение чтению.

Мы считаем, что обучение чтению на китайском языке школьников на начальном этапе будет более результативным при условии использования современных моделей чтения, вследствие чего должна быть разработана методика обучения чтению, рассматривающая процесс объединения орфографической, фонологической и семантической составляющих всего процесса восприятия письменного текста в качестве одного из своих основополагающих принципов.

Литература

1. Коршунов, Д. С. Модели чтения и единицы чтения: поиск универсального / Д. С. Коршунов // Вестник Военного университета. – М., 2011. – № 4 (28). – С. 60–67.
2. Коршунов, Д. С. Общее и специфическое в буквенном и иероглифическом чтении: экспериментальное исследование / Д. С. Коршунов // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2012. – № 1 (36). – Т. 1. – С. 71–76.
3. Коршунов, Д. С. Психолингвистические модели чтения в буквенных и иероглифических языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Д. С. Коршунов. – М., 2012. – 190 с.
4. Тен, Э. Г. Обучение чтению на иностранном языке в младших классах средней школы (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Э. Г. Тен. – СПб., 1997. – 179 с.
5. Чеснокова, Е. В. Дифференцированное обучение младших школьников иноязычному чтению (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. В. Чеснокова. – Екатеринбург, 2004. – 206 с.

Т. А. ФОМИЧЕВА

*преподаватель, аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока
Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)*

ПРИМЕРЫ НЕВЕРНОЙ ПЕРЕДАЧИ ХРИСТИАНСКИХ ПОНЯТИЙ В ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Перевод Нового Завета на китайский язык столкнулся с большими трудностями при передаче сакральной терминологии, в первую очередь так называемых ключевых понятий, то есть терминов, для которых нет прямых эквивалентов в китайском языке или же найти для них замены проблематично. Самой большой трудностью явилось отражение адекватными средствами китайского языка понятий, связанных с христианством и с совершенно иной культурой. При переводе таких терминов на китайский язык возможно использование раз-

личных средств. Следует отметить, что наблюдается максимальное использование внутренних ресурсов языка и создание терминов-неологизмов, включая и описательные термины-словосочетания.

На сегодняшний день существует довольно большое количество переводов Библии на китайский язык, которые были выполнены представителями различных христианских конфессий, как иностранцами, так и китайцами. Несмотря на длительную историю библейских переводов в Китае (первые христианские тексты на китайском языке датируются VII в. н. э.), единой переводческой стратегии не выработано до сих пор. Как следствие, отсутствие в китайском языке стандартизированной библейской лексики привело к смешению понятий, неоправданному расширению или сужению смысла, а так к трудности в понимании истинного смысла христианского учения.

Так, незнание значений иероглифов зачастую приводило к неверному выбору того или иного знака при транскрипции антропонимов. Примером использования неподходящих знаков в религиозной литературе является передача имени «Иисус» при помощи оскорбительного сочетания 移鼠 *Yishǔ* ('перемещать' + 'крыса') в несторианском памятнике VII в. «Канон Иисуса Мессии» [1].

Рассмотрим перевод епископа Переяславского Иннокентия 伊伊穌斯 *Yīyīxūsī* [2]. За основу было взято русское слово «Иисус», которое, в свою очередь, являет собой транскрипцию греческого Ἰησοῦς. Иероглиф 伊 *yī* многозначен: это и личный тайген \ ёген¹, и начальная частица 'только', 'лишь', и ёген со значением 'останавливать', 'задерживать'. Однако на сегодняшний день чаще всего он применяется в именах собственных, как в исконно китайских (например, 伊水 'Ишуй' – река в пров. Хэнань), так и для транскрипции иностранных (например, 伊斯兰教 *yīslánjiào* 'ислам'). В связи с этим, возникает опасность восприятия Иисуса как последователя мусульманской веры. Несомненно, мусульмане почитают пророка Ису (Иисуса Христа), хотя для христиан Он, конечно, имеет намного большее значение. Кроме того, в современном китайском языке редуцированное 伊 *yī* имеет значение 伊伊 *yīyī* 'жужжать'. 斯 *sī* 'этот', 'тот' также применяется для транскрипирования топонимов и антропонимов (например, 莫斯科 *Mòsīkē* 'Москва').

Использование исконно китайских терминов, которые к тому времени уже имели свою, особую окраску, привели к путанице в сущности самих названий, к невозможности правильно понять смысл и идеи христианства.

Так, несторианский миссионер Алобэнь в «Каноне Иисуса Мессии», (начало VII в. н. э.) впервые использовал термины 天尊 *Tiānzūn* ('Небесный Достопочтенный') и 佛 *Fó* ('Будда', в широком смысле – 'божество') [4, р. 10–11]. Несторианские миссионеры для обозначения христианского Бога часто использовали уже имевшиеся в китайском лексиконе буддистские категории. Так, например,

¹ Части языка подразделяются на обозначающие индивид тайгены (от яп. 体言 – стабильное слово), например: *стол, восемь, мы* и обозначающие признак индивида ёгены (от яп. 用言 – подвижное слово), например: *бежать, коричневый, смело* [3, с. 21].

термин 诸佛 *zhūfó* относится к ветхозаветному понятию об ангелах, в то время как его традиционное буддистское значение – 'все будды'.

Возможно, это способ адаптации христианского учения к китайским реалиям, попытка наиболее простыми словами описать сущность несторианства. По другой версии, такой характер ранних христианских текстов связан с тем, что к работе над переводами несторианские миссионеры привлекали образованных китайских буддистов.

Широкое использование буддистской терминологии не только способствовало культурной ассимиляции несторианства, но и растворяло его в доминирующе буддистском религиозном окружении. Ведь даже высокообразованному китайцу времен династии Тан, хорошо знакомому с буддизмом, но не имевшему ни малейшего представления о христианстве, было довольно трудно вникнуть в суть западной религии. Термин 佛 *Fó* мог восприниматься как Будда, а не как христианский Бог, а 诸佛 *zhūfó* как «все будды», а не как ангелы. Вследствие этого, возникало ложное представление о сути христианского учения.

Тем не менее, термины, имеющие традиционную окраску встречаются и в переводах XX в. Например, Янь Фу в своем литературном переводе Евангелия от Матвея обозначает «грехи» термином 罪业 *zuìyè* [5], который, в соответствии с буддийской традицией, обозначает неблагоприятную карму, карму страдания. Таким образом, происходит смешение понятий и утрата должной культурно-исторической составляющей.

Встречаются также случаи неверного подбора функционального аналога. Так, строфу 23 2 главы Евангелия от Марка «И случилось Ему в субботы проходить через посеы...» Янь Фу переводит как «他日值安息，耶稣行稻田间...» [5]. Для носителя китайской культуры 稻田 *dàotián* ('заливное рисовое поле') – неотъемлемая часть повседневной жизни, но вряд ли этот термин можно применить в произведении, описывающем события, происходившие на Африканском континенте.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: попытка миссионеров адаптировать библейские термины под китайскую модель мира повлекла за собой смешение религиозных представлений двух традиций. Неточности в переводе и использование исконно китайских терминов, которые к тому времени уже имели свою, особую окраску, привели к путанице в сущности самих названий, к невозможности правильно понять смысл и идеи христианства.

Литература

1. Ломанов, А. В. Раннехристианская проповедь в Китае / А. В. Ломанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ricolor.org/rz/kitai/mp/8/>. – Дата доступа: 06.10.2012.
2. 正教会圣经 // Orthodox church in China [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access: <http://www.orthodox.cn>. – Date of access: 20.09.2012.

3. Гордей, А. Н. Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, 28 марта 2008 г. / БГУ. – Минск, 2008. – С. 19–24.
4. Toshikazu, S. F. Biblical Translation in Chinese and Greek. Verbal Aspect in Theory and Practice / S. F. Toshikazu. – Boston, 2009. – 477 p.
5. 关于严复翻译的《马可福音》 // 豆瓣 [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access: <http://www.douban.com/group/topic/7920610/>. – Date of access: 10.10.2012.

翟洪云

讲师博士在读

明斯克国立语言大学孔子学院

(明斯克白俄罗斯)

汉语亲属称谓语的泛化及对外汉语教学

称谓语是人际交往之间用作称呼的语言。《现代汉语词典》把称谓解释为“人们由于亲属和其他方面的相互关系，以及身份、职业等而得来的名称，如父亲、师傅、厂长等。”在言语交际中，称谓语最先给对方传达一定的信息。恰当的称谓能为交际的顺利铺平道路。

汉语称谓语系统一般分为两大子系统：亲属称谓语系统和社会称谓语系统。亲属称谓语是指用于有亲属关系的人们之间的称谓语。汉语的亲属称谓语数量众多，且非常细化。据刘超班先生的研究，汉语现代标准亲属称谓语共363个，其中父系245个，母系65个，妻系44个，夫系9个。亲属称谓语的语义功能也非常细密，可以区别直系与旁系、血亲与姻亲、长辈与晚辈、年长与年幼、近亲与远亲等。

一、亲属称谓语的泛化现象

亲属称谓语的泛化是指在人际交往中对非亲属成员冠以亲属称谓，又称拟亲属称谓或类亲属称谓。心理学家指出，人们对别人怎样称呼自己十分看重，所以选用适当的称谓语能使对方产生相容心理，融洽感情，使谈话畅通。汉语中对非亲属成员使用亲属称谓的频率非常高，亲属称谓语的泛化可以说是汉语的一大特色。如“警察叔叔”、“王阿姨”、“张爷爷”、“李大哥”、“空姐”、“军嫂”、“的哥”、“打工妹”等，甚至扩大到非人称的事物，如“老天爷”、“太阳公公”、“母语”、“母校”、“姐妹城市”、“兄弟院校”等等。据潘攀(1998)的研究，在口语中较为定型的泛化称谓有15个。对非亲属成员使用亲属称谓，主要目的是为了缩短彼此之间的感情距离，以便容易交流，同时也为了表明说话人尊敬、亲昵、谦和等感情色彩。

二、泛化后的亲属称谓语的运用

亲属称谓语泛化后主要运用于以下的一些情况：

一是应用于邻居、同事等自然关系的人群中。邻居是由地缘关系形成的群体。中国人称呼邻居一般所用的词是：刘叔、张阿姨、李爷爷、王奶奶等,只不过是在亲属称谓语前面加上了对方的姓氏,用以表明对方与自己没有血缘亲属关系。同事是现代社会关系中很重要的一类。一般情况下,人们可以用职务或职位称谓称呼对方,但要想表现彼此之间关系较密切,就要使用“刘叔”、“李姨”、“王哥”、“赵姐”一类的称呼。

二是应用于同学、师生中。同学关系一般被看成是最真诚、最友好、最纯洁的人际关系。在同学关系中经常使用泛化的亲属称,如“X(谈话对象名字或名字中的一个字)姐(哥)”,同寝室的同学,常按年龄排序,以兄弟姐妹相称,上下届学友,在一些场合会自觉地互认为“师兄”、“师弟”等。学生对老师、导师,一般不用亲属称谓语,但对老师的妻子,不称其为“师母”,同一导师的学生之间互称为“师兄”、“师弟”、“师姐”、“师妹”等,有如一家人。

三是应用于朋友关系中。中国古人认为人际交往中最重要的五种人伦关系为:君臣、父子、夫妇、兄弟、朋友。可见人们是非常重视朋友关系的,所以朋友之间最好的称谓自然是“兄弟”“姐妹”。现代人仍然十分看重朋友关系,许多人都信守“多个朋友多条路”的信条。在社交过程中,人们注意广交朋友,而一旦成为朋友,常以兄弟姐妹相称。如果直称姓名,好像有一种疏远感。

三、泛化的亲属称谓语与对外汉语教学:

很多留学生对使用泛化的汉语亲属称谓感到疑惑,排斥中国人对没有亲属关系的人使用亲属称谓语。对同学称其为兄弟姐妹,对邻居称其为叔叔阿姨,这种现象在白俄罗斯人眼里是难以理解、难以接受的:毫无亲属关系的人为什么要这样称呼呢?造成这一问题的深层原因就在于母语与汉语之间的文化冲突,文化的负迁移给学生学习泛化的汉语亲属称谓语带来了困难。

还有就是对亲属称谓语的过度泛化。例如,有的学生在了解了对同学、同事可以使用“XX 兄、XX 姐”称谓会显得亲切之后,就广泛使用。他们不知“XX 兄、XX 姐”等称谓多用于非正式、已经比较熟悉、比较亲近的场合。当同学之间的关系还不够熟悉,不够亲近时,使用泛化的亲属称谓语会给别人一种不自然、过度拉关系的感受,也使身份庄重的人感到不受尊敬。

如何教学生泛化的汉语亲属称谓语呢?试谈谈如下几点见解:

1、克服跨文化交际中对母语的文化依赖。母语文化对学生的影响根深蒂固,对目的语的文化认同矛盾当然也就普遍存在了。我们不能要求他们像中国人一样自如地使用泛化的亲属称谓语。在泛化的汉语亲属称谓语教学中,可从引导、帮助他们认识、理解、欣赏中国文化中的亲属称谓习惯入手,鼓励他们尽可能地运用汉语称谓方式进行交际。例如可以通过介绍家庭、亲戚在中国文化中的特殊地位,让学生了解中国人以家庭为中心的价值取向,进而理解用亲属称谓语来称呼陌生人的积极作用,既非亲属称谓语的使用似乎把对方看作了自己的家人,这样双方之间就有了心灵的温暖,心理距离就拉近了,形成了良好的交际开端。

2、通过对比掌握汉语称谓语的泛化特点

由于历史、文化的差异,各种语言都有自己特殊的称谓系统和使用规则。我们可通过中俄亲属称谓语泛化的差异比较,帮助学生更好地理解汉语亲属称谓语的泛化特点。俄语中也有亲属称谓语的泛化现象,共有 10 个亲属称谓语被泛化了:爷爷(дед)是用于对老年男同志的自然的、亲切的称呼、奶奶(баба)是用于对年老女同志的自然的、亲切的称呼、母亲(мамаша)是俗语中对中年女人或与年纪较大的女人亲切的称呼、父亲(папаша)是俗语中对中年男人或与年纪较大的男人亲切的称呼、叔叔(伯伯)(дядя)是典型的年幼的孩子对不认识的成年男子的称呼、阿姨(тетя)是典型的年幼的孩子对不认识的成年女子的称呼、兄弟(братец)是俗语中对与自己年龄相仿或比自己年轻的男子友好的称呼、姐妹(сестрица、сестренка)是俗语中对与自己年龄相仿或比自己年轻的女子友好的称呼、女儿(дочка)是俗语中对年轻女子或小姑娘亲切的称呼、儿子(сынок)是俗语中对年轻男子或小男孩亲切的称呼)。比较汉俄语中被泛化了的亲属称谓语,不难发现有很多是相同的,如爷爷、奶奶、妈、兄弟、姐妹、叔叔(伯伯)、阿姨。通过比较,学生就可以较轻松地掌握泛化了的汉语亲属称谓语。

而且相对于汉语来说,俄语中亲属称谓泛化的变体较为简单,数量较少(见上一小节)。另外,泛化的亲属称谓在俄语中的使用频率相对较低,使用场合一般只在非正式场合。即使是在非正式场合,俄语中称呼认识的长辈也常用名字+父称而非泛化的亲属称谓。如在中国到同学或朋友家去做客,可以称呼同学或朋友的父母为叔叔、阿姨,这是一种既礼貌有亲切的称呼,而这种称呼在俄罗斯却不适用。白俄罗斯人到同学或朋友家去,一般用名+父称(Татьяна Андреевна, Иван Иванович)称呼对方父母是最礼貌的。

3、结合语境进行教学

进行泛化的汉语称谓语教学的根本目的是提高学生的言语交际能力,因此教学的内容不能脱离一定的交际语境,特别是泛化的亲属称谓语更是讲究交际语境。通常教师可以在课堂上设置某种交际语境:去邻居家借自行车、去朋友家作客、向年老的人问路等。交际时要求学生根据语境选择合适的泛化了的称谓语。

对外汉语教学中泛化的亲属称谓的教学不是一朝一日可实现的,这一内容的教学应贯穿对外汉语教学的全过程,特别是汉语教学的中高级阶段。

泛化的亲属称谓语	称呼对象	变体
(~)爷	敬称祖父辈且年纪与祖父相当的男性	甲: 爷爷、姓+ 爷爷、姓+ 大爷; 乙: 大爷、老大爷、老爷爷; 丙: 说话人之子女/孙之名+他/她+爷爷

(~)奶奶	敬称祖母辈且年纪与祖母相当的已婚女性	甲: 奶奶、夫姓+ 奶奶、本姓+ 奶奶; 乙: 老奶奶; 丙: 说话人之子女/孙之名+他/她+奶奶
(~)伯	敬称父亲辈且年纪比父亲大的男性	甲: 伯伯、姓+伯伯、姓+伯、姓+ 大伯; 乙: 老伯、大伯; 丙: 伯父
(~)叔	敬称父亲辈且年纪比父亲小的男性	甲: 叔叔、姓+叔叔、姓+叔、姓+大叔; 乙: 老叔、大叔; 丙: 说话人之子女/孙之名+他/她+叔; 丁: 职业类名+ 叔叔
伯母	敬称母亲辈且年纪与母亲相当的已婚女性	伯母
(~)妈	敬称母亲辈且年纪与母亲相当的已婚女性	甲: 大妈; 乙: 本姓+ 大妈; 丙: 本姓+妈、本姓+妈妈
(~)娘	敬称母亲辈且年纪与母亲相当的已婚女性	甲: 大娘; 乙: 本姓+大娘*
(~)婶 (儿)	敬称母亲辈且年纪比母亲小的已婚女性	甲:大婶(儿); 乙: 夫姓+婶(儿)、夫姓+大婶(儿); 丙:说话人之子女/孙之名+他/她+(大)婶(儿)
(~)姨	敬称母亲辈且年纪与母亲相当的女性	甲: 阿姨; 乙: 本姓+姨、本姓+阿姨
(~)哥/ 兄	敬称同辈且年纪比自己大/相当的男性	甲:大哥、老兄、仁兄; 乙:姓+哥/兄、名+哥/兄; 丙: 大哥哥;

		丁: 哥们儿
(~)嫂	敬称同辈且年纪比自己大/相当的已婚女性	甲: 大嫂; 乙: 夫姓+嫂、夫姓+大嫂
(~)姐	敬称同辈且年纪比自己大/相当的女性	甲: 大姐; 乙: 大姐姐 丙: 本姓+大姐、本姓+姐、名+姐; 丁: 姐们儿
(~)兄弟	称呼同辈且年纪比自己小的男性	甲: 兄弟、兄弟们; 乙: 小兄弟; 丙: 姓+兄弟、姓+家+兄弟
(~)弟	称呼同辈且年纪比自己小的男性	甲: 贤弟; 乙: 老弟、小老弟; 丙: 姓+老弟; 丁: 小弟弟
(~)妹	称呼同辈且年纪比自己小的女性	甲: 妹子、大妹子; 乙: 本姓+家+大妹子; 丙: 小妹妹

*“(~)妈”和“(~)娘”在地域分布上有互补的倾向, 北方多用“(~)娘”, 南方多用“(~)妈”。

参考文献:

1. 现代汉语词典。— 北京: 商务印书馆, 2008。— 170 页。
2. 刘班超。中华亲属辞典·中华亲属标准称谓语简表 / 刘班超。— 武汉: 武汉出版社, 1991。
3. 潘攀。论亲属称谓语的泛化 / 潘攀 // 语言文字应用。— 1998。— 第 2 期。
4. 卢慧。汉俄亲属称谓泛化的差异比较 / 卢慧 // 成都教育学院学报。— 2005。— 第 4 期。

Я. В. ШЕКЕРА

*доцент Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
кандидат филологических наук, доцент (г. Киев, Республика Украина)*

БУДДИЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ОУЯН СЮ (1007–1072 гг.): ГЕРМЕНЕВТИКА ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Поэтический мир китайского художника для западного исследователя погружен во весь комплекс мировоззренческих и морально-этических принципов, которые возможно исследовать только через иероглифический текст как проявление этого мировоззрения; идеограммы как составляющие любого текста отражают картину миропонимания. Поэтому важной является проблема адекватности восприятия этого текста, после чего возможно углубление иностранного исследователя в мир поэта, а значит, и культурную среду Китая – как в целом, так и исследуемого периода. В данном исследовании мы выходим из той предпосылки, что текст – это особое речевое, системно-структурное образование, за идеограммами которого стоят определенные элементы вэнь-культуры (文), являющиеся одновременно факторами формирования морали, сознания, этики и т. д. традиционного китайского общества. Только через анализ идей соответствующих идеограмм возможно раскрытие кодов мышления (культурных кодов) и мировосприятия китайцев, а значит, становление на путь-Дао китайского бытия.

Для адекватного понимания любого иероглифического текста необходимо осуществить этимологический (языково-культурологический) анализ его составляющих – идеограмм. Однако понятно, что подобное скрупулезное исследование каждого иероглифа будет занимать десятки, а то и сотни страниц. Цель данного исследования – показать, как именно внутреннее наполнение иероглифа (его идея, а не значение) влияет на образную картину поэзии в целом; путем этимологического анализа попытаемся раскрыть глубинные смыслы поэтического текста мыслителя и писателя Оуян Сю (欧阳修) начала династии Сун. Ключевой базой наших изысканий являются данные первого китайского этимологического словаря иероглифов «Шовэнь цзецзы» («说文解字»), составленного Сюй Шэнем в нач. II в. (используем его электронный вариант [1]), а также основательная работа по этимологии иероглифов французского исследователя Л. Виже [2]. Будем также использовать «Большой китайско-русский словарь» [3] и китайский «Пиктографический словарь иероглифов» [4], имеющиеся в сети Интернет.

Прежде чем начать анализ буддийских стихов Оуян Сю, кратко охарактеризуем положение буддийского учения в период жизни мыслителя. Главная черта сунского буддизма, переживающего период своего расцвета, – это его существенная демократизация, выход из монастырей и приближение к жизни народных масс. Так, еще наставник Хуэйнен (慧能, 638–713) во времена Тан пропагандировал самосовершенствование и приближение к истине, а также

мгновенное озарение («стать буддой можно и дома, для этого не обязательно идти в монастырь»); при династии же Сун буддийское учение всецело овладевает народным сознанием. В то же время упрощаются процесс и методы самосовершенствования, а также способы пропаганды буддийского вероучения. В частности, появляются последователи буддизма, не принявшие пострижения (居士), – они занимались самосовершенствованием и шли к буддийской истине в миру, одновременно выполняя общественные функции (таким был, например, известный поэт, каллиграф и художник Су Ши, 1037–1101). Подобное «мирское отшельничество» ценилось гораздо больше, чем бегство от общества в монастырь или в горы.

Выходец из конфуцианской семьи, долгое время Оуян Сю был ревностным сторонником конфуцианства, он поносил буддизм, получивший отклик в сердцах тогдашнего чиновничества. Изменить свое мнение мыслителя заставили трактаты буддийского наставника Ци Суна (契嵩禅师), который в 7-летнем возрасте покинул дом, а в 19 лет, по преданию, уже постиг Дао. Его учение одобрял император Жэньцзун, который наградил Ци Суна титулом «Великий учитель, дающий мудрые наставления» (明教太师). Ознакомившись с писаниями наставника, Оуян Сю сказал: «Вот неожиданность! Среди монахов есть такой, как этот, дракон и слон (аллегорическое название буддийского бонзы – Я.Ш.)!» После общения с учителем поэт окончательно убедился в истинности буддийского (чаньского – 禅宗) учения.

Однажды Оуян Сю отправился на гору Суншань (嵩山, в провинции Хэнань, одна из священных гор даосизма), где встретил старого монаха, вдохновенно читающего сутры. Поэт спросил: «Слышал, что некоторые буддийские бонзы перед смертью могут предсказывать будущее. Почему?» Монах ответил: «Это – сила созерцания и мудрости (парамиты)». «Но почему обычные люди не способны к этому?» – «Мудрые люди – разве они могут перед смертью быть не целостными, а панически разбросанными? Не цельные люди – разве перед смертью они могут быть мудрыми?» Оуян Сю все понял: исповедание чань-буддизма ведет к интуитивному ощущению целостности окружающей среды и, что важнее, единства собственной личности с окружающим миром (шире – со Вселенной); подтверждается восточная жизненная модель «я в природе» (в отличие от западной модели «я и природа»). Однако, вскоре после осознания этой истины Оуян Сю стал цзайсяном (宰相 первый министр; канцлер), оставаясь все же верным сторонником буддийского учения, ведь именно оно помогло ему понять истинный смысл жизни и навсегда избавиться от сомнений.

После того, как Оуян Сю стал сторонником буддизма, его стихи стали выражать чаньскую истину. Имея большой авторитет в государстве, поэт способствовал таким образом распространению буддийского учения среди народных масс. Кстати, именно апологеты чань считаются основными распространителями произведений литературы и искусства в эпоху Сун. Следует отметить, что буддийские темы Оуян Сю поднимал только в поэзии ши (诗), ведь цы (词) были в большей степени аристократическим жанром. То, как в стихах ши с помо-

шью подтекстов раскрывается внутренний мир поэта, мы и попытаемся показать в данном исследовании.

Чрезвычайно ярко изобразил Оуян Сю собственное понимание сути буддийского учения в цикле «Пятнадцать стихотворений на тему “Путешествую в Лунмэнь”» (《游龙门分题十五首》), написанном в 1032 г.. Рассмотрим первое стихотворение цикла под названием «Ночую в монастыре Гуанхуа» (《宿广化寺》), описывающее путь автора к храму. Приведем оригинал и подстрочный перевод.

横槎渡深涧，披露采香薇。

樵歌杂梵响，共向松林归。

日落寒山惨，浮云随客衣。

Гребня, переправляюсь через глубокий ручей,

Стряхиваю росу, собираю душистый горошек.

Песня лесоруба накладывается на буддийские молитвы,

Складываю руки (для приветствия), возвращаюсь в сосновый лес.

Солнце садится, холодные горы унылые,

Плывущие облака сопровождают одежду странника.

На первый взгляд, буддийские стихи Оуян Сю ничем не примечательные – это обычные, казалось бы, живописные описания окружающей среды, в которой непременно присутствует сам поэт как наблюдатель или как участник изображаемых событий. Однако в такой «тривиальности» и кроется суть: созерцание чань (禅), ведущее к постижению истины, происходит, тем не менее, без нарочитой концентрации на объекте (无念), ведь такое сосредоточение неизбежно привело бы к тем или иным ложным представлениям (скандхи), а они являются препятствиями на пути к просветлению. Специфика ложных представлений обусловлена природой нашего разума, который всегда положительно или отрицательно оценивает окружающее; постижение же истины, согласно буддизму, должно сопровождаться восприятием объективного мира чистым, незапятнанным стереотипами и оценками сознанием. В анализированном стихотворении поэт описывает окружающие его предметы и явления постепенно (по мере развития событий и их восприятия органами чувств), без обдумывания-прогнозирования будущего, равно как и без видимого сожаления о прошлом. Описанные события происходят дорогой в монастырь Гуанхуа (Широкое Претворение), где должен заночевать лирический герой. Под предметным планом изображения (художник рисует картину «здесь и сейчас», что было неотъемлемой чертой творчества чаньских мастеров) разворачивается образно-подтекстовая картина, которую рассмотрим, учитывая традиционные и авторские символы; также осуществим этимологический (языково-культурологический) анализ ключевых лексем каждой строки, что позволит понять скрытые смыслы поэзии.

В первой строке (横槎渡深涧) имеем: вода – символ текучести времени, река или ручей (涧) – временной и территориальный маркер между «этим» и «тем» («маргинальным», внеземным) мирами, в контексте поэзии Оуян Сю –

между миром светским и религиозным. Следовательно, поэт, преодолевая текучесть времени, входит в духовный мир буддизма: несмотря на то, что явного указания на потусторонний мир, в котором отсутствует дихотомия «жизнь – смерть», не имеется, сам факт перехода ручья лирическим героем воспринимается как стремление достичь противоположного берега (彼岸). То, что ручей глубокий (深), свидетельствует о громадной пропасти между мирской суетой и духовным бытием монастыря, к которому стремится лирический герой. Проанализируем (с этимологической точки зрения) иероглиф 涧 ручей, являющийся ключевым в этой строке. Словарь «Шовэнь цзецзы» объясняет: 涧, 山夹水也。Цзянь – это вода, зажатая между горами. Составляющая идеограмма 间 имела древнее написание 間, идея которого заключалась в том, что сквозь створки дверей (门) проглядывала луна (月), которую позже заменили солнцем (日). Л. Виже отмечает, что такая замена обусловлена обычным упущением переписчиков; парадигма значений 間 – щель; бездействовать; досуг и др. [2, с. 165] (кстати, еще одним упрощенным вариантом идеограммы 間 является слово 闲 современного китайского языка). Образная нагрузка ручья, текущего в горном ущелье (ассоциативная связь со значением щель, промежуток здесь очевидна), связана с женским началом инь (阴, ассоциация с элементом «луна») и корреспондируется с эпитетом «глубокий»: речь идет, очевидно, о глубокой и таинственной (скрытой, внутренней) пропасти между светским и духовным мирами, в которых одновременно существует лирический герой.

Образ росы (露) во второй строке стихотворения (披露采香薇) – символ быстротечности, мимолетности жизни. Страхивая ее, автор будто освобождает собственное сознание от этого ментального бремени, прикасаясь к вечному. Образ пахучего дикого горошка (香薇) не является традиционным в китайской литературе, однако, учитывая позитивную коннотацию душистых трав (香草) еще в «Лисао» Цюй Юаня (339–278 до н. э.), – а образная коннотация нередко заимствовалась поэтами и кочевала по художественным произведениям, – можем предположить, что в жизни (ручей) Оуян Сю отыскивает настоящие таланты, истинных благородных мужей. Выполним этимологический анализ иероглифа 露 роса, ведь именно он, по всей видимости, несет наибольшую смысловую нагрузку. В «Шовэне» пишется: 露, 润泽也。Лу – это «влажный, полон воды». Цинский комментатор словаря Дуань Юйцай (1735–1815) добавляет: 五经通义曰: 和气津凝为露。蔡邕月令曰: 露者, 阴之液也。按, 露之言腠也。故凡陈列表见于外曰露。В трактате «Общие принципы “Пятикнижия”» говорится: влага мирного ци застывает и становится росой. Цай Юн в произведении «Времена года» пишет: роса – это жидкость инь. От этого происходит значение «кожа» (или «живот»). Поэтому упорядоченное извне называется этим словом. Под «мирным ци» (和气) здесь, очевидно, имеется в виду совокупная энергия ци двух противоположных начал мироздания ян и инь (阳气 и 阴气), объединяющаяся между Небом и Землей и порождающая все вещи (万物). Цай Юн же видит происхождение росы иначе: ее иньская природа обусловила то, что этот

иероглиф расширил свою коннотацию и стал обозначать действие «показывать, проявлять» (ср. лексему современного языка 表露). Подобное расширение семантического поля можно объяснить тем, что роса как иньская субстанция (внутренняя, содержательная сторона предмета или явления) вызывает ассоциации с упорядочиванием внешнего через внутреннее (взаимосвязь и взаимозависимость противоположностей инь и ян). Наличие элемента 路, который традиционно считают фонетиком, здесь неслучайно: его нагрузка обусловлена непониманием таинственного явления возникновения и исчезновения росы и, следовательно, верой в то, что роса ночью приходит с неба на землю (небесная вода представлена элементом 雨, в котором горизонтальная – обозначает небо), а утром возвращается обратно, как бы «посетив» землю. Элемент 路, имеющий значения дорога; маршрут; проходить и др., и воплощает эту идею. Таким образом, роса является материализацией объединенной энергии ци неба и земли, о которой говорилось выше: небесная ци «путешествует» на землю, смешивается с земной ци и возвращается обратно. По сути, этот процесс повторяет традиционные представления китайцев об оплодотворении небом-ян земли-инь с помощью капель дождя, что отражено графически в иероглифе 雨. Как видим, символическая нагрузка росы (быстротечность жизни) во второй строчке анализированного стихотворения обусловлена совокупной идеей составляющих иероглифа 露: созидательная энергия жизни быстро меняется, циркулируя между Небом-Землей, – подобным образом и сама жизнь изменяет свои формы в том же пространстве. Совмещая указанные идеи с образным подтекстом стихотворения Оуян Сю, делаем вывод: лирический герой мыслит себя в огромном жизненном пространстве между Небом-Землей, он «страхивает», устраняет изменчивость и текучесть бытия, приобщаясь к вечному, представленному здесь буддийской истиной.

В третьей строке (樵歌杂梵响) голоса дровосека и буддийских монахов олицетворяют два мира, о которых говорилось выше; пересечение и наложение этих звуков друг на друга (杂) свидетельствуют о переплетении мирского и духовного в жизни лирического героя стихотворения (вероятно, самого Оуян Сю). Проанализируем иероглиф 杂 смешанный, пестрый; перекрещиваться, пересекаться, который выступает ключевым в этой строке. Традиционный вариант его написания – 雜 (襍). «Шовэнь» поясняет: 五采相合也. Это связь (сочетаемость) пяти цветов. Иероглиф состоит из элементов 衣 одежда и 集 собираться вместе (древнее написание 彙, идея: много птиц садятся на дерево). Как видно, понятие «разнообразный, пестрый» раньше передавали через конкретное изображение разноцветной одежды (пять основных цветов представляют идею пяти первоэлементов, т. е. – хаотичности, разнообразия бытия). Употребление в строке лексемы 杂 (雜, 襍) свидетельствует о хаотичном смешении, пересечении в реальной жизни китайцев двух миров, о которых говорилось выше.

Интерпретация четвертой строки стихотворения (共向松林归) весьма противоречива. Судя по грамматико-синтаксическому построению второго двустишия (строки 3–4), надо полагать, что подлежащим в четвертой строке явля-

ются голоса дровосека и монахов, которые вместе возвращаются к сосновому лесу. Однако подобное толкование не совсем логично, ведь изображаемые события, очевидно, именно в этом лесу и происходят. Лексема 归 возвращаться в контексте чаньской поэзии имела скрытую коннотацию смерти, т.е. возвращения к исходному небытию, являющемуся источником порождения всего сущего, а значит – промежуточным этапом между предыдущей и последующей жизнями (буддийская теория реинкарнации). Учитывая глубинную идею рассматриваемой поэзии, можем утверждать, что ключевое слово 归 касается лирического героя: речь идет о взывании поэта через буддийское учение к истине (а небытие как основа основ и считалось истиной). Неслучайно лирический герой возвращается именно к сосновому лесу, ведь сосна – это традиционный символ духовной стойкости, неизменности идеалов, жизненной силы и долголетия. Что касается лексемы 共, то одно из ее значений – «складывать руки в знак приветствия» (вместо 拱, см. [3]). В связи с этим возможна следующая интерпретация рассматриваемой строки: услышав молитвы монахов, лирический герой благоговейно отдает дань буддийскому храму и направляется к нему.

Но вернемся к ключевому в этой строке иероглифу 归 и выполним его этимологический анализ. Традиционный вариант написания – 歸. Объяснение «Шовэня» предельно кратко: 女嫁也. Женщина выходит замуж. В традиционном варианте сочетаются идеограммы 婦 (упрощ. 妇) женщина, 止 останавливаться (изображение ноги, которая, являясь основой человека, ассоциировалась с растущей травой) и 厶 накапливать, складывать (изначально – обозначение земляной горы). Считается, что элемент 厶 выступает здесь фонетиком (чтение duī), однако его присутствие не может быть случайным: возможно, подразумевалось заведение («накопление») нескольких жен, которые, остановившись (止) в доме мужа, будто возвращались домой. Как и большинство иероглифов китайского языка, лексема 归 (歸) значительно расширила свое первоначальное значение: возвращаться на небо (умирать); восстанавливать; уходить с поста; собираться вместе; тенденция и т. д. [5]. Итак, этимологическая связь рассматриваемого иероглифа с женщиной (ипостась инь) вновь возвращает нас к идее скрытого, внутреннего, невидимого: лирический герой поэзии углубляется в собственный внутренний мир, возвращается к своему «Я», чтобы остановиться (止) там и воспринять с позиций чистого разума объекты и явления окружающей среды, а через них (т. е. внешнее, янское) – и собственную сущность.

В пятой строке (日落寒山惨) закат солнца ассоциируется со старостью (традиционная образная коннотация), завершением жизни, а следовательно – приобретением мудрости. Словосочетание 寒山 холодные горы может либо указывать на естественное состояние гор, либо служить ассоциацией с: 1) мифическими Ханьшань, расположенных на севере Китая («Чуские строфы», из стихотворения «Великий призыв», «大招»: 魂乎无北! 北有寒山, 遑龙翫只. Душа не на севере! На севере есть только Ханьшань и голая гора Чолун); 2) танским поэтом-монахом Хань Шанем (寒山子, ок. 691–793); 3) горным мас-

сивом Тяньтай (天台山, провинция Чжэцзян), где, оставив суетный мир, жил отшельником Хань Шань на вершине Ханьянь (寒岩 холодная скала). Последняя ассоциация (вытекающая, в свою очередь, из второй) наводит на мысль о тяньтайской школе буддизма, адепты которой большое внимание уделяли так называемой природе Будды (佛性), присущей всем без исключения объектам и явлениям окружающей среды. Эта «буддовость» отождествляла предметы и явления бытия друг с другом и даже с самим Шакьямуни, а следовательно, делала их божественными. Согласно тяньтай, «истинная реальность [...] является единым абсолютным сознанием, в котором существуют все миры и вселенные, в свою очередь взаимопроникающие друг в друга. Это единое сознание (一心 – Я.Ш.) есть не что иное, как космическое Тело Будды» [6, с. 260]. Итак, учитывая вышеприведенные ассоциации, в рассматриваемой строке можно выделить несколько подтекстов: 1) тогдашнее окружение поэта, которое символизируют горы, «холодное» по отношению к Оуян Сю, он не находит единомышленников среди друзей, поэтому и тянется к буддизму как вероучению, дающему успокоение и побуждающему к самосовершенствованию; 2) явно отрицательный, судя по упоминанию в «Чуских строфах», образ мифических Ханьшань (север – сторона света с ярко негативной коннотацией) ассоциируется с таинственным окружающим миром, не воспринимающимся автором как реальный; 3) омонимия «холодных гор» и имени поэта Хань Шаня ассоциируется с такими буддийскими идеями в творчестве последнего, как не-сосредоточение, единение с миром и способность изменяться вместе с ним (постоянное пребывание в состоянии «здесь и сейчас»), а также обращение к пейзажной лирике как средству максимально просто передать истинное видение, основанное на интуитивной мудрости [7, с. 206]; 4) ассоциация с тяньтайской школой буддизма наводит на мысль о том, что в строке Солнце садится, холодные горы унылые поэт завуалировано передает идею «единого сознания» всего сущего, к тому же, эта истина «невеселая» (惨), ведь ее признают далеко не все буддийские адепты. Употребление иероглифа 惨 можно трактовать и так: Оуян Сю констатирует, что с закатом солнца холодные горы стали еще печальнее (寒山惨) – значит, старость поэта сопровождается осознанием иллюзорности и неприветливости его среды; парадигма значений иероглифа 惨 (жестокий, безжалостный; трагический, ужасный) только усиливает гнетущее впечатление от окружения мыслителя. Убеждаемся, что однозначная интерпретация рассматриваемой строки стихотворения (как и других) просто невозможна, что свидетельствует о несомненной художественной ценности поэзии Оуян Сю.

Выполним этимологический анализ иероглифов 寒山 холодные горы, которые можно считать ключевыми в рассматриваемой строке. Знак 寒 «Шовэнь» объясняет следующим образом (приводим описание первоначального изображения идеограммы, которое здесь не имеем возможности представить): 冻也。从人在宀下，以艸荐覆之，下有欠。 Холодный. Состоит из человека, [сидящего] под крышей, трава (изображены четыре элемента «трава» 屮, обозначающие большое количество – Я.Ш.) накрывает его [и служит] подстилкой, внизу –

элемент «лед». Знак 冫 (изображение замерзших капель воды) в современном виде состоит из двух элементов 人, что свидетельствует о неотъемлемом присутствии человека (физическом или ментальном) в любом иероглифе, – ведь речь является зеркалом человеческого мировоззрения. Идея холода, от которого страдает человек под крышей (т.е. дома), корреспондируется с подтекстом строки – неуютность и холод, окутывающие поэта в мирской жизни (среда его существования, «дом»). Иероглиф 山 – это пиктографическое изображение высокой горы, на которой лежат камни (有石而高) и которая порождает все сущее (生万物也). В китайской традиции горы ассоциировались с отшельничеством и самосовершенствованием (как ближайшие к небу земные объекты), поэтому подтекст возникновения всех вещей именно из гор следующий: человек – как физически, так и ментально – является источником порождения всего сущего. Кроме того, три вертикальные черты иероглифа 山, олицетворяющие направление вверх (к небу), подтверждают идею самосовершенствования, а их количество («три» как символ неупорядоченности, хаотичности) говорит и о многообразии горных вершин (чисто физическая идея), и о возможных борьбе и противоречиях внутреннего мира живущих в горах отшельников. Все эти идеи, передаваемые данными идеограммами, так или иначе содержатся в пятой строке стихотворения Оуян Сю, ведь для китайского художника поэтическое слово предстает прежде всего в иероглифической записи – как образное воссоздание средствами языка художественной картины мира. Соответственно, восприятие поэзии китайским реципиентом также в корне отличается от восприятия, к примеру, западного читателя: картина мира в неиероглифических языках воспроизведена с помощью произвольных знаков, лишь условно обозначающих предметы и явления действительности.

Рассмотрим шестую строчку (浮云随客衣) анализируемого стихотворения. Плывущие облака (浮云) – традиционный символ блудного сына, следовательно, Оуян Сю видит себя блуждающим (во временном пространстве данной поэзии) тропами веры – возможно, он еще нетвердо встал на истинный путь. Облака как олицетворение постоянных изменений движутся вслед за одеждой странника (客衣) – автор называет себя 客 гость, чувствуя близость буддийского монастыря, для которого он пока чужой: поэт еще не окончательно впитал дух чань. В свете буддийского учения плывущие облака символизируют иллюзорное бытие всего сущего (майя), ведь они проплывают небом, не оставляя следов. Следует заметить, что подобную коннотацию облака приобрели с распространением на территории Поднебесной буддийского вероучения: образ облаков нередко используют в медитациях и практиках, направленных на очищение сознания, которое сравнивается с чистым небом; с облаками ассоциируют мысли, загрязняющие сознание. То, что тучи сопровождают (随) одежду лирического героя, можно воспринимать как невозможность или даже неспособность последнего отойти от мирского бытия и полностью отдаться буддийским поискам истины. Таким образом, с распространением в Китае буддизма и переосмыслением в чань-буддизме исконных взглядов на окружающую среду неко-

торые традиционные символы китайской литературы в корне изменили свою коннотацию, поэтому часто исследователям трудно интерпретировать чаньские стихи, ведь непонятно, употреблен ли определенный образ в традиционно китайском или уже в измененном чаньском смысле. Образ плавучих облаков – яркий тому пример.

Выполним этимологический анализ иероглифов 浮云, которые можно считать ключевыми в последней строке стихотворения Оуян Сю. «Шовэнь» объясняет идеограмму 浮 следующим образом: 泛也。从水，孚声。 Означает «плавать». Состоит из элемента «вода», знак 孚 – фонетик. Сочетание в иероглифе данных элементов передавало идею обучения (爪 – «рука») мальчика (子) плаванию в воде (彳) [4]. Присутствие в иероглифе того или иного фонетика (согласно толкованию «Шовэня») также неслучайно: 孚 в древнем языке имело два значения – высиживать яйца (изображение лап курицы, которыми она оберегает собственное гнездо – элемент «ребенок» [2, с. 234]) и доверять (абстрактное значение, обусловленное пиктографическим изображением). Таким образом, идея рождения новой жизни, которую передает идеограмма 孚, корреспондируется с нагрузкой инь-ской субстанции воды в качестве источника порождения всего сущего (элемент 彳).

Рассмотрим иероглиф 云 облако. Его идея: что-то (丶), зарождающееся в инь-ском закрытом пространстве (厶) и стремящееся к гармонии (二 – обозначение гармоничного / упорядоченного пространства между небом и землей). В «Шовэне» имеется следующее объяснение комментатора Дуань Юйцая: 非省也。象自下回转而上也。 Невидимое. Похоже на то, что снизу крутится и поднимается вверх. В древней летописи «Цзочжуань» («左传», V в. до н. э.) находим толкование: 云，旋也。 Облако – это то, что крутится (закручивается; пиктографическое изображение облака передает именно эту идею). Таким образом, совместив глубинные идеи иероглифов 浮 и 云, имеем: в хаотическом, неупорядоченном состоянии сущего (олицетворяемом облаками) рождается жизнь, следовательно, сама идея порождения, возникновения чего-либо определенного и оформленного предусматривает предварительное состояние неопределенности, хаотичности. Перенесем эти идеи на образ плывущих облаков в китайской литературе: традиционная символика блудного сына (хаотичное состояние облаков) предусматривает успешное увенчание его блужданий положительным результатом (стремление к гармонии 二, идея оформления новой жизни в иероглифе 孚). Что касается рассматриваемого стихотворения, то можно подытожить: духовные блуждания и сомнения лирического героя призваны завершиться его утверждением в буддийской истине, о чем свидетельствует жизненный и творческий путь Оуян Сю.

Итак, в первом стихотворении цикла «Путешествую в Лунмэнь» изображение природной среды, сопровождавшее странствия поэта, показало отношение Оуян Сю к учению чань, а также особенности его тогдашнего бытия, в котором мыслитель пытался сочетать общественную роль конфуцианского чиновника и сторонника буддизма. Вполне возможно, что посещение монасты-

ря Гуанхуа стали определенным этапом на пути к осмыслению чань в жизни поэта. Интерпретация поэзии с применением этимологического (языково-культурологического) анализа показала: раскрытие кодов мышления и мировосприятия китайцев, зафиксированных в иероглифических знаках, освещение принципов образного воспроизведения в языке художественной картины мира ведет к глубинному постижению скрытых смыслов китайской поэзии, которые, однако, нельзя толковать однозначно в связи с различной коннотацией художественных образов (традиционная и буддийская нагрузки), а также различными возможными ассоциациями, обусловленными глубинными этимологическими идеями иероглифов.

Литература

1. 说文解字注 // 中华博物 [Electronic resource]. – 2001–2012. – Mode of access: <http://www.gg-art.com/imgbook/index.php?bookid=53>.
2. *Wieger, L.* Chinese Characters. Their origin, etymology, history, classification and signification / L. Wieger; transl. into Eng. by L. Davrout. – N.-Y., 1965.
3. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://bkrs.info/>.
4. 象形字典 // Vividict [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://vividict.com>.
5. 汉典 // Zidian [Electronic resource]. – 2004–2012. – Mode of access: <http://www.zdic.net>.
6. *Торчинов, Е. А.* Религии мира. Опыт запредельного: трансперсональные состояния и психотехника / Е. А. Торчинов. – СПб., 1998.
7. *Сторожук, А. Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан / А. Г. Сторожук. – СПб., 2010.

**СТРАНОВЕДЕНИЕ КИТАЯ –
ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ
И ПОНИМАНИЮ**

С. Ю. АРТЕМЬЕВ

*преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета
Белорусского государственного университета, аспирант гуманитарного
факультета Даляньского политехнического университета*

ХУН СЯОНАНЬ

*декан гуманитарного факультета Даляньского политехнического
университета, профессор, доктор философских наук (г. Далянь, КНР)*

ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА КНР: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Успешное развитие Китая в экономической сфере, его достижения в улучшении уровня жизни населения получили заслуженно широкое внимание, как в научной, так и в публицистической русскоязычной литературе. Вместе с тем стоит констатировать факт, что современные особенности развития правовой системы КНР получили несправедливо меньшее внимание. Тем не менее, правовая система Китая с момента начала проведения реформ открытия составляет органичную часть примера общественного развития (модернизации), который часто называется «китайская модель». Более того, характер действия, механизмы и практика реализации положений Конституции КНР 1982 года послужили основанием ряду ученых внутри страны говорить о конституционализме с китайской спецификой, или о китайской модели конституционализма.¹

Несмотря на всю многозначность термина «конституционализм» тем не менее, полагаем, что объективным формальным позитивным его отражением являются источники (формы) конституционного права. Строго говоря, в русскоязычной литературе традиционно уделяющей внимание правовой системе КНР имеется ряд работ посвященных проблематике источников конституционного права Китая, но данные работы имеют во многом описательный характер, и не отражают всего спектра научной дискуссии имеющей место в Китае².

¹ Употребление термина «конституционализм» (xianzheng, дословно «конституционное правление») по отношению к теории и практике реализации конституционных положений является предметом отдельной дискуссии как в самом Китае, так и за рубежом. Отрицание конституционализма как явления применимого к Китаю встречается как в среде представителей либеральной мысли, так и среди представителей китайского марксизма. Кроме того, существует точка зрения что «китайским» может называться только конфуцианский конституционализм, помимо которого существует исключительно западный конституционализм. Ее поддерживает Jiang Qing, один из ведущих современных представителей конфуцианской мысли. (Подробнее см. Jiang Qiang / A Confucian Constitutional Order: How China's Ancient Past Can Shape Its Political Future. Princeton University Press, 2012).

² Единственной работой комплексно исследующей данный вопрос на русском языке является исследование проведенное Третьяковым К. Н. (Подробнее см. Основные источники современного конституционного права Китайской Народной Республики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.02 - конституционное право, муниципальное право / К. Н. Третьяков; науч. рук. Н. П. Гуреева. – М., 2010. – 24 с. – Библиогр.: с. 23.2. ссылок).

Вместе с тем, политическая и экономическая жизнь КНР развивается быстрыми темпами, что влияет на характер системы источников конституционного права КНР (проявляются тенденции усложнения системы, выявления большего многообразия источников, изменения подходов к уяснению юридико-правового значения традиционно признаваемых источников конституционного права КНР, влияния фактора интернационализации³). Разумеется, все эти особенности не могли ускользнуть от внимания ученых-конституционалистов и в самом Китае.

Полагаем, что многие вызовы, с которыми приходится сталкиваться конституционалистам КНР при определении категории источников конституционного права во многом показательны и будут интересны для заинтересованных читателей в Беларуси.

Несмотря на то, что любая полноценная академическая дискуссия является спором по поводу объема и содержания понятий, их адекватности и относимости, также достаточно важным представляется уяснение особенностей национальной терминологической традиции в рамках той или иной правовой системы, поскольку устоявшиеся термины конституционно-правовой науки во многом являются теми познавательными пределами в которых академический дискурс может формироваться, развиваться и полноценно сохраняться.

Для начала представляется необходимым отметить, что в терминологии принятой в китайской юридической науке устоялся термин «xianfa yuanyuan», который следовало бы на русский язык дословно переводить как «конституционные источники» или «источники конституции», но поскольку в специальной белорусской литературе данный термин широко не используется, то все же более предпочтительным представляется использовать термин «источники конституционного права».

С другой стороны термин «конституционные источники» изначально ориентирует дискуссию в сторону установления группы источников, которые (в зависимости от выбранной методологии исследования автора) непосредственно связаны либо с нормативно-правовой конституцией, либо с таким уровнем политических отношений, которые могут порождать либо нормативно-правовой акт (то есть писаную формальную конституцию), либо такие социальные нормативные регуляторы (иногда даже нормы, которые можно классифицировать как правовые), которые хоть и не инкорпорированы в текст официальной конституции, но не учитывать которые было бы неправильно с точки зрения определения реального конституционного строя КНР.

Вторым важным исходным положением, которое необходимо учитывать для уяснения вопроса источников конституционного права КНР⁴, является тот

³ Вступление КНР во Всемирную торговую организацию позволило некоторым авторам включить ряд документов ВТО в число важнейших источников конституционного права КНР. В качестве аргумента используется то, что данные документы являются важнейшими реальными правовыми гарантиями ряда экономических прав.

⁴ Оригинальной является попытка обосновать подход, в соответствии с которым, Конституция не должна пониматься как нормативной правовой акт, который может (или должен)

факт, что ключевой термин «xianfa» может быть переведен в зависимости от контекста как конституция⁵ (в понятии нормативного правового акта), так и как конституционное право (смысле отрасли права). Для обозначения конституционно-правовой науки в основном используется термин «xianfaxue» (дословно «конституционная наука»).

Вышеуказанные формальные моменты полисемии следует иметь в виду, поскольку подобные академические традиции правовой терминологии изначально ставят дискуссию о, как минимум, формальных источниках права в несколько иные рамки (в смысле допустимого объема понятия) нежели чем, например, в случае аналогичной дискуссии в Беларуси, поскольку речь идет об иной многозначности термина в Китае.⁶

В качестве отправной точки дискурса о системе источников мы выбираем позиции доминирующего в учебной литературе подхода к системе источников конституционного права КНР. В соответствии с данным подходом, под источниками конституционного права КНР понимаются действующая Конституция КНР, ряд законов КНР. Вместе с тем знакомство с рядом публикаций (прежде всего в ведущих юридических журналах КНР) позволяет удостовериться, в том, что наряду с данными источниками также ученые активно обсуждают место других источников конституционного права (допустимых теоретически или существующих, по их мнению, практически).

Проблемное поле дискуссии также формируется и обогащается вследствие влияния и ряда других факторов (классических в том числе и для постсоветской юридической русскоязычной науки). Некоторые из них связаны с традиционной дискуссией о том, как следует корректно уяснять категорию «источник права», следует ли и каким образом различать категории «источник права» и «форма права», и каков сущностный характер различия между ними. Также этот вопрос увязан не только с собственно уяснением понятий форма и источник, но также с уяснением и пониманием того, что такое право. Что следует понимать под правом (придерживаться ли строгих нормативистских, позитивистских концепций и представлений, строить ли рассуждения используя логику социологической юриспруденции, либо естественно-правовых подходов)? В контексте конституционного права, данная проблема делается более сложной вследствие необходимости установления критериев отличия конституционного права от иных отраслей права. Таким образом, всю совокупность факторов, усложняющих дискуссию об источниках конституционного права можно логи-

принадлежать к определенной отрасли права, в силу своей фундаментальности [2] и важности для всех остальных отраслей права.

⁵ В китайской юридической литературе конституция в понимании нормативно-правового акта довольно часто называется «xianfadian», что дословно можно перевести на русский язык с помощью словосочетания «конституционный кодекс».

⁶ Тут можно заметить, что подобная компаративистская проблемность важнейшего для конституционно-правовой науки термина характерна и для англоязычной конституционно-правовой науки, где термин constitution очень часто обозначает не столько нормативный правовой акт (их совокупность, либо совокупность нормативных регуляторов правового и политического характера), а скорее понятие традиционно передающееся в русскоязычной юридической науке термином конституционный строй.

чески разделить на следующие группы: о соотношении права и его формы, о сущности права, о критериях выделения конституционного права, о специфике китайской юридической познавательной парадигмы.

Методологической основой исследования, которое изложено в данной публикации являются два критерия, которые заключаются в том, что для уяснения вопроса источников конституционного права КНР необходимо руководствоваться принципами достаточности и функциональности. Другими словами необходимо осознание того ради чего происходит уяснение в каждом конкретном случае (например, о какой стадии или виде реализации нормы конституционного права идет речь). Практически данный релятивный подход позволяет в некоторых случаях оправдывать необходимость различия между категориями форма и источник права (особенно на стадии правоприменения), в других случаях такое различие представляется не столько актуальным, либо даже может привести к формальным выводам, не отражающим всей сложности политических отношений и роли тех или иных элементов правовой реальности.

В качестве общего познавательного направления для научной дискуссии о природе и сущности Конституции КНР, источников конституционного права, полагаем, являются сложившиеся доминирующие течения в науке китайского конституционного права. Представляется верным согласиться со следующей классификацией ведущих научных школ и их ключевых представителей: Chen Duanhong и Gao Quanxi являются представителями политологического направления в китайской конституционно-правовой науке, Yu Zhong, Qiang Shigong являются ключевыми представителями социологического направления китайской конституционалистики, Lin Laifan является знаковым представителем нормативистского направления [1].

Проблематика системы источников конституционного права

Переходя к вопросу уяснения источников конституционного права неизбежным представляется потребность уяснить подход к пониманию категории источников права КНР в целом. Общепринятый подход как таковой отсутствует в силу достаточного многообразия решений данной проблемы наблюдаемых в источниках китайской юридической науки.

В престижном учебнике по теории права⁷ (рекомендуемом для использования при подготовке студентов-юристов во всех ВУЗах КНР) предлагается мнение, в соответствии с которым *понятие источник права* в КНР охватывает следующие меньшие по объему понятия: законотворчество; решения, принятые органами государственного управления; судебные решения; международное право; обычаи, представления о справедливости и нормы морали; уставы общественных объединений; договоры; юридическая доктрина; иностранное право; решения общественных организаций (прежде всего правящей партии)⁸. При этом *основными формами* современного права КНР называются действующая

⁷ См. подробнее 张文显主编, 周旺生 (2007年2月). 法理学 (第三版). 北京: 高等教育出版社. ISBN 978-7-04-020641-8.

⁸ Очевидно, что при таком подходе не проводится различие между материальными, идеальными и формально-правовыми источниками права.

Конституция КНР, законы, правовые акты принимаемые Государственным Советом КНР (xingzheng fagui), местные законоположения (difangxingfagui), правовые акты различных органов государственного управления, международные соглашения.

С другой стороны, следует учитывать факт того, что в учебной литературе посвященной непосредственно конституционному праву КНР строгое различие между категориями источник и форма конституционного права (характерное для учебной литературы по теории права) обычно не проводится. Более того, термин «формы конституционного права» встречается относительно редко, хотя в академических публикациях дискуссия об источниках конституционного права в основном ведется именно с позиций формального подхода, то есть по сути именно как дискуссия о формах права. Также, представляется важным подчеркнуть тот факт, что термин «источник конституционного права» сам по себе толкуется несколько отлично от того, как он понимается в Беларуси, поскольку в Китае обычно (как бы далеко не заходила дискуссия) не включают в число источников (форм) конституционного права нормативные правовые акты ниже уровня закона или сравнительно равного ему по юридической силе иного акта (акта толкования)⁹.

Целесообразно все гипотетически допустимые источники конституционного права КНР разделить в целях надлежащего уяснения проблемы на две группы: источники конституционного права, которые в принципе полностью соответствуют понятию форма права и получившие широкое академическое признание и дискуссионные источники конституционного права (сама дискуссионность в данном случае может возникать вследствие дискуссионности понятий форма и источник, традиций правовой системы КНР, а также особенностей формы государства и государственного режима КНР).

В первую группу¹⁰ входит Конституция КНР, законы КНР¹¹, акты толкования Постоянного Комитета ВСНП¹².

⁹ Существует точка зрения, что под термином «источник конституционного права» помимо собственно Конституции 1982 г. также следует понимать ключевые решения правящей Коммунистической партии, принятые после начала политики открытия Китая (к примеру, «О руководящей роли Коммунистической партии в системе межпартийного сотрудничества и политических консультаций»; образовавшиеся обычаи (обыкновения), связанные с внесением предложений об изменении Конституции Центральным Комитетом Коммунистической партии, обычай проведения заседаний Народного политического консультативного совета в одно и тоже время с заседанием Всекитайского собрания народных представителей. Другая точка зрения относит в данную группу также еще конституционные законы, партийные документы, конституционные обычаи и проекты изменений Конституции. Еще одна точка зрения заключается в том, что сюда следует относить писаную конституцию, конституционные обычаи, конституционную доктрину и конституционные законы [4].

¹⁰ Данную группу можно также рассмотреть с точки зрения систематизации конституционных норм. Традиционным для Китая является выделение конституционно-правовой отрасли. Указанные выше элементы часто включают в число источников конституционного права (отрасли) (или, дословно, источников «конституции» вследствие освященной ранее проблемы метонимии). Вместе с тем, существуют предложения четко развести Конституцию и отраслевое законодательство конституционного характера (законы КНР) на основании того, что отнесение Конституции в группу источников любой иной отрасли права подрывает

Во второй группе можно обнаружить богатый ряд правовых и околоправовых явлений: конституционные обычаи и обыкновения, важнейшие решения правящей Коммунистической партии КНР принятые после начала реформы открытия, проекты изменений Конституции КНР, доктрину, международные акты, акты толкования Конституции КНР, конституционную практику. При этом раскрывая значения, авторы могут расходиться в понимании этих терминов.

Поскольку в русскоязычной специальной литературе имеется достаточное количество формально-описательных работ посвященных истории конституционного развития КНР и они доступны заинтересованному читателю, то представляется полезным уделить внимание ключевым либо оригинальным подходам в китайской юриспруденции по вопросу источников конституционного права¹³.

Конституция как источник конституционного права. Активно ведется дискуссия о соотношении политического и юридического (нормативно-правового начала) в действующей китайской Конституции. Традиционный подход в китайском литературе (более того отраженный в решениях Верховного Народного Суда КНР) состоял в том, что нормативность китайской Конституции следует понимать ограничено. В соответствии с данным подходом нормы Конституции КНР изначально не понимались как нормы права, которые должны применяться судами при осуществлении правосудия. Такой подход (фактическое отрицание прямого действия норм Конституции (в том числе и норм составляющих конституционно-правовой институт основ правового положения

восприятие и реализацию Конституции 1982 г. как основного закона страны. В связи с этим предлагается выделять законы относящиеся к конституционно-правовой отрасли в новую отрасль права [6].

¹¹ Которые часто называют конституционными. По сути, речь идет об органических законах по терминологии принятой в Беларуси, то есть законах содержащих нормы, регулирующие конституционные отношения на уровне ниже чем Конституция, но предусмотренные Конституцией непосредственно либо имплицитно. Иногда эта группа законов называется в Китае «непосредственно связанные с Конституцией законы».

¹² Самый строгий «номиналистский» подход все же заключается в том, что под термином источники конституционного права следует понимать исключительно Конституцию 1982 г. и последующие законы об ее изменении (по китайской терминологии «проекты изменений Конституции» xianfaxiuzhengan). В КНР классическим подходом является разделение актов толкования на две группы: законодательное толкование (lifajieshi) и административно-исполнительное толкование (xingzhengjieshi). Но в Сянгане признается исключительно судебное толкование, что потенциально создает некоторые сложности для действия основного закона для данной специальной административной единицы.

¹³ Интересной представляется попытка рассмотреть такой классический атрибут конституции в современной конституционной теории как ее как верховенство и сделать его менее абсолютным. Существует подход в соответствии с которым полезно уяснить самый базовый фундаментальный принцип китайского конституционализма с 1949 г., с этой целью вводится понятие фундаментального закона (предельного нормативного принципа построения китайской государственности после 1949 г.). Типологически данный подход (с точки зрения отыскания безусловно правовых, но более фундаментальных правовых положений нежели чем нормы писаной Конституции 1994 г.) может быть, несколько условно, сравнен с дискуссией о месте международных принципов в нормативно-правовой иерархии Беларуси учитывая формулировку статьи 8 Конституции Республики Беларусь.

личности)), обосновывал Конституцию в качестве нормативного ориентира для правотворческих, законодательных органов. Как результат, речь фактически идет о невозможности реализации нормы Конституции в конкретном правоотношении человек-государство, и для их реализации необходимо издание иного нормативного правового акта.

Вместе с тем степень авторитетности данного подхода в понимании характера нормативности Конституции 1982 года подвергается некоторой эрозии. Формально идеально это отражается в активной дискуссии о целесообразности и конституционной возможности учреждения органа специализированного конституционного контроля в КНР.

Институционально это уже отражено, как минимум, в учреждении в 2004 г. Палаты контроля законодательства (*faguishenchabeianshi*) [3] (элемента механизма для реализации контрольных функций со стороны Всекитайского собрания Народных Представителей в отношении исполнения Конституции¹⁴).

Также в качестве примера расширения нормативной функции Конституции 1982 г. можно назвать практику стихийного использования конституционных положений народными судами КНР¹⁵.

Вопрос стабильности и неизменности текста Конституции 1982 г. также взаимосвязан со степенью нормативности Конституции. Поскольку с момента принятия Конституции в Китае произошла существенная общественная трансформация, Zhao Youyuan понимая, что многие положения в современных условиях вряд ли представляют изначальную нормативную ценность для законодателя [5], предлагает абсолютно новую трактовку¹⁶ ряда конституционных положений, чтобы уменьшить степень формальности Конституции 1982 г.¹⁷

¹⁴ Для понимания причины медленного преодоления фактически господствующей доктрины невозможности реализации конституционных норм в форме применения необходимо помнить о прямом указании в Конституции КНР 1982 г., что ВСНП является органом осуществляющим контроль за исполнением Конституции и позицию выраженную в двух решениях Верховного Народного Суда.

¹⁵ Один исследователь обнаружил 30 судебных решений, в которых суд прямо цитировал Конституцию [8].

¹⁶ Zhao Youyuan доказывает, что в качестве конституционного основания Закона КНР «О волонтерской деятельности» необходимо рассматривать положения ст. 42 Конституции КНР имеющей в качестве своего объекта регулирования трудовую деятельность и закрепляющей, среди прочего, обязанность трудиться и также уполномочивающей государство пропагандировать участие в добровольных работах. Автор признает, что изначально положения статьи были разработаны для использования в плановой экономике, но обосновывает позицию, что в изменившихся экономических условиях нормы 42 статьи должны пониматься иначе. В целом наличие академических статей предлагающих новое прочтение Конституции КНР 1982 г. является характерной чертой современной китайской юридической науки.

¹⁷ Если трактовка допустима с точки зрения формальной логики, лексического значения слов, но явно противоречит ценностным воззрениям разработчиков изначального текста Конституции, можно ли жертвовать аксиологическим пониманием Конституции в пользу стабильности конституционного текста? Допустим ли подобный феноменологический либо ценностно-нейтральный подход при уяснении текста Конституции? Полагаем, это составляет серьезную этическую проблему китайской конституционно-правовой науки.

С точки зрения понимания природы нормативности китайской Конституции также полезным является упоминание подхода в соответствии с которым все конституции можно разделить на три категории: революционные (самой главной характеристикой конституции данного типа является понимание ее как средства удержания власти), реформаторские (отличительной чертой конституции данного типа называется их временный характер и существование осознваемых серьезных несоответствий конституционного идеала и практики общественно-политической жизни) и конституции периода конституционализма (нормативность конституций данного типа соответствует уровню общественного сознания)¹⁸. Оценивая китайскую Конституцию 1982 г. Xia Yong относит ее к типу *реформаторских конституций* [7].

Говоря о социологическом направлении¹⁹ исследования Конституции КНР, необходимо, во-первых, отметить наблюдающееся влияние англо-саксонской правовой мысли выражающейся в принятии идей конституционных обычаев. Во-вторых, формальным оправданием для этого подхода являются исторические факты предшествующие становлению теории современной конституции²⁰ и осознание того, что для понимания всего многообразия современной практики китайского конституционализма явно недостаточно обращения к тексту Конституции.

Указанные факторы приводят к тому, что идея выделения неписаной конституции в Китае находит своих сторонников. Основной довод сторонников данной идеи заключается, в том, что конституционно-политическая реальность расходится с положениями Конституции. Противники использования данной концепции указывают на то, что концепция неписаной конституции имеет историческую и географическую обусловленность (тот факт, что подобная концепция признана в Британии совсем не означает, что она должна быть использована в Китае). Более того, в Китае, по мнению критиков, в принципе недопустимо использование данной концепции поскольку это может привести к некоторым негативным последствиям в целом для правовой культуры [9, 10]. Также данный подход неработоспособен в случае коллизии норм (поскольку данная концепция предусматривает использование источников одного (либо сходного) нормативного (фактически) уровня).

Согласимся с тем, что в странах, где действует правовой акт конституционного характера необходимо и единственно логичным представляется в итоге ставить вопрос о том, что некоторые явления являются антиконституционными

¹⁸ Сама идея созвучна идеям Сунь Ятсена о постцинском республиканском развитии Китая, в соответствии с которым, первоначально уровень реальности демократических институтов будет минимальным, затем должен последовать период политической опеки с последующим переходом к правовым формам управления (третий этап).

¹⁹ Имеется точка зрения, что подобный подход подрывает формально-юридическое верховенство Конституции и вредит построению правового государства в КНР.

²⁰ Термин «конституция» имел преимущественно содержательный смысл (пересекался со значением термина «правопорядок»), и лишь с принятием Конституции США (точнее после успеха американского конституционализма), появилась глобальная тенденция к преимущественно формальному использованию данного термина.

либо конституционно допустимыми. Но данная ригористичность в оценках более необходима, если конституция является правовым документом, который может применяться в судах. Если же применимость ограничена либо отрицается, использование концепции неписаной конституции в качестве явления сопутствующего действующему нормативному правовому акту в принципе более допустимо, ибо политическая составляющая данного типа конституций больше сопряжена с иными политико-правовыми явлениями, которые также могут формировать неписаную конституцию.

Обычай как источники конституционного права. Вопрос наличия и понимания конституционных обычаев в КНР не всегда связан собственно с дискуссией о целесообразности использования концепции неписаной конституции и является самостоятельным и обширным проблемным полем китайской юридической науки. Вопрос о наличии конституционных обычаев обычно рассматривается в двух плоскостях: либо речь идет о наличии обычаев (или конституционных обыкновений) конституционно-политического значения сравнимого с действующей Конституцией, либо речь идет о наличии конституционных обычаев иного (более низкого) уровня.

Законы как источники конституционного права. Рассматривая вопрос в какой степени законы выступают в качестве источника конституционного права необходимо обратить внимание на то как понимается термин «конституционные законы» [12]. Сам термин используется в КНР, хотя и не употребляется официально.

Первый уровень полемики по данному вопросу сложился видимо на основе понимания термина «constitutional law», как он понимается в британской правовой системе, т. е. писанные нормативные акты, регулирующие определенные общественные отношения связанные с организацией и функционированием органов государственной власти. Сюда включается действующая писаная конституция, и проекты изменения Конституции КНР.

Но в целом дискуссия о признании конституционных законов (xianfaxingfalv) в качестве источников конституционного права развивается в ином направлении. Либо отрицается наличие конституционных законов в КНР (понятно, что в таком случае речь идет об отрицании возможности существования нормативных правовых актов одного уровня с Конституцией 1982 г.). Либо таковыми называются ряд ключевых законов (называемых иногда gengbenfa «основные законы», в отличие от Конституции 1982 года называемой gengbendafa) об организации органов государственной власти, правовом положении граждан²¹, основные законы (jibenfa) специальных административных территорий²² и др. С другой стороны, иногда они более осторожно именуется

²¹ Следует подчеркнуть, что относительно перечня законов, которые бы выступали в качестве источников конституционного права в КНР имеются самые различные мнения [11].

²² Существуют мнения, что данный закон является документом конституционной значимости (xianfaxingwenjian), хотя правоведы материкового Китая, в основном, не склонны разделять такую точку зрения. Но, например, Bai Sheng указывает на то, что Конституционный Суд Сянгана в своих решениях прямо называет данный документ «конституция» [13].

«связанные с Конституцией законы» [14]. Также термином «конституционный закон» в Китае называют порой все законы формирующие конституционно-правовую отрасль (в белорусском понимании термина)²³.

Для академической дискуссии в КНР характерно противопоставление концепций писаной и неписаной конституции и связанных с последней вопросов понимания роли и природы обычаев и конституционной практики.

В строгом нормативистском понимании под источником конституционного права КНР может называться исключительно Конституция 1982 г. с последующими изменениями. В течение 30 лет с момента ее принятия произошли существенные трансформации относительно понимания и гарантированности ее нормативно-правовой функции. Мы считаем перспективной точку зрения, что Конституция не должна рассматриваться в качестве акта, входящего в какую либо отрасль права.

Для Китая не характерно отнесение нормативно-правовых актов принимаемых ниже уровня ВСНП или его Постоянного комитета к источникам конституционного права. Особенности формы государства в КНР способствуют тому, что основные законы Сянгана и Аомыни рассматриваются иногда в качестве законов находящихся по своему статусу практически на одном уровне с действующей Конституцией.

Особенности отношений государства и Коммунистической партии КНР отражаются на дискуссии об источниках конституционного права. Существует точка зрения, что устав партии и ряд ключевых решений должны рассматриваться в качестве источников конституционно-правовой отрасли в нормативном понимании термина.

В целом классификация источников конституционного права на материальные, идеальные и нормативные позволяет раскрыть вопрос источников конституционного права КНР. Но, вместе с тем, отнесение некоторых источников в ту или иную группу не всегда возможно при осознании того насколько сильно те или иные документы политико-программного характера оказывают нормативное влияние на жизнь общества.

Литература

1. 韩秀义。中国宪法实施的三个面相——在政治宪法学、宪法社会学与规范宪法学之间 / 韩秀义。— 开放时代, 2012。— № 04。
2. 孙桂燕。关于我国宪法性法律问题的几点认识 / 孙桂燕。— 法制与经济(中旬刊)。— 2011。— №08。

²³ Интересной представляется точка зрения классифицировать все эти законы на 10 групп (полагаю полезным при переводе названий данных групп (аналогов подотраслей законодательства) использовать калькирование): организационное право (zuzhifa), компетенционное право (zhiquanfa), избирательно право (xuanzefa), представительное право (daibiaofa), регламентарно-процедурное право (yishichengxufa), нормотворческое право (lifafa), контрольно-надзорное право (jiandufa), право о правах граждан (gongmingquanlifa), право местного самоуправления (difangzizhifa), право о символах государства (guojiabiao zhifa).

3. 全国人大常委会首次成立法规违法违宪的审查机构。— 2012。
4. 姚岳绒。关于中国宪法渊源的再认识 / 姚岳绒 // 法学。— 2010。— № 09。
5. 于兆波。志愿服务立法的宪法渊源 / 于兆波 // 东岳论丛。— 2009。— № 11。
6. 杨海坤与上官丕亮。宪法法部门初探 / 杨海坤与上官丕亮 // 江苏社会科学。— 2001。— № 01。
7. 夏勇。中国宪法改革的几个基本理论问题 / 夏勇 // 中国社会科学。— 2003。— № 02。
8. Kellogg, T. E. Constitutionalism with Chinese characteristics? Constitutional development and civil litigation in China / T. E. Kellogg // International Journal of Constitutional Law. — 2009. — № 7(2). — P. 215–246.
9. 周永坤。不成文宪法研究的几个问题 / 周永坤 // 法学。— 2011。— № 03。
10. 姚岳绒。中国宪法语境中不宜使用“不成文宪法”——评周永坤教授的相关论述 / 姚岳绒 // 法学。— 2011。— № 06。
11. 喻中。谈谈我国宪法的“实”与“名” / 喻中 // 观察与思考。— 2001。— № 02。
12. 孙桂燕。宪法性法律理论研究状况综述 / 孙桂燕 // 法制与经济(下旬)。— 2011。— № 09。
13. 白晟。《香港基本法》解释的若干问题辨析 / 白晟 // 国家检察官学院学报。— 2010。— № 06。
14. 莫纪宏。论宪法与其他法律形式的关系 / 莫纪宏 // 法治论丛(上海政法学院学报)。— 2007。— № 06。

A. C. БАРАНОВА

*доцент кафедры педагогики Минского государственного лингвистического университета, кандидат педагогических наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)*

РОЛЬ КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

С 80–90-х гг. XX в. культурологический подход стал методологической базой исследований проблем педагогического образования, которые рассматривают становление личностной и профессиональной культуры педагога как способ его жизнедеятельности, «инструмент» реализации индивидуальных творческих сил в педагогической деятельности, результат самоопределения его в культуре. В связи с этим особую актуальность имеет развитие культурной толерантности личности, формирование культурной компетентности. Данная проблема приобретает особую значимость в ходе изучения эффективности процесса формирования культурно-эстетической компетентности учителя, поскольку от его взглядов, убеждений, установок зависит как психологическая комфортность формируемой им образовательной среды, так и эффективность его профессиональной деятельности в целом. Формирование культурной компетентности предполагает процесс вхождения будущего учителя в культуру, прежде всего, в культуру художественно-эстетическую. Культурная компетентность предполагает знание культуры других народов. Большую роль в форми-

ровании культурной компетентности будущего педагога играет китайская живопись как вид изобразительного искусства и одна из немногих живых «неевропейских» традиций живописи, которая зародилась в древнем Китае и непрерывно эволюционирует со времен неолита и до сегодняшнего дня. В образах китайской живописи часто воплощаются глубокие философские идеи.

Живопись в Китае всегда содержала задачи нравственного совершенствования личности. Познание китайской живописи развивает систему ассоциаций, прочтение символов требует ассоциативного мышления. Всякое древнее искусство требует эстетического опыта, подготовленности.

Известный представитель «живописи интеллектуалов», пейзажист Го Си в своем трактате «О живописи» считает картину своеобразным психологическим портретом автора, подчеркивая высокий смысл личности и благородства художника. Художник особо выделяет необходимость совершенства личности мастера. Другим важным аспектом произведения живописи он считает поэтичность, приводя принадлежащую неизвестному автору фразу: «Поэзия – это лишняя формы живопись; живопись – это обретшая форму поэзия». Начиная со времен зарождения китайской живописи на шелке и бумаге в V веке н. э. множество авторов предпринимают попытки теоретизации живописи. Первым среди всех был Гу Кайчжи, с подачи которого были сформулированы шесть законов – «люфа»: Шэньцы – одухотворенность, Тяньцзюй – естественность, Гоуту – композиция живописного произведения, Гусян – постоянная основа, т. е. структура произведения, Мосе – следование традиции, памятникам древности, Юнби – высокая техника письма тушью и кистью. Знание законов «люфа» помогает соотнести внутреннее состояние зрителя с замыслом картины, повысить свой культурный уровень и культурную компетентность в области живописи.

История китайской живописи представляет образцы свободолюбивых художников. Со времен монгольского завоевания в XIII в., начинает развиваться «провинциальная» живопись художников, не желавших вступать на службу императорскому двору завоевателей. Первым известным художником-отшельником стал Ни Цзань (1301–1374 гг.). Он принадлежал к знатному роду, но, не пожелав вступать на службу монголов и передав большую часть своего имущества даосскому монастырю, он провел остаток жизни в скитаниях. Его примеру последовали и многие другие художники эпохи Юань, такие как Хуан Гунван, У Чжэнь и Ван Мэн. Похожая ситуация повторилась еще раз, спустя 400 лет после монгольского завоевания, когда Китай оказался под властью новых завоевателей Маньчжуров, провозгласивших начало династии Цин. Внутривластная обстановка «смутного» периода смены династии Мин маньчжурской династией Цин вызвала крутой перелом в жизни и творчестве китайских художников. Чтобы выразить свое неприятие маньчжурского господства и сохранить верность Минам, многие деятели культуры категорически отказались сотрудничать с новоявленными правителями. При этом некоторые из художников-отшельников выбирали в качестве обители не только традиционные для Китая буддийскую или даосскую «религию», но и католицизм. Так художник и поэт У Ли (1631–1718 гг.) стал самым первым католическим епископом-китайцем.

XVI–XVII вв. обернулись для Китая эпохой больших перемен и не только из-за маньчжурского завоевания. С началом колониальной эры Китай начинает все сильнее подвергаться культурному влиянию европейцев. Отражением этого факта стала трансформация китайской живописи. Одним из интереснейших китайских художников эпохи Цин считается Джузеппе Кастильоне (1688–1766 гг.), итальянский монах-иезуит, миссионер и придворный художник и архитектор в Китае. Именно этот человек стал первым художником, совместившим китайские и европейские традиции в своем рисунке. Своими работами, а также уроками живописи, Кастильоне продемонстрировал особенности европейской техники рисования, требовавшей соблюдения законов перспективы и светотени, он ознакомил китайцев с такими жанрами европейского изобразительного искусства как масляная живопись и медная гравюра, благодаря ему во дворце китайского императора получили распространение плафонная живопись и натюрморт. Начиная со времен Кастильоне и вплоть до наших дней живопись маслом, а так же западный стиль живописи, приобретают в Китае все большую популярность.

Китайская живопись представила яркие образцы самобытных личностей художников. Самой яркой личностью в Китайской живописи XX в. был Ци Байши (1864–1957 гг.), совместивший несовместимые ранее для китайского художника черты биографии, он был приверженец «живописи интеллектуалов» и одновременно – выходец из бедной крестьянской семьи. Ци Байши также получил широкое признание на западе, в 1955 г. он был удостоен международной премии Мира. Ци Байши прошел путь от простого столяра до живописца с мировым именем. Внешне его картины продолжали традиции художников-интеллектуалов, так, например, в них сочетались живопись, каллиграфия, поэзия и граверное мастерство, однако в то же время в них явно чувствуется самобытность и оригинальность автора, жизнь которого сложилась так не похоже на жизнь обычного интеллигента. Долго прожив в деревне, Ци Байши с удовольствием писал деревенские пейзажи, овощи, плоды, насекомых, рыб.

Сегодня китайская живопись переживает новый период трансформации. После открытия Китая западному миру в конце XX в. в Европе Америке и России растет интерес к китайской живописи, и в наши дни среди мастеров китайской живописи появляется все больше европейцев, русских и американцев.

Культурная компетентность предполагает знание особенностей китайской картины, которая представляет собой триединство живописи, каллиграфии и поэзии. Почти всегда на свитке мы видим каллиграфически выполненную надпись – обычно стихотворение автора картины или другого поэта, лирические мотивы и настроения которого связаны с тем, что изображено на свитке. Каллиграфический штрих, которым выполняются китайские иероглифические надписи, близок по своему характеру к живописному штриху, так как в основе иероглифа лежит упрощенный, стилизованный рисунок обозначаемого предмета. Поэтому китайские живописцы почти всегда были одновременно каллиграфами и учеными, эрудированными в литературе, поэзии и философии. В большинстве своем они принадлежали к среде сановников и часто занимали важные государственные должности. Наряду с этим встречались и художники-

профессионалы, вышедшие из демократических кругов. Идея о неразрывном единстве живописи и поэзии часто выражалась китайскими критиками. Так, о знаменитом поэте-живописце VIII в. Ван Вэе говорили, что его стихи – картины, а картины исполнены поэзии.

Свитки живописи в свернутом виде хранились обычно в сундуках или шкафах, их показывали знатокам, тонким ценителям искусства, чтобы затем их опять спрятать. На стенах помещали обычно очень немного картин. Оставаясь реальными по характеру изображения, образы китайской живописи в то же время часто получают символическое значение. Так, например, бамбук под ветром – символ стойкого мудреца, крепкого снаружи и емкого внутри, который от бедствий сгибается, не ломаясь; плакучая ива, заходящее солнце – эмблемы разлуки и печали; пионы – богатства и почета; скала – символ долголетия; орхидея – совершенного человека, уединившегося в скалах и оттуда влияющего на чутких людей; лотос – благородного человека, который «вырос из обывательской грязи, но сам не загрязнился».

В образах китайской живописи часто воплощаются глубокие философские идеи. Конфуцианство, даосизм и буддизм наложили на нее свой отпечаток в различные периоды ее становления.

Уже в V в. на основе еще более древних воззрений были сформированы шесть основных принципов, которыми должны руководствоваться живописцы. И самый главный из них состоял в требовании передать в живописи тот жизненный ритм, который присущ всем вещам в природе, передать их сущность, а не внешнее натуралистическое изображение. Образам китайского пейзажа (по-китайски: «шаньшуй», т. е. «горы и воды») придавалось символическое значение, связанное с идеями древней космогонии. Горы, например, считались олицетворением мужского начала «ян», воды – женского начала «инь», из сочетания которых, согласно древним легендам, возникает вселенная. Горы – кости земли, потоки – вены, кровь, пульсирующая, несущая жизнь и движение. Художник-пейзажист в Китае стремился передать сущность, мировую гармонию, ритм, лежащие в основе явлений природы; поэтому ему был чужд натурализм, погоня за внешним подобием. Эти символы становились средством раскрытия великих стихийных сил, создающих вселенную.

Природа рассматривалась как место спасения от гнета общества, как убежище, где одинокий отшельник, поэт и философ, наслаждается ее красотой, воспринятой через призму уточенной поэзии, и безмятежным покоем. Рассматривая пейзаж, тонкий ценитель, знаток живописи, «терялся в странствиях» по далям. Художник стремился передать лирическое переживание, настроение, возникающее от общения с природой, он призывал к слиянию с ней, к постижению ее тайн. Миниатюрность человеческих фигурок, показанных на фоне грандиозных ландшафтов, должна была вызывать мысли о величии вселенной, в которой человек является лишь незначительным звеном, подчиненным ее могучим силам. В этом отличие представлений средневековой китайской культуры от европейской, где человеку удавалось основное внимание и его изображали как могучую творческую силу, преобразующую мир.

В настоящее время в клубах проходят тематические занятия по китайской живописи и однодневные мастер-классы, которые имеют общеразвивающее, эстетическое и психотерапевтическое значение. Курс «Китайская живопись Усин» для начинающих знакомит с техникой китайской живописи и одновременно формирует определенные качества личности [1]. «У-Син» в переводе с китайского – 5 элементов. Эта живопись – артистическое выражение знаменитой системы Усин (учения о 5-ти элементах Бытия). «Элементы» – это дерево, огонь, металл, вода, земля. Из них «соткано» все Мироздание. У каждого из них – свой характер, свой почерк, свой образ действия. В китайской живописи Усин каждому из пяти элементов соответствует свой стиль выполнения мазка (как кисть и краска взаимодействуют с бумагой). Элемент «Дерево» – это рост, сила, воля, упорство. Элемент «Огонь» – спонтанность, трансформация, страсть, активность, энтузиазм. Элемент «Металл» – это мягкость, успокоение, ясность, конструктивность, видение вещей в целом. Элемент «Вода» – погружение, объединение, опыт, мудрость, интеграция. Элемент «Земля» – это уверенность, устойчивость, стабильность, безопасность, твердая почва под ногами. В основу уроков рисования китайской живописи положено пять движений кистью. Пять мазков, которые соответствуют пяти первоэлементам Земля», «Металл», «Дерево», «Огонь» и «Вода». Китайская живопись является не только изобразительным искусством, но и целой телесной практикой. Китайская живопись придает огромное значение тому, как художник рисует, а не тому, что он изображает. Движение руки – это прежде всего энергия. Осваивая мазки через движения, человек на телесном уровне осваивает, чувствует энергетику этих 5 элементов. Рисуя этими движениями и мазками, концентрируясь на себе, человек прорабатывает свои психологические вопросы. Древние китайские мудрецы говорят: «Рисуя, Вы уже работаете над собой». Каждый из пяти мазков соответствует определенным свойствам характера, поэтому, нарабатывая этот мазок в рисунке, человек вырабатывает в себе определенную черту характера. В процессе рисования прорабатываются следующие проблемы: гармония женских и мужских энергий (Инь и Ян), уверенность в себе, возможность выбора и смелость выбора, критика и самосознание себя в обществе и многое другое. В ходе уроков рисования используются интересные телесные и психологические методики, помогающие контролировать энергетические потоки, проходящие через свое тело: например, синхронизация движения кисти и дыхания, прямая спина, помогающая движению вертикального потока энергий, пребывание в состоянии покоя во время рисования. При этом снимается эмоциональная возбудимость, восстанавливается душевное равновесие, уходят психосоматические болезни. В результате такой арт-терапии появляется внутренняя гармония, а также картина художника, начинающего познавать философию китайской живописи.

Китайская живопись ведет свою историю из глубочайшей древности – возникшая как органичный сплав искусства и философии, она сразу «заговорила» своим, отличным от других художественных стилей языком. Рисунки китайских художников наполнены гармонией и еле уловимой условностью, которая, при более вдумчивом, медитативном созерцании открывает всю свою эмоцио-

нальную насыщенность. Техника китайской живописи в пяти мазках далека от классических канонов искусства, ее суть определяется не внешними проявлениями декоративности, но истинными порывами душевного состояния Мастера, рисующего свое восприятие мира.

Главное место в китайской живописи занимает пейзаж, и пейзаж этот не похож на европейский. Перед нами разворачивается панорама далей, показанная одновременно с нескольких точек зрения; важную композиционную, а иногда и смысловую роль играет незаполненная часть листа. Такая картина является картиной – изображением и картиной-размышлением. Пейзаж – это не столько изображение природы, сколько отражение души, это тяга к вечному, стремление к вечным ценностям. Природа – это спасение от гнета, проблем, несправедливости, убежище души. В китайской живописи человек является незначительным звеном, которое подчиняется силам природы в отличие от европейской живописи, где человеку уделяется главное внимание как могучей творческой силе, преобразующей мир. Китайский зритель является сотворцом наравне с художником. Художник призывает зрителя к размышлению, к сотрудничеству. Все это определяет китайскую живопись как особый вид искусства, как медитативный вид искусства, как совместное размышление двух художников – того, который пишет кистью, и того, который смотрит на картину, – вместе творят картину, и поэтому каждый воспринимает ее индивидуально. Но воспринимает он не окружающий мир, а мир более высокий, мир Вечный. И чтобы подняться до таких высот обобщения, необходимо отрешиться от суеты [2].

Как отмечает Ван Цзянь, все жанры древнекитайского искусства несли в себе глубокий нравственный смысл и идею совершенствования человека, настраивали его на особое восприятие: восхищение природой, ее красотой и работой мастера. Красота китайских пейзажей с их особой выразительностью и с особой символикой вызывает восхищение, позволяет открывать человеку иное видение мира, иную эстетику [3].

Культурная компетентность, умение видеть и понимать китайскую живопись помогает «соучастию» автора картины и зрителя. Картины китайских художников пробуждают в зрителе множество мыслей и чувств. Объекты китайской живописи имеют огромное культурное и воспитательное значение. Например, бамбук на китайских картинах – не просто растение, а символ человеческого характера. Изображая бамбук, художник воспевавшего настоящего мужа высоких моральных качеств. На картинах обычно показаны стойкость и жизненная сила растения. Изображение ветки с нежно-розовыми, белыми или желтыми цветами дикой сливы мэйхуа символизирует гордого человека кристальной чистоты, его негибкость и стойкость. Сам цветок является олицетворением пяти первоэлементов и поэтому изображается с пятью лепестками. Все части, связанные с деревом, имеют четное количество элементов, что отражает устойчивость – свойство Земли [4].

Китайская живопись тесно связана с поэзией. Крупнейший поэт Китая – Тао Юаньмин (конец IV – начало V в.) в цикле «Возвратился к садам и полям» писал:

*От рожденья люблю я этих гор и холмов простоту.
Я попал по ошибке в пыль жизни покрытые сети,*

*В суету их мирскую – мне исполнилось тридцать тогда...
Как я долго, однако, прожил узником в запертой клетке,
И теперь лишь обратно к первозданной свободе пришел [2].*

Эта идея возвращения к первозданной свободе, возвращения к природе как обращение к Вечному – становится, начиная со стихов Тао, определяющей в китайской поэзии. Безмолвие, которым заканчивается стихотворение, неспособность выразить словами вечный мир, перекликается с незаполненным фоном китайских пейзажей.

Еще один цикл Тао – «Вспоминаю бедных ученых» – воспеваает идеал бедности, идеал ухода от суеты – ухода не только от суеты городов, но и от привязанности к материальным благам. Любой китайский художник – будь то живописец или поэт – не будет привязан к миру материального, поскольку обращается к миру духовного. Причем уединение Тао – уединение не только внешнее (был чиновником, потом бросил службу, уехав с семьей в горы), но и уединение внутреннее. Он пишет:

*Вдаль умчишься душой,
И земля отойдет сама.*

Мэн в своих стихах поднимает на новую высоту идущие еще от Тао идеи обретения себя в растворении в природе. Для него быть вместе с природой, достигать однобытия с природой – это способ сохранения сердца чистым. Судьба Мэна была похожа на судьбу Тао – он точно так же ушел с чиновничьей службы, предпочтя ей жизнь отшельник, жизнь бедную.

*Провожая друга, направляющегося в столицу
Ты, поднимаясь, к синей уходишь туче.
Я на дорогу к синей горе вернулся.
Туче с горюю, видно, пора расстаться.
Залил слезами платье твое отшельник [2].*

У Мэна мы видим слияние образов души поэта и картины природы – здесь он сравнивает себя и друга с тучей и горой. Позднее в китайской живописи пейзаж будет не изображением природы, а отражением души художника, и в этом его высший смысл. Идея «природа и моя душа – одно и то же» очень ярко выражается в поэзии Мэна.

В VIII в. Ван Вэй совершил настоящий переворот в китайской живописи. В эпоху Тан, когда на картинах прямо-таки бушует радость материального бытия, – Ван Вэй создает монохромный пейзаж. Он первым в китайской живописи отказывается от цвета, он пишет только тушью. Его пейзаж – (впервые!) становится безлюден. Ван Вэй обращается только к миру духовному, миру запредельному, миру высшему, к тому, который невозможно постичь в суете. И поэтому, когда мы читаем стихи Ван Вэя, то очень часто встречаем образ запертой калитки его дома – поэт отгорожен от людей, ибо он наедине с Вечностью. Вот несколько примеров:

*Осенний вечер в горах
Весь день моросило в пустынных горах дотемна.
Небесная глубь вечерней прохладой полна.
Средь хвои сосновой слепит-блистает луна.*

*Прозрачно бежит по камням ручьевая волна.
Бамбук зашумел – возвращаются прачки с реки.
Лотос качнулся – рыбацьи плывут челноки.
Пусть отлетел аромат весенней травы -
На осень в горах со мной остались бы вы! [2].*

В стихах показана бережность в обращении с природой – поскольку именно в природе для Ван Вэя заключен истинный смысл бытия:

*Заводь, где цветут лотосы
Плыву что ни день по лотосы в утлом челне.
Остров велик. Допоздна замедляю возврат.
Толкаюсь шестом, не плещу, скользя по волне:
Боюсь увлажнить цветов червленый наряд.*

Китайская живопись, поэзия, душевное состояние человека представляют единое целое:

*Плывущие тучи – вот твои мысли бродят.
Вечернее солнце – вот тебе друга душа [2].*

Душа друга уподобляется огромному вечернему светилу, мысли – тучам. Потрясает колоссальность образов Ли Бо, титаничность его переживаний.

*Храм на вершине горы
На горной вершине ночью в покинутом храме.
К мерцающим звездам могу прикоснуться рукой.
Боюсь разговаривать громко: земными словами
Я жителей неба не смею тревожить покой.*

Из стихотворения “Одиноко сижу в горах Цзинтиншань”:

*Гляжу я на горы, и горы глядят на меня,
И долго глядим мы, друг другу не надоедая [2].*

Поэт находится наравне с мирозданием. И мироздание он воспринимает в грандиозных масштабах. И возникает вопрос: не является ли творчество Ли Бо отражением масштабности и монументальности этой эпохи? И, видимо, на это вопрос мы должны ответить «нет». Поскольку, как уже говорилось, масштабность и монументальность искусства эпохи Тан – на плане физическом, это мир внешнего бытия, в то время как мир Ли Бо – это мир духовный. И именно своим духом Ли Бо равен и, может быть, даже превосходит небожителей, ибо сила его переживаний, его чувств позволяет ему сравнивать себя и своих друзей с тучами и облаками. И все это в дальнейшем мы увидим в живописи. Но чтобы произошел переворот в китайской живописи, чтобы большинство художников восприняли и смогли выразить те идеи, которые, как мы видим, существенно раньше были подготовлены в поэзии, необходимо было крушение Танской империи. И когда это крушение произошло – спустя несколько десятилетий на престол взошла династия Сун (X–XII вв.), – то в китайской живописи все решительно меняется.

Развивается то, что еще в VIII в. начал делать Ван Вэй – китайский пейзаж становится монохромным. Пейзаж становится почти безлюден. Люди из раннесунской живописи не исчезают, но они становятся микроскопически малы, и

если в Танскую эпоху пропорции человека увеличивались, то в Сунскую эпоху они опять будут нарушаться, но в сторону уменьшения.

В раннесунские пейзажах огромные горы, по размерам своим превышающие горы реальные. Подчеркивается бесконечность, безмерность далей, – и вот тут мы и вспоминаем Ли Бо, вспоминаем его титанические образы. И это не материальный мир – невозможно в реальности увидеть горы в таком ракурсе. Это вид с птичьего полета, это уходящие вдаль пейзажи. Человек оказывается ничтожно малым по соотношению с природой. Этому существуют два объяснения. Первое: поскольку в раннесунскую эпоху художники впервые открыли для себя пейзаж в таком масштабе, природа потрясает их, и от этого они ее преувеличивают. Второе объяснение заключается в том, что пейзаж – это не изображение природы, а отражение души, и это – тяга к вечному, это преклонение перед вечностью и отсюда преуменьшение того, что относится к миру материальному.

Когда ранний северосунский период сменяется поздним южносунским, то происходит еще один поворот в живописи. Перед нами картины, изображающие одинокого отшельника – большая часть листа не заполнена. Это направление живописи получило название Ма-Ся по фамилиям художников Ма Юаня и Ся Гуя.

В южносунскую эпоху меняется размер картины. Пейзажи северосунских художников грандиозны не только по изображаемым видам, но и по своим размерам – это свитки более метра длиной. В южносунскую эпоху одной из любимых поверхностей, на которых писали художники, были веера. Картина становится маленькой. На картине появляется человек крупным планом. Это отшельник. Это одинокий отшельник, размышляющий на лоне природы о вечном. И взгляд его, как правило, устремлен в незаполненную часть листа – в небытие, в истинный мир, в мир Дао, не выражаемый зримыми образами.

Возникает и новый принцип построения композиции – диагональный, а точнее – крестообразный. Таковы картины Ма Юаня «Лунная ночь» и «Буря» Ся Гуя, где изображение занимает левый нижний угол, но взгляд скользит вправо и вверх – это взгляд отшельника, устремленный на луну, это взгляд зрителя, переходящий с охваченной бурей деревушки на выступающие из грозовой мглы горы. Изощренная сложность композиции, кажущейся столь естественной, внутренняя наполненность пустого пространства делает картины Ма-Ся величайшим достижением китайской живописи.

В позднесунскую эпоху происходит слияние тех идей, которые выражались в поэзии еще раньше Танов и которые теперь пришли в живопись. Живопись конца сунской эпохи – это размышление одинокого отшельника о Вечном. И это и будет высшим взлетом китайской живописи. В дальнейшем китайским художникам останется только осваивать то, что им оставили мастера эпохи Сун. И эта тема – одинокий отшельник на лоне природы – станет в дальнейшем канонизированной.

Природа вторит состоянию души поэта и художника, приглашая нас к размышлению о Вечном.

Культурная компетентность предполагает знание языка символов, лишеного предметной реальности, что близко и понятно истинному ценителю китайского искусства. Китайская живопись – микрокосм, соответствующий макро-

косму, одна линия, то есть триграмма, и в живописи, и в каллиграфии издревле означает в китайской культурной традиции не просто линию, а выражает достаточно сложные явления, к примеру, начало творения, отделение неба от Земли.

За тысячелетия китайская живопись выработала свой лаконичный художественный язык. В китайской живописи растения символически изображают четыре времени года, а луна или свеча – глубокую ночь. В ней очень редко изображают конкретное время суток, ясность или пасмурность погоды. Иногда изображенное на картине конкретное время суток определяется стихотворной строчкой, усиливающей ассоциацию зрителя. Например, нарисовав нежный цветок мэйхуа (цветок сливы), художник сбоку наносит кистью стихотворную строчку: «Легкий аромат расплывался в бледном свете луны» [3].

Знание китайской живописи повышает общекультурный, эстетический уровень будущего педагога, способствует его нравственному совершенствованию, развитию ассоциативного мышления, содействует познанию культуры, истории, философии, поэзии Китая. Пониманию китайской живописи помогает прочтение символов, особенностей изображения пейзажа, человека. Китайская живопись тесно связана с китайской поэзией. Изучение китайской живописи должно происходить в тесной взаимосвязи с китайской поэзией, философией, культурой в целом. Китайская живопись способствует самопознанию личности, познанию окружающего мира и места человека в нем. Занятия китайской живописью имеют психотерапевтическое и воспитательное значение, помогают увидеть красоту окружающего мира, отрешиться от проблем, чтобы с новыми силами взяться за их решение.

Высокая одухотворенность, красота, особый лиризм китайской живописи являются жизнеутверждающим началом, учат любить и ценить жизнь.

Будущему педагогу необходимо использовать в воспитательной работе великие произведения китайской живописи, что будет способствовать повышению культурного уровня учащихся.

Умение понимать и ценить произведения китайской живописи является показателем культуры личности, культурной компетентности. В процессе познания китайской живописи происходит расширение культурного кругозора, развитие личных и профессиональных качеств будущего педагога, реализуется стремление изучать культуру других стран.

Литература

1. Курс «Китайская живопись У-Син» для начинающих // Авторский Центр креативной психологии [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: www.creativnost.ru.
2. Баркова, А. Л. Китайская поэзия и китайская живопись: путь от чиновника к отшельнику / А. Л. Баркова // Международный Центр Рерихов [Электронный ресурс]. – 2008–2011. – Режим доступа: <http://lib.icr.su/node/1742>.
3. Цзянь Ван. Принципы китайской живописи / Ван Цзянь // Российская академия естествознания [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://econf.rae.ru/pdf/2009/12/1728efbda8.pdf>.
4. Живопись древнего Китая // Affresco [Электронный ресурс]. – 2008–2012. – Режим доступа: <http://www.affresco.ru>.

О. В. БРИГАДИНА

*доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)*

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ

Возросший в последнее время интерес к истории российской эмиграции XX в., ее духовному наследию, политическому и социальному опыту вполне закономерен. Идет процесс переосмысления исторической судьбы страны, все сильнее убеждение, что зарубежная Россия – это сконцентрированная национально-культурная, религиозно-философская сущность России внутренней. Современному обществу стали известны многие деятели науки и культуры, имена которых на долгие десятилетия были вычеркнуты из российской истории. Постепенному преодолению идеологического мифа об эмигрантах как бездуховных отщепенцах, предавших Родину, способствует активная научная разработка данной проблемы. На смену советским историческим исследованиям, в которых лишь фрагментарно освещались отдельные аспекты эмигрантской темы, в гуманитарных науках появились работы, рассматривающие эмиграцию с точки зрения всеобщего признания и человеческого понимания. Главный итог проделанной работы – это очевидный поворот от осуждения и развенчания к попыткам осмысления социально-исторического феномена эмиграции. По мнению исследователя Е. И. Пивовара, «российская эмиграция, сохранив свою культурную и языковую идентичность, ... продемонстрировала способность к адаптации в различных общественно-политических, экономических и правовых условиях, добилась выдающихся успехов в области науки, культуры и искусства, которые стали международным достоянием» [1, с. 9].

История российской эмиграции в целом, в том числе и ее дальневосточной ветви, долгое время оставалась закрытой темой. По-новому взглянуть на эту проблему позволили рассекреченные архивные документы. Оказались доступными для исследователей эмигрантские документы, вывезенные в 1945 г. из Северной Маньчжурии и сформированные в 1990 гг. в десять фондов Госархива Хабаровского края. Тогда же в архив поступило большое количество печатных изданий: 14 наименований газет («Голос эмигранта», «Вперед», «Заря» и др.), 82 журнала («Вестник Маньчжурии», «Атаманский вестник», «Зов казака», «Путь к Родине», «Рубеж» и др.), документальные сборники и мемуары [2, с. 30]. Стало ясно, что в 1917–1945 гг. дальневосточная волна российской эмиграции буквально «захлестнула» большую часть Китая, была не только одной из самых крупных, но отличалась своеобразием формирования, политическим и юридическим положением.

После разгрома белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке началась эвакуация белых армий из Владивостока и Приморья, которая завершилась к

октябрю 1922 г. Суда, переполненные военными и гражданскими лицами, направлялись к берегам Китая, Кореи и Японии. Только на сформированной адмиралом Старком флотилии, включавшей в себя 25 гражданских судов и военных кораблей, находилось более 6 тыс. человек. К 1922 г. в корейском порту Гензан оказалось более 5 тыс. беженцев из России. Большинство из них были размещены в особых лагерях, в которых японские оккупационные власти в Корее установили строгий режим. В 1924 г. большинство российских эмигрантов были отправлены в Маньчжурию [3, с. 6–7]. Около 3 тыс. беженцев оказались в Японии. Однако, как отмечала местная пресса, «на русских в Японии смотрят свысока и с подозрительностью». При малейшем подозрении в неблагонадежности их немедленно выселяли из страны. Уже к 1934 г. число эмигрантов в Японии сократилось до 850 чел. [3, с. 8]. Небольшое число беженцев оказались в Австралии, в которой на протяжении многих лет сохранялась тенденция эмиграционного прироста за счет России и русских из Китая. Основная же масса российских эмигрантов сосредоточилась в Северо-Восточном Китае и Шанхае. К середине 1930-х гг. в Шанхае было зарегистрировано около 50 тыс. русскоязычного населения. Центром притяжения беженцев стала полоса отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и главным образом Харбин.

История Харбина тесно связана со строительством КВЖД. К 1916 г. из 68,5 тыс. населения города 34,2 тыс. составляли русские [4, с. 13]. Подданные Российской империи, проживавшие в полосе отчуждения («на линии»), пользовались правом экстерриториальности, имели свою администрацию и суд, обучали детей в русских учебных заведениях. Передача КВЖД в 1917 г. управляющим дороги генералом Д. Л. Хорватом, спасавшем подведомственную ему территорию от советских порядков, китайским властям изменила статус полосы отчуждения и ее населения. В 1920 г. советское правительство отказалось от прав экстерриториальности и население оказалось под властью китайской администрации. В 1924 г. КВЖД перешла в совместное управление СССР и Китая. По требованию советской стороны эмигранты лишались права работать на дороге, их места заняли лица, обладавшие советским или китайским гражданством. Согласно ряду решений прекращалась служба белогвардейцев в китайской армии и полиции. Часть переселенцев, чтобы сохранить за собой место работы, перешла в советское подданство и получила соответствующие паспорта (около 50 тыс. человек), часть – в китайское (около 15 тыс. человек). Остальные же, примерно 60 тыс. человек, оказавшись на положении эмигрантов, должны были получить и ежегодно обновлять так называемый «годовой вид на жительство» в Особом районе восточных провинций (ОРВП) [3, с. 10]. Сложилась своеобразная ситуация, когда на одной территории компактно проживали соотечественники, оказавшиеся по разные стороны баррикад: эмигранты, которых все считали «белыми», и «красные» советские граждане. Между этими двумя группами складывались довольно сложные отношения.

Следует отметить, что до сих пор дискуссионным остается вопрос о численности российских беженцев, оказавшихся в Китае после революции 1917 г. и гражданской войны. В начале 20 гг. XX в. количество россиян достигло своего пика и по разным оценкам колебалось от 250 тыс. до 500 тыс. человек. В это

число вошли и российские подданные, которые проживали на линии с конца XIX в.

На 1930 г. в Китае было учтено 125 тыс. россиян, в Маньчжурии – 110 тыс. человек. География расселения по Северо-Восточному Китаю выглядела следующим образом: Харбин и ОРВП – 95 тыс. человек, Трехречье и Барга – 6 тыс. человек, Сахалян и Приамурье – 500 человек, Мукден – 2000 человек, Дайрен – 250 человек, концессии и провинции – 6000 человек. К 1934 г. Лига Наций зафиксировала на Дальнем Востоке до 134 тыс. россиян, в основном проживающих в Китае [3, с. 11]. Таким образом, русская колония в Маньчжурии формировалась в три этапа и включала в себя: подданных империи, которые работали на КВЖД до 1917 г.; белых эмигрантов и членов их семей, прибывших в Китай в 1917–1922 гг.; бежавших из СССР советских граждан, недовольных проводимой там в конце 20-х – начале 30 гг. XX в. политикой.

Социальный и национально-этнический состав эмиграции был довольно пестрым. Отличием от западноевропейской ветви являлось почти полное отсутствие в Китае «громких аристократических имен царской России». Семьи князей Лопухиных, Львовых, Ухтомских, Голицыных, Аксаковых, «выброшенные взбушевавшимся морем революции на берег Сунгури», позднее переехали в Западную Европу и США [5, с. 69]. Основной костяк дальневосточной эмиграции составили среднеимущие слои населения, в том числе рабочих, крестьян и казаков – 68,7 %, мещан – 9,5 %, «не определивших свой социальный статус» – 10,9 % и только 3,6 % представителей дворянского сословия. Было заметно значительное преобладание мужчин в возрасте от 20 до 45 лет [5, с. 75]. Рядом с русскими жили в Северо-Восточном Китае и представители других национальностей: поляки, украинцы, евреи, армяне и др. Как отмечала белорусский исследователь дальневосточной эмиграции Н. Е. Аблова, управляющий КВЖД Д. Л. Хорват с самого начала проводил разумную политику, выделяя земельные участки для строительства национальных домов и церквей, препятствовал любым проявлениям нетерпимости и тем самым способствуя возникновению национальных объединений Маньчжурии [5, с. 72]. Одной из самых крупных и богатых была Харбинская еврейская духовная община, в ведении которой находились три синагоги, две школы, приюты, больницы, библиотека. Действовали также объединение украинцев «Просвита», армянское «Миютюн», тюркско-татарское «Идель-Урала», грузинское «Соэрто». Представителей белорусской национальности было немного, среди них – известный оперный певец М. Забейда-Сумицкий и дирижер Харбинской оперы И. П. Райский. Многие исследователи отмечают, что уже в дооктябрьский период в полосе отчуждения КВЖД сформировалось уникальное общество множества культур и конфессий. Образовавшаяся здесь колония представляла собой «поучительный пример совместного проживания людей, независимо от их национальной и классовой принадлежности» [5, с. 73].

По уровню материального достатка эмигранты из России в начале 20-х гг. XX в. уступали лишь японцам и примерно в 10 раз были богаче китайцев. Их суммарный капитал составлял 158 млн золотых рублей, на одного россиянина в среднем приходилось 2633 руб. (для сравнения: среднестатистический китаец

располагал суммой в 200 руб.). Однако из-за дискриминационной политики китайских, а затем японских властей возможности предпринимательской деятельности были ограничены. Эмиграция постепенно беднела и уже к 1940 г. оказалась в массе своей малоимущей частью населения Китая. Сложное материальное положение, высокий уровень безработицы, ограничение в правах так называемых лиц без гражданства, советско-китайские конфликты на КВЖД обусловили массовый отток российских эмигрантов из Китая в Австралию и на американский континент. После продажи в 1935 г. СССР своих прав на КВЖД правительству Маньчжоуго активизировались процессы реэмиграции служащих и рабочих КВЖД, имевших советские паспорта, на родину. К концу 1930 гг. остались в основном русские, имевшие китайское гражданство или нансеновские паспорта. По мнению Н. Е. Абловой, именно с этого времени понятие «русский» в Маньчжурии стало тождественно понятию «эмигрант» [5, с. 77].

Послереволюционная волна эмиграции внесла значительные коррективы в общественно-политическую и культурную жизнь региона. 20-е гг. XX в. стали периодом количественного роста и структурирования русской колонии. В это время возникли разнообразные корпоративные, благотворительные, культурно-просветительские, конфессиональные организации. Беженцы, не имеющие полноценного правового статуса, стремились минимизировать проблемы и сконцентрировать свои усилия, чтобы устроить более или менее достойную жизнь в новых условиях. В 1923 г. начал действовать Харбинский комитет помощи русским беженцам. Комитет помогал получить право на жительство, ходатайствовал перед властями о выдаче бесплатных паспортов, обеспечивал работой, оказывал медицинские услуги. Созданный как благотворительная организация, постепенно превратился в крупное общественное объединение. Вокруг комитета группировались различные союзы и общества. В 1923–1928 гг. на правах действительных членов в него входило свыше 70 организаций. В 1930 г. был создан культурно-просветительский отдел, основными направлениями деятельности которого являлись школьная, издательская и библиотечная работа. Открытая в 1930 г. публичная библиотека располагала богатым книжным фондом и была популярна среди русскоязычного населения: только за 1931–1938 гг. было зарегистрировано св. 125 тыс. книговыдач. Услуги библиотека оказывала за символическую плату: 30 центов с членов комитета, 50 – с остальных [2, с. 31]. Комитет стал центром культурной жизни диаспоры. Знаковыми событиями в его деятельности стали Дни русской культуры, которые традиционно начинались в день рождения А. С. Пушкина.

Значительную поддержку беженцам оказывала Российская духовная миссия (РДМ) в Китае. Еще в 1916 г. миссия ставила задачу расширения числа православных храмов в стране, способных привлечь к вере «любопытствующих язычников» проповедью на китайском языке. К 1917 г. в ведении РДМ находились Успенский монастырь в Пекине, подворья в Харбине, Дальнем и на станции Маньчжурия, 19 церквей, 5 кладбищ, духовная семинария в Пекине. В 18 мужских и 3 женских школах обучалось более 700 чел., из них 148 на полном содержании [6, с. 346]. Однако революция 1917 г. радикально изменила положение и самой Русской православной церкви, и миссии в Китае. В ноябре 1920 г. она пе-

решла в подчинение Зарубежному Синоду; была образована Пекинская и Китайская епархия во главе с архиепископом Иннокентием. С 1924 г. миссия получила новое название – Китайская православная церковь (Чжунго дунжэн – цзяо хуэй). В 1922 г. по решению Патриарха РПЦ Тихона была создана Харбинская епархия, которой стал управлять архиепископ Мефодий. При поддержке правления КВЖД новая епархия стала быстро разрастаться, к 1931 г. в ее рядах насчитывалось 46 храмов и 2 монастыря. Несмотря на довольно сложные отношения между Харбинской епархией и РДМ в Китае из-за церковной собственности и раздела сфер влияния, свою основную миссию – помощь и поддержку нуждающимся – они исполняли по мере сил и возможностей постоянно.

Эмиграция видела себя активной политической силой, поэтому ставила своей тактической целью сохранить себя в условиях «беженства» как социально-экономическое, культурное и военно-политическое движение со своим видением новой России, которую предполагалось построить после свержения большевизма. Большинство местных политических образований представляло собой филиалы эмигрантских организаций европейских стран. Самым известным являлся дальневосточный отдел Российского общевойскового союза (РОВС), созданный в 1928 г. Основными задачами являлось военно-патриотическое воспитание молодежи. Среди наиболее активных и многочисленных выделялись «Братство русской правды», Союз казаков на Дальнем Востоке, лидером которого стал Г. М. Семенов, «Союз мушкетеров». В среде дальневосточной эмиграции одновременно действовали нехарактерные для Западной Европы движения и партии. Так, в 1931 г. в Харбине сформировалась Русская фашистская партия из молодого поколения российской эмиграции. Они противопоставляли себя старшему поколению, заявляя, что исправляют допущенные ими ошибки и совершат в России «национальную революцию» [3, с. 15]. Также в Харбине при участии профессора Русского юридического факультета Н. В. Устрялова началось формирование движения «сменовеховство», сутью которого являлась идея об отказе от вооруженной борьбы с советской властью и сотрудничестве с ней ради восстановления России. Однако лидеры «сменовеховства» не нашли поддержки среди активной части политической и военной эмиграции, смыслом жизни которой стала борьба с большевизмом до конца и всеми возможными способами. Наличие в Маньчжурии большого числа русских военных организаций, позиции их руководителей – Г. М. Семенова, М. К. Дитерихса, Р. Ф. Унгерна, В. О. Каппеля и др. – обусловили еще одну отличительную особенность дальневосточной ветви эмиграции: активную борьбу с советской властью на протяжении почти тридцати лет: с начала гражданской войны и до конца второй мировой. В научной литературе имеется достаточно информации, подтверждающей реваншистские планы лидеров белого движения [5, с. 142–147; 7, с. 164–171]. Особую активность они проявили после оккупации Японией в 1931 г. Северо-восточных провинций Китая. В марте 1932 г. на территории Маньчжурии японскими властями было создано «независимое» государство Маньчжоуго, а через два года была провозглашена империя Маньчжоудиго во главе с императором Пу И, последним представителем династии Цин.

Японские оккупационные власти демонстрировали лояльность ко всем национальностям, проживавшим на территории Маньчжурии, однако к русскому «белому» населению их отношение было особым. По планам японского военного командования эмигрантов предполагалось использовать в борьбе против СССР, пообещав им освобождение России от большевистского режима. Близость к границе давала возможность японской военной миссии организовывать многочисленные набеги военизированных отрядов из белогвардейцев и казаков на советскую территорию.

Привлекательным для многих лидеров белой эмиграции являлась также идея японских властей по созданию «Великой Восточной Азии», в состав которой должны были войти советские территории Приморья, Забайкалья и Приамурья. Для мобилизации русскоязычного населения и создания «системы последовательной японизации всех сторон жизни, быта, культуры и образования» в Маньчжурии в 1932 г. было создано «Общество согласия» (Кио-Ва-Кай). Опорными пунктами по внедрению «нового порядка» в 1938 г. стали боевые дружины общества, многочисленные детские и юношеские организации, школьные союзы Сионэн-ден. Контроль над русским населением осуществляло Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), аналогов которого не было в Европе. БРЭМ обязан был обеспечить единство дальневосточной эмиграции, ее готовность к борьбе с Коминтерном и участие в установлении японского «нового порядка» в Восточной Азии. БРЭМ осуществлял полицейский надзор за эмигрантами, вел учет населения, регистрировал передвижения эмигрантов по стране, занимался комплектованием агентурной сети. Бюро сделало немало для оказания помощи безработным, их трудоустройству и переквалификации. С началом Второй мировой войны профашистские настроения у части функционеров Бюро заметно усилились. На русском языке была опубликована книга «Война за Великую Азию и задачи российских эмигрантов», в которой содержалось политическое заявление о том, что с подчинением Азии, «... будет освобождена Россия» и поэтому главной задачей эмиграции является содействие японскому командованию в утверждении нового порядка [3, с. 24]. Однако по мере усиления прессинга со стороны японских властей и конформизма ряда эмигрантских деятелей в общественно-политической жизни и массовом сознании русскоязычного населения стали проявляться новые тенденции: возрождение патриотизма, отрицательное отношение к фашизму, с которым связывалась агрессивная политика Японии. Политическое расслоение эмиграции было основано на отношении к советской власти, для многих олицетворявших собой родину. После окончания войны указами Президиума Верховного Совета СССР определенной части эмигрантов было предоставлено право получения советского гражданства. Это право получили лица, состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской империи, а также лица, утратившие советское гражданство, и их дети. Этим правом воспользовались многие эмигранты из Китая.

Литература

1. Пивовар, Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии / Е. И. Пивовар. – М., 2008. – 545 с.
2. Вараксина, Л. А. Из истории русской культуры в Харбине (по документам Госархива Хабаровского края) / Л. А. Вараксина // Отечественные архивы. – 1999. – № 4. – С. 30–35.
3. Сергеев, О. И. Российская эмиграция на Дальнем Востоке (1917–1945 гг.) / О. И. Сергеев, С. И. Лазарева. – Владивосток, 2000. – 186 с.
4. Аурилене, Е. Е. Российские эмигранты в Маньчжоу – Ди – Го / Е. Е. Аурилене // Исторический архив. – 2003. – № 6. – С. 13–17.
5. Аблова, Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX века) / Н. Е. Аблова – Минск, 1999. – 316 с.
6. Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. // редкол.: М. Л. Титаренко (гл. ред.) [и др.]. – 2011. – Т. 2.: Мифология. Религия. – 869 с.
7. Шкаренков, Л. К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. – М., 1986. – 272 с.

М. А. ВАЛЬКОВСКИЙ

*заместитель главного редактора газеты «Рэспубліка», аспирант Института журналистики Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В БЕЛОРУССКОМ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Обращение к внешнеэкономическому дискурсу связано с особым положением, которое занимает экономика в социуме, и с той особенной ее значимостью, что во многом определяет современные общественные процессы в мире и в стране. Мы разделяем мнение ряда ученых, которые рассматривают дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата)» [1].

Ключевыми исследовательскими вопросами при изучении данного медиадискурса являются выяснение условий и средств конструирования смыслов в медиатекстах, затрагивающих внешнеэкономическую проблематику, механизмы формирования мнения аудитории в отношении репрезентированных проблем. Ведь в медиадискурсе «происходит конвертация информации в смыслы (конструирование знания), перевод знания с одного уровня (например, институционального) на другой (например, обыденный), сращение информации различного типа...» [2].

Подобное исследование также актуально в ракурсе сравнения практик конкретных изданий, поиска ответа на вопрос, какими средствами журналист воздействует на общественное мнение, что является целью данного процесса. Таким образом, мы априори принимаем тезис, что журналистика выступает в качестве субъекта относительно аудитории.

Прежде всего, следует отметить, что воздействовать на аудиторию может информация сама по себе: она должна заметно выбиваться из нормы, содержать новые и неизвестные знания о тех или иных объектах, на основе которых реципиент поменяет свое отношение к ним, а также поведение. Или же аудитории сообщается такая информация об известных и привычных вещах (фактах, событиях), которая кардинально меняет представления об их сущности, характере и взаимосвязи, и, следовательно, мнение о них. Но, поскольку «информация современного медиадискурса обладает большим воздействующим потенциалом, то в нем неизбежно наличие оценок» [3].

Следующий фактор, который воздействует на аудиторию, это частота появления темы или проблемы в медиа, которая косвенно свидетельствует о значимости ее для социума. Немецкая исследовательница общественного мнения Э. Ноэль-Нойман на эмпирических данных доказывала, что средства массовой информации формируют предполагаемую «повестку дня», т. е. представления индивида о том, «что обсуждают другие» [4].

Но происходит это в контексте остальных событий: «...индивид трактует информационную приоритетность темы в накопленном медиaprостранстве как социальную приоритетность соответствующих событий, субъектов и проблем, то есть как их значимость в социокультурном пространстве в целом» [5].

Таким образом, «выведение предмета в поле массовой информации запускает сложные механизмы формирования общественного мнения, общественной воли и действия» [6, с. 59]. Их ход и результат определяется способностью аудитории к независимому анализу представленной медиа информации, «...выявлению и смысловой разработке факта как социально резонансного результата взаимодействия человека с окружающей его действительностью» [7].

В условиях динамичного усложнения современной жизни возрастает необходимость обеспечения более оперативного и более полного, в том числе адресно-ориентированного информирования аудитории, поэтому медиа необходимо учитывать особенности аудитории, характер ее информационных потребностей и форму подачи информации.

Медиа, таким образом, выступают «в качестве посредника не только между социальными субъектами, обеспечивая их взаимодействие, но и между социальной реальностью и обществом, всякий раз являя свою субъектную, то есть мировоззренческую, ценностно-ориентированную позицию» [7].

Следует учитывать, что существуют информационные потребности отдельной личности и, как о некоем производном их суммы, можно говорить о информационных потребностях социума в целом. Но журналисту и медиа в своей работе необходимо ориентироваться как на первые, так и учитывать вторые. Ведь информационные потребности современного человека и общества сегодня стали объективной реальностью, которая определяет функционирование многих (если не всех) общественных институтов, в первую очередь – журналистики, жизнеустройство отдельных членов социума. В информационную эпоху степень зависимости большинства людей в повседневной жизни от значимой для них информации о природной и социальной реальности, которую поставляют медиа, и на основе которой они принимают жизненно важные ре-

шения, характеризует термин «человек медийный». С развитием и углублением цифровой революции эта зависимость будет только увеличиваться, а информационные потребности людей расширяться и становиться более разноплановыми и разносторонними.

В связи с этим, ключевой задачей медиа, как социального института и сферы социальной деятельности, является удовлетворение потребности общества в регулярном, систематическом освоении маркированного фактом актуального международного экономического контекста, фактографирование актуальной внешнеэкономической реальности, рационализированное извлечение, обработка и передача информации широкой аудитории, обеспечение массового, упорядоченного, регулярно-периодического распространения внешнеэкономической информации.

Такое воздействие медиаконтента на человека обусловлено тем, что он, зачастую независимо от своей воли и желания, «погружен» в медиасреду, которую создают в обществе мощные и всеохватные медиаструктуры. Индивидуум воспринимает транслируемую в режиме нон-стоп социально значимую информацию, под воздействием которой у него формируется видение реалий, отношение к тем или иным проблемам и картина мира в целом.

Необходимо отметить, что «журналистика одновременно удовлетворяет потребности в информации и конкретных индивидуумов, и всего социума» [8].

Выступая в качестве одного из значимых факторов, определяющих ход процессов в мировой экономике, информация, посредством предъявления и внедрения новых знаний и стандартов гражданам, государствам и регионам порождает с одной стороны, их стремление к унификации, с другой стороны, к поиску и защите самобытных путей развития в русле глобальных тенденций. С учетом данного обстоятельства назрела необходимость переосмысления роли информационного фактора в современной мировой экономике, в повышении значимости выработки и проведения государством собственной информационной политики.

Для анализа этих процессов и роли в них внешнеэкономической информации, следует использовать системный подход, позволяющий выявить не только взаимосвязи между данными категориями и феноменами, но и закономерности формирования новых – например, такой формы межгосударственного сотрудничества, как стратегическое партнерство.

В качестве фактора, позитивно влияющего на процессы стратегического сотрудничества, удовлетворения информационных потребностей выступает общественный интерес к окружающему нас миру, который дополняется умением наблюдать и анализировать протекающие в нем процессы, прогнозировать их влияние на нашу страну, отчетливо воспринимать ситуацию и интересы других государств, четко осознавать их. Очевидно, что еще одним позитивным фактором для осуществления сотрудничества можно назвать расширение информационного поля, количества международных контактов, обменов и т. д.

Соответственно, к негативным факторам, мешающим эффективному осуществлению сотрудничества, следует отнести, стереотипы мышления у населения стран и элит, недостаток информации, позволяющей адекватно оценивать

как ситуацию в странах-партнерах, так и достигнутые в ходе сотрудничества результаты, возникающие в ходе его проблемы и неоднозначные ситуации. Следовательно, и тематическая палитра, и функции, и специфика международной экономической журналистики связаны с социально-экономическими проблемами общества, находятся в отношениях взаимозависимости, взаимообусловленности с ними.

Таким образом, формирование условий для эффективного взаимодействия международных акторов зависит не только от политических, экономических, культурных и других факторов, но и от информационной составляющей, наличия у общества информации, которая является одной из базовых потребностей существования человека и социума. «Удовлетворение этой потребности неизменно влечет за собой создание благоприятных условий для обеспечения эффективного взаимодействия сторон» [9].

Предметом нашего исследования являются дискурсивные практики белорусских медиа по отражению процесса стратегического партнерства Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. Эта тема включает в себя ряд аспектов: как информацию о проектах, встречах и других событиях, составляющих канву взаимоотношений, так и освещение жизни и достижений Китая. Вместе с тем, важность информационного сопровождения внешнеэкономической деятельности в целом и стратегического партнерства в частности, с одной стороны, и Китая, как ключевого партнера для Беларуси, для современной системы международных отношений, с другой стороны, обуславливает достаточно высокий интерес белорусских медиа к этой теме.

Как уже упоминалось, одним из информативных параметров, свидетельствующих о важности темы или проблемы, является частота публикаций о ней в медиа. Мы изучили публикации белорусских медиа, посвященные белорусско-китайскому стратегическому партнерству за 2012 год. Отмечено увеличение их количества по сравнению с предшествующими периодами, что, по нашему мнению, объясняется как выступлениями, посвященными 20-летию установления белорусско-китайских дипломатических отношений, так и генерированием информационных поводов, обусловленных развитием и углублением партнерства, выходом его на новый уровень. Значительное число публикаций обусловлено участием в событиях, о которых идет в них речь, политиков, что привлекает медиа возможностью персонификации этих событий и общественных процессов, которые сами по себе не обещают безусловного внимания со стороны аудитории. Многие аспекты сотрудничества попадают в информационную картину дня лишь благодаря тому, что по их поводу высказался Глава государства, руководитель китайской делегации.

Весь массив публикаций мы разделили (с определенной долей условности) по таким критериям, как область сотрудничества, которая затронута в них и жанровая принадлежность.

Очевидно, что публикации распределяются крайне неравномерно как по областям деятельности, так и по жанрам. Отмечено доминирование информационных жанров, на этом фоне крайне слабо представлены аналитические жанры. Впрочем, подобная жанровая структура публикаций о белорусско-

китайском стратегическом сотрудничестве наблюдается на протяжении ряда лет, является устоявшейся в белорусских медиа. По меньшей мере вызывает недоумение, когда той или иной важной проблеме, реализуемому проекту, медиа уделяют одну-две информации, и этим ограничиваются. В связи с этим можно говорить об определенном жанровом, тематическом и информационном дисбалансе в освещении вопросов стратегического партнерства Республики Беларусь и Китайской Народной Республики.

Объем и характер презентации экономических проблем стратегического партнерства в медиа различается в зависимости от типа периодического издания и временного контекста. Так, для общенациональных печатных медиа приоритетность проблем имеет высокую степень совпадения, тогда как в некоторых электронных они остаются незамеченными. И наоборот, ряд вопросов сотрудничества поднимался только электронными медиа, но не осознавался на уровне общенациональных печатных медиа.

Нами выделены концептуальные слова, которые составляют комплекс концепта «стратегическое партнерство», частотны в статьях данной тематики, определена их оценочность и ее знак – позитивный или негативный, для чего составлены списки прилагательных-признаков. Ведь «...эмоционально-оценочные эпитеты, являются наиболее ярким языковым средством, способствующим формированию образа» [10].

Необходимо также учитывать, что «образы, которые формируются в сознании человека, <...> во многом <...> создаются и транслируются средствами массовой информации. ...Эта информация оказывает серьезное влияние на формирование системы ценностей общества как некой системы координат» [11].

Данную систему ценностей, которая представляет собой определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного общества, называют когнитивной базой [12]. Когнитивную базу формируют «не столько представления как таковые, сколько инварианты представлений (существующих и возможных) о тех или иных феноменах, которые хранятся там в минимизированном, редуцированном виде» [13].

В условиях нарастания темпов глобализации, отмечает китайский исследователь У Сюцзюань, «на развитие и характер межгосударственных отношений помимо экономических, политических, дипломатических и культурных факторов, серьезное влияние оказывает наличие образа страны, присутствующего в общественной мысли и обыденном сознании других народов» [14]. По мнению У Сюцзюань, по отношению к Китаю и его международной политике у зарубежной аудитории доминируют недоверие и подозрительность, особенно сейчас, когда его геостратегическое и экономическое влияние растет. Впрочем, социальной психологией не изучены механизмы трансформации в сознании реципиента отдельных сообщений медиа о государстве в образ страны-партнера, в образы его экономических успехов и достижений, которые в итоге складываются в картину мира, формируют или изменяют ее.

Тем не менее общим местом стало утверждение о том, что «сущность СМИ состоит в манипуляции общественным сознанием: при обработке подаваемого материала имеют место отбор фактов, редактирование, а часто и деформация материала; адресаты воспринимают информацию, определенным образом организованную, специально структурированную, адаптированную и категоризирующую реальный мир в зависимости от мировоззренческих и идеологических позиций заказчика. Конструируя социально-культурные ценности, СМИ формируют одновременно информационную картину мира» [15, с. 14]. Подобные медийные практики рассматриваются автором на фоне мировых тенденций, свойственных постиндустриальному обществу. Можно предположить, что в определенной степени они характерны для отражения белорусскими медиа проблем становления новых форм экономического и политического сотрудничества двух государств – стратегического партнерства.

Принимая во внимание частоту использования, можно построить такую градацию концептуальных слов: «важные и перспективные проекты сотрудничества», «очень выгодные проекты», «является основным инвестиционным партнером Беларуси», «льготные кредиты», «новые производства», «инвестиционный продукт высоких технологий». О значении Китая образно сказал Президент Беларуси Александр Лукашенко, выступая 8 мая с посланием в парламенте: «Прочную стратегическую позицию мы займем, когда выстроим третью опору Беларуси во внешнем мире – на мировом Юге». Такая метафора запускает стандартные метафорические переносы значений, позволяет читателям сформировать следующие альтернативы: без Китая неустойчивость и падение, в союзе с ним – устойчивость и стабильность.

В свою очередь, характер сотрудничества передан следующими оценочными словосочетаниями: «большие перспективы», «важное значение», «высокий уровень взаимопонимания», «хорошее качество оборудования», «достигнуты хорошие успехи и хорошие результаты», «очень хорошее оборудование», «плодотворное взаимодействие двух государств». Также отмечаются «интенсивные и плодотворные двусторонние контакты» «позитивная динамика развития белорусско-китайского политического диалога», «высокий уровень взаимной поддержки», «прорывной характер инвестиционного сотрудничества», «крупнейший в истории двустороннего сотрудничества проект – строительство Китайско-белорусского индустриального парка».

Эта тенденция продолжается и тогда, когда речь идет о будущем: «следует расширить экономическое и научное взаимодействие с Китаем», «намерены углублять стратегическое партнерство», «существенно нарастить темпы и объемы сотрудничества в экономике, науке, культуре и образовании», «Беларусь и Китай и в дальнейшем будут тесно взаимодействовать, углублять свои связи».

О Китае белорусские медиа писали в превосходных степенях. Так, он «наращивал свою мощь огромными темпами», «стал крупнейшим экспортером мира и крупнейшим промышленным центром мира». Также отмечены «превращение Китая в подлинно космическую державу, овладевшую самыми сложными и передовыми технологиями» (о запуске пилотируемого космического корабля и автоматической стыковке его с орбитальным модулем); «імклівы

рост досягненняў кітайскіх навукоўцаў», якія «ўражваюць і знаходзяцца на вышэйшым сусветным узроўні».

В большинстве случаев репрезентуемые медиа события совершаются достаточно далеко от читателя, он не имеет возможности наблюдать их непосредственно, составить личное мнение о характере и сути происходящего. Как правило, такого рода информацию аудитория воспринимает без критического осмысления. Тем не менее, человек осмысливая информацию медиа, проецирует ее на себя, своей микросоциум, рассматривая и оценивая в первую очередь с точки зрения потенциальной угрозы собственному благополучию. Иное отношение к информации, которая непосредственно затрагивает интересы личности: когда потенциальные выигрыши и риски могут реализоваться, она воспринимается, оценивается и используется по-иному.

Так, тема создания Китайско-белорусского индустриального парка попала в число топовых в белорусских медиа. Говоря о проекте, подчеркивалось, что начато «строительство высокотехнологичного технопарка», в котором будут «беспрецедентные преференции резидентам», «крупные инвесторы, корпорации с мировым именем». В силу слабой информированности граждан, оппозиционная пресса активно муссировала предполагаемые негативные последствия реализации проекта. Со значительными усилиями данный тренд удалось преодолеть, подключив к «разъяснительной работе» вице-премьера правительства Анатолия Тозика и председателя Минского облисполкома Бориса Батуру. Аналогичная ситуация складывалась и развивалась вокруг строительства гостиницы «Пекин» в Минске.

Иные проблемы двусторонних отношений, такие (по мнению авторов) как перекосы в инвестиционной сфере, рост отрицательного сальдо нашей страны в торговле с Китаем, рассматривались исключительно оппозиционными медиа. Обеспокоенность тем, «что страна загоняется в кредитную, технологическую и, в перспективе, трудовую зависимость от Китая» выражали оппозиционные медиа.

Таким образом, ввиду достаточно взвешенного отбора фактов и проблем сотрудничества государственными медиа эти аспекты часто не включаются ими в повестку дня или освещаются очень осторожно и ограниченно. Подобные подходы с одной стороны, блокируют использование потенциала медиа в стратегическом партнерстве в деструктивных целях, с другой – оставляют их на откуп оппозиционным медиа.

Меньше внимания и газетной площади было уделено проблемам, которые переживала в текущем году Китайская Народная Республика. Тем не менее, в газете «СБ-Беларусь сегодня» собственный корреспондент издания Инесса Плескачевская дважды обращалась к теме замедления темпов роста китайской экономики, анализируя причины этого явления и возможные следствия для страны и мира.

Рассматривая средства выражения оценочности, можно предположить, что на палитру лексических средств, которые используют белорусские журналисты, оказывает влияние картина мира белорусов, что приводит к рассмотрению другой нации через призму собственных ценностных установок. Таким образом,

«...в практическом плане задача заключается в том, чтобы правильно идентифицировать вид оценочности...» [16].

Все средства оценочности, применяемые в белорусских медиа, следует отнести к эксплицитным, необходимо отметить редкость использования имплицитных средств выражения оценочности. В то же время еще со времен софистов косвенные средства воздействия доказали большую эффективность по сравнению с прямыми средствами речевого воздействия. Как отмечает М. А. Пильгун, «имплицитность обусловлена наличием у читателя определенного объема фоновых знаний, запрограммированного в тексте автором. Апеллирование к опыту и интеллектуальному багажу адресата создает иллюзию самостоятельности вынесения оценки, сделанного вывода, что во много раз расширяет рамки потенциального манипулирования сознанием получателя информации» [16].

Таким образом, для создания позитивной оценочности в белорусских медиа преимущественно использовались эксплицитные средства – эпитеты, выраженные прилагательными в превосходной степени, которые содержат в своей семантике высокую степень оценочного компонента. Они воздействуют на эмоционально-оценочный уровень восприятия, заставляя читателей испытывать чувство сопричастности, гордости за страну, с которой развиваются столь продуктивные и эффективные связи, уверенности в правильности выбранного курса на партнерство именно с данным государством, ожидания значимых результатов от него. Одновременно в сознании аудитории формируется образ Китая как огромной, мощной страны, которая динамично развивается и успешно преодолевает все трудности.

Выявленная языковая специфика характеризует явления, характерные для дискурса с воздействующей установкой, и влияет на категории критического мышления.

Литература

1. *Караулов, Ю. Н.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // *Познание. Коммуникация* / Т. А. Дейк. – М., 1989. – 312 с.
2. *Кожемякин, Е. А.* Дискурс-анализ массовой коммуникации / Е. А. Кожемякин // *Global Media Journal Глобальный медиажурнал [Электронный ресурс]*. – 2012. – Режим доступа: http://www.gmj.sfedu.ru/v2i1/v2i1_kozhemyakin.htm. – Дата доступа: 01.10.2012.
3. *Костина, К. В.* Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе: автореф. ... канд. филол. наук 10.02.04 / К. В. Костина. – Иркутск, 2011.
4. *Нозль-Нойман, Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Нойль-Нойман. – М., 1996. – 352 с.
5. *Пономарев, Н. Ф.* Информационные поводы и формирование медиаповестки дня в СМИ / Н. Ф. Пономарев // *Некоммерческое партнерство Центр дистанционного образования «Элитариум» (С-Пб.) [Электронный ресурс]*. – 2010. – Режим доступа:

http://www.elitarium.ru/2010/09/08/formirovanie_mediapovestki.html. – Дата доступа 12.10.2012.

6. *Фомичева, И. Д.* Социология СМИ: учеб. пособие для студ. вузов / И. Д. Фомичева. – М., 2007. – 335 с.

7. *Полонский, А.* Медиа-дискурс концепт: опыт проблемного осмысления / А. Полонский // Современный дискурс-анализ [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml>. – Дата доступа: 22.10.2012.

8. *Вартанова, Е. Л.* О современном понимании СМИ и журналистики / Е. Л. Вартанова // Эл. науч. журнал ф-та жур-ки МГУ «Медиаскоп» вып. № 1, 2010 г. [Электронный ресурс]. – 2003–2012. – Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/521>. – Дата доступа 21.10.2012.

9. *Адамян, О. Х.* Международное сотрудничество в условиях глобальных перемен: автореф. ... канд. полит. наук 23.00.04 / О. Х. Адамян. – М., 2011.

10. *Сорокина, О. Н.* Языковая реализация образа Китая в СМИ США: информационная модель «Вооружение Китая» / О. Н. Сорокина // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 6(85). – С. 57–64.

11. *Давыдова, Т. Ю.* СМИ как фактор формирования образа власти в картине мира российских граждан: автореф. дис. ... канд. полит. наук 19.00.12 / Т. Ю. Давыдова. – М., 2009.

12. *Маслова, В. А.* Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск, 2008. – 272 с.

13. *Демьянков, В. З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. – М., 2003. – С. 116–133.

14. *Сюцзюань, У.* Формирование и функционирование имиджа Китая в современном контексте / У Сюцзюань // Международная научно-практическая конференция «СМИ в современном мире. Петербургские чтения» / СПб. гос. ун-т Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций. [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://rus.jf.spbu.ru/conference/2197/2203.html>. – Дата доступа: 22.10.2012.

15. *Солганик, Г. Я.* Современная публицистическая картина мира / Г. Я. Солганик // Публицистика и информация в современном обществе / под общ. ред. Г. Я. Солганика. – М., 2000. – С. 9–23.

16. *Пильгун, М. А.* Средства выражения оценочности в медиатексте в контрастивном аспекте / М. А. Пильгун // Вестник Нижегородского гос. лингв-го ун-та им. Н. А. Добролюбова. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Вып. 3. – Н. Новгород, 2008. – С. 21–35.

Б. Л. ЗАЛЕССКИЙ

доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы

Института журналистики Белорусского государственного университета

(г. Минск, Республика Беларусь)

НОВЫЕ СТУПЕНИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА И МЕДИА

Первое десятилетие XXI в. претендует на то, чтобы занять в современной истории Китайской Народной Республики совершенно уникальное место. Ведь именно в эту пору «международный курс Пекина стал мыслиться как комплекс

мер, ориентированных на реализацию задачи обретения страной статуса великой державы, которая участвует в формировании международной системы, а не просто реагирует на происходящие в ней процессы» [1]. Именно в эту пору в приоритеты Китая стали входить такие задачи, как формирование сети двусторонних партнерств не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Центральной Азии, но и в более отдаленных частях планеты. Конечно, этому процессу во многом способствовала глобализация, которая «предоставила Китаю возможность еще лучше использовать свои внутренние и внешние ресурсы. С одной стороны, можно привлекать больше капиталов, технологий и передовых методов управления, с другой – можно осуществлять “выход за границу”, участвовать в транснациональных инвестициях, использовать зарубежные ресурсы» [2].

Именно в эту пору сформулирован план развития китайской экономики на 11-ю пятилетку, в котором акцент впервые был сделан на продвижение новых отраслей, связанных с высокими технологиями. А в октябре 2010 г. появился план развития Китая на 12-ю пятилетку – 2011–2015 гг., в котором «приоритет отдавался развитию семи стратегических отраслей, которые в идеале должны полностью поменять структуру экономики Китая. Это технологии “чистой” энергетики, новое поколение телекоммуникационного оборудования, биотехнологии, высокотехнологичное оборудование, новые материалы, гибридные и электрические автомобили» [3].

В осуществлении же своей внешней политики «Китай активно продвигает вперед межгосударственные связи с развитыми странами, строит добрососедские отношения с сопредельными государствами и активно сотрудничает с развивающимися странами» [4, с. 86], что, собственно, является выражением известной формулы “четырёх главных опор” внешней политики КНР, в которой «отношения с великими державами являются ключом, с окружающими странами – приоритетом, с развивающимися странами – основой, а многосторонние институты – трибуной» [1].

В комплексе все это оказало существенное влияние на то, что в мире в первом десятилетии XXI столетия стала формироваться новая деловая среда «с новыми нормами конкуренции в сфере бизнеса, другими условиями занятости и иными моделями потребления – среда, которая изменит линии политических, экономических и социальных фронтов и бросит новый вызов нациям, компаниям и каждому из нас <...> Мы являемся свидетелями непрерывного и стремительного становления будущей мировой державы, обладающей огромнейшими ресурсами, амбициозными запросами, сильными рыночными позициями и всеми финансовыми и технологическими средствами хорошо развитой диаспоры, которой присуща экономическая смекалка» [5].

Именно на середину первого десятилетия XXI в. приходится и “закладка фундамента” на уровне стратегического партнерства Китайской Народной Республики с Республикой Беларусь, когда 5 декабря 2005 г. стороны приняли совместную декларацию, в которой выразили решимость «расширять масштабное сотрудничество в областях, представляющих взаимный интерес <...>, предпринимать эффективные меры в целях разработки новых моделей сотрудниче-

ства» [6]. Тогда же после визита Президента Беларуси в Китай «в 2005 г. резко активизировалась торговля между двумя странами, после визита 2008 г. – кредитно-инвестиционное сотрудничество. Сегодня стороны переходят к новому этапу сотрудничества – научно-технологическому, что является очень перспективной формой взаимодействия» [7]. Иными словами, «двустороннее сотрудничество стран приобретает характер движения, набирающего масштабы во всех отраслях, в том числе в энергетике, дорожном хозяйстве, высокоинтеллектуальных проектах» [8]. Достаточно сказать, что по итогам 2011 г. объем двусторонней белорусско-китайской торговли уже преодолел рубеж в три миллиарда долларов. А в дальнейшем основные усилия двух стран «необходимо сконцентрировать на высокотехнологичных, наукоемких проектах, которые будут способствовать модернизации экономик и созданию высокотехнологичных производств» [9].

Разумеется, все эти процессы должны находить адекватное отражение в белорусских и китайских масс-медиа, так как стремительное развитие масштабного белорусско-китайского сотрудничества ведет к тому, что в него вовлекается все большее количество людей с обеих сторон, которые начинают работать в режиме межнационального, межгосударственного и даже межцивилизационного диалога, культуру которого еще предстоит воспитать. И «только совместная и скоординированная деятельность по созданию единого белорусско-китайского социокультурного и информационного пространства позволит успешно развивать взаимодействие на всех уровнях представителей таких разных локальных цивилизаций, какими являются китайская и восточнославянская» [10, с. 77]. Но пока уже набранные темпы развития стратегического партнерства Беларуси и Китая явно опережают скорости публицистического осмысления этих процессов, по меньшей мере, отечественными журналистами-международниками, что может превратиться в достаточно серьезную проблему белорусских медиа, плетущихся порою, как показывает практика, в хвосте событий.

Как нам кажется, “первый звонок” по этому поводу “прозвенел” еще в феврале 2012 г., когда на заседании белорусской части Белорусско-Китайской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству при анализе причин волнений, возникших в белорусском обществе из-за появившихся сведений о якобы запланированном сносе жилых поселков в районе Китайско-Белорусского индустриального парка, на правительственном уровне пришлось опровергать слухи и обоснованно признавать факт очевидного непрофессионализма белорусских журналистов-международников: «Возможно, здесь есть вина белорусской стороны в том, что не все сразу четко объяснили людям» [11]. Думается, что в данном конкретном случае представителям международного сегмента белорусской журналистики явно не хватило компетентности, чтобы разобраться в новой для них ситуации, продиктованной, как мы уже отмечали выше, стремительным развитием белорусско-китайского стратегического взаимодействия. А ведь уже в ближайшем будущем подобные ситуации могут возникать гораздо чаще, так как масштабы сотрудничества Беларуси и Китая нарастают просто лавинообразно.

Красноречивой иллюстрацией в этой связи является 2012 г., который оказался весьма насыщенным и плодотворным в плане реализации поставленных перспективных задач развития белорусско-китайского взаимодействия. «Белорусский экспорт в Китай увеличился за 5 месяцев нынешнего года почти на 11 %. Хорошо, что наши компании не только торгуют между собой, но и развивают инвестиционное и инновационное сотрудничество» [12]. На начало этого года Беларусь реализовывала с Китаем инвестиционные проекты, по которым уже были подписаны контракты и кредитные соглашения на общую сумму 5,5 млрд долл. «В целом же Китай потенциально готов реализовывать с Беларусью инвестиционных проектов на сумму около 16 млрд долл. <...> Беларусь воспользуется этими кредитными линиями только для реализации очень выгодных проектов» [11].

К числу таких проектов можно отнести комплексное строительство “под ключ” парогазового энергоблока на Минской ТЭЦ-5, контракт на осуществление которого был заключен еще в сентябре 2008 г. с Китайской национальной корпорацией по зарубежному экономическому сотрудничеству, а финансирование проекта осуществлялось за счет средств кредита Государственного банка развития Китая. Сумма займа составила 260 млн евро. Два года ушло на реконструкцию станции, а в декабре 2011 г. состоялся первый пуск нового энергоблока. Еще через полтора месяца станция вышла на проектную мощность. Реализация этого проекта позволит экономить не менее 141 тысячи тонн условного топлива в год на производстве электроэнергии в энергосистеме, что обеспечит снижение более чем на 20 млн долл. ежегодного оттока валютных средств на приобретение природного газа. По достоинству оценив в данном случае эффективность сотрудничества с китайскими партнерами, белорусская сторона даже выразила готовность «строить четвертый энергоблок в Минске, в районе Красного бора, где в настоящее время большие тепловые нагрузки <...> Уже к концу 2012 г. реально выйти на подписание контракта <...> По перспективным инвестиционным проектам Минэнерго в период 2012–2015 гг. планируется на конкурсной основе привлечь китайских инвестиций в объеме около 1 млрд долл.» [13].

Инвестиционное сотрудничество с Китаем позволило белорусской стороне вдохнуть новую жизнь и в развитие цементной промышленности страны. Еще в 2007 г. перед белорусским правительством была поставлена задача увеличить ежегодное производство цемента на отечественных предприятиях до 10 млн тонн. Для ее решения приступили к реализации инвестиционных проектов с участием Китая. Эти проекты предусматривали создание новых технологических линий по производству цемента “сухим” способом мощностью 1,8 млн тонн каждая и углеподготовительных отделений с переводом действующих линий клинкера с природного газа на уголь. Такая линия весной 2012 г. была сдана на предприятии «Красносельскстройматериалы». К 1 июля сооружение подобной линии фактически завершили и на Белорусском цементном заводе в Костюковичах. Благодаря реализации этого проекта с привлечением китайских инвестиций 255 человек получили хорошо оплачиваемую работу. На предприятии «Кричевцементношифер» срок ввода новой линии намечен на 1 мая 2013 г.

Реализация всех этих проектов позволит довести выпуск цемента в Беларуси в 2015 г. до 10 млн тонн. При этом его потребление на внутреннем рынке предполагается в объеме около 4 млн тонн. А белорусский лидер уже «предложил Китаю создать производство железобетонных изделий на базе пустующих площадей рядом с Белорусским цементным заводом» [14]. Логика этого предложения понятна. Дело в том, что китайская корпорация «Ситик», помогающая модернизировать белорусские цементные предприятия, осуществляет в некоторых европейских странах проекты, железобетонные изделия для которых привозятся из самого Китая. Понятно, что выпуск этих же изделий в Беларуси и последующая их поставка в Европу могут быть весьма выгодны как китайской компании, так и белорусским партнерам в силу того, что продукция нового производства будет поставляться в основном на экспорт. А это – новые рабочие места и валютная выручка.

Если продолжать строительную тему, то необходимо вспомнить и другие проекты прямого инвестирования, которые идут по плану: застройка жилого комплекса «Лебяжий» в Минске и возведение гостиничного комплекса «Пекин». Кроме того, белорусская сторона предложила «китайскому капиталу прийти в Минск для реализации проекта «Минск–Сити»» [15] и увидела принципиальную заинтересованность и готовность партнеров по диалогу оказать содействие в поиске китайских компаний для участия в данном проекте.

Еще одним крупным проектом реализации кредитных соглашений с Государственным банком развития Китая является техническое переоснащение филиала «Добрушская бумажная фабрика «Герой труда» ОАО «Управляющая компания холдинга «Белорусские обои», где планируется строительство комплекса по производству трехслойного мелованного и немелованного видов картона. В инфраструктуре этого комплекса предусматриваются: «завод по производству беленой химико-термомеханической массы для использования ее в композиции картона, теплоэлектроцентраль, лесная биржа, завод картоноделательных машин, очистные сооружения и цех водоподготовки» [16]. Здесь будет выпускаться 200 тыс. тонн картона в год для изготовления упаковки в полиграфической, фармацевтической, косметической и пищевой отрасли.

В числе других знаковых объектов белорусско-китайского сотрудничества следует назвать: создание нового фармацевтического производства для выпуска лекарственных препаратов с использованием современных биотехнологий, а также строительство завода по производству легковых автомобилей, которое планируется на производственной площадке ОАО «Борисовский завод «Автогидроусилитель» совместно с китайской корпорацией «GEELY»». «В 2012 г. по 2015 г. планируется построить уже новый завод производственной мощностью до 60 тыс. легковых автомобилей, а в 2015–2016 гг. довести мощности завода до 120 тыс. авто» [17].

Но, пожалуй, наиболее масштабным в белорусско-китайском инвестиционно-инновационном сотрудничестве должен стать проект Китайско-Белорусского индустриального парка, который будет размещен на площади более чем 80 квадратных километров в Смолевичском районе Минской области. Так, по мнению главы белорусского

государства, сегодня важно «не упустить возможности, которые открываются в связи с созданием Китайско-Белорусского индустриального парка, освоением беспрецедентной китайской кредитной линии» [18]. Деятельность парка будет направлена на развитие таких отраслей, как машиностроение, тонкая химия, биомедицина, бытовая техника, электроника. Предполагается, что основными рынками сбыта производимой здесь инновационной продукции станут страны Содружества Независимых Государств и Европы. Ожидается, что здесь будут размещены не только китайские, но и европейские производители: «В Правительстве Беларуси уже обсуждают предложения ведущих мировых компаний, которые готовы участвовать в этом проекте» [19].

На сегодняшний день все организационные вопросы по созданию этого индустриального парка в Беларуси уже решены: подготовлена необходимая нормативная документация; создана Администрация парка; зарегистрирована совместная белорусско-китайская компания по развитию парка. Важной предпосылкой успешного осуществления данного проекта является тот факт, что «заинтересованность в финансировании проекта проявляют два крупнейших банка Китая – Госбанк развития Китая и Эксимбанк Китая. С последним уже заключено соглашение о сотрудничестве при реализации данного проекта, а с Госбанком развития аналогичное соглашение будет подписано в ближайшие месяцы» [20]. Кроме того, Китайско-Белорусский индустриальный парк станет крупнейшим проектом, реализуемым Китайской корпорацией инжиниринга и ее головной компанией – Китайской национальной машиностроительной корпорацией – в нашей стране. О серьезности намерений этих структур китайского бизнеса в Беларуси говорит и тот факт, что они планируют в нашей республике реализовать и ряд других проектов, среди которых выделяются: строительство завода по производству сульфатной беленой целлюлозы на базе ОАО «Светлогорский целлюлозно-картонный комбинат» мощностью 400 тыс. тонн в год; строительство в Светлогорске гостиницы с привлечением прямых иностранных инвестиций; создание белорусско-китайской проектной организации.

Весьма важной тенденцией последнего времени в усилении инвестиционно-инновационного сотрудничества Беларуси и Китая становится активное участие в этом процессе представителей регионов двух стран. В частности, в этой связи можно вспомнить создание несколько лет назад Белорусско-Китайского технопарка в зоне высокотехнологичного производства китайского города Чанчунь – административного центра провинции Цзилинь, где порядка 15 предприятий, входящих в его состав, имеют давние и устойчивые связи с белорусскими научными и инновационными организациями, а среди совместных проектов выделяется создание предприятий по производству медицинской и лазерной техники, а также по выпуску высокоточных электродвигателей. На первом этапе в Чанчуне под этот технопарк выделили уже «около 30 гектаров земли для строительства офисных и производственных помещений. В дальнейшем возможно выделение еще 30 гектаров» [7].

А на территории другой китайской провинции – Хэйлунцзян, в ее административном центре – Харбине, успешно работают созданные еще в 2010 г. совместные предприятия по производству комбайнов (с участием ПО «Гомсель-

маш») и тракторов (с участием ПО «Минский тракторный завод»): «В 2011 г. продано более 400 кукурузо- и кормоуборочных комбайнов, 50 тракторов. Растет степень локализации производства, которая доведена до 50 процентов в комбайнах и до 15 % – в тракторах <...> Рентабельная работа предприятий позволяет вкладывать средства в дальнейшее их развитие, расширять производственные мощности и активнее продвигать производимую продукцию на китайском рынке» [21]. И речь сегодня идет как о расширении данных производств, так и о выходе на новые совместные проекты. В частности, прорабатывается возможность выпуска в Китае белорусских зерноуборочных комбайнов и другой техники, поэтому Беларусь «заинтересована в развитии партнерства с Харбином и через него в выходе на другие рынки региона» [22].

Не менее мощной выглядит активизация в белорусско-китайском научно-техническом и производственно-кооперационном сотрудничестве провинции Гуандун, где находится корпорация «Мидеа Групп», в 2008 г. создавшая в Беларуси совместное предприятие по выпуску сложнobyтовой техники. Когда китайская сторона убедилась в надежности и перспективности сотрудничества с ОАО «Горизонт» в рамках этого СП, она в 2009 г. увеличила свою долю в нем с 30 % до 51 %. И сегодня выражает намерение по созданию новых производств на территории Беларуси, в том числе и в рамках Китайско-Белорусского индустриального парка.

Интересна провинция Гуандун для белорусских производителей и тем, что является крупнейшим потребителем интегральных схем, производимых ОАО «Интеграл». В этой же провинции располагаются штаб-квартиры лидеров не только китайского, но и мирового рынка телекоммуникаций – корпораций «Хуавэй» и «ЗТЕ». В Беларуси их больше знают по поставкам телекоммуникационного оборудования. В мае 2012 г. корпорация «ЗТЕ» подписала с белорусской стороной меморандум о создании производственного предприятия в Китайско-Белорусском индустриальном парке для продвижения своих технологий и электронных меток. Словом, обмены в научно-технической сфере с данной провинцией развиваются весьма активно. В их рамках отрабатываются совместные проекты в области микропроцессорной техники, программирования и новых материалов. Открываются перспективы сотрудничества в фармацевтической области, в разработке систем управления и программного обеспечения. В частности, конкретным итогом 10-го заседания межправительственной белорусско-китайской комиссии по сотрудничеству в области науки и технологий в мае 2012 г. стало заключение соглашения между Белорусским национальным техническим университетом и Линьянским техническим институтом провинции Гуандун об обмене результатами научно-технической деятельности и опытом индустриализации. Тогда же Протокол о намерениях проводить совместные исследования в области разработки интеллектуальной системы управления в чрезвычайных ситуациях подписали ОАО «Агат – системы управления» и Цзинаньский университет. И был поставлен вопрос о необходимости создания Совета управления научно-техническим сотрудничеством Беларуси и провинции Гуандун. Сейчас, в связи с активизацией работ по созданию Китайско-Белорусского индустриального парка, для провинции особый интерес пред-

ставляет более плотное взаимодействие с Минской областью. При этом, как заметил губернатор провинции Гуандун Чжу Сяодань, «речь идет не только об увеличении товарооборота, но и взаимных инвестициях. Кроме того, есть потенциал для развития сотрудничества в области науки и техники, образования, культуры и туризма» [23].

Как видим, стратегическое партнерство Беларуси и Китая обретает все более зримые практические черты. И этот факт ставит перед представителями белорусской и китайской международной журналистики вполне определенные задачи. При осуществлении таких масштабных планов и проектов, безусловно, новым инновационным содержанием должны наполняться и сами средства массовой информации двух стран, и их взаимодействие по формированию совместного белорусско-китайского медийного пространства как пространства информационно-интеграционных связей, формы и способы которого должны осваивать, в первую очередь, журналисты-международники. Вырабатывая новые творческие стратегии по освещению тематики белорусско-китайского взаимодействия, они должны, прежде всего, опираться на всю полноту имеющейся информации для получения всесторонней и достоверной картины происходящего. Тогда это будет способствовать появлению продуктивных публицистических идей, чего пока, как уже отмечалось выше, еще явно не хватает в данном конкретном случае международному сегменту белорусской журналистики.

Литература

1. *Мамонов, М.* Инерция и новации во внешней политике Китая / М. Мамонов // Научно-образовательный форум по международным отношениям [Электронный ресурс]. – 2003–2012. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm>. – Дата доступа: 27.10.2012.
2. *Подолько, Е.* Глобализация в китайской внешней политике / Е. Подолько // РАУ-Университет [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N8_2006/8_09.HTM. – Дата доступа: 27.10.2012.
3. *Завадский, М.* Первоначальное накопление технологий / М. Завадский // Группа «Эксперт» [Электронный ресурс]. – 1995–2012. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/12/pervonachalnoe-nakoplenie-tehnologij/>. – Дата доступа: 27.10.2012.
4. *Цзайци, Л.* Внешняя политика КНР и перспективы китайско-российских отношений / Л. Цзайци // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 9. – С. 84–90.
5. *Шенкар, О.* Китай XXI век / О. Шенкар // МЕТА [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://lib.meta.ua/book/25713/>. – Дата доступа: 27.10.2012.
6. Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики от 5 декабря 2005 года // Беларусь-Китай [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.belaruschina.by/ru/belarus_china/declaration.html. – Дата доступа: 26.10.2012.
7. 10 октября Александр Лукашенко посетил Всемирную выставку “ЭКСПО-2010” в Шанхае // Пресс-служба Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press30106.html#doc>. – Дата доступа: 26.10.2012.

8. Беларусь рассчитывает на расширение совместных проектов с Китаем – М. Мясникович // Беларусь-Китай [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.belaruschina.by/ru/news/2011/December/09December-839.html>. – Дата доступа: 24.10.2012.
9. Александр Лукашенко встретился с Заместителем Председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР Лу Юнсяном // Пресс-служба Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press132936.html>. – Дата доступа: 23.10.2012.
10. *Залесский, Б. Л.* Журналистика глобального сообщества. Теория и практика / Б. Л. Залесский. – Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. – 108 с.
11. Беларусь реализует с Китаем инвестпроекты общей стоимостью 5,5 млрд долл. – А. Тозик // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4273/print>. – Дата доступа: 25.10.2012.
12. Премьер-министр Беларуси Михаил Мясникович встретился с заместителем председателя Центрального военного совета КНР Сюй Цайхоу // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4491>. – Дата доступа: 23.10.2012.
13. Александр Лукашенко совершил рабочую поездку в Минскую область // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.embassybel.ru/news/877185672a37.html>. – Дата доступа: 24.10.2012.
14. 10 августа Александр Лукашенко посетил Белорусский цементный завод в Костюковичском районе // Пресс-служба Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press139289.html>. – Дата доступа: 24.10.2012.
15. А. Тозик обсудил с замминистра коммерции КНР реализацию крупных инвестиционных проектов // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4333>. – Дата доступа: 23.10.2012.
16. Кредитование проекта Добрушской бумажной фабрики составит 296,3 млн долл. и 328,6 млн китайских юаней // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4506>. – Дата доступа: 29.10.2012.
17. В Борисове Премьер-министр Республики Беларусь Михаил Мясникович посетил место будущей сборки легковых автомобилей // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4338>. – Дата доступа: 23.10.2012.
18. Александр Лукашенко представил в должности нового Министра иностранных дел Владимира Макея // Пресс-служба Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press132524.html>. – Дата доступа: 23.10.2012.
19. Беларусь и Китай имеют резервы для расширения торгово-экономического сотрудничества – М. Мясникович // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.gov.by/ru/content/4400>. – Дата доступа: 23.10.2012.

20. А. А. Тозик встретился с делегацией китайской компании САМСЕ // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4561>. – Дата доступа: 23.10.2012.
21. А.Тозик встретился с президентом компании «Харбин Дунцинь Групп» Чжан Дациюнем // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4399>. – Дата доступа: 23.10.2012.
22. Первый заместитель Премьер-министра Беларуси Владимир Семашко встретился с делегацией из КНР // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4480>. – Дата доступа: 23.10.2012.
23. Михаил Мясникович встретился с китайской делегацией во главе с губернатором провинции Гуандун Чжу Сяоданем // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/4597>. – Дата доступа: 29.10.2012.

С. Я. ЕРМОЛИЧ

старший преподаватель кафедры социальной работы

*Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка,
кандидат педагогических наук (г. Минск, Республика Беларусь)*

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛАХ КИТАЯ

Нравственное воспитание и традиции обучения в Древнем Китае базировались на опыте семейно-общественного воспитания. Жизнь в любой семье протекала под знаком сложившихся веками обычаев и представлений. Так, считалось, что у каждого дома есть свой покровитель (цзаован), который оценивает поведение, труд и прилежание домочадцев. Всем членам семьи следовало соблюдать определенные правила и ограничения, например, запрет на бранные слова, поступки, которые могут навредить старшим и остальным родственникам. Люди верили, что существуют божества, следящие за нравственностью на земле. Подобный настрой усиливала непрменная атрибутика в каждом жилище – картинки с изображением нравоучительных сценок.

В основе школьного обучения лежало почитание старших, наставник воспринимался как второй отец. Первые школы в Древнем Китае появились в III тыс. до н. э., чуть позднее для их названия стали употреблять иероглиф «сюэ» (учить, учиться) [1]. Подход к школьному обучению в Древнем Китае сводился к краткой, но емкой формуле: легкость, согласие между учеником и учителем, самостоятельность школяров. Наставник заботился о том, чтобы научить самостоятельно ставить и решать различные задачи, в том числе нравственные.

Китай стоит в ряду древних цивилизаций, где в недрах философской мысли были сделаны первые попытки теоретически осмыслить воспитание и образование. Основные философские школы сформировались в Китае к VI в. до н. э. К ним относились моизм, школа легистов (законников) и конфуцианство. Наибольшее влияние на развитие школы и педагогики в Древнем Китае оказало учение Конфуция (551–479 до н. э.), в котором особое внимание уделялось нравственному самосовершенствованию личности. Конфуций считал воспитание и образование необходимыми условиями развития общества. Со временем в Китае слова «конфуцианец» (последователь Конфуция) и «ученый» стали синонимами, вся ученость заключалась в знании его книг, которые должны были составлять основу обучения. Идеалом воспитания, по Конфуцию, считается осознание человеком своего места в обществе и овладение «шестью искусствами» – церемониалом, музыкой, стрельбой из лука, ездой в колеснице, письмом и счетом. Конфуцианство выработало особый тип образованного человека, который усердно делает служебную карьеру и гордится ею, повторяет старинные тексты, беспрекословно чтит нормы и правила поведения в обществе и семье.

Конфуций создал свою школу, где, по преданию, прошли обучение до 3 тыс. учеников. В дальнейшем мыслитель почитался как божественный покровитель науки и образования. Методика преподавания в школе Конфуция преду-

сма тривала диалоги учителя с учениками, классификацию и сравнение фактов и явлений, подражание образцам. В процессе учебы, считал Конфуций, человек становится лучше и нравственнее, стремится к исправлению недостатков и неправильных поступков. Он выступал за просвещение народа с целью заставить его следовать правильным путем, который сам народ выбрать не может, ибо это – высшая мудрость, доступная лишь немногим, призванным править людьми и своим примером вести их за собой. Так Конфуций обосновывал необходимость существования слоя образованных правителей. При этом он ограничивал обучение гуманитарными предметами и совершенно игнорировал приобретение трудовых навыков. Особое внимание он обращал на изучение древности, когда существовало совершенное правление, ее литературно-исторических памятников. Конфуций, его ученики и представители конфуцианской философской школы любовно хранили и пропагандировали памятники древней литературы. Благодаря им эти памятники дошли до наших дней как живые свидетельства о древней китайской культуре и системе воспитания.

Конфуций считал, что нравственность составляет главную основу поведения человека, и поэтому оценивал людей, прежде всего, с моральной точки зрения. По его мнению, все люди по своей природе близки между собой, но им присущи разные привычки. Одни становятся добрыми и нравственными, а другие – дурными и злыми. Человека высшей добродетели Конфуций называл «благородным мужем» и противопоставлял ему «низкого человека», лишенного этого качества. «Благородный» человек, считал он, должен постоянно самосовершенствоваться, исправлять свои ошибки, соблюдать идеальные правила, или «нормы поведения». Они существовали в китайском обществе задолго до Конфуция и представляли собой установленные обычаями образцы того, как надо поступать во всех случаях жизни в зависимости от положения человека в семье и обществе. Мудрец исходил из незыблемости этих установок и постоянно их пропагандировал, понимая под «нормами поведения» не просто житейские правила, а «принципы «должного», «благопристойного» поведения человека по отношению к другим людям», в которых должны проявляться такие добродетели, как искренность, преданность, скромность, умеренность, уступчивость.

Характеризуя учение Конфуция, необходимо подчеркнуть, что он особо выделял две добродетели, которыми должен обладать человек, – долг (или справедливость) и гуманность (или человеколюбие). «Долг – это внутреннее бескорыстное побуждение человека поступать в каждом данном случае нравственно... Долг регулирует отношения между государем и подданными, предписывает людям, чтобы они не нарушали общественного порядка, не выступали против правителей» [2]. Гуманность – это любовь к людям: «быть в состоянии смотреть на других как на самого себя – вот что можно назвать искусством гуманизма» [2].

«Чего не желаешь себе, не делай и другим», – утверждал он. Это качество в понимании Конфуция, сумма всех добродетелей: «Победить себя и возвратиться к «нормам поведения» – значит стать гуманным человеком» [2].

Конфуций и его последователи считали, что в первую очередь надо любить своих родственников, а потом уже всех остальных. Поэтому сыновняя почти-

тельность и братская любовь рассматривались ими как важные стороны понятия гуманности. Дети должны быть послушными и уважать родителей; те, в свою очередь, – любить детей и проявлять по отношению к ним снисходительность; младшие братья обязаны служить старшим. Лишь примерный сын и брат могут быть хорошими подданными. В отношениях между друзьями важны прямота и честность, тогда дружба облагораживает их, помогает приобретать знания и нравственно совершенствоваться. Что же касается женщины, то конфуцианство отводило ей незавидную участь. До замужества она должна служить своим родителям, после свадьбы – мужу, после смерти мужа – его родителям и сыну. Согласно конфуцианской морали, женщина должна быть добродетельной, уметь поддерживать разговор, следить за своей внешностью, проявлять искусство в рукоделии. Она не учится в школе и получает воспитание исключительно в семье.

Как отмечает современный ученый педагог Лю Цзочан, понятие «гуманность» (жэнь) составляло основное ядро в педагогической системе Конфуция: «Во-первых, гуманность – важнейший компонент содержания воспитания и обучения; во-вторых, достижение гуманности является целью учебно-воспитательного процесса; в-третьих, в результате воспитания каждый человек должен стать воплощением гуманности» [2].

Главные в этико-политическом учении Конфуция нравственные принципы «жэнь» (гуманность, человечность) и «ли» (нормы, правила поведения) были самым тесным образом связаны с воспитанием и обучением в школе. В этом кроется основная причина долговечности конфуцианского учения, имеющего 2500-летнюю историю. Кроме того, как отмечает В. В. Малявин, «Конфуцию удалось создать многочисленную и влиятельную педагогическую школу, положение которой в древнекитайском обществе почти не зависело от перипетий политической борьбы именно потому, что сердцевиной конфуцианской традиции было учение о нравственном совершенствовании и ценности символического языка культуры. Каковы бы ни были личные пристрастия правителей Китая, никто из них не мог поставить идеологию и политику выше культуры и нравственного воспитания. Попытки отвергнуть наследие Конфуция, как случилось, например, в царствование первого китайского императора Цинь Шихуана, приводили лишь к быстрому вырождению и краху династии» [2]. Последний раз учение Конфуция пытались «закопать» при Мао Цзэдуне в период «культурной революции». За 2,5 тысячи лет китайцы убедились в том, что в условиях их страны учение Конфуция бессмертно потому, что оно верно.

В процессе воспитания Конфуций стремился развивать активность учащихся, побуждать их к учению, к добыванию знаний. Он поощрял самостоятельную работу и призывал к нравственному самосовершенствованию. Он требовал от учащихся повторения ранее полученных знаний. Повторение, по его мнению, позволяет учащимся успешно продвигаться вперед и овладевать новым материалом. «Кто повторяет старое и узнает новое, тот может быть наставником для других». Конфуций старался быть образцом для своих учеников. Личный пример учителя он рассматривал как важный и эффективный метод нравственного воспитания и обучения. Этим он подчеркивал важность руководящей роли педагога в учебно-воспитательном процессе. За свою богатую

эрудицию, обширный по тем временам кругозор, за неудержимую тягу к знаниям и стремление к самосовершенствованию Конфуций снискал глубокое уважение к себе со стороны учеников и пользовался у них заслуженным авторитетом.

Китайский ученый-педагог Чжоу Юйдэ дает высокую оценку педагогическому профессионализму Конфуция. Во-первых, он проявлял большую «демократичность» в отношениях с учеником: уважал его как личность, выслушивал его мнения и доводы во время бесед и дискуссий. Во-вторых, он вовсе не стремился сдерживать инициативу учащихся и даже выказывал к ним снисхождение, был сам сдержан и уступчив. Он считал, что ученики не должны быть слишком податливыми перед лицом авторитета учителя в процессе познания истины.

Китайский историк педагогики Шэнь Гуаньцзюнь обращает внимание на тезис Конфуция об использовании знаний на практике. Конфуций требовал, чтобы ученики строго соблюдали нормы морали и этикета, представление о которых они получали в процессе учения, не отступали от них и руководствовались ими в жизни во всех своих делах и поступках. Прежде чем сделать что-либо, подумай, не противоречат ли твои дела и поступки тому, что ты знаешь. Эта мысль у Конфуция выражается термином «чжи – син», т. е. «знать – действовать». Другими словами можно сказать, что Конфуций стремился воспитывать у своих учеников соблюдение принципа единства слова и дела.

Педагогические идеи Конфуция, его интерес к человеческой личности определяли содержание образования, которое он предлагал своим ученикам. Он не отказывался от традиционного подхода в этой сфере, культивировавшегося в школах Китая в тот период, так как оно выражало ценности «древности», которую он боготворил. Конфуций положил в основу содержания образования нравственное воспитание, которое дает народу мир и спокойствие. Оно включает гражданское воспитание, нормы и правила поведения, преданность и искренность. Нравственное обучение должно осуществляться в процессе изучения морали (этикета), поэзии и музыки.

Некоторые современные китайские педагоги говорят о том, что Конфуций выступал за осуществление всестороннего воспитания учащихся, но подчеркивают, что не надо понимать это буквально, с позиций сегодняшнего толкования данного термина. У Конфуция это выступает как принцип морально-нравственного воспитания, соблюдение которого служит цели достижения гармонии в обществе. Гармония в обществе называется «Чжун юн» («Учение о середине» или «Середина и постоянство»). «Середина – это великий принцип для всего мира; гармония – это великий Путь Вселенной. Благодаря гармонии середины мир находится на своем месте, и все живое растет» – гласит изречение из классического канонического трактата «Чжун юн» («Учение о середине»). Гармония в обществе достигается на основе компромисса и путем координации отношений между людьми. Каждый человек должен упорно учиться и совершенствоваться, а совершаемые ошибки – исправлять.

Конфуций обобщил опыт воспитания и образования Древнего Китая и высказал собственные оригинальные идеи в этой области. В основе их лежали общепризнанные философские и социальные воззрения. Он рассматривал воспитание, нрав-

ственное самосовершенствование как существенный фактор человеческого бытия, неперемное условие благополучия. Стабильность общества, считал Конфуций, покоится на воспитании согласно социальному назначению: «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном» [3].

Глубокий философский смысл заложен в постановке Конфуцием проблемы роли природы и общества в воспитании. Природа человека – тот материал, из которого при правильном воспитании можно сформировать идеальную личность. Усматривая в воспитании огромную созидательную силу, Конфуций, однако, не считал его всесильным, увязывая конечный педагогический результат с наследственностью. Развивая этот тезис, ученый отмечал, что возможности людей от природы неодинаковы, он различал обладателей высшей врожденной мудрости («сыны неба», «правители»), людей, достигающих знания благодаря учению и вопреки ограниченным природным задаткам («благородные мужи», «опора государства») людей, не способных к трудному процессу постижения знания («чернь») [3]. Идеально воспитанный человек, по Конфуцию, должен был обладать высокими качествами: благородством, стремлением к истине, правдивостью, почтительностью, богатой духовной культурой. По сути, китайскому философу принадлежит едва ли не первая в истории человечества идея всестороннего развития личности, где преимущество перед образованностью отдавалось нравственному началу. Программой нравственного, умственного, эстетического, физического развития предусматривалось обучение «сынов неба» и «благородных мужей» упомянутым «шести Искусствам».

Классический труд, где нашли отражение педагогические взгляды Конфуция, – это трактат «Беседы и суждения» («Луньюй»), в нем воспроизведены беседы философа с учениками. Начиная со II в. н. э. трактат был обязательным для заучивания в китайской школе. Приведем некоторые изречения из этой книги, определяющие высокое назначение, принципы воспитания и обучения: «Учиться и не размышлять – напрасно терять время, размышлять и не учиться – губительно», «Если не можешь совершенствоваться сам, то как ты сможешь совершенствовать других людей?», «Учиться без пресыщения», «Учиться и время от времени повторять изученное».

Последователями Конфуция на протяжении четырех веков был составлен трактат «Книга обрядов» (IV–I вв. до н. э.). В этой книге школьное образование признается необходимым и первостепенным для человека: «Думай о том, чтобы постоянно пребывать в учении». В книге изложена система педагогических принципов, методов и приемов: «Если не пресечь дурное, когда оно обнаружилось, то дурное не преодолеть», «Благородный муж наставляет, но не тянет за собой, побуждает, но не заставляет, открывает путь, но не доводит до конца», «Благородный муж в учении закаливается, совершенствуется, приобретает знания в развлечениях», «Если учиться, когда ушло время, успеха не добьешься», «Питай почтение к последовательности», «Если учиться в одиночестве, кругозор будет ограничен, а познания скудны», «Учитель и ученик растут вместе» [3].

В трактате есть глава «Об учении», где содержится развернутая характеристика дидактических идей в духе конфуцианства. В ней излагаются задачи и

программа девятилетнего образования и воспитания. Начинать обучение предлагалось в возрасте 7–8 лет. После первого учебного года выясняли, умеет ли школьник читать и каковы его способности, через три года – питает ли ученик склонность к учению, приятно ли ему общество товарищей, через пять лет – насколько глубоки его знания и сильна привязанность к наставнику, через семь лет – способен ли он к рассудочным суждениям и умеет ли выбирать друзей. И наконец, через девять лет выпускник школы должен был «твердо стоять в науке».

По-своему развили конфуцианский взгляд на воспитание и образование китайские мыслители Мэнцзы (Мэн Кэ) (372–289 до н. э.) и Сюньцзы (Сюнь Куан) (298–238 до н. э.). Оба имели свои школы. Мэнцзы выдвинул тезис о доброй природе человека и потому определял воспитание как формирование высоконравственных людей. Сюньцзы, напротив, придерживался взгляда о злой природе человека и задачу воспитания видел в преодолении злого начала [3].

Перу неизвестного последователя Конфуция и Мэнцзы принадлежит трактат «Заметки об обучении» (Сюэцзи) (III в. до н. э.), где различаются понятия воспитания и обучения. Автор настаивает на необходимости в учебно-воспитательном процессе идти от простого к сложному.

На исходе эпохи Древнего Китая (II в. до н. э. – II в. н. э.) конфуцианство являлось официальной идеологией образования и воспитания. В этот период образованность получила сравнительно широкое распространение. Вырос престиж обученного человека, сложился своеобразный культ образованности. Школьное дело превратилось в неотъемлемую часть государственной политики. Возникла система государственных экзаменов на занятие чиновничьих должностей. Прошедшие курс школьного образования в сдаче таких экзаменов видели путь к общественной карьере.

Средневековая эпоха заняла в истории Китая громадный временной отрезок – с конца I-го тысячелетия до н. э. до конца XIX в. Эта эпоха складывалась из ряда периодов, каждый из которых отмечен определенными тенденциями и событиями в педагогической мысли и школьном деле. При династии Цинь (II в. до н. э.) была упрощена и унифицирована иероглифическая письменность, что существенно облегчило обучение грамоте. Была создана централизованная система образования из правительственных (казенных) школ (гуаньсюэ) и частных школ (сысюэ). Подобная типология учебных заведений просуществовала до начала XX в.

В период династии Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.) появилась бумага, что позволило осуществить подлинную революцию в средствах обучения. В эту эпоху приобрела достаточно ясные очертания трехступенчатая система образования – начальные, средние и высшие школы. Первые высшие школы (Тайсюэ) являлись столичными государственными учреждениями и предназначались для состоятельных людей. В таких школах обучалось до 300 студентов.

К ведущим ученым Китая этой эпохи, которые занимались вопросами воспитания и образования, относится Хань Юй (763–824 гг.). Автор трактатов «О человеке», «Как стать учителем», «Как преуспеть в учебе», Хань Юй преподавал в императорском университете Тайсюэ. Он выступил против распростра-

нившегося в Китае буддизма, за возврат к конфуцианским нравственным ценностям. Сутью этих ценностей называлась добродетель, которая должна проявляться в том числе и в воспитании. Хань Юй на особое место в воспитании ставил мудрого и нравственного учителя. По его мнению, процесс образования будет тем эффективнее, чем теснее отношения между учителем и учеником, чем больше времени они будут находиться вместе. Он подчеркивал, что приобретение знаний должно сопровождаться выявлением главного в этих знаниях. Хань Юй замечал, что праздность рождает нравственные пороки, тогда как прилежание в учебе ведет к учености, правильному мышлению [4].

В эпоху Хань официальной идеологией воспитания и образования становится конфуцианство. Классические конфуцианские трактаты становятся главным предметом изучения в школах. Полный учебный курс усвоения конфуцианских канонов был рассчитан на 10 лет. По окончании курса можно было сдать экзамены на ученую степень, что позволяло занять место в государственном аппарате.

Особый расцвет переживали культура и образование средневекового Китая в течение III–X вв. Расширялась сеть учебных заведений. Благодействовали высшие школы. Появились первые учебные заведения университетского типа. Произошли важные перемены в государственных экзаменах. К ним стали допускать практически любого человека, независимо от социального происхождения. Вместо устных экзаменов были введены письменные. Высшие учебные заведения присуждали ученую степень специалиста по пяти классическим конфуцианским трактатам: «Книга перемен», «Книга этикета», «Весна и осень», «Книга поэзии», «Книга истории».

На исходе «золотого века» китайского средневековья все сильнее проявлялся отрыв системы образования от практических нужд. Некоторые ученые пытались исправить положение. К их числу относился Ван Аньши (1019–1086 гг.). Начатая им реформа, однако, не принесла успеха. Постепенно в сфере образования усиливался отрыв от практических нужд, разлад единства задач воспитания и обучения. Некоторые ученые пытались исправить положение, предлагали, например, пересмотреть программы экзаменов, сделать их специализированными, подчеркивали, что экзамены не учитывают необходимости выявления нравственных добродетелей. Возможность преодолеть застой часть мыслителей усматривала в корректировке конфуцианства как идейной основы воспитания. Они утверждали, что конфуцианство превратилось в догму и схоластику.

Такую ревизию предпринял, например, философ и педагог Чжу Си (1130–1200 гг.). Он создал свою академию классического образования – Байлудун (Пещера белой лани), был автором философско-педагогических трактатов «Комментарии к конфуцианскому четверокнижию» и «Идеи академии Байлудун». Чжу Си предлагал в процессе воспитания органично сочетать знание, чувство, силу воли, проповедь. Целью такого воспитания назывались пять добродетелей-достоинств: благородство, правдивость, мудрость, чувство собственного достоинства, индивидуальность. Главными средствами воспитания рассматривались чтение литературы, наставления и размышления. Чжу Си трактовал жизнь и воспитание как победу разума и правил любви и предлагал, имея

это в виду, обращаться к идее Конфуция безусловного подчинения младших старшим, детей – родителям. Неоконфуцианство, как видно, радикально не противостояло требованиям, которые предъявлялись в то время китайским обществом подрастающему поколению.

Возможность преодолеть застой в образовании многие мыслители усматривали в корректировке конфуцианства как идейной основы теории и практики воспитания. Они утверждали, что конфуцианство превратилось в догму и схоластику. В этой ревизии особая заслуга принадлежала философу и педагогу Чжу Си (1130–1200 гг.), который трактовал жизнь как победу человеческого разума и правил любви. В конечном счете, обосновывались идеи безусловного подчинения младших старшим, детей – родителям, подчиненных – начальнику, что вполне укладывалось в требования, которые предъявляло средневековое китайское общество подрастающему поколению.

Важный этап в истории средневекового образования в Китае – правление династии Мин (1368–1644 гг.). В это время возникли предпосылки организации всеобщего начального обучения за счет увеличения сети учебных заведений элементарного образования. В Пекине и Нанкине были созданы специализированные высшие учебные заведения для подготовки кадров высшей администрации. Продолжались реформы государственных экзаменов. Они были еще более усложнены и регламентированы. Экзаменуящимся, например, вменялось писать в установленном стиле, от которого нельзя было отступать. Экзаменационное сочинение должно было состоять из восьми разделов со строго ограниченным числом иероглифов (не менее 300 и не более 700). Предметом сочинения могли быть лишь события, имевшие место после 220 г. [4]. В условиях нараставшего кризиса были сделаны попытки вырвать образование и педагогическую мысль из регламентации, освободиться от становившегося все более архаичным неоконфуцианства. Такие усилия предпринял, в частности, Ван Шоужэнь (1472–1528 гг.). Резко осуждая традиционные воспитание и обучение, он писал: «Сегодня, как и прежде, учителя наших детей не делают ничего иного, как учат повторять громким голосом фразы и письменно воспроизводить учебник. Они... выказывают свою неспособность вести детей по пути добродетели... Сами же дети смотрят на школу как на тюрьму, куда отказываются войти. Они видят в своих учителях злодеев и врагов и не желают с ними встречаться» [5].

Ван Шоужэнь рассматривал обучение и воспитание как сотрудничество с внешним миром, которое реализуется посредством изучения определенного учебного материала и объектов. Он предлагал пересмотреть роль учителя, которому следовало направлять познавательную мысль школьника, учитывать природную доброту ребенка, раскрепостить детскую активность, отказавшись от предельно управляемого воспитания.

В последнем периоде средневековья (XVII – начало XX в.) образование в Китае не претерпело серьезных перемен. Китай будто застыл, охваченный ледяным сном. Воспитание и обучение определяло неоконфуцианство. На его основе, например, были составлены правила морального поведения (1652 г.): выполняй сыновьи обязанности, почитай старших, поддерживай хорошие отношения с соседями, поучай и воспитывай сыновей и внуков, не со-

вершай дурных поступков. Содержание образования приобрело гуманитарный характер. Учащиеся не получали сведений о соседних и дальних странах. Им внушалась мысль, будто Китай есть весь мир. Многовековая изоляция от остального мира содействовала мифу самодостаточности и превосходства китайской цивилизации [4].

Китайская школа в последний отрезок средневековой истории – при маньчжурской династии Цин (1644–1911 гг.) не претерпела никаких серьезных изменений. Воспитание и обучение по-прежнему определяла неоконфуцианская идеология. Ценные и оригинальные идеи педагогов, например Хуан Цзунси (1610–1695), которого называют «китайским Руссо», оказались невостребованными и не повлияли на практику воспитания и обучения. Школьная система и государственные экзамены сохранялись в традиционном виде. Обучение мальчиков грамоте начиналось с 6–7-летнего возраста в государственных школах за небольшую плату. Длилось обучение семь-восемь лет. Девочки получали лишь домашнее воспитание. Состоятельные родители нанимали домашних учителей или отдавали детей в частную школу. Придя впервые в школу, мальчик кланялся изображению Конфуция, припадал к ногам учителя и получал иное – школьное имя. Понятие учебного года отсутствовало, так как прием в школу происходил в любое время года. Учились весь год, за вычетом праздников и новогодних каникул, с 7 часов утра до 18 часов вечера с перерывом на двухчасовой обед. Символ власти учителя – бамбуковая трость красовалась на видном месте и то и дело пускалась в ход. Каждый учился в собственном ритме. Главным способом было мнемоническое обучение. Отвечая урок, ученик поворачивался спиной к тексту и старался воспроизвести его по памяти. По итогам первоначального обучения нужно было заучить 2–3 тыс. иероглифов. Программа предусматривала последовательное заучивание текстов трех классических книг – «Троеслобие» (начала философии, литературы и истории), «Фамилии всех родов» (типология китайских имен), «Тысячесловник» (содержание сходно с «Троесловием»). Заучивали и другие тексты нравоучительного характера, например «Детские оды». Особое значение при элементарном обучении уделялось каллиграфии – искусству иероглифического письма. Сдав экзамен в начальной школе, учащиеся могли продолжить образование на следующей ступени. Обучение здесь длилось пять-шесть лет. В программу входили философия, литература, история, стилистика. В качестве учебных пособий использовались два конфуцианских компендиума: «Четверокнижие» и «Пятикнижие».

Нравственное воспитание в школах Китая имеет богатую историю и традиции, во многом сохраняет актуальность на современном этапе развития нравственного воспитания и образования.

Литература

1. Мазалов, М. А. История педагогики и образования / М. А. Мазалова, Т. В. Уракова // Библиотека p-lib.ru [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: www.p-lib.ru.
2. Джуринский, А. История зарубежной педагогики / А. Джуринский. – М., 2007. – 345с.

3. Клепиков, В. З. Конфуций – выдающийся педагог Древнего Китая / В. З. Клепиков // iTop [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.itop.ru>.
4. Джурицкий, А. Педагогическая мысль и образование на Ближнем и Среднем Востоке (VII–XVII вв.) / А. Джурицкий // Библиотека-Гумер [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/Djurin/05.php.
5. Педагогические идеалы, обучение и воспитание на средневековом Востоке. Школа и взгляды на воспитание в Китае // Студенту Пединститута – 2012. – Режим доступа: <http://pedagogika2007.narod.ru/1/4>.

Л. Е. КРИШТАПОВИЧ

заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, доктор философских наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

НЕ КОПИРОВАТЬ ЗАПАДНУЮ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Политики прозападного толка любят рассуждать о европейских ценностях и стандартах. Причем в их трактовке эти ценности и стандарты непременно объявляются универсальными принципами, которыми должны руководствоваться все государства и народы, стремящиеся к прогрессу. Следует отметить, что частенько и более широкая публика, причисляющая себя к креативному словию, принимает без особых сомнений тезис об универсальном характере западного общества. На этом мировоззренческом заблуждении и паразитируют современные политические и экономические резонеры, стремящиеся доказать, что исторический прогресс сводится к заимствованию западной парадигмы движения. Но в том-то и дело, что подобный вектор развития сегодня является абсолютно бесперспективным и бессмысленным.

Почему? Потому что прогресс в западной упаковке ограничивается лишь западными странами и его невозможно экстраполировать на незападную часть мирового сообщества именно по причине отсутствия тех условий, которые обусловили становление западной системы ценностей и западного образа жизни. То, что сегодня на Западе в какой-то степени является прогрессивным, обусловлено историческими факторами развития западной цивилизации, обустроившей свое благополучие за счет других народов. Доказательство: колониализм и работорговля в прошлом, всевозможные дискриминации в настоящем. Общеизвестно, без этих несправедливостей не было бы ни современной Англии, ни Франции, ни Голландии, ни Бельгии, ни США, т. е. всей западной цивилизации. Как справедливо отмечал известный американский политолог С. Хантингтон, «то, что Западу кажется универсализмом, остальному миру представляется просто империализмом» [1, с. 31].

Следовательно, более или менее прогрессивные условия жизни западного общества – это примерно такие же условия, которые были характерны для жизни феодалов, помещиков. Ведь в кругу себе подобных помещики тоже были цивилизованными, прогрессистами, демократами. Они исповедовали принципы чести, достоинства, равенства, свободы и в каком-то смысле даже братства, к

примеру, рыцарские ордена. Западная буржуазия в плане прогресса и демократии ничего нового не придумала. Она лишь распространила принципы жизни помещиков на более широкие слои общества, отменив сословные привилегии и установив равенство перед законом, но за счет расширения масштабов самой несправедливости. Если раньше эксплуатация ограничивалась областью феодально зависимых крестьян в самой Европе, то впоследствии в ее орбиту были включены народы других континентов. Вот и весь прогресс.

Поэтому, когда нас убеждают, что на Западе озабочены только тем, чтобы побыстрее сделать постсоветские республики демократическими и процветающими, а для этого, дескать, надо поскорее принять западные рекомендации по переустройству нашей жизни, то это означает только одно: нам предлагают сварить кашу из одного топора. Не имея тех исторических, экономических, финансовых, торговых условий, благодаря которым и сложился современный тип западной экономической, политической и социальной жизни, мы никогда не создадим подобного социально-экономического и политического устройства. А простой перенос на нашу почву западной модели будет вести не к прогрессу и процветанию, а к регрессу и деградации. Об этом мудро высказался духовный лидер индийского национально-освободительного движения Махатма Ганди. Когда накануне провозглашения независимости Индии его спросили, не думает ли он, что его стране следует скопировать английскую модель развития, Ганди ответил следующее. «Британии потребовалась половина ресурсов планеты, чтобы достичь своего процветания. Сколько же планет потребуется Индии для развития?» [2, с. 48].

Ответ Ганди поучителен тем, что он показывает невозможность прогрессивного развития страны на основе экстраполяции такой модели, которая была основана на колониализме. Западные политики и эксперты советуют незападным странам заимствовать их модели развития, но они не говорят о том, где найти столько планет, которые бы обеспечили процветание незападных народов. Поэтому и нам не надо думать, что мы можем заимствовать некую европейскую модель и встать на путь прогресса и процветания, не имея тех условий, благодаря которым и создавалось благополучие Англии, Франции, Голландии и других западных государств.

В свое время среди крестьян были тоже «мыслители», убеждавшие, что они могут жить, как дворяне, не меняя условий взаимоотношений со своими «просвещенными благодетелями». Таких «идеологов» цивилизованной жизни в народе метко окрестили холуями, хамами. Точно такими же идеологическими хамами Запада являются сегодняшние «европейские» и «либеральные» партии в постсоветских республиках, которые живописуют прогрессивный характер западной экономической и политической системы и призывают заимствовать эту систему нашим народам.

Важно понять, что современная форма западного процветания основывается на консервации несправедливых экономических, экологических, финансовых, торговых отношений с незападными странами. Как подчеркивается в Докладах Программы развития ООН, торговая политика богатых стран по-прежнему является крайне дискриминационной по отношению к экспорту раз-

вивающихся стран. Например, «Вьетнам платит 470 млн долл. за то, чтобы экспортировать в США товаров на общую сумму 4,7 млрд долл., в то время как Британия выплачивает ту же сумму в виде налога на экспортируемые товары общей стоимостью 50 млрд долл.» [3, с. 142]. Какая честнейшая конкуренция, не правда ли! Западные правительства навязывают другим странам принципы свободной рыночной экономики, невмешательство государства в хозяйственную жизнь, а сами управляют этим рынком в собственных интересах без зазрения совести, игнорируя все принципы честной конкуренции и свободной торговли. Или взять, к примеру, экономический кризис 2008 г., когда правительства США и Европейского союза откровенно заговорили о крахе саморегулирующей роли рынка и необходимости государственного регулирования всей финансовой системы. План спасения финансовой и экономической системы США экспертное сообщество квалифицировало как переход от либеральных принципов к принципам финансового социализма. Стоит только мировому сообществу не на словах, а на деле перейти на принципы экономической, финансовой, торговой, экологической справедливости, и вся экономическая и политическая система Запада развалится как карточный домик. Понимают ли это заправила западного мира? Безусловно, понимают. Так, один из идеологов Республиканской партии США О. Тоффлер предупреждает политические элиты о необходимости постоянно помнить, что главная линия конфликта проходит не на водоразделе христианства и ислама, а заключена в противопоставлении всего мира Западу [4, с. 62–72].

Все говорят о мировом кризисе. Но никакого мирового кризиса нет, если смотреть на сущность мировых процессов, а не ограничиваться поверхностным восприятием действительности. Кризис, разумеется, есть. Но какой или чей это кризис? Это кризис США, Европейского союза. Но это не мировой кризис. Мировым кризисом он был бы при условии, что и Китай оказался в кризисе. Но этого как раз нет. А поскольку Китайская Народная Республика – это мировая держава и всемирная нация, то и говорить о мировом кризисе не корректно. Наше заблуждение заключается в том, что мы на мировое развитие все еще продолжаем смотреть через призму того, что происходит в США или европейских странах, нисколько не понимая того, что такой взгляд относится уже к прошлому, а не к настоящему и, тем более, к будущему. Ибо ничего позитивного в плане мирового прогресса в США и Европе не происходит. А что там происходит? Происходит разложение всей социально-экономической и политической системы. И это разложение своими миазмами отравляет современную экономическую, социальную и духовную атмосферу. Все серьезные аналитики подчеркивают, что «мировой кризис – это не кризис Китая и других азиатских стран, это кризис западных цивилизаций, это их «конец света», это конец их мирового господства и конец той истории, которую мы знали до сих пор» [5, с. 7]. Надо ясно сознать, что на основе западного принципа производства и потребления прогресса уже быть не может. Что и доказывает Китай своим развитием. Именно в 2009 г., когда все только lamentировали о кризисе, валовой внутренний продукт КНР возрос на 8,7 % по сравнению с докризисным 2008 г., по объемам продаж автомобилей на внутреннем рынке Поднебесная

обогнала США, заняла второе место в мире по объему ВВП, а по экспорту страна вышла на первое место в мире. Феноменальное развитие КНР подтверждает ту бесспорную философско-историческую истину, что будущее человечества принадлежит социализму.

Современный мировой прогресс прирастает за счет экономического, социального, научного и культурного развития КНР. Западная цивилизация дошла до предела в своем историческом движении и дальше в рамках своей экономической парадигмы она уже не способна к прогрессу. Это общеизвестная констатация мировой мысли. Современный социальный прогресс определяется Китаем. Сегодня КНР является крупнейшим из развивающихся стран получателем прямых иностранных инвестиций. «Особенно впечатляющих успехов Китай добился в переходе от экспорта трудоемкой к экспорту наукоемкой продукции: в настоящее время четвертая часть экспорта страны составляет телекоммуникационное оборудование и компьютеры» [6, с. 73].

Мировой характер социального прогресса Китая обусловлен не только правильно сформулированной стратегией экономических реформ, но и ментальными характеристиками китайской нации как солидарной нации. Причем это касается не только жителей материкового Китая, но и зарубежных китайцев, так называемых «хуацяо». Матричная система ценностей Китая одинакова для всех китайцев. С воссоединением Гонконга и Макао, а в перспективе и Тайваня в недалеком будущем делает Китай не только крупнейшим держателем валютных запасов в мире, реальным финансовым лидером, но и главным центром мировой цивилизации.

На фоне беспрецедентного экономического, научного и культурного развития КНР особенно рельефно видна несостоятельность так называемого западного (неолиберального) курса руководителей ряда стран СНГ. Если бы они исходили из национальных интересов своих народов, то поняли бы, что бояться надо не китайских товаров массового потребления, не увеличения доли китайских рабочих в структуре трудовых ресурсов постсоветских республик, а своей близорукой политики, не позволяющей утилизировать огромный кредитный, инвестиционный и ментальный потенциал Китая в целях экономического и научно-технического развития своих стран. Надо понять, что восстановление стратегического партнерства КНР и постсоветских республик не может произойти на основе антикоммунизма и проамериканской позиции руководителей постсоциалистических стран.

Важно понять, что рост могущества Китая в XXI в. ведет за собой радикальное изменение правил «игры в глобализацию», утверждение равноправных отношений на мировом уровне. Китай уже выработал свой политический подход к глобализации. Этот подход к глобализации основывается не на экспансионизме, а на взаимовыгодном сотрудничестве и справедливости. Такова принципиальная особенность внешнеполитической стратегии КНР. Как подчеркивает газета «Фигаро», «относительный рост китайского национализма больше связан с проблемой территориальной целостности Китая, чем с экспансионизмом, который исторически не присущ этой стране». Территориальный экспансионизм на Дальнем Востоке наряду с западными странами характерен был

лишь для Японии. Поэтому Япония, несмотря на свое географическое положение, является типично западной страной, ничего общего не имеющей с ментальностью Востока, а лишь имитирующей его духовную матричность. В этом смысле у Японии, как и у Запада, нет будущего. Истинно восточной цивилизацией является китайская цивилизация.

Прогресс Китая, в отличие от Японии, обусловлен жизненной силой китайской нации, а не эксплуатацией других народов, политикой захвата территорий других стран. Когда в 1938 г. Япония совершила агрессию против Китая, то великий индийский поэт и мыслитель Рабиндранат Тагор осудил это вторжение как преступление против мира и человечности, скрытое за завесой демагогии и религиозного лицемерия. На наших глазах Китай превращается в сверхдержаву.

Интенсивно развивающиеся белорусско-китайские отношения гармонично вписываются в логику евразийской интеграции.

Общеизвестно, что Азиатско-Тихоокеанский регион относится к наиболее динамично развивающемуся региону нашей планеты. Идет процесс становления принципиально новой геополитической и геоэкономической группировки в современном мире. На наших глазах происходит формирование нового мирового порядка, на роль лидера которого выходит Китай.

КНР – лидер мировой торговли, заметим, торговли не сырьевыми ресурсами, а готовой продукцией: сегодня товарами легкой промышленности и бытовой электроники, завтра высокими наукоемкими технологиями. Фактически уже в настоящее время денежная единица КНР – юань – после доллара и евро является третьей валютой в мире. Причем, если доллар – это фиктивная денежная единица, реальная обеспеченность которого составляет 4 %, а евро находится в глубоком кризисе, то юань – это реальная валюта, базирующаяся на реальной товарной массе, производимой в Китае. Если соединить ресурсный потенциал стран Единого экономического пространства с динамичным экономическим развитием Китайской Народной Республики, то вырисовывается глубокий философско-исторический смысл евразийской интеграции. Китай и страны ЕЭП (Беларусь, Россия, Казахстан) не только территориально, но и в торгово-экономическом, производственно-технологическом плане образуют единое евразийское пространство, которое по своим территориальным, сырьевым, экономическим, финансовым, демографическим параметрам не имеет себе равных в мире. Это объективно обуславливает формирование новой парадигмы мирового развития. Объединение мощных потенциалов Китая и стран ЕЭП парализует все антикитайские, антироссийские и антибелорусские силы на международной арене. О том, что именно таков провиденциальный ход мировой истории, инстинктивно догадываются государственные деятели, политики, ученые во всем мире.

В китайско-российском «Совместном заявлении о международной ситуации и важных международных вопросах» по случаю десятилетней годовщины со дня подписания в 2001 г. в Москве «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ», юридически закрепившим концепцию «вечной дружбы и отсутствия вражды» между народами двух стран, отмечается, что «китайско-российские отношения стратегического взаимодействия и партнер-

ства являются важным фактором поддержания мира, стабильности в области безопасности и сотрудничества» [7, с. 25].

Как отмечает эксперт Центра стратегических исследований Пекинского университета Дао Сюй, «взаимодействие между Китаем и Россией не только будет содействовать продвижению безопасности и развитию двух государств, но и может привлечь внимание других стран на территории Евразии, в том числе, Ирана и Пакистана», что сможет сдерживать действия США по давлению на слабые страны, а также укротить стратегические амбиции в создании мира по-американски.

Российский лидер В. В. Путин в своей статье «Россия и меняющийся мир» справедливо отметил, что «рост китайской экономики – отнюдь не угроза, а вызов, несущий в себе колоссальный потенциал делового сотрудничества, шанс поймать «китайский ветер» в «паруса» нашей экономики».

В перспективном плане экономическое сотрудничество Китая и стран ЕЭП существенно усилит позиции Беларуси, России, Казахстана в их взаимоотношениях с Европейским союзом. Подобная евразийская интеграция – мощный аргумент в любых экономических и других противоречиях Китая, Беларуси, России и Казахстана с Западом, в первую очередь, с США. А то, что эти противоречия будут возникать все чаще и чаще и становиться все более острыми, видно невооруженным глазом.

Сегодня важно осознать геополитический и геоэкономический парадокс современности. Он выражается в том, что социально-политическая стабильность внутри США зависит от факта нестабильности в других регионах планеты, в том числе и на постсоветском пространстве. Отсюда американские сценарии продвижения «демократии» и НАТО на Восток, противодействие интеграции постсоветских республик, интервенция западных стран против Ливии, развертывание американской ПРО в Румынии, Польше и Турции, постоянные угрозы в адрес Сирии и Ирана. Все это резко дестабилизирует ситуацию как на международной арене, так и в постсоветском регионе. И противостоять такой ситуации возможно лишь при условии реализации евразийской интеграции, которая будет эффективна лишь в тесном сотрудничестве с Китаем. Так как экономически и демографически центр мирового развития перемещается в Азию, то Китай объективно становится лидером мировой истории в XXI в., который с полным правом можно назвать китайским веком.

Есть еще один позитивный аспект белорусско-китайского стратегического партнерства в контексте евразийской интеграции. Становление Китая как мировой державы в финансовом отношении позволит ограничить возможности США паразитировать на международном рынке за счет печатного станка, и тем самым перекладывать собственные негативные явления на плечи всего мирового сообщества. Все это неизбежно понизит статус доллара до «провинциальных денег», а США – до регионального государства, которое со временем задохнется в тисках собственных этнических и экономических противоречий.

На фоне подобной логики мирового развития явным анахронизмом выглядят хвастливые заявления американских деятелей о мировом лидерстве США в XXI в.. Как справедливо отметил российский ученый Сергей Глазьев, так могут

думать только «недоучившиеся геополитики, у которых голова забита бреднями Бжезинского».

Новая расстановка геополитических сил в течение ближайших 10–20 лет со всей очевидностью подтверждает правильность избранной стратегии развития Беларуси на построение Союзного государства и дальнейшую углубленную евразийскую интеграцию. В свете белорусско-китайского стратегического партнерства в контексте евразийской интеграции попытки так называемых «европеоидов» навязать нашему народу некий путь «в Европу» не только несостоятельны, но и прямо-таки губительны для Беларуси. То, что в свое время, возможно, еще имело какой-нибудь смысл, на глазах становится исторической бессмыслицей.

Реализация программы строительства Союзного государства и продвижение по пути евразийской интеграции является не только гарантией получения дешевых энергетических ресурсов, а, следовательно, и решения проблемы получения положительного сальдо, но и гарантией приобщения к самым высоким технологиям Китая. Тем самым создаются технологические и инвестиционные предпосылки для инновационного развития народного хозяйства нашей республики, органичного включения белорусской модели в логику новой парадигмы истории.

Литература

1. *Huntington, S. The West Unique, not Universal / S. Huntington // Foreign Affairs.* – 1996. – Nov-Dec.
2. Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире / пер. с англ. – М., 2007.
3. Доклад о развитии человека за 2005 г. Международное сотрудничество на перепутье. Помощь, торговля и безопасность в мире неравенства. – М., 2005.
4. *Toffler, A. Creating a New Civilization / A. Toffler.* – N.-Y., 1996.
5. Экономическая и философская газета. – 2013. – № 1.
6. Доклад о развитии человека за 2003 год. – Минск, 2003.
7. Китай. – 2011. – № 8.

И. А. ЛИТВИНОВСКИЙ

*доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)*

НАЧАЛО СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ О НОРМАЛИЗАЦИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (1920–1923 гг.)

Принципы внешней политики Советской России по отношению к народам и государствам Востока были отражены в таких важных документах советской власти как «Декрет о мире» а также «Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая». На завершающем этапе Гражданской войны в начале 1920 г. с выходом Красной Армии к Восточной Сибири возникла возможность довести их содержание до сведения народа и правительства Китая.

Пекинское правительство проявило заинтересованность к обращению советского правительства и, в первую очередь, к содержащемуся там заявлению СНК РСФСР об отказе от специальных прав и привилегий в Китае. Об этом было видно из сообщений китайской печати. В конце апреля 1920 г. китайский представитель в Копенгагене в беседе с советским дипломатом также подтвердил, что его правительство с интересом отнеслось к советским предложениям, но оно не может самостоятельно решить вопрос о признании государства. «Решение этого вопроса будет зависеть от позиции западных держав», – сказал он [1, с. 23; 2, с. 395].

Тем не менее, несмотря на всю свою нерешительность и осмотрительность в вопросах внешней политики, постоянные опасения подвергнуться критике со стороны западных держав, китайское правительство 6 мая 1920 г. принимает решение направить в Москву неофициальную миссию для более конкретного выяснения позиции советского правительства. Иными словами, поездка китайской делегации носила чисто ознакомительный характер, никакие соглашения подписывать она была не правомочна. Миссию возглавил генерал Чжан Сылинь. Делегация везла с собой несколько тысяч пудов муки в подарок детям Москвы и Петрограда, а также китайцам, находившимся в России [2, с. 408].

В середине июня миссия перешла линию фронта и обратилась с просьбой пропустить ее в Верхнеудинск, тогдашнюю столицу Дальневосточной Республики (ДВР) того времени. Несмотря на отсутствие у делегации необходимых полномочий, В. И. Ленин распорядился пропустить ее в Москву, куда она и прибыла 5 сентября 1920 г. [2, с. 409].

Военно-дипломатическая миссия во главе с генералом Чжан Сылинем была принята в Москве на самом высоком уровне. Ей были обеспечены благоприятные условия для пребывания и работы, для знакомства с положением в РСФСР, жизнью народа, структурой советского государства, политикой правительства. Советское правительство очень серьезно отнеслось к переговорам с миссией. В них принимали участие члены правительства РСФСР, руководители Наркоминдела, Чжан Сылиня принимал В. И. Ленин. 27 сентября миссии были

вручены предложения советского правительства о принципах строительства дружественных и равноправных отношений с Китайской Республикой. В них была изложена точка зрения советского руководства на пути нормализации отношений с Китаем. В форме статей будущего двустороннего соглашения в ноте НКВД получили свое дальнейшее развитие ранее сформулированные в таких документах как Декрет о мире, Обращение СНК РСФСР от 25 июля 1919 г., принципы советской политики по отношению к Китаю.

Определенным шагом китайского правительства в направлении нормализации отношений с Советской Россией, предпринятым во время пребывания миссии Чжан Сылиня в России, был отказ Пекина признавать полномочия царских дипломатов. 23 сентября 1920 г. президент Китая издал по этому вопросу специальный указ. Китайская сторона устояла и перед дипломатическими усилиями западных стран в намерении заставить Пекин отменить это решение. Отказ пекинского правительства поддерживать отношения с миссией царской России устранил одно из серьезных препятствий на пути нормализации советско-китайских отношений [3, с. 52].

Китайская миссия вернулась на родину в декабре 1920 г. Чжан Сылинь восторженно отозвался об оказанном ему приеме и заявил, что имеются большие надежды на восстановление дипломатических отношений. «Русское московское правительство выражает большое желание отказаться от всех прав, полученных при царизме, начать дружественные переговоры с Китаем, восстановить торговые отношения», – заявил он на первой же встрече с представителями китайских средств массовой информации [3, с. 60].

Трехмесячное пребывание в Советской России китайской военно-дипломатической миссии имело важные последствия для двусторонних отношений. Между государствами было положено начало отношений *defacto*. Официальных же отношений пекинское правительство устанавливать еще не решалось. Китай не обладал возможностью самостоятельно строить свою внешнюю политику. Как заметил другой китайский дипломат – посланник в США, а в недалеком будущем министр иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнь (Веллингтон Ку), в этих вопросах Пекин не мог «идти в разрез с политикой Соединенных Штатов и других государств» [4, с. 109].

Обращение СНК РСФСР от 25 июля 1919 г. и нота НКВД РСФСР от 27 сентября 1920 г. – два ключевых документа советского государства о принципах строительства новых отношений с Китаем. Китайские исследователи обращают внимание на следующие положения, содержащиеся в этих документах: «Советское правительство... предложило китайскому правительству вступить в переговоры об аннулировании договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений с Японией с 1907 по 1916 годы». «Советское правительство отказалось от всех завоеваний, которые сделало царское правительство, отобрав от Китая Маньчжурию и другие области», «Правительство Российской Социалистической Советской Республики объявляет не имеющими силы все договоры, заключенные прежним правительством России с Китаем, отказывается от всех захватов китайской территории, от всех русских концессий в Китае и возвращает Ки-

таю безвозмездно и на вечные времена все, что было хищнически у него захвачено царским правительством и русской буржуазией» [5, с. 44, 52].

«Итак, – отмечает один из исследователей истории советско-китайских отношений Ю. М. Галенович, – начало советско-китайских отношений в интерпретации китайских авторов было ознаменовано публичной неоднократной декларацией, обещанием возвратить Китаю отторгнутые у него Россией территории» [6, с. 38–39].

Российские исследователи отмечают, что именно эти положения трактуются в Китае на протяжении всего нашего столетия (после 1919 г., естественно) как признание российской стороной исторической несправедливости, допущенной по отношению к Китаю, как обещание возвратить ему территории, захваченные Россией. Эти же положения лежат в основе утверждения об исторической задолженности (прежде всего территориальной) России перед Китаем [6, с. 39].

Тому, что китайское правительство, последовав примеру стран Антанты, отозвало в марте 1918 г. своего посланника из России, т. е., вопреки своим национальным интересам, фактически разорвало дипломатические отношения с Россией, были определенные объяснения. Являясь зависимым от стран Запада, китайское правительство вынуждено было проводить согласованную с ними политику по отношению к советскому государству. Эти же обстоятельства тормозили и процесс нормализации отношений в начале 20-х гг. XX в. Китай не мог пойти на установление дипломатических отношений с Советской Россией раньше, чем это сделают страны Запада.

Учитывая эту ситуацию, советское руководство решило использовать для установления непосредственных добрососедских отношений с Пекином Дальневосточную Республику, образованную в апреле 1920 г. С этой целью в августе 1920 г. в Пекин была направлена официальная миссия ДВР во главе с заместителем министра иностранных дел И. Л. Юриным. В правительственном сообщении указывалось, что в задачу миссии входило установление дружеских политических и экономических взаимоотношений ДВР с Китаем [4, с. 108].

Миссия работала в Китае с августа 1920 г. по май 1921 г. Ей удалось закрепить ликвидацию царской дипломатической миссии и царских консульств в Китае, решить некоторые экономические вопросы, как например, достигнуть соглашения о совместном использовании пограничных рек Амура и Сунгари. Однако пекинское правительство уходило от ответа на вопросы о нормализации отношений с РСФСР и ДВР, подписания торгового договора и др.

Тем не менее, Дальбюро ЦК РКП(б) положительно оценило итоги работы миссии и высказалось за ее продолжение. Власти ДВР исходили из того, что миссия И. Л. Юрина добилась важных не столько экономических, сколько морально-политических результатов. Она приковала к себе внимание китайской общественности, способствовала популяризации советской внешней политики в Китае [4, с. 108–112].

Учитывая это правительство Дальневосточной Республики решило повторно направить миссию в Китай, придав ей более высокий статус. С этой целью И. Л. Юрин был назначен министром иностранных дел ДВР, чрезвычай-

ным уполномоченным в Пекине для продолжения переговоров. Он также имел право вести переговоры от имени РСФСР [4, с. 111].

В свой второй приезд миссия И. Л. Юрина находилась в Пекине с июля по октябрь 1921 г. На этот раз условия ее работы осложнились. В начале июня 1921 г. части Красной Армии вступили во Внешнюю Монголию. Их вывод оттуда китайские власти выдвигали в качестве условия для начала переговоров. Имели место нападения русских белогвардейцев на миссию. От предложения перенести переговоры на территорию ДВР в Читу (столицу республики с октября 1920 г.), китайские власти отказались. Усилился нажим на правительство со стороны США и Японии, которые «усиленно «советовали» Пекину «не торопиться» с заключением торгового договора и не спешить с завязкой дипломатических отношений с Дальневосточной Республикой» [4, с. 113].

И хотя Дальневосточной Республике не удалось установить дипломатические отношения с Пекином, в ходе ее переговоров был поднят широкий круг вопросов советско-китайских отношений, выходящих за рамки локальных дальневосточных проблем. По существу, миссия представляла в Китае Советскую Россию. Китай де-факто ДВР не признал, но полуофициальные отношения поддерживал. В Пекине находилась дипломатическая миссия ДВР, на территории ДВР – китайские консульские представители [2, с. 407].

Правительство РСФСР продолжило поиск путей нормализации отношений со своим важнейшим соседом на Дальнем Востоке. В марте 1921 г. Пекин подтвердил получение ноты от 27 сентября 1920 г., врученной Чжан Сылиню. Китайское правительство сообщило, что оно готово начать непосредственные переговоры с РСФСР. Согласование вопроса о приеме советской делегации проходило в процессе длительной переписки, осуществлявшейся через торгового представителя РСФСР в Англии Л. Б. Красина и китайскую миссию в Лондоне. Согласование всех вопросов заняло довольно много времени [3, с. 69–71].

Приезд советской делегации китайское правительство оговорило целым рядом условий, как то: неофициальный характер визита, ведение переговоров о заключении торгового договора. Время для переговоров было крайне неудачным, как в плане международной обстановки, так и внутренней ситуации в Китае. Красная Армия вела активные боевые действия против белогвардейских формирований во Внешней Монголии, в США начала работать Вашингтонская конференция, где китайский вопрос занимал важное место, в самом Китае обострились отношения между враждующими военными группировками.

Специальная советская делегация во главе с А. К. Пайкесом прибыла в Пекин 12 декабря 1921 г. Она находилась в Китае до августа 1922 г., но ей так и не удалось вступить в официальные переговоры с китайской стороной. Пекинское правительство, по существу, интересовал только один вопрос – когда советские войска будут выведены из Монголии. На позицию Китая не могла не влиять и острая борьба, развернувшаяся вокруг вопроса о КВЖД на Вашингтонской конференции.

Но в то же время правительство Китайской республики, несмотря на серьезную ограниченность своих самостоятельных действий на международной арене, предпринимало некоторые шаги по нормализации отношений с Совет-

ской Россией, осознавая, что это отвечает национальным интересам страны. В Пекине было принято решение о направлении в РСФСР еще одной миссии. В мае 1922 г. в Москву прибыл специальный представитель китайского правительства Шэн Чжунсюн [5, с. 13].

Со своей стороны, советское правительство, стремясь дать новый импульс процессу налаживания отношений с Китаем 22 июня 1922 г., принимает решение поручить ведение переговоров новому дипломату. А. А. Иоффе был назначен чрезвычайным полномочным представителем РСФСР в Китае и одновременно ему вменялось в обязанность вести переговоры с Японией. В задачу новой дипломатической миссии, как заявил Иоффе, входило «официальное установление нормальных отношений и заключение договора...» [3, с. 79; 4, с. 115–116].

Уже в первые дни своего пребывания в Пекине, 15 августа, А. А. Иоффе был принят министром иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнем (Ви Куин Веллингтоном Ку). Переговоры продолжились 23, 30 и 31 августа. По итогам этих встреч, 2 сентября А. А. Иоффе направил специальный меморандум китайскому правительству, в котором предложил начать «переговоры по всем интересующим обе стороны вопросам в целях установления между обоими государствами добрососедских отношений». Советское правительство готово было вести переговоры на принципах, изложенных в обращении от 25 июня 1919 г. и ноте от 27 сентября 1920 г. [5, с. 61–62].

7 сентября китайское правительство заявило, что готово приступить к переговорам с представителем РСФСР [5, с. 68]. А 25 октября 1922 г. газета «Известия» опубликовала материал, где содержалась точка зрения Наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина по этому вопросу: «Первые подготовительные работы по установлению соглашения с Центральным китайским правительством были совершены тов. Пайкесом. Со времени приезда в Пекин российского полномочного представителя тов. Иоффе установление самых тесных дружеских отношений с Китаем и разработка соглашений по всем текущим вопросам с Китайским правительством продвигаются быстрыми шагами вперед» [5, с. 64].

Однако, в 1922 г. нормализации советско-китайских отношений не произошло. Пекинское правительство вынуждено было прислушиваться к мнению ведущих государств мира. В западной печати появились обвинения в адрес советской миссии якобы развернувшей в Китае вредную деятельность. Писалось о том, что принятие русских предложений «повлекло бы к немедленным осложнениям с Японией, Францией и Америкой». Американский посланник в Пекине Г. Шурмэн 21 октября 1922 г. направил китайскому правительству ноту, в которой предупредил его против возможного соглашения о КВЖД с Советской Россией [4, с. 116–117].

В период пребывания в Китае второй дипломатической миссии РСФСР налаживается сотрудничество советского правительства с руководителем освободительной борьбы китайского народа, лидером партии Гоминьдан, а с 1923 г. и правительства Южного Китая, Сунь Ятсеном.

По результатам состоявшейся в январе 1923 г. в Шанхае встречи Сунь Ятсена с А. А. Иоффе 26 января была опубликована «декларация Сунь Ятсена–

Иоффе». В этом документе представитель советского правительства заверил лидера Гоминьдана в том, что в борьбе за национальное обновление и полную независимость «Китай пользуется самой широкой симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России» [7, с. 93].

Сближение Сунь Ятсена с Советской Россией продолжалось с нарастающей силой после того, как в феврале 1923 г. он вновь возглавил правительство Южного Китая в Гуанчжоу. В сотрудничестве с РСФСР Сунь Ятсен видел важный фактор укрепления своих политических позиций как внутри Китая, так и за его пределами.

Современные российские исследователи отмечают, что советская поддержка была для Сунь Ятсена чрезвычайно важна, ибо он все яснее понимал, что при всей симпатии США, Европы, Японии к нему лично и к его делу он не может рассчитывать на прямую военную, экономическую, политическую поддержку этих держав. А без такой поддержки довести до конца его планы объединения и освобождения страны было невозможно. Солидарность правительства новой России и ее правящей партии с китайской революцией внушала Сунь Ятсену большие надежды. Эта солидарность отражала своеобразие позиции советской России по отношению к Китаю. С одной стороны, Москва вела переговоры с Пекином о возобновлении дипломатических отношений, подчеркивая свое уважение к Китайской республике. С другой – Москва готова была поддержать те политические силы в Китае, которые противостояли республиканскому правительству и с которыми можно было связывать перспективы революционного преобразования Китая. С точки зрения московского партийно-государственного руководства, в этой позиции не было противоречия, она вполне вписывалась в соответствующее понимание взаимоотношений национальных интересов советского государства и интересов мировой революции [8, с. 440–441].

Таким образом, в силу этих обстоятельств, в отношении Китая советское руководство придерживалось двойственного подхода – помощь и поддержка прогрессивным силам (развитие связей и контактов с правительством Сунь Ятсена) и установление дипломатических отношений с правительством Северного Китая, которое рассматривалось в Москве как реакционное, но имело международное признание.

Литература

1. *Мировицкая, Р. А.* Движение в Китае за признание Советской России (1920–1924) / Р. А. Мировицкая. – М., 1962. – 68 с.
2. *Хейфец, А. Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918–1920) / А. Н. Хейфец. – М., 1964. – 472 с.
3. *Капица, М. С.* Советско-китайские отношения / М. С. Капица. – М., 1958. – 424 с.
4. *Степанов, А. С.* Заслуга нашей дипломатии (ленинская политика мира на Дальнем Востоке. 1917–1922) / А. С. Степанов. – М., 1991. – 168 с.
5. Советско-китайские отношения. 1917–1957: сб. документов. – М., 1959. – 468 с.
6. Галенович, Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений / Ю. М. Галенович. – М., 1992. – Т. 1.: От октября 1917 г. до октября 1949 г. – 170 с.

7. Панцов, А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927) / А. В. Панцов. – М., 2001. – 456 с.
8. История Китая / под ред. А. В. Меликсетова. – М., 2004. – 752 с.

Л. И. НОВИКОВ

*декан факультета международного права и юридической психологии
Белорусского института правоведения, кандидат философских наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ РЕФОРМ ШАН ЯНА В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Изучение политико-правовой мысли Древнего Китая имеет не только познавательное, но и теоретическое значение. Документы и памятники литературы, свидетельства историков, дошедшие до нас от этой древнейшей цивилизации, позволяют проследить, как формировались политические и правовые идеи на самых ранних этапах их становления. Заметим, несмотря на многочисленные исследования, проведенные за последние десятилетия, общественная мысль народов Востока остается менее изученной, чем социальные доктрины, получившие развитие в Западной Европе. Сказанное в полной мере относится и к исследованию творчества представителей различных направлений древнекитайской политической и правовой мысли, в частности родоначальника легизма Шан Яна.

В истории древнекитайской политической и правовой мысли наиболее продуктивными школами были даосизм, конфуцианство, моизм и легизм. Учение Моцзы (моизм) занимает промежуточную ступень между конфуцианством, выдержанным в духе патриархальной морали, и практико-прикладной теорией легистов (законников). В нем отражены результаты перерастания патриархальной общины в территориальную, прослеживается развитие отношений, построенных на расчете и соображениях выгоды, воспроизводится идеология слоев, которые не способны были преодолеть общинные связи, формируются идеи выдвижения простолюдинов на государственную службу при сохранении аристократических привилегий. Интересы имущественной и служилой знати отстаивали легисты, крупнейшим представителем раннего легизма был Шан Ян, инициатор знаменитых реформ, узаконивших в стране частную собственность на землю и рядряд других преобразований. Учение законников отличалось от предшествующих концепций тем, что легисты отказались от традиционных моральных трактовок политики и разработали учение о технике отправления власти. Основой этой переориентации были интересы служилой знати и зажиточных общинников, добивавшихся ликвидации патриархальных порядков, которыми руководствовался Шан Ян.

Шан Ян (ок. 390–338 гг. до н.э.) – государственный деятель, реформатор в Древнем Китае, живший в циньскую эпоху, один из основоположников философской школы фацзя, т. е. «законников» (легистов, от лат. *lex* – закон). Преобразования, проведенные им в царстве Цинь в 359–348 гг. до н. э., привели к серьезным последствиям. Впервые в истории Китая было узаконено право част-

ной собственности на землю, официально разрешена купля и продажа земельных участков. Шан Ян поощрял крупное землевладение, видя в нем основу экономики Циньского царства. Он разрешал любому желающему на льготных условиях обрабатывать пустоши и малопродуктивные земли. Реформы Шан Яна коснулись и налогообложения. Прежний налог с урожая был заменен налогом на землю, который взимался с каждого землевладельца в зависимости от размеров его земельного владения. В качестве поощрения земледелия крупные производители зерна освобождались от несения государственной трудовой повинности, ограничивалось свободное занятие ремеслом и торговлей; часть ремесленников и мелких торговцев была превращена в государственных рабов, аристократия лишалась права наследования административных постов, ликвидировалась система наследственных владений знати. Большое значение имела административная реформа Шан Яна. Циньское царство было разделено на несколько десятков округов, произведено территориальное деление царства на 31 административный уезд, которые, в свою очередь, подразделялись на более мелкие единицы, вплоть до групп из десяти и даже пяти семей, связанных круговой порукой. Патронимии (большие патриархальные владения семей) насильственно разделялись, и вводилась система круговой поруки в деревнях. Царь Сяогун со временем назначил Шан Яна главнокомандующим циньской армией. Это открыло возможности проведения военной реформы. Он отменил колесницы – основу военной мощи знати, заменив их конницей. Было улучшено снаряжение воинов и введено железное оружие. Новый воинский устав предусматривал строжайшую дисциплину. С учетом имущественного ценза и боевых заслуг Шан Ян ввел двадцать степеней рангов знатности. Так, за уничтожение и захват в плен врага воина повышали в ранге, что давало ему право на получение земли и рабов. При Шан Яне только военно-служилые люди считались полноправными гражданами; их порабощение запрещалось законом. Таким образом, потомственная знать лишилась всех своих привилегий и была отстранена от участия в управлении Циньским государством.

Эти преобразования, которые способствовали укреплению централизованной власти и усилению царства Цинь, названы именем Шан Яна. Составленные им проекты реформ и указов вошли в трактат «Шанцзюньшу» («Книга правителя области Шан»).

После объединения Китая царством Цинь в 221 г. до н. э. многие преобразования реформатора Шан Яна были распространены на всю страну. А предложенная Шан Яном идея государственной монополии на разработку природных богатств, призванная укрепить могущество царствующего дома, ограничить экономическую активность населения вне сферы сельского хозяйства, была впоследствии реализована в империях Цинь и Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.).

Выдающийся китайский мыслитель, один из основоположников легизма – философско-политического учения, оппозиционного по отношению к учениям даосизма и конфуцианства, – при рождении получил имя Вэй Ян. Выходец из обедневшей аристократической семьи царства Вэй имел собственное имя Гунсунь Ян. Согласно древнекитайскому источнику «Шицзи» (II–I вв. до н. э.), в 361 г. он прибыл в царство Цинь, правитель которого Сяогун искал способы

усиления власти монарха. Таким образом, он покинул родину, чтобы поступить на службу к царю Сяогуну (правил в 361–338 гг. до н. э.). Согласно «Шицзи» Сяогун увлекся предложенными им планами реформ, способствовавшими усилению власти монарха. При нем стал первым советником. Как отмечал древнекитайский историк Сыма Цянь, его выдающиеся способности были очевидны уже в молодости. Оказавшись в соседнем, тогда еще отсталом царстве Цинь, Шан Ян убедил его правителя, Сяогуна, в необходимости проведения политико-административных, финансово-экономических и военных реформ. По некоторым свидетельствам это было так. Сяогун, властитель Цинь (361–338 до н. э.) разослал повеление всем ученым людям Китая предстать перед царем для испытания их дарований. В них участвовал и Шан Ян. Во время первой аудиенции Шан Ян усыпил своими беседами властителя. Не тронули царя и высказанные на второй встрече идеи. Только на третьей аудиенции слова Шан Яна начали интересовать властителя. А на четвертой встрече интерес его возрос настолько, что последующие споры с Шан Яном продолжались много дней. Оказывается, в первых двух случаях он говорил о конфуцианском пути властителей древности. Их правитель Сяо нашел не особенно действенными. Чтобы добиться успеха на этом пути, нужны усилия в течение десятков и сотен лет, ибо согласно конфуцианскому учению, властители должны действовать лишь силой своей добродетели. И потребуются долгое время, чтобы добродетель осветила всю страну. Не всякий властитель возьмет на себя подобный труд. Когда же Шан Ян начал излагать правителю Сяо идеи Школы законников о построении богатого государства с сильной армией, они его заинтересовали. Цель на этом пути может быть достигнута в кратчайшие сроки с помощью жесткой, поддерживающей крестьян и ориентированной на войну, заложенной в законах системы наказаний и поощрений, и при этом требование добродетельности властителя может и не выполняться. В объяснении этой истории свою версию изложил Сыма Цянь, автор древнейшей биографии Шан Яна: «При ближайшем рассмотрении становится ясно, что Шан Ян, надеясь свести властителя Сяо с пути древних императоров и царей, употреблял фальшивые аргументы. Истинные его намерения были в другом».

Ему удалось убедить царя. Так, под влиянием идей легистов, начиная с 356 г. до н. э. были проведены реформы, направленные на абсолютизацию царской власти, подрыв экономического и политического положения родовой аристократии, укрепление положения общинной земледельческой верхушки и введение частной собственности на землю. За заслуги от Сяогуна реформатор получил в правление область Шан. В 338 г. до н. э., после смерти Сяогуна и восхождения на престол Хуэй Вэня (правил в 338–325 гг. до н. э.), он был обвинен в измене. Реформаторская деятельность Шан Яна и ранее вызывала возмущение аристократов. А теперь он вынужден был бежать в царство Вэй, затем в принадлежавшую ему область Шан, где набрал собственную армию. Но силы были не равны, сражение было проиграно, а сам он казнен. Это произошло через несколько месяцев после смерти царя Сяогуна (338 г.).

Формулируя свою политическую концепцию и программу общегосударственных преобразований, легисты отказались от наставлений в добродетели.

Они руководствовались пониманием того, что одного человеколюбия или справедливости еще недостаточно для достижения хорошего управления Поднебесной: успеха в политике достигает только тот, кто способен обобщить опыт предшествующих правителей, уделяет внимание экономическому обеспечению политики, знает обстановку в стране и использует точные расчеты. Другой особенностью легизма было понимание того, что частноблагороднические интересы новой аристократии противоречат архаическим устоям общинной жизни, и необходимо апеллировать не к авторитету традиций, а к изменению социальных условий по сравнению с прошлым. В противоположность даосам, конфуцианцам и монетам, призывавшим восстановить древние порядки, легисты доказывали: не обязательно подражать древности, чтобы принести пользу государству. Их деятельность способствовала преодолению традиционалистских воззрений, расшатывала религиозные предрассудки и готовила тем самым условия для проведения обширного комплекса экономических и политических реформ. Всю полноту власти предлагалось отдать в руки верховного правителя, лишить наместников властных полномочий и превратить их в обыкновенных чиновников. Умный правитель, говорится в трактате «Шанцзюньшу», «не потворствует смуте, а берет власть в свои руки, устанавливает закон и с помощью законов наводит порядок». Намечалось также упразднить передачу должностей по наследству. На административные посты Шан Ян рекомендовал выдвигать в первую очередь тех, кто доказал свою преданность государю на службе в войске. Чтобы обеспечить представительство зажиточных слоев в государственном аппарате, предусматривалась продажа чиновничьих должностей. «Если в народе есть люди, обладающие излишками зерна, пусть им за сдачу зерна предоставляются чиновничьи должности и ранги знатности». Деловые качества при этом не учитывались. Шан Ян предъявлял к чиновникам лишь одно требование – слепо повиноваться государю.

Легисты считали необходимым ограничить общинное самоуправление, подчинить семейные кланы и патронимии местной администрации. Не отрицая общинного самоуправления в принципе, Шан Ян выступал с проектами реформ (районирования страны, службы чиновничества на местах и др.), которые преследовали цель поставить граждан под непосредственный контроль государственной власти. Предлагалось также установить единые для всего государства законы. Как и другие ранние легисты, Шан Ян не помышлял еще о полной замене обычного права законодательством. Под законом он понимал репрессивную политику (уголовный закон) и административные распоряжения правительства. Закон выступает у него средством устрашающего превентивного террора. За малейший проступок, предполагалась жестокая кара, вплоть до смертной казни. Эту карательную практику должна была дополнить политика, искореняющая инакомыслие и оглупляющая народ.

Отношения между властью и народом Шан Ян рассматривал как противостояние враждующих сторон. В образцовом государстве власть правителя опирается на силу и никаким законом не связана. Шан Яну не известны представления о правах граждан, их законных гарантиях и т. п.

Традиция приписывает Шан Яну авторство одного из основополагающих памятников легизма – трактата «Шанцзюньшу» («Книга правителя области. Шан»), который дошел до нашего времени. Статья во введении к русскому переводу написана известным китаеведом и переводчиком Л. С. Переломовым. Проанализируем основные идеи этого труда. Изложенная в нем экономическая программа предусматривала приоритетное развитие земледелия. Через создание и деятельность централизованного бюрократического аппарата, чиновники которого получали бы от казны натуральное жалование зерном и который бы заменил аппарат местного управления, находившийся в руках наследственной знати, предлагалось реализовать меры, нацеленные на приостановку процесса разорения свободных земледельцев, уменьшавшего налоговые поступления. По его мнению, этому могли содействовать всеобщая подворная перепись (позволяющая выявить тех, кто «уклоняется» от земледелия или оказался в личной зависимости и перестал платить налоги), а также введение прогрессивного налога на урожай [4, гл. 2, 4, 19]. Не решаясь на экспроприацию земель у богатых общинников, – союзников центральной власти в противостоянии аристократии, – Шан Ян рассчитывал разрешить аграрные проблемы за счет освоения целинных земель [4, гл. 6]. Для увеличения числа налогоплательщиков он предлагал правителю царства Цинь расселять на пустующих землях безземельных общинников из соседних царств [4, гл. 15].

Можно с большой долей уверенности предположить, что Шан Ян был первым государственным деятелем древнего Китая, предложившим продажу государственных должностей и рангов знатности. Он настаивал на запрещении частной скупки зерна у земледельцев, чтобы пресечь ростовщичество и спекуляцию продовольствием в неурожайные годы, полагал, что этому может содействовать и разумный режим государственных закупок, позволяющий регулировать рыночные цены. Повышение торговых пошлин, согласно его мнению, должно ограничить развитие торговли и число купцов, что приведет к уменьшению оттока работников из сельского хозяйства, остановит разорение земледельцев [4, гл. 2]. В то же время торговля, хотя и под должным контролем, необходима: «Земледелие, торговля и управление – три основы (жизни) государства» [4, гл. 20]. Предложенная Шан Яном идея приоритета государства на разработку естественных богатств сулила укрепление могущества царства, ограничение экономической активности населения вне аграрной сферы.

В политической программе Шан Яна универсальным инструментом упорядочения жизни государства выступает юридический закон (фа). Конфуцианскую концепцию «гуманного правления» Шан Ян считал нереальной: «Гуманный может быть гуманным к другим людям, но он не может заставить людей быть гуманными» [4, гл. 18]. Творец законов – правитель – не обязан ни с кем обсуждать свои планы, он не подлежит критике и свободен от наказания за нарушение закона. В то же время при составлении законов он обязан учитывать уже сложившиеся обычаи, а при решении важных вопросов – мнения руководителей общин и глав семей [4, гл. 5]. В системе законодательства важное место Шан Ян отводил праву частной собственности [4, гл. 26]. Шан Ян предлагал правителю лишить аристократию традиционного права наследования выс-

ших административных должностей и рангов знатности, пожалование которых должно быть прерогативой государя: «Метод поощрения рангами знатности и жалованьем – ключ к жизни или гибели страны». Идея ограничения прав аристократии выражалась у Шан Яна в формуле: «Бедный станет богатым, а богатый бедным, и государство будет сильным» [4, гл. 5]. Здесь под «богатыми» имелись в виду те, кто «получил ранги знатности и жалованья в нарушение закона», т. е. по праву наследования. Таким образом, предполагалось создать управленческий аппарат, зависимый только от государя. Эта зависимость должна была подкрепляться системой взаимной слежки и доноительства: доносчик, сообщивший о совершенном либо готовящемся преступлении, имел право наследовать должность, ранг знатности, земельные наделы и жалованье чиновника-преступника [4, гл. 17]. Новая система назначений и предоставления рангов знатности была призвана сосредоточить усилия подданных на земледелии и войне, что рассматривалось как «сосредоточение на едином» как некой интегральной функции государства [4, гл. 3]. Земледелие и война – гаранты и внутривластного «спокойствия», и «почета», оказываемого государю, а «сосредоточение (народа) на едином» обеспечивает его подчинение единовластию [4, гл. 3]. Длительное отсутствие войн, по Шан Яну, ведет к разложению страны внутренним «ядом» и «рождению шести паразитов»: стремления беспечно пожить на склоне лет, бездумной траты зерна, пристрастия к красивой одежде и вкусной еде, любви к предметам роскоши, пренебрежения своими обязанностями, стяжательству [4, гл. 4]. Основное требование Шан Яна к «совершенномуудрому» (шэн) правителю – умение заставить народ заниматься земледелием и «помышлять о войне». Войны и убийства позволительны, если они направлены на благо государства. Чтобы сделать эту мысль более убедительной для современников, над сознанием которых довели нормы жизни родового коллектива, Шан Ян представлял государство как некий аналог патронимии, а победу над внешним врагом – как выполнение долга перед близкими.

Важное средство усиления государственного контроля над народом Шан Ян усматривал в ограничении образования: «Если люди глупы, их легко принудить к тяжкому труду, а если умны, то принудить трудно» [4, гл. 6]. В число губительных для страны «паразитов» он включал, помимо указанных выше шести, также ритуальную «благопристойность» (ли), музыку, классические памятники – «Шицзин», «Шуцзин», «сыновнюю почтительность и братскую любовь» (сяо ти), «гуманность» (жэнь), бескорыстие, красноречие, острый ум и т. п., т. е. нормы обычного права, культурные традиции и конфуцианские этические принципы. По Шан Яну, жадность, своекорыстие и тщеславие – основные черты человеческой природы, поэтому правитель может опираться, прежде всего, на непреодолимое стремление человека к «выгоде» (ли). Принцип «наград и наказаний», предложенный Шан Яном, подразумевал акцент на наказание, которое должно быть предельно строгим даже за малую провинность [4, гл. 5]. Главным основанием для получения рангов знатности и должностей должна быть воинская доблесть. Кроме того, ранги знатности могут предоставляться землевладельцам за плату после сдачи государству излишков зерна, а также доносчикам. Важным элементом государственной власти должна стать система круговой поруки

внутри семьи, общины, любой группы людей, временно объединенных общим делом, а также в армии, где за проступок одного воина должно отвечать все низшее подразделение (пяток). Некоторые из предложенных Шан Яном мер он получил возможность осуществить. В частности, систему круговой поруки в группах по пять и десять семей; порядок получения рангов знатности от правителя за воинские заслуги и лишения их членов знатных домов, не имеющих таких заслуг, четкое определение имущественных и иных прерогатив носителей различных рангов знатности; освобождение земледельцев от трудовых повинностей и обложение ими торговцев и ремесленников, превращение в государственных рабов тех, кто «беден из-за собственной лени». Кроме того, он ввел двойной налог на семьи, имевшие двух и более мужчин, но не разделившие между ними хозяйство. Это должно было способствовать дроблению больших патриархальных семей. Эти, как и другие реформы Шан Яна, вели к ограничению роли общинного самоуправления и наследственной знати, усилению контроля централизованной администрации над обществом. Шан Ян провел также указ, запрещающий отцам и взрослым сыновьям и братьям проживание в одном доме, ввел административное деление на уезды, узаконил право частной собственности на пахотные земли, добился принятия законов об охране других видов частной собственности (тяглогового скота и т. п.), унифицировал меры длины, веса, объема и т. п. Реформы Шан Яна способствовали усилению единоличной власти правителя царства Цинь, которое в IV–III вв. до н. э. превратилось в одно из самых могущественных древнекитайских государств. Теоретические построения Шан Яна содействовали оформлению легизма в целостный идейный комплекс, завершенный в III веке до н. э. Хань Фэем, и легли в основу главных направлений государственного строительства в первой китайской централизованной империи Цинь (221–207 гг. до н. э.).

Таким образом, учение легизма, одним из основателей которого был Шан Ян, существенно отличалось от предшествующих концепций. Легисты отказались от традиционных моральных трактовок политики и разрабатывали учение о технике отправления власти. Критикуя конфуцианцев, они утверждали, что одного человеколюбия или справедливости еще недостаточно, чтобы добиться хорошего управления Поднебесной. Успеха в политике достигает только тот, кто знает обстановку в стране и использует точные расчеты. Шан Ян считал, что государство клонится к упадку тогда, когда народ забывает о своих обязанностях. Поэтому государство должно ликвидировать распушенность, установить единообразие в мыслях и действиях. Для этого нужно вводить жесткие нормы, регулирующие все сферы жизни, обязательные для всех и обеспеченные наказанием. Эти новые нормы называются законом – фа, в отличие от обычных норм ритуала – ли. Унификация предполагала строгую систему наказаний, пресечение частнособственнических тенденций, приводящих к накоплению богатства у подданных, а не в казне, систему доносов и даже круговой поруки, т. е. коллективной ответственности, освободить от которой мог только своевременный донос. Легисты видели в государстве самодовлеющий институт, смысл и цель существования общества. Шан Ян был убежденным поклонником самодержавной формы правления. «Как на небе не может быть двух солнц, так и у

народа не может быть двух правителей», – заявлял Шан Ян. Поэтому всю полноту власти предлагалось сосредоточить в руках верховного правителя, лишить наместников властных полномочий и превратить их в обыкновенных чиновников. «Умный правитель, – говорится в трактате «Шанцзюньшу», – не потворствует смуте, а берет власть в свои руки, устанавливает закон и с помощью законов наводит порядок».

Отношения между властью и народом Шан Ян рассматривал как противостояние враждующих сторон. «Когда народ сильнее своих властей – государство слабое; когда власти сильнее своего народа – армия могущественна». В образцовом государстве власть правителя опирается на силу и никаким законом не связана. Шан Яну не известны представления о правах граждан, их законных гарантиях и т. п. Закон выступает у него средством устрашающего превентивного террора. Шан Ян убеждал, что за малейший проступок следует карать смертной казнью. Эту карательную практику должна была дополнить политика, искореняющая инакомыслие. Законы Шан Яна ограждали интересы выделившихся из общины зажиточных хозяйств. Отменялись все прежние аристократические наследственные титулы. Новые ранги знатности (двадцать иерархических степеней) жаловались только за личные, в первую очередь военные, заслуги, и только они давали право на занятие административных постов. Их обладатели получали, в соответствии со статусом, права на регламентированное владение землей, рабами и другим имуществом. Вскоре ранги стали продаваться, что открыло доступ в управленческий аппарат имущественной знати. Намечалось также упразднить передачу должностей по наследству. На административные посты Шан Ян рекомендовал выдвигать в первую очередь тех, кто доказал свою преданность государю на службе в войске.

Могущество потомственных знатных родов было подорвано единообразным административным делением государства. Мелкие территориальные единицы – пяти- и десятидворки – были связаны круговой порукой; в случае провинности одного лица все члены взаимноответственной группы дворов становились государственными рабами – тем самым был расширен контингент лиц, порабощаемых государством по уголовному закону. Унификация Шан Яном мер веса, длины и объема, а также монетная реформа стимулировали развитие рыночных отношений. Вместо налога с урожая Шан Ян ввел налог с площади обрабатываемой земли, переложив все убытки от стихийных бедствий с казны на плечи земледельца.

Шан Ян опирался на новую знать, не связанную с родовитым происхождением, и на зажиточные слои общины, для которых открылись возможности приобретения полей и рабов. Государство Цинь и само становилось крупным собственником земли и рабовладельцем. После проведения реформ Шан Яна, в том числе важнейшей из них – военной, заменившей бронзовое оружие железным, а колесницы – маневренной конницей, царство Цинь стало военно-бюрократической монархией, сильнейшей в Древнем Китае, своей завоевательной политикой в последующие годы расширившей свою территорию.

Высшей целью деятельности государя Шан Ян считал создание могущественной власти, способной объединить Китай путем захватнических войн. Легизм со-

держал наиболее полную программу централизации государства, и его рекомендации были использованы при объединении страны под властью императора Цинь Шихуана (III в. до н. э.). Превращение легизма при нем в официальное учение в то же время имело крайне негативные последствия. Его практическое применение сопровождалось усилением деспотизма, эксплуатации народа, внедрением в сознание подданных всеобщей подозрительности и животного страха перед правителем. Учитывая недовольство широких масс легистскими порядками, последователи Шан Яна отказались от наиболее одиозных положений и, наполняя легизм моральным содержанием, сближали его с даосизмом либо конфуцианством. Вообще же официальным учением императорского Китая вплоть до Синхайской революции 1911–1913 гг. оставалось конфуцианство. Политический реализм его, позволивший утвердиться в качестве государственной идеологии, заключался, кроме всего прочего и в том, что это учение было дополнено рациональными идеями легизма. Можно предположить с большой долей уверенности, что в легизме впервые предпринята попытка сформулировать основные черты тоталитарного государства. Политологи сегодня широко пользуются этим понятием, но исторически адекватное освещение политико-правовых концепций прошлого требует учитывать обстановку, в которой они зародились, и не допускает их модернизации. Это в полной мере относится к легизму, обоснованному в нем идеям и проведенным на их основе реформам в Древнем Китае.

Если обобщить основные положения теории Шан Яна, можно отметить следующее:

1. Важнейшими целями Шан Ян считал преобразование военной и аграрной сферы. По его выражению, наибольшую ценность для государства представляют армия и заготовка зерна. Паразитами, которые отвлекают народные массы от Единого – заготовки зерна и войны – являются почитание традиций, культ предков, конфуцианские ценности, ученость, ритуал, музыка, литература.

2. Предлагал всех людей ценить по их заслугам, преимущественно боевым, в заготовке зерна и сдаче его государству, а не за их происхождение, награждать рангами знатности (иерархия из более чем двадцати рангов), предложением чиновничьей должности и освобождением от повинностей.

3. Уравнивал всех перед законом, вводились поощрения и наказания в строгом соответствии с законом за проступки.

4. Введением подушного налога зерном добивался того, чтобы заставить «бездельников» в семьях работать.

5. Устрашающие меры опирались на доносительство с целью предупреждения проступков, на круговую поруку с целью, чтобы за проступок одного отвечала семья и община; на наказание отстающих подразделений в армии: за отсутствие доблестных поступков наказывались командиры, все подразделение – за гибель командира.

6. В ходе реформ поощрялось освоение пустующих земель и использование для этого переселенцев из других стран с льготированием их в налогообложении и повинностях.

7. Шан Ян нашими современниками понимается, прежде всего, как человек, первым сформулировавший основные принципы тоталитарного государства и осуществил меры административного деления территории, подготовившие дальнейшую централизацию Китая.

Значение работ Шан Яна в том, что его идеи оказали огромное воздействие не только на его современников, но и на последующие поколения мыслителей и государственных деятелей. Реформы Шан Яна помогли циньским царям менее чем за сто лет превратить свое государство в сильнейшее из Семи Борющихся Царств (эпоха Чжаньго), что дало возможность Цинь Шихуану объединить Китай под властью Цинь. Однако уже в древности оценка идей Шан Яна не была однозначной. Признавая практические результаты их применения, многие китайские мыслители не могли примириться с рядом важнейших положений легизма, наиболее полно развитых Шан Яном. Так, у них не находили понимания идея природной порочности человека, идея пользы войн и как можно более агрессивной внешней политики, идея установления единого и общего для всех свода наказаний, идея введения круговой поруки при ответственности за совершенное преступление, идея безусловного запрета на свободное распространение каких-либо учений, а также на физическое уничтожение любых письменных произведений, хоть как-то противоречивших нормам легизма. Тем не менее, многовековая борьба против учения Шан Яна привела только к формальной победе, так как в ходе этой борьбы все остальные философско-политические учения Китая (и прежде всего конфуцианство) утратили свои первоначальные черты, вобрав в себя многие положения легизма, в том числе и такие, которые вызывали наибольшее отторжение.

Литература

1. *Беньковский, В. В.* Политология: учеб. пособие для вузов / В. В. Беньковский, С. В. Решетников; Бел. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1991. – 208 с.
2. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. – М., 2001.
3. *Илюшечкин В. П.* Конфуций и Шан Ян о путях объединения Китая / В. П. Илюшечкин // XVI Научная конференция «Общество и государство в Китае». – М., 1985. – Ч. 1. – С. 36–42.
4. Книга Правителя области Шан / пер. Л. С. Переломова. – М., 1993. – 392 с.
5. *Калюжная, Н. М.* Влияние учения Шан Яна на социально-политические взгляды Чжан Бинлиня / Н. М. Калюжная // XVIII Научная конференция «Общество и государство в Китае». – М., 1987. – Ч. 3.
6. *Круглова, Г. А.* Политология: учеб. пособие / Г. А. Круглова. – Минск, 1997.
7. *Мельник, В. А.* Политология: учебник / В. А. Мельник. – Минск, 1996.
8. *Нерсесянц, В. С.* Политические учения Древнего Китая / В. С. Нерсесянц. – М., 1979.
9. *Удальцов, С. Ф.* История политических и правовых учений (Древний Восток) / С. Ф. Удальцов. – СПб., 2007.
10. *Переломов, Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – М., 1981. – 334 с.
11. *Рубин, В. А.* Личность и власть в древнем Китае / В. А. Рубин. – М., 1993.

12. *Сыма Цянь*. Ши цзи (Ист. записки), цзюань 68, в сер.: Эр ши сы ши (24 династийные истории) / Сыма Цянь. – Шанхай, 1958. – Т. 1.

13. *Тиханович, Ю. Н.* 350 великих. Краткое жизнеописание правителей и полководцев древности. Древний Восток; Древняя Греция; Древний Рим / Ю. Н. Тиханович, А. В. Козленко. – Минск, 2005.

14. *Ян Куань*. Шан Ян бяньфа (Реформы Шан Яна) / Ян Куань. – Шанхай, 1957.

А. Д. ПАНЧИШНЫХ

магистрант кафедры правоведения факультета государственного управления и права Даляньского политехнического университета

ЛЮ ЛИНЬЛИНЬ

старший преподаватель кафедры правоведения факультета государственного управления и права Даляньского политехнического университета, доктор права

ФЭЙ ЯНЬИН

профессор кафедры правоведения факультета государственного управления и права Даляньского политехнического университета, доктор права (г. Далянь, КНР)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КОНОСАМЕНТА И СКЛАДСКОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА^{1,2,3}

Спор о сущности правовой природы коносамента и складского свидетельства является сравнительно давним в научной среде. Полагаем, что главной причиной наличия разногласий по данному вопросу является недостаточно полноценное использование теории ценных бумаг.

Познавательной основой исследования осуществленного в данной работе является объединение достижений теории ценных бумаг с подходами к выявлению правовой природы института векселя. Именно на этом фундаменте, в настоящей статье, произведен анализ коносамента и складского свидетельства (безусловно относящихся к типу торговых ценных бумаг) и показана полемика между представителями обязательно-правового и вещноправового подходов по вопросу выяснения правовой сущности коносамента и складского свидетельства. Авторский подход к решению данной задачи состоит в принятии, в целом, положений обязательно-правового подхода, и, одновременно, в отстаивании наличия вещноправового элемента. Подобная позиция, в совокупности с решением проблемы одинакового эффекта доставки товара и вручения

¹ Авторы благодарны доценту кафедры гражданского права Белорусского государственного университета С. Л. Ермаковичу за предоставленные ценные советы и замечания по содержанию статьи.

² Данная статья переведена на русский язык с китайского языка преподавателем кафедры конституционного права Белорусского государственного университета С. Ю. Артемьевым.

³ Данное исследование (12YJC820063) выполнено при финансовой поддержке Фонда содействию научно-исследовательской деятельности молодежи Министерства образования КНР (Zhongguo Jiaoyubu renwen shehui kexue yanjiu qingnian jijin xiangmu).

данного типа ценных бумаг, позволяет сделать вывод о том, что коносамент и складское свидетельство являются ценными бумагами обязательно-правовой природы с вещноправовым элементом.

Современные подходы в законодательстве в отношении коносамента и складского свидетельства как торговых ценных бумаг

Необходимо констатировать факт того, что в рамках континентально-правовой семьи в отношении толкования термина «торговые ценные бумаги» (shangyezhengquan) существует значительное количество подходов. Так наличествует точка зрения, что данный термин обозначает понятие полностью идентичное понятию, обозначаемому термином «ценные бумаги» и, соответственно, они могут употребляться в качестве синонимов. Иная точка зрения состоит в том, что торговая ценная бумага представляет собой ценную бумагу, существующую для исполнения денежного или иного вещного обязательства. Также имеется мнение, что термин «торговая ценная бумага» указывает на ценную бумагу, выступающую в качестве объекта коммерческих сделок⁴.

Столь различные подходы к разъяснению данного термина, полагаем, связаны с различиями в экономике и национальных правовых системах. Вследствие того, что институт ценных бумаг представляет собой особое явление в рамках континентальной правовой семьи, считаем полезным уяснить его внешние и внутренние элементы с точки зрения подходов, обозначенных в законодательстве и соответствующей теории. В этом смысле, выступающие в качестве основы товарообмена, торговые ценные бумаги представляют собой вид ценных бумаг, выпущенных на неодинаковых условиях индивидуально для определенного лица в различные промежутки времени [1, с. 21].

Коносамент, складское свидетельство и иные товарные ценные бумаги имеют много общих черт с векселем: эмитируются в отношении определенного лица, выступают в качестве основы товарообмена, индивидуально определены. Несмотря на наличие множества различий в правовом регулировании каждого вида данных бумаг, все же необходимо отметить и наличие большого количества схожих нормативных положений, регулирующих коносамент, складское свидетельство и вексель, как следствие их объективного отнесения к группе торговых ценных бумаг.

Вексель и коносамент зародились, на основе существовавших в древности в средиземноморском регионе расписок, как документы, на основании которых можно было реализовать определенные права, и явились, по сути, продуктом

⁴ Необходимо отметить, что, несмотря на то, что в американском законодательстве используется термин «торговые ценные бумаги», все же отличие в регулировании торговых ценных бумаг по законодательству США делает разницу между американскими торговыми ценными бумагами и торговыми ценными бумагами в континентально-правовом понимании термина очень существенной. Основные элементы института торговых ценных бумаг в США делают его схожим с институтом векселя в КНР. На этом основании, некоторые специалисты отстаивают точку зрения, что закрепленный в Едином торговом кодексе США институт торговых ценных бумаг следует переводить на китайский язык как «shangye piaoj» («торговый вексель»).

развития и становления товарообмена, а также средством минимизации особых рисков, связанных с ведением международной торговли и, одновременно, инструментом создания более благоприятных условий для ее осуществления.

Однако вследствие того, что вексель появился сравнительно раньше, то, соответственно, на сегодняшний день он представляет собой гораздо более развитый институт. Вексельное право занимает ведущее место в системе современного законодательства о ценных бумагах.

В то же время становление и развитие правового регулирования коносамента (tidan) происходило преимущественно на основе обычаев, прецедентов и доктрины⁵. С начала XX в. представители юридической науки целенаправленно путем международных соглашений стремились провести унификацию правового регулирования коносамента, однако в связи с отличием подходов в различных национальных правовых системах и в связи с конкуренцией на рынке грузоперевозок, уровень развития правового регулирования коносамента значительно уступает уровню развития регулирования векселя [2, с. 147].

КНР в настоящее время не присоединилась к международным соглашениям⁶, специально посвященным регулированию института коносамента. Четвертая глава четвертого раздела Закона КНР 1992 г. «О морской торговле», регулирующая институт транспортной накладной (yunshudanzheng), фактически является единственным позитивным источником коносаментного права в Китае.

Представляется возможным констатировать недостаточную изученность института складского свидетельства (cangdang), которая уступает степени изученности институтов векселя и коносамента⁷.

⁵ В этом отношении законодательство США о коносаментах представляется наиболее разработанным. В соответствии с федеральным Законом «О коносаменте» 1916 года (в 1994 г. он был инкорпорирован в Кодекс США), при проведении экспортных операций и осуществлении торговли между штатами подлежат применению нормы данного Закона, в то время как для торговых операций внутри штата следует использовать нормы Единообразного торгового кодекса США.

В Великобритании еще в 1855 г. был принят специальный Закон «О коносаменте», а в 1992 г. Закон «О морских грузоперевозках». Хотя в целом все же следует отметить, что роль статутного права, регулирующего институт коносамента в Соединенном Королевстве, уступает аналогичному уровню в США.

Четвертый раздел Торгового кодекса Японии содержит нормы регулирующие институт коносамента (zaihuo zhengquan).

⁶ Международно-правовыми источниками коносаментного права выступают Гаагские правила, Висбийские правила и Гамбургские правила.

⁷ В принятом в Германии в 1931 г. Декрете «О складском свидетельстве», в Законе Японии 1956 г. «О складском деле», в швейцарском Обязательственном законе 1883 г. имеются положения, регулирующие договор хранения. Для этих стран характерен взгляд на складское дело как на частный вид хранения.

Во Франции источниками права складского свидетельства выступают принятый еще в 1858 г. Закон «О сделках с товарами, находящимися на хранении на складе», а также Закон «Об установлении залога на складское свидетельство на сельскохозяйственную продукцию, находящуюся на хранении» и Закон «О праве лиц, импортирующих керосин, осуществлять залог складского свидетельства на керосин находящийся на хранении».

Единообразный торговый кодекс США содержит специальные положения о складском свидетельстве, коносаменте и иных подтверждающих права собственности документах.

В Китае в соответствии со ст. 385 Закона КНР «О договорах» говорится, что при приеме товара от поклажедателя, хранитель должен выдать ему складское свидетельство. В Законе отсутствует детальное регулирование данного вопроса.

По законодательству КНР коносамент и складское свидетельство представляют вид ценных бумаг, но с точки зрения однородности и гармоничности, данные институты не могут сравниться с институтом векселя [3, с. 166], в то время как имеется большая потребность рынка в определении строгой процедуры и создании продуманной системы в этом направлении. Для развития китайского торгового права является актуальным вопрос становления правовых институтов коносамента и складского свидетельства в качестве равных институтов векселя по степени правовой определенности, единства и полноты.

Гарантированность обязательства торговыми ценными бумагами

В отношении векселя в среде специалистов имеется согласие, что он выражает денежное обязательство. Но в том, что касается уяснения правовой природы товарных ценных бумаг, следует констатировать значительные разногласия в среде китайских и зарубежных ученых.

Самая главная причина разногласий заключается в том, как следует понимать природу субъективного права, признаваемого данного типа документами, – то ли это вещное право, то ли это право обязательственного характера. Следует признать, что в китайском законодательстве отсутствуют четкие нормы, позволяющие сделать однозначный вывод об отнесении коносамента и складского свидетельства к той или иной группе.

Отличия вещноправового и обязательно-правового подходов

Что касается взглядов на сущность института коносамента, то господствующей точкой зрения в теории права морских грузоперевозок является понимание коносамента в качестве документа вещноправового характера, принадлежащего к категории бумаг, выражающих право на вещь.

Данный подход представлен двумя главными направлениями: «*правовладельческое*» направление (*suoyouquanshuo*) и «*правособственническое*» направление (*zhanyouquanshuo*). Сторонники «правособственнического» направления указывают на то, что грузоотправитель, после того как получит оформленный грузоперевозчиком коносамент, посредством банка, производящего прием и оплату документов, может инициировать его свободное обращение в порту назначения. Таким образом, коносамент посредством учинения передаточной надписи может неоднократно передаваться из рук в руки, в то время когда сам груз еще не прибыл в порт назначения. В данном случае факт передачи коносамента понимается как действие купли-продажи товара, поскольку коносамент (по убеждению сторонников данного направления) является документом, подтверждающим право собственности.

Сторонники «правовладельческого» направления полагают, что коносамент гарантирует право владения и, в соответствии с торговыми обычаями, владение коносаментом приравнивается к обладанию грузом; обладающий коносаментом держатель имеет право распоряжаться товаром по коносаменту, а

переход владения коносаментом означает переход права собственности на груз [4, с. 36; 5, с. 58; 6, с. 74; 7, с. 151].

С вышеуказанным подходом конкурирует точка зрения, что коносамент не выражает вещного права, а выражает субъективное обязательственное право (так называемый *обязательно-правовой подход к пониманию правовой природы ценной бумаги*). Сторонники данного подхода считают, что коносамент выражает право кредитора (в данном случае держатель коносамента) требовать доставку груза от грузоперевозчика. При таких условиях доставка коносамента и вручение товара обладают одинаковым эффектом, и обязательственная природа коносамента формируется постепенно, а держатель коносамента имеет право предъявления прямого иска.

Для источников международного права характерна некоторая степень игнорирования обязательно-правовой сущности коносамента, и этот вопрос решается на национальном уровне.

В рамках обязательно-правового подхода сформировались четыре главных направления: *направление «договора перевозки» (yunshuhetongshuo)*, *направление «подразумеваемого договора» (moshihetongshuo)*, *направление «предписаний в законе» (falvguidingshuo)* и *направление «права, основанные на ценной бумаге» (zhengquanquanlishuo)*.

В отношении же выяснения правовой природы складского свидетельства имеющееся количество исследований относительно невелико. Существует точка зрения, что складское свидетельство представляет собой правовой документ, выдаваемый во время приема товара на хранение владельцем товарного склада поклажедателю, доказывающий, что получено определенное количество товара на хранение, и выражающий право собственности на соответствующий товар [8, с. 127]. Иная точка зрения рассматривает складское свидетельство как ценную бумагу, оформляемую владельцем склада в момент получения товара на хранение и выданную им поклажедателю, чтобы удостоверить факт получения определенного товара на хранение [9, с. 41].

В соответствии со ст. 387 Закона КНР «О договорах» складское свидетельство является документом, на основании которого можно забрать вещи, находящиеся на хранении, данный документ представляет собой ценную бумагу, выданную владельцем склада по требованию поклажедателя.

С точки зрения определения *складского свидетельства* можно утверждать, что в конечном итоге китайские ученые в основном рассматривают его как *ценную бумагу вещноправового характера*. Складское свидетельство выполняет функцию доказательства права получения вещи на хранение. Поклажедатель, отдавший вещь на хранение, после получения складского свидетельства получает соответствующее право собственности, а передача складского свидетельства подразумевает одновременный переход права собственности на предмет хранения. Соответственно (по господствующей точке зрения) переход владения складского свидетельства является основанием перехода права собственности на товар, указанный в нем.

Складское свидетельство в КНР не может рассматриваться в качестве полноценной ценной бумаги вещноправового характера вследствие требований ки-

тайского законодательства о том, что во время перехода права на складское свидетельство помимо учинения подписи на обратной стороне также должна наличествовать подпись владельца склада или соответствующий штамп.

Противоположная точка зрения состоит в том, что складское свидетельство имеет обязательственно-правовую природу, поскольку (в рамках понимания характерного для представителей данного направления) владелец склада и держатель складского свидетельства находятся в обязательственных отношениях, основанных на записи на ценной бумаге. Эффект этой записи обладает обязательственно-правовым действием [10, с. 146]. Факт того, что складское свидетельство выдается на основании договора хранения, неизбежно сказывается на характере обязательственных отношений.

Критика вещноправового подхода к ценной бумаге

Все торговые ценные бумаги появились как результат эволюции, имеющей лишь доказательственное значение, простой расписки в документ, способный выполнять функцию субститута в отношении фактической доставки товара. Позже за ними была постепенно признана способность к обращению. После того как торговые ценные бумаги получили достаточно широкое общественное признание, стали складываться связанные с ними соответствующие торговые обычаи, что в свою очередь привело к еще более широкому употреблению торговых ценных бумаг.

Начальной функцией векселя являлась замена уплаты наличных денег. Появление векселя помогло преодолеть проблему временного интервала, де факто предоставив возможность использовать будущие деньги в качестве реальных наличных денег. Кредитная функция векселя же сложилась сравнительно позже, но сразу стала ключевой его функцией в ходе становления товарного хозяйства.

Аналогично, коносамент и складское свидетельство также появились на основе простых документов, свидетельствующих о перевозке и хранении. Когда же товарная квитанция приобрела функцию кредитного перевода, заменила доставку товара и начала использоваться при исполнении торговых договоров, то функция переводного аккредитива фактически трансформировалась в функцию кредита под гарантию поставки товара.

Однако характер обязательств, гарантированных коносаментом, складским свидетельством и векселем, не являются одинаковыми. С точки зрения понимания этих документов как воплощения некоего обязательства они отличаются от векселя⁸. Денежные обязательства, выраженные векселем, и сам вексель не имеют строгого соответствия, а складское свидетельство и коносамент всегда строго эквивалентны гарантированному ими товару. Это привело к тому, что держатель данного типа ценных бумаг (коносамент и складское свидетельство) обладает по отношению к соответствующему товару эксклюзивными и приоритетными правами, возможностью предъявлять регрессные требования.

Закон КНР «О морской торговле» в ст. 71 воспринял подход Гамбургских правил к определению коносамента: «Коносамент – это документ, подтвер-

⁸ Поскольку деньги выступают как всеобщий эквивалент.

ждающий заключение договора морской перевозки и принятие или погрузку груза перевозчиком, и которым перевозчик обязуется передать груз против вручения документа»⁹.

Очевидно, что данное определение не относит коносамент к вещноправовым ценным бумагам, а рассматривает коносамент в качестве документа, на основании которого перевозчик обязуется передать груз против вручения этого документа, а для держателя коносамента он является документом, по которому он сможет получить груз.

Из-за того, что проблема определения права собственности обладает некоторой степенью сложности, а международные конвенции обходят урегулирование этого вопроса, то в судебной практике КНР постепенно выработался подход к тому, что спор о праве собственности на груз решается на основании держания коносамента.

Но коносамент не может породить возникновение права собственности, как не может ограничить переход права собственности, кроме того доставка товара и вручение коносамента часто не могут быть произведены одновременно. В законодательстве Китая отсутствует правило, о том, что переход права собственности следует за переходом коносамента. На практике очень мало встречается случаев, чтобы договор купли-продажи определял, что переход коносамента совпадает с переходом права собственности на груз. Следовательно, о том, что коносамент выражает вещное право, говорить не приходится. Равно как, коносамент не выражает правомочия владения товаром. Правомочие, основанное на факте владения, юридически слабо, и не может противостоять основному праву, и в случае если основное право будет доказано, то этого достаточно, для того чтобы лишить владения.

Коносамент, как ценная бумага, является материализацией обеспечения права на перевозимый груз, а не самим грузом, а отношения между перевозчиком и держателем коносамента являются отношениями обязательственного характера, возникающими на основании записи на коносаменте.

Аналогично, в Законе КНР «О договорах» в ст. 387 только указывается, что складское свидетельство является основанием для получения вещи находящейся на хранении, и отсутствует разъяснение по поводу природы права, гарантированного складским свидетельством. Несмотря на то, что в КНР имеются точки зрения о том, что складское свидетельство гарантирует вещное право, вплоть до того, что гарантирует право собственности [11, с. 75], но все же с точки зрения того, что держатель складского свидетельства может требовать исполнения обязательства на основании договора хранения, полагаем, имеет место обязательно-правовой эффект. Лицо, если оно не предоставит ценной бумаги, не сможет получить вещь. Исполнение договора хранения и тот факт, что только на основании складского свидетельства можно получить то-

⁹ Анализируя международно-правовые источники, можно сказать, что в Гагских и Висбийских правилах не имеется четкого определения коносамента, и только с появлением Гамбургских правил появилось определение коносамента, признаваемое определенным количеством государств.

вар, являются общим результатом права требовать вручение товара и обязательственного права, основанного на ценной бумаге.

Полагаем, что природа права, гарантированного товарными ценными бумагами, не является вещным правом, но вместе с тем не отрицается ее характеристика как документа выражающего ряд черт вещного права.

Поддержка обязательственно-правового подхода к ценной бумаге

На сегодняшний день наблюдается тенденция отказа от старых изживших себя концепций систематизации имущественных прав. Многие права получают новое независимое положение, происходит процесс специализации имущественных прав.

Помимо тенденции внутрисистемной специализации традиционных имущественных прав (как вещных, так и обязательственных), все же наиболее явные изменения происходят в торговом праве.

Самым важным элементом процесса секьюритизации субъективных прав является секьюритизация права предъявления требования. Оно зародилось на основе взаимного доверия и представляет собой своего рода право в ожидании. Вексель и товарная ценная бумага являются результатом взаимодействия секьюритизации права и кредитования.

Говоря о коносаменте, представляется полезным разобрать взгляды сторонников мнения о том, что товарные ценные бумаги выражают обязательственное право.

Рассмотрим взгляды сторонников направления «договора перевозки». Тут нужно отметить, что отношения обязательственного характера на основании коносамента и отношения, возникающие на основании договора перевозки, являются двумя разными правоотношениями. Субъектами обязательственно-правового отношения по коносаменту являются перевозчик и держатель коносамента, а субъектами отношения по договору перевозки являются перевозчик и грузоотправитель. Обязательственные отношения по коносаменту возникают с момента оформления коносамента, и прекращаются в момент отмены коносамента, а отношения по договору перевозки обычно возникают до подписания коносамента, когда грузоотправитель и перевозчик достигли согласия по поводу условий перевозки. По обязательственному отношению на основании коносамента перевозчик должен передать определенную вещь держателю коносамента, а по договору перевозки обязанность перевозчика состоит в исполнении обязанности по транспортировке. Обязательственные отношения по коносаменту целиком основаны на коносаментной записи, а содержание договора перевозки существует не только в форме записи на коносаменте, и содержание соглашения, достигнутого между грузоотправителем и грузоперевозчиком до того как был выдан коносамент, всегда имеет более приоритетную силу чем запись на коносаменте. Именно по этим основаниям данное направление представляется нелогичным.

Говоря о направлении «подразумеваемого договора», можно сразу отметить, что обязательственные отношения на основании коносамента не могут рассматриваться в качестве отношений, возникающих на основании конклюдентного договора. Например, рассматривая агентский договор, очевидно, что

покупатель не имеет никакой заинтересованности в договорных отношениях, существующих по поводу перевозки между продавцом и перевозчиком. Покупатель заинтересован только в получении коносамента, и ему безразличны условия заключения договора перевозки, равно как у продавца не существует какого-либо намерения осуществлять представительство. Слабым местом теории уступки договора является неспособность объяснить на каком основании была уступлена обязанность по договору без уведомления кредитора. Теория третьего заинтересованного лица исходит из того, что грузополучатель выступает в качестве третьей получающей выгоду стороны, но в таком случае его права и обязанности полностью зависят от содержания двусторонних договоренностей о перевозке, а его права как грузополучателя не являются самостоятельными обязательственными правами, что не ставит его в благоприятное положение. Таким образом, в целом данное направление не имеет юридической определенности и стабильности [12, с. 84] (в каждом конкретном случае необходима конкретная подразумеваемая договоренность) и представляется не соответствующей реальности Китая.

Обязательно-правовые отношения по коносаменту являются обязательством на основании ценной бумаги (направление «права, основанные на ценной бумаге»). В соответствии с этим подходом коносаментное обязательственное право представляет собой право требовать вручение товара. Это право, основанное на ценной бумаге, появляется вследствие выпуска этой ценной бумаги. Переход права и его реализация связаны с ценной бумагой, более того на основании своей природы как ценной бумаги оно находится в обороте.

Представляется, что именно сторонники направления «права на основании ценной бумаги» правильно подошли к пониманию особых характеристик коносамента и складского свидетельства как торговых ценных бумаг.

Коносамент и складское свидетельство как ценные бумаги обязательно-правовой природы с вещноправовым элементом

Использование векселя в области коммерческих обязательств стало общей практикой, во многом из-за того, что сам институт векселя однороден и обращение права, выраженного векселем, происходит на основании строгих правовых процедур [13, с. 12].

В случае же коносамента и складского свидетельства, вследствие того, что передача ценных бумаг и вручение собственно товара на практике обладали одинаковым эффектом, то исторически права по данным типам ценных бумаг стали обладать вещноправовым действием. Данного рода права, представляется корректным обозначить, как обязательно-правовые ценные бумаги с вещноправовым элементом.

Проявление вещноправового эффекта в данном случае имеет четыре значения: (1) нет необходимости осуществлять физическое владение перевозимым товаром и можно распорядиться товаром с помощью передачи ценной бумаги; (2) перевозимые товары обременены субъективным обязательственным правом (только держатель ценной бумаги может давать указания по перевозке и обладать правом на получение товара; если отсутствует ценная бумага, то распоря-

жение вещью невозможно (так называемая «документарность» распоряжения); вручение перевозимого товара возможно только при возвращении коносамента (так называемая «выкупаемость»); (3) только вручение коносамента для получения товара влечет возможность осуществлять права в отношении данного товара; (4) лицо, которое приобрело товар на основании перехода коносамента, в случае если произошло вручение перевозимого товара не на основании ценной бумаги другому лицу, превращается в добросовестного приобретателя и имеет право противостоять лицу, которое приобрело товар без документов.

Действие обязательного права по ценной бумаге ограничивается функцией обеспечения возможности того, что товар будет доставлен и вручен. Получатель товара, вручая ценную бумагу, получает право собственности и возможность противостоять ситуации, когда третье лицо с помощью ценной бумаги установило залог. Вещноправовое действие ценной бумаги основывается на обязательственно-правовой природе выраженной данного типа ценными бумагами (в качестве условия выступает доставка или вручение товара). В случае если товар утрачен либо оказался в добросовестном владении третьего лица, то передача ценной бумаги не влечет вещно-правового эффекта.

Анализируя вещноправовой подход и обязательственно-правовой подход к пониманию природы данного типа ценных бумаг, а также исходя из потребностей практики, мы считаем неверным отнесение коносамента и векселя в группу ценных бумаг, выражающих вещное право. Недостатки вещноправового подхода помогают понять рациональность использования обязательственно-правового подхода (а именно направление «права, основанные по ценной бумаге» в рамках данного подхода) к уяснению правовой природы коносамента и складского свидетельства.

В рамках данного направления (наиболее сильная его сторона состоит в том, что вручение данного типа ценных бумаг и доставка товаров имеет одинаковые последствия) полагаем правильным признавать, что коносамент и складское свидетельство выражают вещноправовой эффект, но вещноправовой характер действия данного типа ценных бумаг следует понимать как вторичный по отношению к их обязательственно-правовой составляющей, и более того, базирующийся на ней. Также такой подход будет способствовать доставке и вручению товара. Когда вещь утрачена, либо находится в бездефектном добросовестном владении третьего лица, вручение ценной бумаги не имеет каких-либо последствий вещно-правового характера, что демонстрирует верность подхода «права, основанные на ценной бумаге».

Литература

1. 赵新华。票据法 / 赵新华。— 人民法院出版社, 1999。— 第 21 页。
2. 刘昕。提单与票据之比较研究 / 刘昕。— 海商法年刊。2001。— 第 12 期。— 第 147 页。
3. 陈芳。提单行为概念之理论探讨 / 陈芳。— 求索。— 2010。— 第 10 期。— 第 166 页。

4. 魏文达。海商法 / 魏文达。— 法律出版社，1984。— 第 36 页。
5. 任建新。海商法教程 / 任建新。— 人民法院出版社，1988。— 第 58 页。
6. 夏斗寅。海商法基础 / 夏斗寅。— 法律出版社，1988。— 第 74 页。
7. 司玉琢。新编海商法学 / 司玉琢。— 人民交通出版社，1991。— 第 151 页。
8. 王文林。保管合同·仓储合同 / 王文林。— 法律出版社，1999。— 第 127 页。
9. 房绍坤、赵志毅。论仓单质押 / 房绍坤、赵志毅。— 法制与社会发展。2001。— 第 4 期。— 第 41 页。
10. 丸山秀平。商法 I —— 総則・商行為法/手形・小切手法 (第 2 版) / 丸山秀平。— 新世社，2005。— 第 146 頁。
11. 房绍坤。仓单若干问题探讨 / 房绍坤。求是学刊。— 2002。— 第 1 期。— 第 75 页。
12. 郭瑜。论提单债权关系 / 郭瑜。— 中外法学。— 1999。第 2 期。— 第 84 页。
13. 刘宁。我国商业银行结构性贸易融资发展研究 / 刘宁。— 求索。— 2010。第 7 期。— 第 12 页。

И. И. УГЛЯНИЦА

студент 2 курса факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

А. А. ЛЕГЧИЛИН

заместитель декана по научной работе, заведующий кафедрой философии культуры Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)

КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ОЦЕНКЕ УРОЖЕНЦА БЕЛАРУСИ О. М. КОВАЛЕВСКОГО

Осип (Юзеф) Михайлович Ковалевский родился 28 декабря 1800 г. (9 января 1801 г.) в д. Великая Берестовица Гродненской губернии в семье небогатого униатского священника, происходившего из польских мелкопоместных дворян¹. В 1809–1817 гг. Юзеф учился в гимназии г. Свислочи Гродненской губернии, входившей в состав Виленского учебного округа. Преподаватели гимназии назначались Виленским университетом и молодой гимназист Ковалевский поступает в этот известный университет, как он писал позднее, «из-за любви к науке, внушенной моими свислоцкими учителями». Огромный интерес гимназиста к античной истории и классической филологии повлиял на выбор профессии. Учиться Ковалевский поступил на факультет литературы и свободных (изящных) искусств университета в г. Вильно 20 сентября 1817 г.

В университете О. Ковалевский был активным участником тайных студенческих организаций «Общества филоматов» (с 1817 г.) и «Общества филаретов» (с 1820 г.). В этих обществах студенты оказывали взаимную помощь в учебе и науках, распространяли знания среди молодежи, пропагандировали идеи национального освобождения, республиканского устройства, ликвидации

¹ Историко-библиографические материалы О. М. Ковалевского взяты из работы «Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие», Казань, 2004.

крепостнических отношений. В обществах Осип Ковалевский выступал с докладами о жизни, деятельности и переводах Геродота, Плутарха, поэзии, языке, писательском искусстве и занимался организационной деятельностью.

В 1823–1824 гг. царское следствие и дознание по делу о деятельности патриотических кружков и обществ в городах Беларуси и Литвы, аресты членов «Общества филаретов» изменили последующую жизнь О. М. Ковалевского. По приговору Особого комитета, утвержденного императором Александром I от 14 августа 1824 г., активные участники обществ филоматов и филаретов были отправлены в ссылку. В ссылку в Казань были сосланы О. Ковалевский, Я. Верниковский и Ф. Кулаковский, которых причислили к Педагогическому институту университета для изучения восточных языков. Вильно они покинули 24 октября 1824 г.

Казанский период жизни О. М. Ковалевского стал временем наиболее плодотворной педагогической и научной деятельности известного востоковеда-монголоведа, путешественника и просветителя. Следует отметить, что востоковедение в России становится в это время одной из наиболее востребованных отраслей знания. Это связано как с отсутствием сведений о собственно российских восточных народностях, так и с началом активных дипломатических отношений с Китаем. Вклад Ковалевского, хотя и косвенный, в развитие этих отношений сложно переоценить.

С 1827 г. ректор Казанского университета Н.И. Лобачевский (1792–1856 гг.) и попечитель учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин (1795–1862 гг.) начали предпринимать конкретные меры по развитию университетского востоковедения. В декабре 1827 г. в своем представлении в Министерство народного просвещения М. Н. Мусин-Пушкин, предложил создать Восточный институт. Он полагал «полезным для образования молодых людей, могущих быть употребленными в постоянных торговых и политических сношениях России с государствами восточными, и отправленными путешествовать на Восток для узнания нравов, обычаев, законов и прочих народов там обитающих и России столь мало известных» [2].

В связи с подготовкой к открытию университетской кафедры монгольской словесности, Совет решил направить О. Ковалевского в научную командировку в Иркутск сроком на 4 года для изучения монгольского языка. Это решение определило в жизни О. М. Ковалевского новый рубеж в учебной, научной и просветительской деятельности.

В 1828–1833 гг. во время путешествия О. М. Ковалевский в Иркутске, Забайкалье, Бурятии, Монголии и Китае изучал монгольский язык и литературу, историю и культуру монголоязычных народов, переписывал и переводил монгольские тексты, составлял грамматику и словарь монгольского языка, приобретал монгольские, китайские, тибетские и другие рукописи и ксилографы (оттиски с гравюр на дереве) для библиотеки университета. В тот период он также занимался изучением основ китайского, санскритского и маньчжурского языков.

В сентябре 1829 г. О. М. Ковалевский по поручению Иркутского гражданского губернатора посетил г. Ургу в Монголии, а с 30 августа 1830 г. в составе

XI-й российской духовной миссии отправился и жил в Пекине (6 июня 1831 г. выехал из Пекина и вернулся в г. Кяхту 3 сентября 1831 г.).

Во время научного путешествия О. М. Ковалевский начинает изучать буддизм, историю и культуру народов Центральной и Восточной Азии. Причем, будучи монгловедом, он понимал азиатскую культуру довольно широко. Буддизм рассматривался Ковалевским не как сугубо Индийское явление, а как общерегиональный феномен. В работах об этой религии можно говорить как о попытках сквозь «буддийскую» призму взглянуть на культуры как Индии, так и Китая и других азиатских стран.

11 мая 1837 г. впервые в России была открыта кафедра китайского языка и словесности, в 1844 г. преобразованная в китайско-маньчжурскую кафедру.

С 29 декабря 1837 г. О. М. Ковалевский был избран членом-корреспондентом императорской Санкт-Петербургской Академии наук. (В 1847 г. он не был утвержден Николаем I в звании действительного члена Академии). В мае 1839 г. Ковалевский стал почетным членом королевского Азиатского общества в Париже, а с апреля 1844 г. – действительным членом королевского Датского общества северных антиквариетов. Ученый также являлся действительным членом Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете (с 15 июля 1840 г.) и Виленской археографической комиссии (с 29 марта 1858 г.) Таким образом можно говорить о том, что исследователь стал одним из главных трансляторов знаний о Востоке в страны Европы, где его исследования были актуальны и востребованы.

Важное место в истории Казанского университета принадлежит О. М. Ковалевскому как ректору, однако, уволенный (9 февраля 1860 г.) в связи со студенческими волнениями в университете, Ковалевский уехал в Варшаву.

Период 1862–1878 гг. связан с педагогической работой профессора кафедры всеобщей истории О. М. Ковалевского в Варшавской главной школе, преобразованной в 1869 г. в Варшавский университет. В университете он читал курс лекций по всеобщей истории и был деканом историко-филологического факультета. 29 апреля 1878 г. О. М. Ковалевский был избран почетным членом Казанского университета.

9 октября 1878 г. О. М. Ковалевский скоропостижно скончался в здании Варшавского университета.

Ключевой работой Ковалевского, отражающей исследования Китая и Востока вообще, является «Буддийская космология». На самых первых ее страницах ученый указывает на то, что ранее исследование буддизма было отрывочным и несистемным. К примеру о изысканиях известного русского и немецкого географа и путешественника П. С. Палласа Ковалевский писал: «Паллас, по незнанию восточных языков, слишком доверял Иеригу (сопровождавшему его переводчику), высокопарные рассуждения его несколько исправив, все существенное принимал, соединял то, что должно оставаться отдельным, и грубые погрешности передал нам, вместо истины» [1]. Работы же Ковалевского проникнуты методологическим европоцентризмом, четки и структурированы, однако, и это стоит отметить, не европоцентризмом идеологическим, а скорее напротив, глубокой симпатией к азиатской культуре.

В «Буддийской космологии», как одной из наиболее значительных его работ, Ковалевский анализирует список из десяти буддийских проступков, а далее рассматривает буддийские добродетели. Так же им, впервые в русской буддологии предпринимается попытка изложения традиционных представлений о сущности Будды и таких важнейших религиозных идеогемах, как нирвана (Просветление) и сансара (Круговорот рождений и смертей). В этой части ученый пользуется дихотомией «дух» – «материя», т. е. анализирует буддизм в рамках европейской парадигмы христианского мышления. Традиционное учение об обретении новых рождений трактуется как аналог христианского воздаяния за грехи и добродетели. Обусловленность новых рождений деяниями прошлой жизни рассматривается О. М. Ковалевским как основа буддийской морали.

В обширных пояснениях к текстам О. М. Ковалевский истолковывает идеологемы восьмеричного пути, обетов мирянина, а также сведения из истории буддизма. В разделе, посвященном приходу буддизма в Китай, он приводит знаменитый эпизод из «Сна императора Мин», давший, по легенде, толчок к ускорению буддизма, однако, не обходит и социокультурный контекст, говоря о первоначальном идейном доминировании буддизма в Индии над брахманизмом ввиду отрицания кастовой структуры.

Ковалевский воспроизводит традиционное космологическое учение о трех мирах, что до него сделано небыло, высказывая мысль о том, что граница между этими, расположенными по вертикали «сферами существования обусловлена состоянием духа, которое различается степенью удаления от сансары»; описывает основные смыслообразующие блоки, такие как типология живых существ, космография, космогонические представления; подробно останавливается на описании буддийских адов и их обитателях.

Хотя в «Буддийской космологии» еще не сформированы научные критерии отбора материала, а изложение превалирует над анализом, долгое время этот труд оставался одним из немногих источников сведений относительно буддийской картины мира. По совокупности работ Ковалевского можно сделать вывод о его значительном вкладе в исследование буддизма, о том, что он поднял буддологию на новый уровень. Он впервые прочел многие письменные памятники, неизвестные прежде в Европе, попытался сформировать благожелательный взгляд на буддийскую культуру как самобытное явление духовной жизни Азии [3].

Судьба обширного литературного и научного наследия О. М. Ковалевского трагична. Особенно большая часть его архива и библиотеки была уничтожена в Варшаве в 1863 г. Среди фундаментальных работ, потерянных для науки, следует выделить: «История Востока», «История буддизма», «Путешествие в Монголию и Китай» и др. Но огромная его просветительская и научно-педагогическая деятельность способствовала появлению плеяды российских востоковедов.

Литература

1. *Ковалевский, О. М.* Буддийская космология / О. М. Ковалевский. – Казань, 1837. – 167 с.
2. Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Р. М. Валеев [и др.]; науч. ред. Р. М. Валеев; Ин-т востоковедения РАН (С.-Петербург. фил.) [и др.]. – Казань, 2004. – 234 с.
3. *Ермакова, Т. В.* О. М. Ковалевский как религиовед-буддолог / Т. В. Ермакова // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Р. М. Валеев [и др.]; науч. ред. Р. М. Валеев; Ин-т востоковедения РАН (С.-Петербург. фил.) [и др.]. – Казань, 2004. – С. 209–230.

КУЛЬТУРА КИТАЯ

Е. В. АРТЕМОВА

*магистрант ИПНК Национальной академии наук Беларуси
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСКУССТВЕ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ И КИТАЙСКИМ КУЛЬТУРНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Найти оптимальный вариант между воплощением стремлений внедрить достижения мировой живописи и попытками сохранить самобытность национальной изобразительной культуры – одна из наиболее актуальных задач современного искусствоведения.

К 70-м гг. XX в. в Китае одним из основных принципов сохранения и возрождения национальной культуры и искусства стал синтез национальных и общемировых традиций. В искусстве Китая, в частности в живописи, это выявилося в тесном соприкосновении с достижениями европейского искусства, которое принесло неожиданные плоды. Национальная живопись не только не утратила своего своеобразия, но и открыла миру новые грани китайского искусства, самобытные образы и экспрессии мастеров изобразительного искусства «новой волны».

Путь к сегодняшним успехам китайского искусства не был простым, и все еще остается немало вопросов о его будущем.

В 1949 г. Мао Цзэдун в своей речи подытожил результаты дореспубликанских реформ китайской культуры, последствия которых трудно было назвать благоприятными. Однако, охарактеризовав этот этап китайской истории как таковой, он все же справедливо подметил, что «...изучив новые науки, люди поверили, что они смогут спасти Китай от гибели, чего не хватало в старых китайских представлениях. Развитие этих наук показало неэффективность старых предположений (о том, что китайская культура может быть уничтожена влиянием извне – Е. А.). Необходимо спасти Китай в первую очередь путем реформ, ориентируясь на западный пример развития, но, в то же самое, время сохраняя национальную традицию» [1, с. 26].

На этой основе активизировались сравнительные исследования китайской и западной культур, началось переосмысление перспектив развития китайского искусства. Особенностью этих исследований был их прикладной характер. Художники, учившиеся в Европе и некогда почерпнувшие там бесценный опыт новых направлений и техник живописи, вернувшись в Китай и став преподавателями, публиковали собственные и переводные статьи, горя желанием возродить былое величие и мощь национальной живописи во всем многообразии современных форм. Одним из таких деятелей был мастер и преподаватель Линь Фэнмянь. Закончив Парижское высшее училище тонких искусств, он проявлял особый интерес к новейшим западным художественным течениям, в частности – к модернизму. Линь Фэнмянь внедрил в китайскую живопись некоторые приемы масляной живописи, характерные для этого стиля [2, с. 176]. Его картины со-

ставляют особый, модернистский раздел в современной китайской живописи («Натюрморт», «Обнаженная», «Богатый улов»).

Еще ранее за реформирование китайской живописной техники на основе внедрения западноевропейских элементов ратовал ректор Центральной академии художеств и художник Суй Бэйхун. Один из его шедевров, изображение галопирующего коня, считается образцом сочетания приемов китайской и европейской манеры рисования [3, с. 114]. Именно он способствовал открытию в Европе китайской живописи: с 1933 г. по 1935 г. он привез в Европу несколько сотен образцов современной китайской живописи, организовал и провел выставки во Франции, Германии, Бельгии, Италии и Советском Союзе. Среди представленных им художников были Ци Байши («Виды горы Цзе», «Восход солнца», «Под соснами на палочке-лошадке», «Поучение»), Гао Цзяньфу, Лю Фэнцзы, Чжан Дацянь и др.

Ци Байши был приверженцем «живописи интеллектуалов». В его творчестве отразилась классическая традиция китайского искусства и экспериментальные поиски. Его живопись содержит примеры весьма деликатной адаптации приемов западного искусства – таких, как светотеневая моделировка; прием пространственных построений на основе наложения плоских планов, подобно меткам на карте, обозначающих «глубину»; способ использования низкой линии горизонта и очень осторожная передача среды вокруг главных объектов картины («Ноктюрн с горящей свечой»). По легенде, Пабло Пикассо как-то сказал: «Я не осмелюсь поехать в Китай, так как там есть Ци Байши. Он – величайший художник Азии». Ци Байши создал свой уникальный стиль «Красные цветы, черные листья» – на основе изучения работ старых мастеров. Он одним из первых начал работать с натуры, использовал чистые цвета.

Спектр интересов еще одного художника и искусствоведа Лю Хайсу, преподавателя и живописца, также был чрезвычайно широким. Хотя предпочтение он отдавал постимпрессионизму, как в его творчестве, так и в его педагогической деятельности прослеживается принятие и синтезирование традиций различных школ и направлений, особенно приемов, характерных для творчества Ван Гога и Сезанна [4, с. 39]. Во многом именно Лю Хайсу модернизировал систему преподавания в художественных вузах Китая.

В конце 50-х гг. XX в. одному из преподавателей Центральной академии художеств Китая было предложено разработать и начать такой курс на основе опыта, полученного в Ленинградской академии художеств имени Репина. Однако преподаватель совместил данный опыт с известной ему системой обучения, заимствованной из французской образовательной системы. Кроме того, студенты стали обучаться непосредственно в мастерских художников. Преподавателя, который лично интерпретировал и адаптировал достижения советской и европейской систем преподавания, звали Ло Гонлю. На основе его образовательного курса к декабрю 1961 г. была сформирована уникальная оригинальная китайская система обучения живописцев.

Данные примеры служат прекрасной иллюстрацией роли прикладного характера исследований и освоения мировых достижений живописи в развитии национальных художественных школ. *Такой подход позволил заложить мощ-*

ный фундамент, на котором возникает и развивается современное китайское национальное искусство.

С 1978 года в Китае наступила эпоха реформ и экспериментов, что позволило открыть совсем новую страницу в истории китайского изобразительного искусства [5]. С тех пор в искусстве Китая были отражены влияния западной и советской культуры, и в силу этого содержался ряд противоречий, возникших из-за столкновения с традиционной культурой Китая. Однако к середине 80-х гг. китайское изобразительное искусство *из сплава собственно национальных и заимствованных западноевропейских и русских традиций переродилось в уникальное, самобытное явление. Оно обратило на себя внимание стран, некогда давших ему новые средства воплощения и образцы концепций.* Все это было интерпретировано удивительным образом, совершенно не похожим на европейское или русское воплощение первоначального смысла, вкладываемого в новые эстетические концепции.

Важным событием художественной жизни стала выставка «Звезды» («Синсин хуачжань»), проходившая в 1979 г. (повторно в 1980 г.) в Пекине, первоначально в парке рядом с Китайской галерей изобразительного искусства. Выставка обнаружила основные тенденции периода – пробуждение внимания к современному западному искусству на фоне критического отношения к китайской действительности и традиционному наследию в целом, а также обращение к проблемам общественной жизни [6, с. 15]. Это стало вероятной причиной конфликта с властями, быстро закрывшими выставку.

В художественной жизни Китая новым явлением стало возникновение поселений свободных художников. Первым из них было поселение «Пекинская западная деревня» (1984 г.). Она располагалась на руинах дворцово-паркового комплекса Юаньмин и воплотила собой исторически противоречивые связи Китая с Западом [7, с. 34]. Эти связи переосмысливались и воплощались в живописных произведениях, формируя новый образ восприятия событий в культурном европейском пространстве как явлений перспективных, как открытий и достижений, способных принести пользу и вдохновение китайской культуре для создания новых, самостоятельных живописных форм.

Многие живописцы самостоятельно проявляли стремление к синтезу китайского и европейского искусства. Так, художник У Гуаньчжун (родился в 1919 г.) использовал синтез абстрактного и фигуративного искусства для интерпретации с их помощью незамысловатых сюжетов из народной жизни [8, с. 202].

Китайскому живописному искусству оказалось присуще стремление к решению абстрактных художественных задач, ярко проявившееся в творчестве такого романтического мастера старшего поколения, как У Гуаньчжун, продуктивно творившего в технике масляной живописи до конца 90-х гг. XX в. Синтезируемый в его работах опыт китайской традиции и западной живописи содержателен и эстетичен, напоминая достижения 40–50-х гг., принадлежащие американским абстрактным экспрессионистам – «романтикам авангарда». Это направление, характеризующееся особой «взвинченностью» используемых средств, деформирующих изображаемую реальность, и страстностью самовы-

ражения автора, оказало серьезное влияние на западное искусство XX в. в целом. Работы У Гуаньчжуна 80–90-х гг. («Лес Конфуция», 1980 г.; «Три вершины», 1987 г.; «Весна, похожая на нити», 1993 г.) визуально приближаются к произведениям на стыке реализма и экспрессионизма [9, с. 159].

Французский художник китайского происхождения Зао Вуки (Чжао Уцзи, родился в 1921 г. в Пекине), с 1948 г. живущий и работающий в Париже, рассматривается исследователями как яркое явление так называемой второй Парижской школы 1940–1950-х гг. [10, с. 91]. В работах этого времени (например, «Черная масса») Зао Вуки отразил общее увлечение художников западного модернизма традиционной культурой стран Дальнего Востока, проявившееся, в частности, в интересе к творческим методам чань-буддизма и формировании направления стилизованных фигур.

Таким образом, обращаясь к глубочайшим истокам человеческого опыта, гений китайского живописца осознавал этот опыт как общемировой. И исследуя внутреннюю правду жизни, художник понимал многообразие ее проявлений в искусстве разных стран и народов. Люди искусства – это личности, которым свойственна открытость особого толка: они способны первыми *воспринимать и усваивать новый опыт, чтобы в дальнейшем с его помощью создать новые, удивительные перспективы развития своего искусства и искусства своей страны*, что ярко демонстрировали явления в китайском искусстве со второй половины XX в.

В 1985 и 1989 гг. в Пекине состоялись две выставки: «Выставка произведений передовой китайской молодежи» (1985 г.) и итоговая для этого периода «Выставка современного китайского искусства» (1989 г.). Они ознаменовали собой становление «нереалистического» современного искусства Китая [11, с. 37]. В 1989 г. также состоялась выставка «живописи интеллектуалов» в Китайской галерее изобразительного искусства. В данной художественной среде было заново глубоко осознана возможность рассматривать национальную живопись и каллиграфию как единое искусство – искусство кисти. Среди участников выставки того времени были мастера Центральной художественной академии Пекина – Чэнь Пин (родился в 1960 г.) и Тянь Лимин (родился в 1955 г.).

Это поколение художников и сегодня продолжает воплощать в своих произведениях гармоничный синтез достижений китайской и европейской живописи. Картина Тянь Лимина «Горожане среди природы», представляет собой рационально построенную «реалистичную» композицию из трех человеческих фигур в пейзажном окружении. Благодаря эффекту размылок она сближается с техникой письма некоторых западных абстрактных экспрессионистов (например, Марка Ротко) [12, с. 22].

Некоторые работы Хань Цзинтина, предлагают национальную версию экспрессионизма; другие (например, фигуры играющих мальчиков) выполнены в духе примитивизма, напоминая традиционные лубочные картины [13, с. 109]. Образы людей, занятых каким-либо делом в исполнении Хань Цзинтина способны составить серьезную конкуренцию произведениям западного концептуализма. Используя язык примитива, Хань Цзинтин остается китайским мастером

кисти, видящим своей главной заботой «пестование, или вскармливание жизни» [14, с. 214].

В течение трех последних десятилетий в китайском искусстве сформировалось новое направление сяньдай-чжуи (модернизм), аналогичное современному западному modern art [15, с. 400]. Таким образом, с уже «устоявшейся» областью современного национального искусства сосуществует и более активная, быстро обновляющаяся часть, на Западе называемая contemporary art – актуальное искусство, т. е. творящееся в текущий момент времени.

Говоря об общей тенденции взаимодействия в искусстве между европейским и китайским культурным пространством, нужно отметить одну из его наиболее характерных черт – эта некоторая «разорванность» во времени диалога между Востоком и Западом. Однако, так или иначе, этот диалог всегда продолжался, т. к. люди искусства обеих стран никогда не уставали стремиться к расширению своих творческих горизонтов и профессиональных знаний. Если во второй половине XIX в. ученые Европы в условиях социально-экономического и художественного кризиса (отсутствия большого стиля, эклектика) в поисках гармоничного образца художественного синтеза обратились к духовно-историческому опыту Китая и пришли к общеевропейскому стилю модерн, то в 40-е гг. XX в. уже Китай, восприняв общемировые тенденции модернизма, приобрел уникальность собственного живописного образа в мировой культуре. Этот поразительный пример показывает, какую пользу может принести для развития самобытной национальной живописи непохожесть, обособленное развитие двух эстетических систем при условии открытости деятелей культуры и искусства к интерпретации идей, образов, концепций, явлений в искусстве, совершенно не похожем на их родное.

Литература

1. Неглинская, М. А. Творчество Зао Вуки: на перекрестке двух традиций / М. А. Неглинская // Грани творчества: сб. науч. ст. – М., 2005. – Вып. 2. – С. 64 – 72.
2. Jia Xiaowei. Fashion China: Art in China / Jia Xiaowei. – 2003. – 247 p.
3. Чжуан, Цзяи. Китайская живопись – отражение истории / Чжуан Цзяи, Не Чунджэн. – Китай, 2001. – 269 с.
4. Чжан, Д. Изобразительное искусство Китая кон. XIX–XX вв.: национальное культурное наследие и влияние европейских традиций / Чжан Далэй. – Минск, 2007. – 156 с.
5. Искусство Китая [Электронный ресурс]. – Электрон., текстовые дан. и прогр. – М., 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
6. Ван, Фэй. Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 12.02.06 / Ван Фэй; Моск. гос. ун-т культуры и искусств [Электронный ресурс]. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sovremennoe-iskusstvo-kitaya-v-kontekste-mirovogo-khudozhestvennogo-protsessa>. – Дата доступа: 21.09.2012.
7. Жегал, Ми Джа. Воздействие художественной культуры стран Дальнего Востока на европейский модерн (живопись, графика): автореф. ... дис. канд. искусствоведения: 21.02.1999 / Жегал Ми Джа; Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – М., 1999.

8. Китайское искусство: принципы. Школы. Мастера / сост., пер. с китай., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. – М., 2004. – 429 с.
9. *Малявин, В. В.* Сумерки Дао: культура Китая на пороге Нового времени / В. В. Малявин. – М., 2000. – 436 с.
10. *Роули, Дж.* Принципы китайской живописи / Дж. Роули; пер. с англ. и послесл. В. В. Малявина. – М., 1989. – 158 с.
11. *Крючкова, В. А.* Китайский бум налицо / В. А. Крючкова // Артхроника. – 2009. – № 1. – С. 37–44.
12. *Сычев, В. Л.* Современная традиционная живопись Китая. Основные тенденции развития / В. Л. Сычев // Искусство. – 1988. – № 9. – С. 18–26.
13. Китай ... Вперед! China...Forward!: каталог временной выставки в ЦУМ, Москва. – М., 2008. – 297 с.

Ю. В. БАЖЕНОВ

*заведующий редакцией исторических и социально-экономических наук
издательства «Беларуская Энциклапедыя імя Петруся Броўкі»
(г. Минск, Республика Беларусь)*

АКТРИСЫ КИТАЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА – ОТ НЕМОГО КИНО ДО XXI ВЕКА

В китайском кино с 20-х гг. XX в. исторически сложилось так, что именно женщины-актрисы, а не актеры-мужчины стали главными звездами экрана. Борьба за раскрепощение женщин, за их равноправие, против старых полуфеодалных традиций получила широкое освещение в этом новом виде искусства. В 1930-е гг. произошел окончательный отход от наследия «театра теней» и поворот к выпуску настоящей кинопродукции. Вместо развлекательных произведений коммерческой направленности китайские кинематографисты стали выпускать яркие, реалистичные и специфические фильмы. Как следствие, китайская кинопродукция вошла в русло развития передовой культуры и стала воплощать колорит исторического момента. Киноактрисы этого времени оказали большое влияние на развитие общества. Их изображали на рекламных щитах и плакатах, их голоса звучали по радио. Ориентиром в искусстве тогдашних кинозвезд Китая оставался Запад, так как там зародилось искусство кино, оттуда продолжали поступать фильмы. Многие казались на первый взгляд одинаковы и по внешнему виду и по манере игры.

Но тогда уже появились и действительно великие актрисы. Наибольшую известность получила звезда немого кино Китая того времени Жуань Линьюй, о игре которой автор этих строк может судить по просмотренному им фильму «Богиня» (1934, режиссер У Юнган). Это любимая кинолента 30-х гг. XX в. современного знаменитого режиссера Чэнь Кайгэ. Фильм рассказывает историю шанхайской проститутки (Жуань Линьюй в главной роли), пытающейся прокормить себя и своего сына Шуйпина. Однажды, убегая от полиции, она попадает к игроку в азартные игры, который укрывает ее, но затем объявляет своей собственностью. Он угрожает забрать у нее сына, если она не будет давать ему

денег. Все же ей удается откладывать деньги, пряча их за кирпичом в стене. Когда Шуйпину исполняется 5–6 лет, она решает отдать его в школу. Однако родители остальных детей узнают, что его мать проститутка и требуют его исключить. Директор школы идет повидаться с матерью, видит ее любовь к сыну и отказывается его исключить. Педсовет с этим не согласен, и директору приходится самому уволиться. Мать решает уехать с сыном туда, где их никто не знает. Она ищет деньги за кирпичом, однако игрок незадолго до этого нашел и забрал их. В ссоре мать убивает игрока ударом бутылки по голове. Ее приговаривают к 12 годам тюрьмы. Директор школы приходит навестить ее и обещает позаботиться о сыне.

Несмотря на то, что фильм немой, черно-белый, смотрится он достаточно легко и в наше время. Очень выразительна игра Жуань Линьюй, ее героиня – добрая, скромная женщина, заботливая и нежная молодая мать – стала жертвой несправедливого общества. Жуань Линьюй всегда выглядела утонченной и элегантной, отличалась волшебной восточной красотой. В фильмах в большинстве случаев она исполняла роли порядочных, добродетельных женщин (в фильме «Богиня» тоже показана такая женщина, но попавшая в трагические обстоятельства). А в жизни она носила традиционные китайские наряды, и ее самая большая мечта была – выйти замуж за хорошего человека и жить семейными радостями. Ее нежность, возвышенность, даже какая-то поэтическая грусть отражали классическую красоту китайок, были своеобразным эталоном для представительниц прекрасного пола Востока. Как и голливудская кинозвезда Мэрилин Монро, Жуань Линьюй покончила жизнь самоубийством. 14 марта 1935 г. на улицы Шанхая вышли более 300 тысяч поклонников Жуань Линьюй, чтобы проводить в последний путь своего кумира. Это необыкновенное зрелище произвело настолько сильное впечатление на журналиста из газеты «Нью-Йорк таймс», что он написал: «Это были самые великие похороны в мире».

Такая традиция показывать женственных, утонченных героинь, полных глубокого духовного внутреннего мира продолжилась и в 40-е гг. XX в. Прекрасным образцом может служить фильм «Весна в маленьком городке» (1948, режиссер Му Фэй), который мне также удалось посмотреть. Главную роль Цоу Ювэн исполняет актриса Вей Вей. Муж и глава семьи Дай Лиян – инвалид, проводящий время во дворе, тоскуя о прошлом. Его брак с Цоу Ювэн уже давно лишен любви, но все же супруги заботятся друг о друге. В это безотрадное, но неизменное существование появляется друг детства Дай Лияна Цан Чичэн, который был увлечением Цоу Ювэн еще до встречи с мужем. Остаток фильма сфокусирован на эмоциональном конфликте Цоу Ювэн между чувствами к Цан Чичэну и долгом к мужу. В 2005 г. общество гонконгской кинопремии назвало фильм лучшей китайской кинолентой, представив список 100 лучших фильмов на 24-й церемонии вручения кинопремии. В 2002 г. вышел римейк, снятый режиссером Тянь Чжуаном.

После образования КНР (1949) тема освобождения женщины по-настоящему заняла прочные позиции на экранах. Новое законодательство способствовало популяризации идеи равноправия мужчин и женщин, и кинематограф мгновенно отреагировал на это. В результате стал пропагандироваться об-

раз крепкой, сильной, волевой женщины, которая сама активно борется за свое счастье, активно участвует в общественной жизни и ни в чем не уступает мужчинам. Женственность же отходила на задний план. К сожалению, очень трудно сейчас достать такие фильмы даже в Интернете, что, вероятно, свидетельствует о том, что они уже вышли из моды в Китае и не предлагаются активно современному широкому зрителю. Автору удалось посмотреть один весьма примечательный фильм такого рода – «Седая девушка» (1950, режиссер Ши Хуа). Развитие образа героини здесь как раз и показывает такой переход – от женственности и слабости – к активности. Фильм снят по одноименной опере, первое представление которой состоялось в Яньане в апреле 1945 г. В основе сюжета – переработанная народная легенда о призрак беловолосой девушки (белый – цвет смерти), в грозовую ночь умерщвляющей своих обидчиков на развалинах старого храма. Итак, 1935 год. Накануне Нового года крестьянин-бедняк Ян Байлао, житель деревушки, расположенной в одном из уездов провинции Хэбэй, должен выплатить долг помещику Хуан Шижэнню. Дочь Яна Байлао, красавица Сизэр (главная роль – Цянь Хуа), взаимно любит крестьянина Дачуня. На Новый год намечена свадьба, но у помещика свои виды на Сизэр. Он, с помощью своего приказчика Му, разрабатывает план как заставить Яна Байлао продать ему свою дочь... Далее испытывая множество трагических перипетий, Сизэр возвращается в деревню вместе с китайской Красной Армией совершенно другим человеком. Из простой деревенской девушки она превращается в активного революционного бойца. Она выходит, наконец, замуж за любимого человека. Над помещиком Хуаном, обесчестившим ее, свершается справедливое возмездие. В 1951 г. фильм с успехом демонстрировался в СССР (это был первый китайский фильм в советском кинопрокате). Но сегодня (на мой взгляд) он выглядит довольно наивно и представляет интерес только любителям истории кино.

Подлинный успех китайского кино пришел после «культурной революции» (в 60–70-е гг. XX в. художественные фильмы вообще не снимались) с конца 1980-х годов и продолжается до настоящего времени. Ныне в мире широко известны имена многих китайских актрис: Гун Ли, Чжан Маньюй (Мэгги Чун), Чжао Вэй (Вики Чжао), Чжоу Сюнь, Яо Чухэн (Мишель Яо), Чжан Цзыи, Ли Бинбин, Фань Бинбин, Шу Ци и ряда других. В этот период кинематограф стал осваивать самые разные жанры – от трагедий до комедий, освещать разные исторические периоды и показывать самые разные стороны жизни современного Китая. Китайские актрисы стали играть самые разные характерные роли – как утонченных женственных, так и активных, сильных, целеустремленных женщин с железной волей.

Наиболее известной актрисой в современном Китае является Гун Ли (р. 1965). Ее по праву образно называют императрицей китайского кино. За свою артистическую карьеру она сыграла в 31 фильме, как Китая, так и США. Автору этой статьи удалось посмотреть 20 из них, включая первый – «Красный гаолян», 1987, режиссер Чжан Имоу и последний – «Чего хотят женщины», 2011, режиссер Чэнь Дамин (далее я буду упоминать только просмотренные мною фильмы). Свою первую роль Гун Ли сыграла еще в студенческие годы.

Первая картина послужила началом для чрезвычайно успешного творческого союза молодой актрисы и начинающего режиссера. Спустя многие годы Чжан Имоу так вспоминал первую встречу с Гун Ли: «С первого взгляда она произвела на меня впечатление прелестной и умной (девушки) с выразительным взглядом. В тот момент она была одета в широкополую одежду, размер которой в моем представлении не соответствовал тому, какой я представлял главную героиню «Красного гаоляна». В то же время я представлял главную героиню крепкой эмоциональной девушкой. Позже, познакомившись чуть ближе, я обнаружил, что она обладает тем характером, который в точности нужен персонажу». Картина «Красный гаолян» получила мировое признание, одержав среди прочих победу в номинации лучший фильм на Берлинском международном кинофестивале. В Китае картина получила две главные кинопремии – «Сто цветов» и «Золотой петух». В это время к Гун Ли, приходит мировая известность: ей вручают награды, приглашают на церемонии международных кинофестивалей, называют одной из красивейших женщин мира. В 1989 г., когда актриса закончила университет, она сыграла заглавную роль в «Цзюй Доу». Успех этой ленты был закреплен следующей работой «Зажги красный фонарь» (1991), режиссером которой в очередной раз выступил Чжан Имоу. Несмотря на то, что с 1995 года Гун Ли сыграла не в одном десятке фильмов, наибольшую славу ей принесли эти три картины. Общим для этих трех работ стало изображение патриархального уклада Китая начала XX в. и судьбы простой китайской женщины на его фоне. Во всех трех картинах Гун Ли исполняет роль молодой женщины, которая насильственно выдана замуж за нелюбимого человека, но которая тем не менее не соглашается с положением тихой и покорной наложницы, а бунтует против традиций, мужа и борется за свою настоящую любовь. Последней работой Гун Ли с Чжан Имоу того периода стала картина о гангстерах «Шанхайская триада» (1995). Правда, в 2006 г. сотрудничество возобновилось на съемках костюмированной исторической драмы «Проклятие золотого цветка» (другое название «Дворцовые интриги»). В 1996 г. актриса вышла замуж за сингапурского табачного магната. Далее она снималась у других не менее известных китайских режиссеров: Чэнь Кайгэ – «Прощай, моя наложница» (1993), «Луна-соблазнительница» (1996), «Император и убийца» (1998) и Ван Цзявэя (Вонг Карвая) – «2046» и «Эрос» (оба фильма в 2004). В 2005 г. она снялась в роли красивой, но мстительной Хацумомо в «Мемуарах гейши» (США, режиссер Роб Маршалл). Она также снялась в других иностранных фильмах: в «Китайской шкатулке» (1997, США, Франция, Япония, режиссер Ван Уэйн), «Полиция Майами» (2005, США, режиссер Майкл Манн) и «Ганнибал. Восхождение» (2007, Великобритания, режиссер Питер Уэббер). В 2010 г. она сыграла в шпионском триллере «Шанхай» (США – Китай, режиссер Микаэль Хофстрем). Гун Ли – удивительно характерная и разноплановая актриса. В ее репертуаре есть самые разные роли – от крестьянок из глубокой провинции и проституток до императриц и эффектных дам из преступного мира. Ее способность перевоплощаться просто удивительна. Ее героини – и заботливые жены и матери и страстные любовницы. В ролях Гун Ли сочетаются черты характера, которые

прежде разделялись и противопоставлялись – женственность с активностью и решительностью, слабость с силой.

Если Гун Ли «императрица китайского кино», то принцессой я бы назвал Чжан Цзыи (р. 1979). Она снялась уже в 23 картинах, из которых мне удалось пока посмотреть 13. В 19 лет Чжан Цзыи получила роль у уже упоминавшегося режиссера Чжан Имоу в фильме «Дорога домой» (1999, другое название «Мои родители» – трогательная история любви, рассказанная уже взрослым сыном состарившейся супружеской пары), который был удостоен Серебряного медведя на Берлинском кинофестивале 2000 г. и сделал актрису известной в Китае. После съемок в кинобоевике с борьбой кунфу «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» (2000) тайваньского режиссера Ли Аня, Чжан стала актрисой мирового масштаба. Она действительно актриса большого таланта. Большинство ее ролей – это нежные, хрупкие девушки и молодые женщины, способные на глубокие чувства. Прекрасно смотрится Чжан Цзыи в роли героинь в роскошных костюмированных исторических фильмах: «Герой» (2002) и «Дом летающих кинжалов» (2004, режиссер обоих Чжан Имоу), «Убить императора» (другое название «Банкет», 2006, режиссер Фэн Сяоган), но может играть и совершенно другие роли – патриотки-подпольщицы в киноленте Лоу Е «Пурпурная бабочка» (2003) и проститутки в фантастической мелодраме Ван Цзявэя «2046» (2004). Особо мне хочется отметить фильм «Жасминовые женщины» (2004, режиссер Хоу Юн). Чжан Цзыи исполнила здесь 2 роли и сыграла как великая драматическая актриса – матери в молодости и ее дочери 20 лет спустя. Несмотря на то, что она легко узнаваема (внешность не стали сильно менять гримом, видимо подчеркивая портретное сходство матери и дочери), для зрителя это 2 совершенно разные личности. Причем образ дочери показан в развитии – от наивной восторженной девушки до раздраженной своим бесплодием жены, которая устраивает мужу истеричные сцены и сама потом страдает от этого. Второй образ глубоко трагичен, и самоубийство этой героини вслед за самоубийством мужа – совершенно закономерный логический итог этой женской судьбы. Новыми гранями засверкал талант Чжан Цзыи и в довольно еще новом для китайского кино жанре комедии в ленте «Месть Софи» (2009, режиссер Цзинь Имэн), вместе с другой красивой молодой актрисой Фань Бинбин они составили прекрасный актерский дуэт. И, наконец, можно сказать, что Чжан сыграла в фильме о любви неизлечимо больных СПИДом в фильме «Пока смерть не разлучит нас» (другое название «Любовь к жизни», 2011, режиссер Гу Чанвэй). Ее героиня счастлива тем, что обрела настоящую любовь, хотя бы даже в конце столь короткой жизни. Кроме вечной темы здесь обостряется внимание и к этой страшной болезни, жертвами которой герои фильма стали не из-за порочной жизни, а из-за антисанитарии при заборе крови в провинции. В 2006 г. Чжан Цзыи была в составе жюри основного конкурса 59-го Каннского кинофестиваля, а через три года была членом жюри в конкурсе короткометражных фильмов на 62-м фестивале.

Китайское кино, и в частности китайские актрисы получили широкое признание не только у себя на родине, но и широко в мире, особенно в США. Интересен пример с известным американским фильмом «Мемуары гейши» (2005, режиссер Роб Маршалл), где действие происходит в Японии и почти все дей-

ствующие лица японцы. На роли японок американские кинематографисты пригласили трех известных китайских актрис: Чжан Цзыи, Гун Ли и Яо Чухэн. Среди зрителей это вызвало неоднозначную реакцию, многие недоумевали: неужели не нашлось японских актрис. На это был дан показательный ответ: китайские актрисы в мире гораздо более известны, чем японские, и это обеспечит фильму финансовый успех у иностранных зрителей. Все так и произошло. Но в самом Китае картина вызвала волну критики, что на мой взгляд произошло прежде всего из-за политической неурегулированности между этими странами, а не из-за художественных недостатков картины. После «Мемуров гейши» Гун Ли снялась в американском приключенческом боевике «Полиция Майами» (2006, режиссер Майкл Манн), а Чжан Цзыи – в триллере «Всадники» (2009, режиссер Йонас Акерлунд).

Сейчас китайские актрисы стали примером и образцом для подражания для миллионов китайских девочек и девушек, в них заочно влюблены миллионы мужчин всех возрастов. Их знают и ценят зрители и кинокритики разных стран мира. Однако порой их жизнь не всегда безоблачна. Вокруг них нередко вспыхивают скандалы, многие зрители не готовы принять эротические сцены, которые стали присутствовать не только в фильмах Гонконга, но и материкового Китая (относительно недавно в китайских фильмах еще не было даже поцелуев). Развитие Интернета приводит к появлению бесконтрольных клеветнических публикаций и фотографий (с помощью фотошопа). Звездные имена отнюдь не защищают актрис от подобных наскоков и оскорблений. Поэтому я намеренно не хочу приводить никаких примеров. Будем надеяться, что искусство (и киноискусство) все же будет способствовать смягчению нравов и гармонизации общественной жизни, и замечательные китайские актрисы не раз еще порадуют своим талантом.

Е. С. БОХАН

*зав. кафедрой истории и теории искусств Белорусской государственной академии искусств, кандидат искусствоведения, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА, ПРОВОДИМЫЕ МАГИСТРАНТАМИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСКУССТВ – ГРАЖДАНАМИ КНР

В настоящее время в нашей стране все больше внимания уделяется проблемам подготовки специалистов на второй ступени высшего образования – в магистратуре. Несомненно, это связано со стремлением включиться в процесс формирования Европейского пространства высшего образования. Пока мы находимся только на пути присоединения к Болонскому процессу, однако уже сейчас обучение в белорусской магистратуре становится привлекательным для студентов дальнего зарубежья. Например, только в 2012/2013 учебном году в магистратуре Белорусской государственной академии искусств в группе, состо-

ящей из тридцати человек, обучается семь иностранных граждан, пятеро из которых приехали на учебу из Китайской Народной Республики.

Магистратура Белорусской государственной академии искусств имеет сравнительно небольшой опыт работы с иностранными гражданами – обучение китайских магистрантов в Белорусской государственной академии искусств началась только в 2008 г. Но за этот период выявилась определенная тенденция – большинство магистерских диссертаций, выполненных гражданами КНР, раскрывают научные проблемы, касающиеся именно изобразительного искусства и дизайна. Возможно, это объясняется тем, что БГАИ является ведущим высшим учебным заведением, осуществляющим подготовку профессионалов в этой области.

Право самостоятельного выбора тематики исследования предоставляется всем студентам магистратуры. Задача преподавателей – помочь магистранту определиться с конкретной научной проблемой. Анализ магистерских диссертаций позволяет проследить, как формировались научные интересы студентов магистратуры – граждан КНР и как менялись формы работы преподавателей с магистрантами-иностранцами на протяжении этих пяти лет.

В данный момент магистратура Белорусской государственной академии искусств готовит студентов по одной научно ориентированной специальности – «Искусствоведение». Еще на этапе поступления абитуриенты определяются, в каком направлении этой отрасли науки будет вестись исследование. В зависимости от того, будет ли посвящена работа театру, киноискусству, изобразительному искусству или технической эстетике, магистрант прикрепляется к определенной кафедре, которая предлагает своих преподавателей в качестве научных руководителей.

Как правило, абитуриенты из КНР, поступающие в магистратуру БГАИ, на первой ступени высшего образования получили художественные специальности. Поэтому часто эти молодые специалисты ориентированы на профессиональное совершенствование в каком либо виде искусства. В магистратуре БГАИ они сталкиваются с необходимостью вести серьезное научное исследование в области искусства, результаты которого должны быть представлены в виде достаточно объемной диссертации.

Учитывая эту специфику, были разработаны особые подходы к обучению иностранных граждан. Идя навстречу пожеланиям магистрантов, БГАИ составляет индивидуальные планы обучения для каждого. В эти планы входят как дисциплины, предусмотренные для всех обучающихся, так и дисциплины по выбору. Многие магистранты выбирают дополнительные уроки рисунка и живописи, получая таким образом и возможность заниматься творчеством, и осваивать опыт научной работы.

Первые исследования китайских магистрантов в области изобразительного и декоративно-прикладного искусства и дизайна были посвящены выдающимся явлениям в культуре Китая. Такие работы, как диссертация Ян Ляна «Дизайн мебели в культуре Китая» (2009, научный руководитель кандидат философских наук, доцент, проректор БГАИ по учебной работе Л. В. Березкина), диссертация Чэнь Сяо «Росписи пещерных храмов Китая V–VIII веков» (2009, научный ру-

ководитель кандидат искусствоведения, профессор кафедры истории и теории искусств Е. Ф. Шунейко), убедительно показали достижения китайского изобразительного искусства, опираясь на методологию, разработанную белорусскими искусствоведами.

Несомненно, работы магистрантов, посвященные художественному наследию Китая, расширили представления белорусов о богатейшей культуре этой страны. В то же время постоянно ощущалась необходимость более активного включения иностранных студентов магистратуры в современный художественный процесс Беларуси. Этому способствовало и участие магистрантов в качестве художников в международных проектах, проводившихся на выставочных площадках Национальной библиотеки Беларуси, Белорусской государственной академии искусств, и новые подходы к выбору темы магистерского исследования.

Благодаря целенаправленной работе преподавательского состава БГАИ китайские магистранты все более активно осваиваются в культурном пространстве нашей страны и все более свободно ориентируются в направлениях и стилях европейского искусства.

Одним из интереснейших исследований стала диссертация Чжоу Тин «Искусство современной китайской авторской книги» (2012, научный руководитель Е. Ф. Шунейко). В работе диссертантка рассматривала авторскую книгу Китая в общемировом контексте развития этого оригинального вида изобразительного искусства. Для своей научной работы магистрант собирала материал не только в Китае и Беларуси, но и во Франции. Успешная защита магистерской диссертации позволила Чжоу Тин продолжить работу в аспирантуре.

И если в начале работы с китайскими магистрантами выбор тематики диссертаций ограничивался только искусством Китая, то в настоящее время преподаватели прилагают усилия, чтобы сориентировать китайских магистрантов на исследовании проблем, раскрывающих взаимосвязи китайской и европейской художественных традиций. Одной из первых таких работ стала диссертация Чан Хуаньбана «Западная и восточная художественные традиции в творчестве Сюй Бэйхуна и его последователей в XX веке» (2010, научный руководитель Е. Ф. Шунейко). Китайские достижения в области изобразительного искусства и дизайна в общемировом контексте рассматривались в диссертациях Чэнь Си «Минимализм как стилистическое направление в графическом дизайне» (2012, научный руководитель заведующий кафедрой графического дизайна, доцент В. Я. Семенько), Тан Лиана «Портретный жанр живописи Китая 1980-х годов» (2012, научный руководитель доцент кафедры истории и теории искусств А. Г. Шимелевич»).

В последних работах магистрантов из Китая явно просматривается направленность на изучение общих тенденций в искусстве Китая и Беларуси.

Так, темами диссертаций, защита которых планируется в июне 2013 г., стали общие черты в творчестве китайских и белорусских женщин-живописцев второй половины XX в., реалистическое направление в современной живописи Китая и Беларуси, влияние китайского декоративно-прикладного искусства на творчество белорусских художников по фарфору.

Такой подход к обучению в магистратуре несомненно будет полезен китайским магистрантам, поскольку позволит не только освоить белорусскую научную методологию, но и более глубоко познакомиться с европейским, и в частности с белорусским, искусством.

Вышесказанное позволяет предположить, что с каждым годом исследования, проводимые студентами из КНР в магистратуре Белорусской государственной академии искусств, будут все более способствовать взаимному культурному обогащению наших народов.

О. Л. ГУТЬКО

доцент кафедры режиссуры обрядов и праздников Белорусского государственного университета культуры и искусств, кандидат культурологии (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРАЗДНИКИ В ТИБЕТЕ

Праздничная культура Тибета значительно отличается от проведения празднований в китайской цивилизации. Ход торжеств сопровождался обязательным служением религиозных культов и предсказанием будущего, которые считались необходимыми в ходе каждого праздника.

Праздник четвертой Луны в культуре Тибета связан с образом кукушки – символом любви в тибетском фольклоре. Птица появляется в Тибете в начале четвертого месяца и приносит дожди. Месяц начинался с покаяния и поста. Молодежь отправлялась на гулянья. В дни праздников «тибетцы покупали и отпускали на волю животных, предназначенных на убой (можно было купить козла или барана с тем, чтобы их жизнь спасти от ножа мясника), выпускали из клеток птиц, пускали в реки маленьких рыбок» [1, с. 279].

В середине этого же месяца отмечался праздник цветов. По всему Тибету люди старались выбраться за город, где собирались вместе и радовались весне. Девушки большой компанией собирались танцевать на мягкой зеленой траве под деревьями, устраивали игры, пели, танцевали, в то время как юноши подглядывали за ними. По берегам рек, на распутившихся лугах молодежь устанавливала палатки. Юноши в лучших одеждах состязались в песнях и танцевали вместе с девушками, все пили пиво.

Одним из важнейших праздников года был сокровенный праздник Вселенной, который по лунному календарю отмечался в пятнадцатый день пятого месяца (мог совпадать с летним солнцестоянием). Праздник начинался рано утром с почитания Духов-хранителей. После того как прорицатели начинали свои предсказания, все торопились в монастырь, чтобы узнать собственную долю в будущем. Согласно легенде, «царь решил обратиться за помощью к богам, чтобы определить, как лучше править страной. Он приказал буддийским и бонским священникам проводить службы в пятнадцатый день пятой луны. В буддийский монастырь ударила молния, и царь счел это знаком, что религия Бон более могущественна, и поэтому стала в Тибете при Лангдарме официаль-

ной» [1, с. 285]. Время прорицания выливалось в народный праздник. Все одевались нарядно, брали с собой угощение и отправлялись за город. Народ рассаживался, обменивался впечатлениями, новостями в саду прорицателя или в соседних садах. В город возвращались поздно, праздничные хороводы оживляли городскую тишину до глубокой ночи.

Конец лета – начало осени совпадало в Тибете с началом сезона, который назывался Праздником кислого молока. По традиции в третий день шестого месяца управители устраивали угощение для всей общины кислым молоком. Театрализованные действия под открытым небом в этот день были посвящены тому, чтобы «укротить» злых духов, обитавших в горах и на скалах. «Основными темами представлений были посев и сбор урожая, просьба о ниспослании дождя» [1, с. 290]. Музыка определяла структуру спектакля. Он состоял из речитатива, арии, дуэтов, отдельно звучащей инструментальной музыки, сопровождающихся ритуальными танцами.

Тибетские праздники направлены на сохранение равновесия в природе и гармоничного сосуществования человека в ней.

Праздники и мировоззрение тибетцев сохраняют принцип круговорота жизни, где человек считается лишь звеном в природной цепи, а не центром мироздания.

Литература

1. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл / отв. ред.: Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. – М., 1989. – 346 с.

О. А. ДОМАСЕВИЧ

старший преподаватель Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск, Республика Беларусь)

СОВРЕМЕННОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КИТАЯ

Современный Китай сейчас развивается динамично по целому ряду причин, но одна из них – это культурное обновление. В качестве базовой характеристики современного Китайского искусства часто приводят тот факт, что его стили и концепции были по большей части импортированы с Запада, а не выросли на родной почве. К современному искусству Китая невозможно применить эстетическую логику, основанную на оппозиции традиции и современности [1, с. 20].

После завершения культурной революции русский живописный реализм стал единственной отправной точкой в модернизации искусства, разворачивавшейся в Китае. Приемы те же: акцент делается на изображении реальных и драматических взаимоотношений отдельных личностей на фоне исторических событий.

Считается, что период с конца культурной революции 1976 г. до настоящего времени представляет собой единый этап развития современного искусства

Китая. С 1985 г. по 1989 г. как результат невиданного информационного взрыва на китайской арт-сцене (в Пекине, Шанхае и других центрах) одновременно появились все основные стили и техники, созданные Западом за последнее столетие. Они были интерпретированы китайскими художниками как «современные» и послужили импульсом к творчеству.

Главным приоритетом становится расширение границ искусства. В поле искусства включаются и непрофессиональные художники, и широкая аудитория. В Китае уже в 80-е гг. XX в. художники, разные по своим устремлениям и художественной идентичности, находились в едином экспериментальном пространстве масштабных выставок и других акций, наиболее яркой из которых была пекинская выставка «Китай/Авангард» в 1980 г. художники утверждали свою коллективную маргинальность, в то же требовали внимания и признания общества.

С первых лет существования КНР в истории китайской живописи начинается этап совместного существования двух видов изобразительного искусства: западной и китайской традиционной живописи. В пейзажной живописи также выделились два направления: традиционная живопись «шаньшуй» и западная пейзажная живопись с китайской спецификой, которые на протяжении долгого времени сосуществовали, были противоположны друг другу, и обе образовали новую ситуацию в изобразительном искусстве.

Сейчас в Китае существует три типа искусства – академическая реалистическая живопись, классическая китайская живопись и современное искусство (обозначаемое иногда как экспериментальное). Их взаимодействие проистекает не через противостояние, а через соревновательность, диалог или же сотрудничество между рынком и мероприятиями. Современное искусство Китая, которое прошло сложный процесс становления за последние тридцать лет, сейчас вовлекается в погоню за прибылью и известностью. Самокритичность – это именно то, чего сейчас нет; именно в этом исток кризисного положения современного искусства в Китае [1, с. 21].

Несмотря на название, «живопись шрамов» ничего экспрессивного, как и вообще новаторского в смысле формы, не предложила. Она сосредоточилась на содержании – критике событий «культурной революции» (после которой и остались «шрамы»). Главный пафос состоял в том, чтобы отказаться от инерции, внушавшей и после смерти Мао громить врагов революции. Названия образцовых картин говорят сами за себя:

1. «Вы взялись за дело, я спокоен» (т. е. ушедший Председатель не волнуется за свои начинания);

2. «Гневно клеймим позором гнусные преступления «банды четырех»).

В таких типичных произведениях «живописи шрамов», как, например, в картине Чэн Цунлиня «Однажды в 1968-м. Снег», прослеживается влияние передвижника Василия Сурикова и его «Боярыни Морозовой» и «Утра стрелецкой казни». Приемы те же: акцент делается на изображении реальных и драматических взаимоотношений личностей на фоне исторических событий [1, с. 21].

«Цинические реалисты – поколение родившихся в 60-е и в 80-е гг. еще не закончивших вузы. На период их созревания пришлось окончание «культурной

революции». Чувство скуки заставляет их высмеивать себя, цинично и безразлично относиться к себе и окружающей действительности, изображая абсурдные сценки [1, с. 22].

Художественное движение «красный поп» инициировано хунвейбинами в начале «культурной революции». «Красный поп» задействовал социальные и политические функции искусства, разрушал границы между разными медиа и вбирал максимально возможное количество рекламных форм: от радиопередач, фильмов, музыки, танца, военных репортажей, карикатуры до памятных медалей, флагов, пропагандистских и рукописных плакатов – с единственной целью – создать всеобъемлющее, революционное и популистское визуальное искусство.

«Политический поп» приблизительно можно определить как микс американского поп-арта и пропагандистских образов времен «культурной революции»; аналогией русскому соц-арту, а не образ и пример. О себе заявили следующие: «В системе традиционного искусства трудно найти какие-нибудь материалы для будущего развития... Мы хотим использовать методы и зрительные эффекты, которые народ хорошо знает; и чтобы искусство стало частью жизни». Самым влиятельным среди художников был Ван Гуанъи, самым успешным – Чжан Сяоган, как бы воспроизводящий на своих картинах старые фотографии из семейного альбома, напоминая о насильственно прекращенной «человечной» эпохе до «большого скачка» и «культурной революции. Активно включали в свой арсенал знаки нового общества потребления, а также знаки коммунистического Китая [1, с. 24].

«Новая волна 85» – сообщество художников, не обладавших каким-то стилистическим либо идеологическим единством. Конгломерат различных направлений [1, с. 27].

«Академический реализм». С точки зрения художников этого направления, нужно просто сделать вид, что никакого наследия «проклятого прошлого» у китайского реализма нет, а вот школа, и недурная, есть – после чего остается, обратившись теперь не к идеологическим, а к самым бытовым, крестьянско-мещанским сюжетам, делать что и прежде: аккуратно рисовать. Первым ярким представителем подобной стратегии считается Цзинь Шанъи. Написанная им в начале 80-х годов «Таджикская девушка» стала хрестоматийной [1, с. 28].

После 80-ых следующее десятилетие ознаменовалось бурным развитием аутентичной китайской «гохуа» (государственная живопись) во всех ее многочисленных разновидностях, а также возвращением стариннейших жанров в новом качестве – вроде «живописи образованных людей», которая ныне процветает в Цзянсу, Шанхае и Пекине в варианте «новой живописи образованных людей» (Тянь Лимин, Чжу Синьцзян, Чэнь Пин, Лу Юйшунь и др.), – или каллиграфии (1992 – «Манифест каллиграфии»).

В 1993-м в провинции Хэнань появляется «Движение каллиграфизма», а уже в 1995-м г. художники провинции Шаньдун запускают проект «Критика каллиграфизма» [1, с. 29].

Экспериментальным искусством называется и считается в Китае вообще все, что не вписывается в рамки искусства академического или искусства традиционного [1, с. 30].

Шаньшуй – это буквальный перевод китайского слова «пейзаж», который состоит из двух иероглифов – *гора* («шань») и *вода* («шуй»).

Классическая живопись шаньшуй предьявляет зрителю пейзажные формы, написанные на шелке или бумаге черной тушью или же черной тушью с использованием синих и зеленых пигментов. В этих пейзажах уже к XI в. получили свое наивысшее воплощение эстетика и ценности конкретной социальной группы – образованной элиты, «аристократов культуры» [2, с. 34] За три периода: (классический – с XI до XIX в., новое время – с конца XIX в., и современный – с конца 70-х гг.) созданные человеком образы природы последовательно развиваются в рамках четырех основных типов: классическая живопись литературы, реалистические пейзажи, идеологически реформированная живопись шаньшуй нового времени и «постшаньшуй». Свободный выразительный стиль («писать идею») идеологически доминировал в пейзажной живописи до конца XIX – начала XX в. В 20–30 гг. XX в. китайские художники привезли из Америки и Европы идею реалистического изображения природы. После 1949 г. установился новый жанр политического пейзажа эпохи Мао Цзэдуна (революционные пейзажи тушью). После 1985 г. группа молодых художников заявила о преемственности по отношению к живописной традиции. «Новая живопись образованных людей» ратовала за большую субъективность и использование техники свободного письма тушью. С классической живописью ассоциировались понятия изысканности и досуга, а также свободного незаинтересованного творчества, далекого от политики и светской жизни. Современные художники трансформировали образность классического шаньшуй в игровой набор готовых образов [2, с. 43].

В опубликованном обзорном докладе «О модернизации в мире и Китае» (2001–2010) утверждается активная позиция китайской национальной культуры – то, что можно взять на Западе, но чему нельзя следовать.

Десять лет, как власти страны развернули невиданное культурное строительство. Государство опекает современное искусство как важную статью идеологического и экономического экспорта. Художественное общество естественно разделилось на два лагеря: кто-то идет на встречу такому сотрудничеству, кто-то ищет место индивидуальной утопии и автономному существованию. На протяжении последних тридцати лет позиция китайского современного искусства отстаивалась вокруг лозунгов «модернизированного сознания» и «тройного представительства». Правящая элита рассчитывает, что современное искусство будет утверждать культурную идентичность страны.

В произведениях «нового реализма», таких как «Отец» Ло Джунли, субъективное восприятие стало нормой авторского отражения действительности. Но было заклеено официальной критикой как «уродливое искажение», противоречащее эстетическим идеалам социализма [3, с. 93]. В 1979 г. группа «Звезды» выдвинула требования личной и художественной свободы.

Государство признает современное искусство и отводит ему место в рыночной экономике. Новое китайское современное искусство бьет все рекорды по продажам, однако теряется в планах собственного развития. Летом 2011 г. в Национальном художественном музее Пекина состоялось значимое не столько

для художественной, сколько для политической жизни страны событие – выставка, посвященная девяностолетию Коммунистической партии Китайской Народной Республики. Многоэтапная и многосоставная экспозиция из трехсот работ включала разделы: «Без Компартии нет нового Китая», «Портреты героических мучеников КПК», «Политика и эстетические установки Партии хороши». В этих работах – вся история Китая за прошедшие со времен Гражданской войны годы.

Литература

1. Гао, Миньлу. Современное искусство Китая: Кризис? / Гао Миньлу // Искусство. – 2011. – № 6. – С. 19–31.
2. Инь, Цзинань. «Горы и воды», прошлое и настоящее / Инь Цзинань // Искусство. – 2011. – № 6. – С. 33–48.
3. Кеппель-Ян, Мартина. Политический субъект и Политический объект / М. Кеппель-Ян // Искусство. – 2011. – № 6. – С. 91–103.

И. В. КАЗАКОВА

профессор кафедры белорусской литературы и культуры

*Белорусского государственного университета, доктор филологических наук,
доцент (г. Минск, Республика Беларусь)*

БЕЛОРУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ СВАДЬБЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В культуре любого народа семейные обряды и обычаи играют значительную роль. Они объединяли и укрепляли семью, служили специфическим механизмом для передачи этнических традиций, определенной системы ценностей, морально-этических норм и принципов от старшего поколения к младшему. Они помогали каждой конкретной семье с честью отметить такие важные события, как рождение ребенка, вступление молодых в брак, или же снять эмоционально-психологическое напряжение в случае смерти кого-нибудь из близких, с уважением к живым членам рода и покойнику похоронить его и почтить память о нем. Вместе с тем, традиционная семейная обрядность укрепляла и внешние связи семьи с соседями, односельчанами, поднимала престиж семьи, содействовала укреплению добрых отношений с другими семьями.

Цикл семейных обрядов отражает три важнейших события в человеческой жизни: приход в этот мир, создание новой семьи (маленького микрокосмоса в большом макрокосмосе, во Вселенной) и уход в мир иной. И здесь особое место занимают свадебные обычаи и обряды.

Свадебные обряды у белорусов и китайцев сохранили связь с древними ритуалами, отражающими самобытность, неповторимость культуры каждого народа и, вместе с тем, космическое единство человечества, закодированное в древних ритуалах, организующих сакральные моменты жизни.

В Древнем Китае заключение брака длилось очень долгое время и сопровождалось очень сложным комплексом обрядов.

Первый этап свадебной обрядности почти у всех народов мира (и у китайцев, и у белорусов в том числе) – сватовство. Интересно, что на подготовительных этапах в старину у белорусов и у китайцев большую роль играло гадание, предсказание, обращение к знахарям и гадалкам.

В белорусских деревнях «в сваты» отправлялись чаще всего под вечер, чтобы меньше людей видело их позор в том случае, если сватам откажут, но не только по этой причине. Прежде чем посвататься к девушке, парень раньше мог использовать различные магические приемы, чтобы «присушить» к себе будущую невесту. То же могла сделать и девушка, чтобы «присушить» своего любимого. А действие всех магических сил, как верили, усиливается вечером, с приходом темноты. Вот несколько примеров магических действий, которые были направлены на то, чтобы приворожить к себе любимого человека, зажечь в его сердце огонь любви.

Если парень полюбит девушку и решит идти к ней «в сваты», он (чтобы быть уверенным, что сватам не откажут) должен был прикоснуться к девушке «талісманам любові» (диалектное название). Таким талисманом, который помогал вызвать любовь, является кольцо. Его делали из олова во время 15-го лунного дня. С внутренней стороны кольца вырезается имя любимой девушки, с другой стороны делают определенный магический знак. Кольцо окуривают дымом хвои и носят на мизинце правой руки. Во время обряда сватовства жених может подарить невесте такое кольцо, но уже со своим именем, которое вырезано также с внутренней стороны кольца.

Если же девушка захочет приворожить парня, она должна взять небольшое кольцо, которое еще никто не носил, обернуть его в кусок ночной сорочки, перевязать лентой с «уплету» («уплет» – это то, чем перевязана коса девушки) и закрепить на ленте на шее так, чтобы кольцо находилось над самим сердцем. Так нужно было носить его семеро суток. После взять волосы любимого парня и вместе со своими волосами обмотать вокруг кольца, после чего носить его еще трое суток. Потом кольцо надевается на указательный палец правой руки. При встрече с любимым нужно сильно сжать его руку и три раза сказать: «Ён мой, ён мой, ён мой!».

Как известно, родители часто засылали сватов и без согласия самого парня. Если парень хотел, чтобы сваты отказали, то он должен был сделать следующее: необходимо было встать вместе с солнцем, выйти в поле, умыться росой с семи трав, пойти к мельнице, взять у мельника топор, сесть на бревно, положить на него перед собой щепку и проговорить, глядя на нее: «Не спяваць салаўю ў зіму, не гарэць ружы на марозе, не стаць дзеўцы сокалам, не быць малойцу галубіцаю, не стаяць мне з нялюбай на ручніку, не быць ей ні ў розуме маім, ні на сэрцы, ні ў помысле маем, як не зрасціся шчэпцы перарубленай» [1]. Во время последних слов нужно перерубить щепку (но обязательно с одного удара), бросить топор от себя в левую сторону и бежать домой очень быстро. Назад оглядываться нельзя, иначе заговор утратит свою силу. После такой предварительной подготовки, наконец-то, шли «в сваты».

В старом Китае перед сватаньем семья жениха посылала семье невесты предварительную записку с указанием восьми иероглифов жизни, где сообщались имя жениха, год, месяц, день и даже час его рождения. По этим данным гадала семья невесты и, если исход гадания был благоприятный, тут же высылала сведения о дате рождения невесты семье жениха.

Семья жениха тоже обращалась к гадале, который подтверждал или отрицал благоприятный результат намеченного бракосочетания. Но дело не ограничивалось только обращениями к гадале. Каждая семья в течение трех дней держала на семейном алтаре карточку. Если в это время случалось какое-либо происшествие или несчастье, например, заболел кто-нибудь из членов семьи, то сватовство могло быть немедленно прекращено. Решающее слово принадлежало старшим в семье, но принимать или отвергать решение о свадьбе считалось неприличным.

Гадания по гороскопам женщинами и мужчинами проводились разными способами. Наибольшее значение придавалось знакам двенадцатилетнего звериного цикла. К примеру, брак ожидался несчастливый, если юноша и девушка родились, соответственно, в год лошади и быка, змеи и тигра, крысы и барана, курицы и собаки. Принималась в расчет и позиция годов рождения женщины и мужчины в цикле пяти мировых стихий: дерева, огня, земли, металла, воды. Считали, что непременным условием счастливой семейной жизни являлось доминирующее положение животного или стихии, которые соответствовали году рождения жениха. Нередко были случаи, когда дата рождения невесты фальсифицировалась, чтобы сделать брак возможным. По традиционным китайским представлениям, все браки заключались на небесах Лунным Стариком, и не встретить своего суженного было невозможно [2].

Такой фатализм характерен и для белорусского народа. Наши предки также считали, что «все в руках Божьих», что по судьбе назначено, так оно и случится. Это ярко отражалось в белорусских пословицах и поговорках («Лес і за печкай знойдзе», «Суджанага канем не аб'едзеш» и т. д.).

И у белорусов, и у китайцев сватовство затрагивало интересы всей семьи. Это событие никогда не было личным делом жениха и невесты. Пару молодым чаще всего выбирали родители. Роль сватов и в Беларуси, и в Китае очень важна. В Китае сватов называли «бин жень» («человек льда»). В городах чаще были профессиональные свахи, а в деревнях на эту роль приглашали мужчин из местных жителей. В белорусских деревнях сватом выбирали уважаемого, нестарого еще человека, счастливого в семейной жизни, не пьяницу, не лентяя. Сват должен быть красноречив, умен, даже хитер. Сватом мог стать родной дядя жениха или близкий друг его семьи.

В Китае, если сватовство было успешным, семья жениха высылала невесте украшения и другие подарки, что в просторечии называлось «юэдин» – «малое соглашение». После этого семьи жениха и невесты обменивались брачными поручительствами, которые писались на бумаге красного цвета (этот цвет считался счастливым). Для юноши письмо украшалось изображениями дракона, письмо же для девушки – фениксом. В этих поручительствах сообщались подробные сведения о будущих новобрачных и их семьях. Указывали сумму вно-

симого за невесту выкупа. Он называется «чайный подарок» (чай в Китае – символ плодородия и супружеской верности).

Подарками для невесты служили пара сережек, два или четыре браслета, отрезки материи красного цвета, золотые монеты и другие различные драгоценные вещи. Высылались также специальные красные коробочки, в которые клали провизию: отборный рис, различные сорта чая, соль, вино и т. д. Семья невесты принимала все высланные ей драгоценности и украшения, но около половины даров продуктами отсылала обратно. Это аргументировалось тем, что определение сроков свадьбы требовало, как правило, нескольких визитов сватов к обеим сторонам.

Семьи обеих сторон заключали также брачные контракты, это и служило поводом для первой встречи родителей жениха и невесты. Родители жениха, прибыв на встречу, сначала совершали поклонение перед семейным алтарем (выставлялись фигуры «зайца счастья» или «рыбы счастья»). Затем хозяева и гости участвовали в церемониальной трапезе, во время которой все выпивали чашку «вина долгой жизни» [3].

Интересно, что на заключительном этапе сватовства у белорусов тоже присутствовало ритуальное питье. Все участники обряда выпивали по рюмке («па чарцы») спиртного напитка домашнего приготовления (чаще это была самогонка из зерна), а жениха и невесту заставляли выпить из одного стакана такой же горький напиток, только предварительно добавив туда ложку меда, чтобы отныне они и горечь, и сладость всегда делили вместе.

И белорусы, и китайцы свадьбу назначали обычно ближе к концу года, когда заканчивались полевые сельскохозяйственные работы.

В период подготовки к свадьбе китайская невеста получала от жениха большое количество свадебных даров, среди которых даже был свадебный наряд. В белорусской традиции это не было принято. Интересно, что доминирующим цветом в одежде как старобелорусской, так и китайской невест был красный цвет. Красный цвет вообще считался счастливым для молодоженов в обеих культурах.

И в белорусской, и в китайской свадебной обрядности большую роль играет ритуальная обрядовая выпечка. В Китае родственники и друзья молодоженов раздавали круглые пшеничные или рисовые лепешки, что служило уведомлением о готовящейся свадьбе. В городах в качестве сообщения о свадьбе рассылали так называемые «двойные пирожные счастья». Традиционная выпечка называется также «дракон и феникс» и символизирует соединение мужского и женского начал. Начинкой обычно служит паста из семян лотоса, красных бобов или зеленой фасоли. Обрядовую выпечку присылает семья жениха семье невесты в числе других предсвадебных даров. У китайцев также существует свадебный торт или пирог, который является одним из важнейших атрибутов самой свадебной церемонии. Он должен быть многоступенчатым. Это символизирует ступени семейной жизни, лестницу в счастливое будущее. Молодые должны кормить друг друга сладкими кусочками свадебного торта, чтобы вместе проходить все ступени супружества.

В белорусской свадебной традиции одно из главных мест занимает свадебный каравай. Очень важен весь процесс его подготовки. Накануне дня свадьбы начинали также выпекать и свадебный каравай. Подготовкой караваев чаще всего руководила крестная мать жениха или старшая женщина из его семьи. Замешивали каравай только замужние женщины. Начинали подготовку караваев и за день до свадьбы с утра. После его на день и ночь отдавали матери жениха. Караваем посвящали солнцу. Выпекался он такой же самой, как и солнце, круглой формы.

Крестная мать жениха готовила все то, что нужно для приготовления караваев, проверяла дежу, выгребала из печи пепел. Мать жениха еще за несколько дней приглашала выпекать каравай женщин-каравайниц. Чаще всего собиралось десять каравайниц и одиннадцатая – «старшая каравайница» – крестная мать жениха. В каравай входило почти все то, что должно было быть в будущем хозяйстве молодых: зерно, молоко, соль, мед, яйца. Добавляли туда даже водку. Все каравайницы были одеты в светлую праздничную одежду. Платки у них на головах были белыми. Среди хаты ставили дежу. Начинали каравай с восходом солнца. Старшая каравайница просила «благаславіць пачынаць» замешивать каравай, засыпала в дежу муку, затем наливала молоко и т. д. Каждый новый продукт сопровождался определенным приговором.

По краям караваев часто плели кайму в форме шишечек. В центре делали или солнце и месяц, или двух птичек, или огромное солнце и звезды и др. В печь каравай сажал мужчина. Чаще всего сват или крестный отец жениха, ему помогала старшая каравайница. Готовый каравай клали на красивое полотенце («ручнік»), караваю кланялись, пели песни. Обращались к нему как к живому существу. После женщины несли каравай на полотенце на пригорок и просили Солнце благословить каравай.

Каравай на несколько минут оставляли на полотенце, а сами спускались с пригорка. После благословения караваем солнцем, он становился священным. Его торжественно несли в клеть, пели величальные песни. Очень плохой приметой считалось, если не было Солнца в тот день, когда пекли каравай. Каравай до свадьбы оставался в той клетке, где должны были спать молодые. Всех каравайниц обязательно приглашали на свадьбу (среди самых почетных гостей). Бывало, что мать жениха одаривала каравайниц (чаще всего полотном).

Каравайный ритуал – это определенный порог, переступив который, дороги назад уже не было. Если до каравайного ритуала свадьба по каким-либо исключительным причинам могла еще не состояться, то приготовление свадебного караваев означало обязательную безотлагательную свадьбу.

И белорусская, и китайская невесты должны были иметь приданое. Приданое белорусской невесты привозили в дом жениха во время самой свадьбы. Китайская же невеста за три дня до свадьбы высылала в дом жениха предметы своего личного и домашнего обихода: одежду, туалетные принадлежности, утварь и даже мебель, что называлось «пу фан» – «оборудовать комнату». Тем временем в доме жениха велась подготовка к приезду новобрачной. В комнате будущих супругов обновляли бумагу на окнах, заново белили стены, произво-

дили уборку. Причем позволялось это делать только тем женщинам и мужчинам, у которых были дети, кто не потерял родителей и не был вдовым.

После всех приготовлений до свадьбы в постели новобрачных должен был спать кто-нибудь из неженатых младших братьев жениха или невесты, ибо, как считалось, «постель невесты не должна пустовать». Невесте не полагалось покидать женскую половину дома с того момента, как был установлен день свадьбы. Эти дни она проводила в обществе подружек, которые провожали ее в новую семью. По обычаю, она должна была причитать и плакать, выражая свою скорбь по поводу расставания с родными. Во многих районах невеста и ее подружки пели песни, в которых содержалась брань по адресу сватов и семьи жениха и даже будущего мужа, носившая, впрочем, игровой характер.

Ритуальный плач невесты обязателен и в китайской, и в белорусской свадебных церемониях. У белорусов принято было три ритуальных плача невесты: на девичнике, перед отъездом в дом жениха и уже непосредственно в доме ее новой семьи. Невеста должна была прилюдно, «на миру», выплакать все слезы, все горе, чтобы быть счастливой в новой семейной жизни.

И китайская, и белорусская невесты накануне свадьбы совершали предсвадебное ритуальное омовение. Китайская невеста после совершения ритуального омовения совершала ритуальные поклоны перед семейным алтарем.

Накануне свадьбы топили баню, где невеста совершала свое ритуальное предсвадебное омовение. Вели ее в баню старшая сваха и три ближайшие подружки. Все они должны были быть сероглазые или голубоглазые, так как черноглазые, считалось, могли ее сглазить. Мыли ее только дождевой водой с мятой. Мыть невесту начинали с левой ноги. Делали это для того, чтобы отмыть всю лень у будущей хозяйки. Раньше считали, что вся лень находится у женщины в левой ноге. Это даже отразилось в пословице. О ленивой жене говорили так: «Робіць толькі тое, што яе левая нага захоча». В конце мыли косу невесты, расчесывали ей волосы, ворожили об ее новой жизни. Считали, что, сколько выпадет длинных волос, столько у молодой матери будет сыновей. Волосы, которые выпали, обязательно жгли, чтобы никто не смог их украсть и причинить невесте какой-нибудь вред.

Из бани невеста шла по полотенцу. Полотенце было наполовину белым, наполовину красным. Остаток дня и ночи невеста отдыхала одна в темной комнате, чтобы ее не сглазили «дурные вочы». Из дома невесты нельзя было выносить мусор. В своей комнате невеста находилась одна (или редко с подругой) до того времени, пока ее начинали собирать к венцу.

Кульминационный момент и китайской, и белорусской свадьбы – это переезд невесты в дом жениха.

В день свадьбы невеста с самого утра наряжалась для церемонии переезда в дом своего будущего мужа. Она прощалась с родителями и другими родственниками. Обычай запрещал невесте есть на свадьбе. Жених же в эти утренние часы съедал полную чашку мяса – знак достатка в будущей семье, и тоже начинал одеваться к свадьбе. Тем временем люди жениха в сопровождении музыкантов и слуг отправлялись за невестой, неся для нее красный свадебный паланкин, разукрашенный различными счастливыми символами. Нередко в па-

ланкин сажали мальчика, что должно было обеспечить появление мужского потомства.

Лицо невесты, в соответствии с китайскими представлениями о женской красоте, было густо напудренным и нарумяненным, губы выкрашены помадой. Свадебное одеяние состояло из короткого красного халата, украшенного цветками и помпонами из разноцветного шелка, и платья (красного или зеленого). Невеста носила специальный головной убор, который представлял собой металлический каркас с накладкой из птичьих перьев, шелковыми помпонами и медальонами, прикреплявшимися к каркасу пружинами. Лицо невесты скрывала вуаль из красного (иногда черного) шелка, чтобы «спрятать стыд». На вуали, головном уборе и даже платье невесты нередко имелись изображения дракона – символа духовной власти [4].

Празднично наряженную в красное невесту, причесанную еще по-девичьи, в паланкине приносили в дом жениха. Весь свадебный выезд тщательно оберегался от злых духов: против них выпускали специальные стрелы, на грудь невесты одевали обладающее магической силой бронзовое зеркало и т. п. В доме жениха в честь невесты запускали ракеты-шутихи, затем в момент встречи невесте и ее родне (а также многочисленным собравшимся, в том числе нищим, от которых откупались по заранее достигнутой договоренности) раздавали подарки. Жених и невеста вместе кланялись Небу и Земле, совершали еще ряд обрядов и поклонений. Им подносили две рюмки вина, связанные красными шнурком. Угощали пельменями. Все это имело свой смысл, все было полно глубокой символики – и поклоны, и слова, и даже пища (пельмени, например, символизировали пожелание множества детей), и изображения вокруг. Наконец, основные обряды окончены. Жених удалялся, а невеста совершала необходимый туалет, в частности, причесывалась уже как замужняя женщина. После этого молодые отправлялись в спальню.

На следующий день все поздравляли молодых, гости и родня приглашались на пир. И лишь после того, как все торжественные обряды были окончены, жена специально представлялась свекрови, под начало которой она отныне поступала, и всей мужниной родне. Через несколько месяцев она также представлялась предкам мужа в храме предков и принимала участие в обрядах жертвоприношений. Теперь она уже по-настоящему становилась женой и членом семьи (до этого ее еще можно было возвратить родителям – в случае, если она, например, оказалась поражена каким-либо недугом) [5].

В белорусских деревнях все свадебные ритуалы начинались на рассвете. Невесту тоже начинали наряжать на рассвете. Большое количество магических действий должно было охранять невесту от сглаза. Нижняя юбка надевалась наизнанку, оставлялись не застегнутыми крючки (чтобы легче было рожать, ради этого же не зашивали в первую брачную ночь сеник). В одежде невесты преобладали два цвета – красный и белый.

Главным в наряде невесты был «вянец» (венок). Его делала за неделю до свадьбы женщина, которая специально занималась этим делом в деревне. Она же делала и «вясельную дугу» для того экипажа, на котором жених поедет за невестой. Раньше венец делали из красной ткани, натянутой на бересту, картон

и др. Позже венки начали делать из искусственных цветов и воска. Сзади прикрепляли ленты (красные, зеленые, белые и др.) или позже – белую фату из марли. Фата или белые цветы в венке невесты – символ чистоты и непорочности девушки. Если невеста не сохранила непорочной чистоты, но использовала фату или белые цветы, тогда люди никогда не могли простить ей этот грех. «Спорчаная» невеста шла под венец в платке. Так же одевалась и вдова, когда опять выходила замуж. Именно головной убор является главной приметой невесты, по нему судили об ее моральных качествах. Доминирующими цветами в одежде жениха также были белый и красный.

Перед приездом жениха невесту обязательно должны были спрятать. Это делали для того, чтобы жених искал свое счастье, потому что, если счастье настоящее, оно сразу в руки не дается, и, чтобы найти его, нужно пройти через определенные испытания.

На свадьбе присутствует знахарь (реже знахарка). Это человек, который должен охранять молодых от порчи, отводить от них сглаз. Знахаря приглашают родители молодых. Его даже не знают жених и невеста.

Жениха встречает дружина невесты, ее родственники и родители. Только «старшая паднявесніца» вместе с молодыми девушками из этой деревни находились недалеко от того дома, где прятали невесту. «Дружок» вместе с женихом идут искать невесту. Звучат разные шутки, девушки смеются над парнями, парни хотят купить невесту дешевле. «Старшая» бросает на землю скатерть, через нее нельзя так просто пройти: жених должен положить на четыре угла выкуп, а в центр – самое дорогое, что он дает своей невесте (он должен стать туда сам).

Во время застолья в доме невесты происходит интересный ритуал продажи невестинной косы. Жених должен был выкупить невестину косу, иначе жена никогда не будет ему подчиняться.

После первой чарки жених должен был назвать родителей невесты своими родителями и попросить разрешения так к ним обращаться. То же самое должна была сделать и невеста в доме жениха.

Жениху и невесте на свадьбе нельзя было пить водку. Они даже почти ничего не едят. Ритуальная еда жениха и невесты – курятина, которая считалась самым чистым мясом. Для молодых обязательно резали белую курицу. Курицу они ели без хлеба и соли. На это они не имеют права, которое еще нужно заслужить своим будущим совместным добросовестным трудом. Сердце курицы отдавали жениху. Жених должен быть в первую брачную ночь обязательно нежным, несмелым, ласковым, наверное, поэтому ему дают съесть сердце курицы. Часть (или всю курицу, которую готовит свекровь) молодые забирают с собой в клеть.

За столом молодые едят вместе, с одной тарелки. Невеста должна попробовать все блюда, чтобы ей не была противна никакая пища, когда она, будучи уже женой, будет ждать первенца. Жених еще должен съесть ритуальную яичницу, которую готовит теща во время свадебного застолья. Все смотрят, как теща разбивает яйца, и подсчитывают их количество вслух. Жених должен съесть столько яиц, сколько теща их разобьет.

Уже во второй половине дня, когда приходит время, родители невесты благословляют дочь отъезжать.

Свекровь снимала с головы невесты венок – ее «дзявоччу волю», и клала его за иконы или просто на важное место в красный угол. Иногда венок снимал жених, а после передавал его своей матери. Этим подчеркивалась власть мужа и свекрови над невесткой.

Наступало время провожать молодых в клеть. «Дружок» просил родителей, чтобы они еще раз благословили молодых. Родители благословляли их, молодых опять осыпали зерном, коноплей, семенами льна, обмахивали веточками и с песнями вели в клеть. Девушки разбрасывали на их пути цветы. Молодые должны были первую брачную ночь проводить не в доме, а обязательно в клети. Там стояло много дежек с рожью и другим зерном, чтобы у молодых родилось много детей. Кровать должна была быть очень высокой, чтобы «не цягнула ў зямлю». Молодые брали с собой белого петуха в мешке.

После того, как молодых проводили спать, свадьба продолжалась. Торжественные ритуальные моменты уже произошли, дальше шли свадебные игры, танцы, песни. И старики, и молодежь переодевались в цыган, разных животных, женщины – в мужчин, и наоборот. Свадьба принимала почти что карнавальный характер. Это бурное веселье должно было отвлечь внимание злых сил от клети молодых, чтобы им ничто не мешало.

Утром молодых будили, убеждались в невинности невесты. Если невеста не сохранила невинность, тогда на тещу надевали хомут и гоняли вокруг дома, пока зять не прощал греха ее дочери. Мать выкупала грех дочери. Если же невеста сохранила девичью чистоту, тогда зять ехал к теще с красной сладкой водкой. Бутылку обвязывали красным бантом. Этот обычай сохранился и сейчас. Зять привозил невестиных родителей и всех ее родных в свой дом. Начиная второй день свадьбы.

Китайская невеста также обязана была предоставить доказательство своей невинности. Постель молодых застилали специальным полотенцем, чтобы утром молодая жена предоставила его свекрови. Приличия требовали, чтобы жених в тот же день с утра отправил семье невесты извещение о том, что она сохранила невинность до свадьбы и приглашение на обед.

Интересно, что в белорусской традиции на второй день свадьбы гости заставляют молодую жену выполнять разную домашнюю работу: идти за водой, подметать пол. Однако во всем ей мешают, пока молодой муж не заплатит выкуп. В Китае же испытания ждали молодого мужа, когда молодожены отправлялись в отдельных паланкинах погостить в дом жены на третий день свадьбы. Например, молодому мужу подносили пельмени с острейшим перцем, что, по поверьям, способствовало успешной карьере мужа и рождению умных детей. Молодожены обязаны были совершать поклоны в ее доме перед семейным алтарем. Вернуться домой они должны были до восхода солнца, так как обычай запрещал новобрачной в течение первого месяца семейной жизни ночевки вне дома.

В песнях «Шицзин» много говорится о свадебных церемониях. В среде высшей знати часто практиковался сорорат, когда вместе с невестой в дом му-

жа ехала ее младшая сестра или племянница в качестве своего рода заместительницы жены, наложницы.

Иногда невеста не проявляла желания привести с собой дополнительных жен для будущего мужа. В «Шицзине» приводится песня, под названием «Цзян ю сы»: вначале невеста не хочет брать с собой девушек, которым уготована такая участь, в конце же девушки выражают благодарность, что невесту удалось убедить и теперь она берет их в будущую семью: «Так с Цзяном сольется потока волна... // Та девушка шла к жениху. // С собою нас брать не хотела она, // С собою нас брать не хотела она, // Потом стосковалась она. // Так воды сливаются за островком. // Та девушка шла к жениху. // С собой ты нас взять не хотела в свой дом, // С собой ты нас взять не хотела в свой дом. // Была ты нам рада потом» [6].

Браки среди представителей правящего класса были строго экзогамными. Женидьба на женщине с таким же самым именем, независимо от того, будет ли она главной женой, дополнительной женой или наложницей, была строго запрещена. Считалось, что подобный «инцест через имя» обрекает мужа, саму женщину и их потомство на страшные несчастья. В более позднее время табу на брак людей с одной и той же фамилией применялось в равной степени ко всем сословиям и сохраняется по сей день [6].

В белорусской народной традиции также не приняты были браки, если люди принадлежали к одному семейному клану. Правда, если молодые были просто однофамильцами, это не являлось препятствием к бракосочетанию.

И в белорусской, и в китайской традиционных культурах созданию семьи и браку придавалось огромное значение. Это был один из важнейших обрядов семейного цикла, основанный на древних устойчивых традициях. Семья, интересы семьи ставились выше личных интересов. Патриархальные отношения, послушание воли родителей, а потом воли мужа составляли основу жизни девушки, женщины. Молодой мужчина также обязан был подчиняться интересам семьи. После свадьбы любовь либо приходила, либо нет. Однако оставалась забота о семье, о детях, о продолжении рода, о поддержке стабильности и процветании семьи. Правда, китайский мужчина мог восполнить отсутствие любви к законной супруге наложницей, а женщине оставалось только смириться с существующим положением вещей. А брак рассматривался, прежде всего, как ритуальный обряд, служащий увеличению и укреплению семьи, и являлся, тем самым, средством успешного служения предкам.

Литература

1. Казакова, I. В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў / I. В. Казакова. – Мінск, 1994. – С. 23.
2. Свадебные обряды Китая // Великая Стена – Китай [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.china.worlds.ru>. – Дата доступа: 01.11.2012.
3. Там же.
4. Там же.

5. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – М., 2001. – С. 46–49.
6. Васильев, Л. С. Древний Китай / Л. С. Васильев. – М., 1995. – С. 338–341.
7. Там же.

ЛИНЬ ЦЗЮНЬ

*профессор МГЛУ Республики Беларусь и Дипломатической Академии КНР,
доктор исторических наук*

М. Н. КАЛИЦКАЯ

*заместитель директора Института Конфуция преподаватель кафедры
восточных языков Минского государственного лингвистического
университета (г. Минск, Республика Беларусь)*

К ЭЛЕМЕНТАМ СТАБИЛЬНОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ В КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Китайская цивилизация является единственной среди многочисленных древних мировых цивилизаций, которая существует и в настоящее время, как заявил, но не успел конкретно аргументировать великий ученый-историк британской научной школы, разработчик одной из типологий культур, Арнольд Джозеф Тойнби (Arnold Joseph Toynbee, 1889–1975). Какие основные элементы культуры в китайской цивилизации способствуют ее стабильности и продолжительности? Автор данной статьи раскрывает этот вопрос по нескольким культурным аспектам.

Строгий порядок слов в китайском языке

Автор выступил на международной конференции в МГЛУ с докладом «Гипотеза о логичности языков и стабильности общества», в котором выдвинул и доказал следующие утверждения.

Нетрудно предположить, что логичность языка, мышления и действий тесно взаимосвязаны. А действия людей под влиянием их мышления и речи напрямую связаны с порядком в обществе.

Все языки мира можно разделить на две группы в зависимости от того, является ли порядок слов в предложении строгим грамматическим требованием. Таким образом, выделяют языки со свободным и закрепленным порядком слов в предложении. Китайский язык является типичным примером языков со строгим порядком слов. Китайский иероглиф закрыт, он не имеет префикса, суффикса, не имеет грамматического значения. Составлять фразу из этих «голых» иероглифов приходится при помощи их закрепленных позиций в предложении. При нарушении этого порядка или возникает ошибка, или требуется использование служебного слова, в таком случае фраза имеет стилистические нюансы.

Логичным является вывод, что в мышлении людей, говорящих на таком строго упорядоченном языке, как китайский, порядок является основным и необходимым свойством. Соблюдение порядка слов в предложении – главное

правило в китайском языке. Слова и элементы предложения, их грамматическое значение и роль зависят от их расположения в предложении.

Порядок является главной основой стабильности общества. Поэтому мы утверждаем, что в обществе, где говорят на строго упорядоченном языке, который обычно способствует стабильности, относительно легче сохранять долгосрочную стабильность. Неудивительно, что Китай смог сохранить и пронести через несколько тысяч лет свой язык, цельность нации и общества, несмотря на многочисленные кризисы. Логично, что из строгой упорядоченности в языке легко вырос политический централизм, который обычно считается спецификой политической системы стран Востока.

Приведем яркий пример. Люди, говорящие на языке со свободным порядком слов, привычно и инстинктивно больше акцентируют внимание на суффиксах слов – собственном приложении слов, чем на общем порядке и очередности. Это явление характерно как для языка, так и для повседневной жизни. Не трудно заметить и понять, что здесь больше предпочитают свободу, личную индивидуальность и принадлежность конкретной личности. Порядок признается необходимым, но индивидуальность и собственность считаются важнее. В обществах с таким типом языка можно даже с большим успехом сохранять стабильность, но вряд ли в долгосрочной перспективе, особенно в кризисные моменты, когда возникает острая необходимость единства и порядка вопреки личной свободе. Итак, можно сделать заключение, что это одна из причин такого исторического феномена, как китайская цивилизация: немало европейских и других древних цивилизаций и общественных объединений не смогли благополучно сохраниться с момента их образования до настоящего времени.

Так, в большинстве европейских языков (русский, французский, английский, испанский, даже арабский), имя собственное находится впереди, а фамилия после него. А в китайском языке наоборот, фамилия впереди. Из этого простейшего примера можно догадаться, кому отдается предпочтение: личности («я») или семейному коллективу («мы»). Что важнее: личность или семья – ячейка общества. Таким образом, мы постепенно переходим к вопросу стабильности семьи и общества.

Порядок в языке способствует стабильности общества, а последнее обеспечивает первому продолжительность и усовершенствование. Поэтому китайцы могут понять древние иероглифы и текст, составленные несколько тысяч лет тому назад. Например, древнее произведение Шуцзин («Книга истории» 書经 или «Книга документов» 尚書) содержит документы по древнейшей истории Китая (2357–627 гг. до н. э.) и рассуждения об идеальной системе управления государством. Всего в книге 58 глав.

Шицзин («Книга песен» 诗经) – один из древнейших памятников китайской литературы, уникальный источник информации о языке и традициях различных регионов древнего Китая, сопоставимый по значимости и стилистическим известной Ригведой (передавалась в устной форме (梨俱吠陀)). Шицзин содержит 305 народных песен и стихотворений различных жанров, созданных в XI–VI вв. до н. э., и отражающих различные явления духовной и социальной жизни в то-

гдашнем Китае. И даже в настоящее время немало молодых китайцев цитируют выражения о любви из «Книги песен». Одно из самых популярных выражений – «дева мила, невеста достойная награда» (窈窕淑女，君子好逑).

«Золотая середина» в китайской культуре мышления

«Середина» (中) является ядерным понятием и концепцией китайской философской идеологии и имеет свое толкование в конфуцианстве, даосизме и буддизме – трех главных течениях древней китайской философии и идеологии.

Несмотря на некоторые отличия в толковании этого понятия в разных философских и религиозных учениях Китая, все они имеют общий исходный пункт и конечную цель – сердце человека. Автор хотел бы напомнить, что в китайском традиционном понятии люди воспринимают предметы не разумом, а сердцем.

Концепция «середина» более подробно и системно толкуются в Конфуцианстве, как «середина и нейтральность» (中庸), которая обозначает: «в середине» (正中), «не склоняться ни в ту ни в другую сторону» или «занимать нейтральную позицию» (不偏不倚).

Об этом много говорил Конфуций.

Придерживаться середины в общении с людьми: «добро, но строго, властно, но не свирепо» (“子温而厉，威而不猛” 《论语·述而》).

В поведении: «семь раз отмерь, один – отрежь» (“子三思而后行” 《论语·宪问》).

В развлечении: «радоваться в меру, печалиться не чересчур» (“乐而不淫，哀而不伤” 《论语·八佾》).

По отношению к суевериям: «уважать, но держаться на почтительном расстоянии» (“敬鬼神而远之” 《论语·为政》).

В дружбе: «вместе, но не в сговоре» (“周而不比” 《论语·为政》), «ладить со средой, но не отождествляться с ней» (“和而不同” 《论语·子路》).

Понятие середины в даосизме, хотя и не является ядерным, как в Конфуцианстве, но все-таки важно. В даосизме середина – это Дао. В классическом трактате даосизма пишется: «ничего чересчур, отвергать чрезмерную роскошь, никакого излишества» (“去甚，去奢，去泰” (第二十九章)). «Длинная прямая линия кажется кривой, великое хитроумие кажется глупостью, великое красноречие кажется тупостью» (“大直若屈，大巧若拙，大辩若讷” (第四十五章)).

«Закон природы сокращает лишнее, чтобы увеличить недостающее» (“天之道，损有余而补不足” (第七十七章)).

«Знающий меру не должен быть жадным, уметь вовремя остановиться, и тогда можно рассчитывать на долгосрочность» (“知足不辱，知止不殆，可以长久” (第四十四章)).

Все выше приведенные высказывания о середине и простоте имеют глубокое влияние на мышление и поведение китайцев. Таким образом, несмотря на то, что в истории Китая были общественные волнения и восстания, однако, если они выходили за все допустимые границы и противоречили философской

идеологической середине, в конце концов возвращались обратно к допустимой мере. Поэтому некоторые предводители крестьянских восстаний стали императорами, однако система правления оставалась прежней. И по этой причине в китайской истории почти не было экстремистских революций, а так называемые революции в Китае имели более мягкие формы, перерастая в реформы, постепенный процесс и неярко выраженный результат которых удовлетворял большинство жителей Китая.

Схожее понятие середины есть в русской пословице «тише едешь, дальше будешь», но тем не менее русский народ в большей степени привык к бурному течению революций, подобно тому, как танцуют балет в своей истории, а не как китайцы спокойно и неторопливо поют пекинскую оперу.

Культура семейных отношений и китайская этическая система

Традиционная китайская идеология принадлежит к типу светской идеологии, где человек является центром мира, а не религиозной, где в центре мира Бог. Это очевидная специфика китайской традиционной идеологии, отличающая ее от Запада.

В сфере светского воспитания на западе уделяют большое внимание личности и предоставлению ей свободы, а в Китае – в воспитании гуманных качеств личности и требовании соблюдения порядка.

Согласно теории мудрых китайских правителей, важное заключается не в том, какой разработать закон, как контролировать его исполнение и наказывать в соответствии с ним, а в том, как лучше идеологически и морально воспитать человека, чтобы люди сознательно и добровольно соблюдали порядок и традицию. Поэтому китайские правители руководили обществом главным образом через мораль и этику – воспитание и контроль над сердцами людей, а не через соблюдение закона и наказание нарушителей закона. Необходимо отметить, что это более эффективный вариант управления обществом. В связи с этим долгое время в истории Китая не было такого понятия и учреждения как полиция. Это не только эффективное, но и экономное управление обществом.

В Китае была сформирована целая тщательно продуманная система морального воспитания и пропаганды. Одной из важнейших норм выступала культура семейных отношений.

Семья в Китае не просто ячейка, но и модель общества. Она имеет особое значение. Семья тесно связана с обществом и страной: семья – это уменьшенная модель страны, а страна – увеличенная модель семьи. Стабильная семья – стабильное общество.

Главные особенности культуры семьи-страны: патриархат и строгие взаимоотношения между членами семьи. Патриархат – преобладающее влияние мужчин в семейной, хозяйственной и общественной жизни. Долгое время в истории Китая патриархат господствовал в семейном и государственном укладе. Мужчина – хозяин в семье и стране, а женщина – подчиненная. Хотя иногда в истории Китая к власти приходили императрицы, но, во-первых, фактически руководили страной все-таки мужчины, во-вторых, после смерти их деятельности давали, в основном, негативную оценку.

Патриархат в китайской семье нес гармоничный характер и основывался на неоспоримом доминировании мужчин и спокойном и полном признании своего подчинения у китайских женщин.

В Китае была сформирована четкая и строгая система семейного и общественного положения и статуса, которая регулировала взаимоотношения между членами семьи и общества.

Ведущая идеологическая концепция Китая в соответствии с конфуцианством – это «этикет-порядок» (“礼”). Она является «дисциплиной страны» (“礼,国之纪也”《国语·晋语四》) и «управляет страной, стабилизирует общество, контролирует людей, благодетельствует потомкам» (“礼,经国家,定社稷,序人民,利后嗣者也”《左传·昭公二十六年》). Конфуций призывает воспитывать людей «не смотреть, не слушать и не говорить непорядочного, и не делать вопреки порядку» (“非礼勿视,非礼勿听,非礼勿言,非礼勿动”《论语·颜渊》).

Важным содержанием этикета-порядка (“礼”) является «Три принципа и пять догм» (“三纲五常”) – типичная норма, регулирующая взаимоотношения в семье и стране.

Три принципа: император руководит подчиненным, отец – сыном, муж – женой. Хотя это не государственный закон, а традиция и моральная норма, но на ее основе можно эффективно управлять порядком в семье и обществе. Люди соблюдают эти нормы не из-за боязни наказания со стороны закона, а из-за моральных убеждений.

«Пять догм»: «гуманность», «справедливость», «вежливость», «разум» и «доверие» (仁、义、礼、智、信). Эти догмы отражают основные качества человека, добродетели.

«Гуманность» – это ведущее понятие из пяти, которое обозначает любить человека, не только себя самого, но и другого. Конфуций сказал, что гуманность – это «любить человека, прежде всего, любить родных» (“仁者,人也,亲亲为大”), и советовал «чего себе не хочешь, того другим не делай» (“己所不欲,勿施于人”).

«Три принципа и пять догм» четко и твердо определили взаимоотношения между людьми и установили ясный и строгий порядок в семье и обществе. Соблюдать их должен каждый в Китае.

В Китае больше ценят воспитание, и начинают обучать морали с детства. Около тысячи лет тому назад для воспитания детей был специально создан «Канон трех иероглифов» (《三字经》). В нем говорится: «взаимная любовь между отцом и сыном, жена повинуетя мужу, старший брат заботится о младшем, младший брат уважает старшего, молодые уважают пожилых, друзья доверяют друг другу, император уважает подчиненных, а подчиненные должны быть преданными императору» (“父子恩,夫妇从,兄则友,弟则恭,长幼序,友与朋,君则敬,臣则忠”).

Были составлены и другие книги, по которым учились дети. Они читали эти книги и заучивали их наизусть, чтобы помнить всю жизнь. Таким образом основные моральные принципы стали известны каждому как непреложные

нормы мышления и поведения, что способствовало сохранению гармонии в семье и обществе, и обеспечило стабильность и процветание обществу и стране.

Строгий порядок, образованный на основе строгой системы языка, «золотой» середины в философского-идеологическом воспитании и гармонии в культуре семейных отношений, способствует стабильности и продолжительности истории Китая. А стабильность и процветание общества обеспечивает гармоничное совершенствование культуре семейных отношений и страны.

В заключение должны отметить, что основные элементы, способствующие стабильности китайской цивилизации, включают некоторые важные объективные элементы, как, например, природно-географические условия.

Географической характеристикой Китая является обширная территория и полузакрытое положение. Обширная территория предоставляет больше возможности для маневрирования в кризисные моменты, а полузакрытое положение снижает потенциальную возможность вмешательства извне.

С трех сторон Китай окружен высокими горами и пустынями. Только одна сторона открыта морю. Кроме того, вокруг Китая долгое время не было другой крупной по масштабу державы. Это положение относительно уменьшало угрозу влияния извне на протяжении достаточно длительного периода в истории Китая. Только с XVII в., когда бурно развивалась так называемая морская цивилизация, серьезная угроза и влияние с моря появились на востоке Китая. Отсутствие довольно защищенного географического положения является одной из важнейших причин, приведших многие древние мировые цивилизации к исчезновению, к состоянию живой окаменелости истории. За исключением Китая все древние крупные речные цивилизации исчезли после расширения морской цивилизации. С середины XIX в. именно через морскую границу Китая западные державы одна за другой вторглись в Китай.

Важными факторами, которые помогли ослабевшему Китаю выдержать все угрозы и продолжить свое существование, являются вышеописанные духовные элементы китайской цивилизации, а не силовое сопротивление, к которому обычно не очень способна китайская нация.

Н. П. ХОЗЯЕВА

директор общественного объединения «Сотрудничество деловых и творческих женщин», соискатель ученой степени по специальности «Социальная философия» (г. Минск, Республика Беларусь)

ЗНАКОМСТВО С КУЛЬТУРНЫМИ ТРАДИЦИЯМИ КИТАЯ: ПУТЕШЕСТВИЕ НА РОДИНУ ТАЙЦЗИ

Знакомство с культурными традициями Китая невозможно без путешествия по этой удивительной стране древнейшей культуры и традиций. В путешествии в мае 2012 г. по Китаю нас сплотило «тайцзи». Мы – это группа единомышленников, увлеченных восточной дыхательной гимнастикой «тайцзицюань». Изначально, «тайцзицюань» или просто «тайцзи» – это вид восточного единоборства, имеющий своей целью оборонительный характер, поз-

воляющий правильно и мягко увернуться от нападающего воина. Эта техника распространена в мире уже в 150 странах и насчитывает более 300 миллионов последователей. Изобрел эту технику 400 лет назад человек по имени Чэнь Вантин (Chen Wangting), изучая приемы воинов при защите от нападения захватчиков родных ему мест в деревне Чэнцзягоу (Chenjiagou) уезда Вэньсян провинции Хэнань. В Беларуси техника «тайцзи» во многом обрела популярность благодаря удивительному человеку по имени Сун Пэн, мастеру «уши» и «тайцзи», прибывшего из Китая в Беларусь на учебу в Белорусскую государственную академию физической культуры. Ныне он заканчивает научное исследование на тему «Тайцзи для улучшения качества жизни» в Белорусском государственном педагогическом университете имени М. Танка. Благодаря Сун Пэну и его белорусским ученикам мы высоко оценили гимнастику «тайцзи» как возможность замедлить темпы нашей суетной современной жизни в городе, почувствовать новые возможности спокойного гармоничного дыхания, увидеть себя частицей бесконечного, но мудрого потока времени. Согласно философии даосизма, гимнастика «тайцзицюань» – это гимнастика «Великого предела». Она «базируется на концепции Инь-Ян, в основе которой лежит единство противоположностей, взаимопереход одного в другое (наполненное – пустое, жесткое – мягкое, открытие – закрытие и др.) [1]. Как говорится в знаменитой книге Гу Люсина, «гимнастика «Великого предела» – срединная дорога, это искусство впереди всего стоит, следует порядку, не зная себе равных, человек, истощаясь, сам соединяется с небом. Пустые разговоры – как разлившаяся тушь, реальное вращение есть истинная оценка» [2, с. 453]. Для нас же – белорусских практикантов тайцзи – оздоровительное влияние такого рода боевой гимнастики очень значимо, поскольку позволяет организму развивать свои скрытые возможности и приближает нашу жизнь к заветной гармонии.

Итак, наше удивительное путешествие в Китай во главе с Сун Пэном началось со знакомства с городом Пекином (Beijing). Период наивысшего расцвета Пекина пришелся на эпоху Мин (1368–1644 гг.). Тогда и было начато строительство дворца под названием Запретный город, в течение 500 лет, до упразднения империи в 1911-м, являвшегося императорской резиденцией¹. Строительство дворцового комплекса, начатое в 1406 г., продолжалось 14 лет. Запретный город окружен стеной 10-метровой высоты, образующей прямоугольник 760 на 960 метров; таким образом, общая площадь составляет почти 730 000 квадратных метров. Легенда гласит, что в XV в., когда началось строительство Запретного города, император Юнлэ призвал к себе одного из министров и приказал ему под страхом смерти возвести на дворцовой стене сторожевые башни, у каждой из которых должно быть по 9 главных балок, 18 колонн и 72 изгиба на крыше. Так оно и было сделано. Изумительной красоты храмы, стены, башни, курительницы, скульптуры драконов, аистов, черепах и многое другое впечатляют туристов! Мы побывали на главной площади столицы Китая Тяньаньмэнь и посетили знаменитый императорский «Пурпурный запретный

¹ При описании достопримечательностей и культурно-исторических памятников Китая использованы материалы интернет-ресурсов (<http://dreamvoyage.ru>, <http://poiskurov.com>).

город» (Цзыцинчэн или Гугун), побывали в Зоопарке, обедали традиционным китайским блюдом «Пекинская утка», увидели олимпийский спортивный комплекс «Птичье гнездо». На первый день нашего пребывания в Китае впечатлений уже было достаточно...

Утром следующего дня нас ожидало восхождение на Великую китайскую стену (Great Wall). Подъезжая к знаменитому месту, нас охватывало восхищение от окружающего ландшафта и нетерпение увидеть воочию уникальный памятник мирового культурного наследия Китая. Однако уже первые ступени высотой в 40 см каменной лестницы ведущей к стене, поубавили наш энтузиазм. Вот оно – преодоление! Упорство и труд многих и многих строителей этой стены восхищает, мы видели на камнях древние выцарапанные надписи, хранящие тайны прошлых столетий. Так империя обороняла себя от внешних нападений, набегов кочевников. Но какой ценой?! Одни считают Великую китайскую стену замечательным достижением древнекитайского инженерного искусства. Другие – причудой тирана, императора Цинь Шихуана 220 лет назад до нашей эры. Благодаря своей ширине – по гребню сооружения могли проехать конные всадники – Великая китайская стена выполняла важную функцию скоростной дороги. Часовые же, дежурившие в башнях, дымовыми сигналами передавали в столицу сведения о передвижениях вражеских войск.

Следующее путешествие приближает нас к истокам восточной философии. Проехав более 1000 км (18 часов на пассажирском поезде), мы оказались в горах Уданшань, в стране китайских монахов, приверженцев китайской религии «дао». Даосизм как самобытная религия Китая оформился более 1800 лет тому назад. Высшая цель даосизма – превращение в небожителя путем самосовершенствования и познания истинного Пути – Дао. В 1994 г. древний архитектурный комплекс в горах Уданшань был внесен в Реестр объектов мирового культурного наследия. Удаленные горы являлись идеальным местом для даосов, скрывавшихся от брэнного мира с целью достичь вершин самосовершенства. В своем современном виде комплекс в горах Уданшань сформировался во времена династии Мин (1368–1644 гг.) при императоре Юнлэ. Не будучи приверженцем даосизма, властный император, тем не менее, отдал дань почитанию предков и решил построить храмы как для небожителей, так и для простых людей, молящихся за благополучие всех и вся Поднебесной. В то время все поклонялись канонизированному даосскому святому Чжэньу. В соответствии с легендой о превращении смертного Чжэньу в бессмертного небожителя все сооружения комплекса делятся на две части: на горных склонах и вершинах и у подножия гор. У подножия гор расположен монастырь и дворец «Цзинлэгун» – первое из даосских сооружений в горах Уданшань, символизирующее царство Цзинлэ, где родился наследник престола Чжэньу. Дворец «Цзинлэгун» занимает половину территории монастыря. В комплекс «Тайхэгун» («Дворец Высшей гармонии») входит «Золотой дворец» («Цзиньдянь») и «Цзыцинчэн» («Пурпурно-золотой город»), построенный на Земле для небожителя Чжэньу. Центром комплекса является храмовый комплекс «Цзысяогун» («Дворец Фиолетовых небес» или «Храм пурпурных облаков»). Соседствующий с ним храмовый комплекс «Наньяньгун» («Дворец Южного утеса») назывался «Обите-

люю небожителей в Священных горах». При династии Юань «Наньяньгун» считался местом проживания Чжэнью.

Пройти через главные ворота комплекса в горах Уданшань «Сюаньюемэнь» («Врата к пику Пустоты») означает совершить переход от бренного мира к царству небожителей. Попытались это сделать и мы, путешественники из далекой Беларуси. Поднимаясь вверх по бесчисленным ступеням (примерно 4 км на высоту 1816 м над уровнем моря) по Священной дороге, мы видели множество даосских монастырей и храмов, в которых легендарный Чжэнью постигал даосское учение, достиг вершины самосовершенства и стал бессмертным небожителем. Почти на каждом зеленом дереве висели красные ленточки с молитвами посетителей Удана, символизируя обращение каждого страждущего к небожителем за помощью и поддержкой в бренной жизни. Каждое сооружение служило иллюстрацией одной из легенд о Чжэнью. Поднявшись, наконец, на вершину горы Уданшань – «Тяньчжуфэн» («Пик Небесного столба») мы «трогали» облака руками, так как они были рядом с нами. Необычайные ощущения восторга и высоты человеческого духа испытывает каждый, кто смог добраться до «Золотого дворца» («Цзиньдянь»), находящегося на пике одной из 72 вершин гор Уданшаня. Уже в начале путешествия мы прониклись китайской философией даосизма, философией единения природы и человека. В основном учении даосизма – трактате «Даодэцзин» («Канон Пути и Добродетели») – говорится, что Мир небожителей существует как на небе, так и на земле. На земле даосский рай надо искать в уединении знаменитых гор и кристально чистых рек, в местах «Пещерных небес и Счастливой земли» (обиталище бессмертных). Придерживаясь философии «дао», человек стремится к самосовершенствованию и помогает ему в этом окружающий спокойный и величественный ландшафт природы.

Следующий город нашего путешествия Чжэньчжоу (Zhenzhou), провинции Хэнань. Приехав туда на удобном пассажирском поезде и обосновавшись в гостинице, мы с самого утра на следующий день уехали на родину «тайцзи», в деревню Чэньцзягоу (Chenjiagou). Посещение данного места стало для нас знаменательным событием! Именно здесь мы прикоснулись к семейной хронике Чэней. Дело в том, что здесь находится знаменитый Музей Тайцзи, бережно хранящий историю семьи Чэней, насчитывающую на данный момент девятнадцать поколений. Отсчет рода Чэней начинается с легендарного основателя рода Чэнь Бу (Chen Bu) (род. в 1368 г.), выдающегося мастера боевых искусств, родом из Шаньси (Shanxi). Известно, что в 1374 г. семья Чэнь переехала в провинцию Хэнань (Henan) в место, которое сегодня называется Чэньцзягоу (Chenjiagou), что в переводе с китайского означает «Овраг Семьи Чэней» [3, с. 45]. В 2006 г. техника «тайцзи» в версии ее основателя Чэнь Вантина (представителя девятого поколения рода Чэней) возглавила лист объектов национального культурного наследия, а в 2007 г. деревня Чэньцзягоу (Chenjiagou) официально признана как родина «тайцзи», она является десятым по счету в Китае туристическим и развлекательным центром.

Переступив порог музейного комплекса, мы оказались в большом открытом дворе с ухоженными дорожками и зелеными кустами. Пройдя вглубь дво-

ра, мы увидели памятник основателю тайцзи-цюань Чэнь Вантину. По боковым сторонам двора на каменных плитах были выгравированы китайские символы-иероглифы. Это были заповеди «тайцзи», среди которых усердие, гармония, духовность и др. Переступив очередной порог, мы оказались на огромной площади с тремя воротами, преодолев которые, по легенде, человек оставляет миру эмоции, затем приводит в порядок разум и, наконец, открывает себя духу. В центре на мраморной поверхности находился огромный круг (мандала) с символами «инь» и «ян». Справа мы заметили еще один круглый постамент, на поверхности которого расположилась целая команда изваяний в характерных позах, это были «люди», практикующие «тайцзи»... Музей, в который мы зашли далее, был очень просторным с огромным количеством экспонатов, включающих старинные свитки, книги, стенды об истории «тайцзи» и других боевых искусств, фотографии, одежда, боевое оружие и многое другое. Из окон Музея открывался грандиозный вид на площадь, через которую мы недавно проходили, а рядом с музейным комплексом виднелись строительные краны, тут скоро появятся современные гостиницы, туристов со всего мира станет здесь в разы больше.

Следующий день пребывания в Чжэньчжоу (Zhenzhou) был посвящен экскурсии в буддистский монастырь Шаолинь. Стоит этот монастырь на горе Шаоши горной цепи Суньшань. Согласно легенде, Шаолинь был основан в V в. монахом из Индии, Бодхидхармой, проповедовавшим чань (дзэн) буддизм. В промежутках между долгими периодами медитации ученики Бодхидхармы имитировали естественные движения птиц и зверей, с течением столетий эти имитации превратились в высшую форму боя без оружия. С тех пор этим искусством занимались все монахи монастыря. «Кунфу» – это китайское искусство боя без оружия лишь с помощью ударов рук и ног. А храм Шаолинь стал центром дзэн-буддизма в Китае. Кунфу изучается несколько десятков лет, им за год не овладеешь. Монахи могут быстро бегать по стеклянной крошке, ходить по стенам, словно по земле, спокойно спать на столбах или стоять на голове на камне. Они могут разбивать о голову кирпичи, рубить ладонью камни, прокалывать дерево пальцем, отбивать пики горлом, удерживать машину зубами, языком дотрагиваться до огня. Пройдя через огромные главные ворота музейного комплекса Шаолинь, мы оказались в центре красочного представления монахов-буддистов, а точнее молодых учеников школы «кунфу». Они, действительно, летали как птицы, держа в руках то меч, то ступу. В восхищении мы смотрели на «летающих» монахов!

Среди изящных крыш построек монастыря Шаолинь после входа мы увидели огромное лечебное дерево «гинго-билоба». Затем снова прошли через ворота, заглянули в храмы, где было множество статуй Будды (в юности, зрелости, старости), увидели, как многие посетители ставят свечи в курильницы. Мы заметили, что сначала пришедший в храм должен бросить в ящик перед алтарем какую-нибудь монету, затем взять тут же лежащие на столе у дежурного монаха курительные свечи (обычно не менее трех). Эти свечи необходимо поставить в особый сосуд перед алтарем, или в большую курильницу на улице, прямо напротив ворот зала (свечи должны тлеть, но ни в коем случае не гореть,

также не принято задувать их). Затем, обращаясь к Будде, посетитель три раза опускается на колени, в поклоне касаясь лбом подставки, ладони при этом нужно повернуть вверх. Монах, присутствующий здесь, должен каждый поклон сопровождать ударом в медный сосуд. Долгий и глубокий звук от удара теряется в высоте зала, как бы донося до Будды нужды верующих. За полторы тысячи лет монастырь неоднократно горел и подвергался разрушению, но видимо, Будда хранит его, Шаолинь отстраивался заново и действует по сей день. Пройдя на выход сквозь ряд сувенирных магазинчиков, порадовались разнообразию товаров, особенно широк был выбор сувенирного оружия и украшений из нефрита, бирюзы и других полудрагоценных камней.

На следующий день мы знакомимся с детской спортивной школой «ушу». Надо сказать, что в окрестностях Шаолиня таких школ очень много, традиции боевых искусств свято чтутся во всем Китае, а в здешних местах – особенно. Практически любой желающий может поступить в школу, заплатив 5000 юаней за год обучения, это стоимость для китайцев, иностранцы же платят за обучение в два раза больше. Многие иностранцы остаются в школе на 2–3 года и проходят курс обучения кунфу с местными мастерами. Кстати, в Шаолине много русских учеников. Мы увлеченно смотрели на показательные выступления, среди которых групповое (восемь юношей и восемь девушек) выступление в технике «тайцзи» под музыку и выступление мальчика лет 13-ти по его самостоятельной программе понравились больше всех. Впечатления от их выступления были настолько сильными, что захотелось вручить им наши белорусские сувениры и пригласить с таким выступлением к нам, в Беларусь!

Заканчивался рабочий день, в многомиллионном городе был трафик, и мы довольно долго ехали по красивым улицам Чжен Чжана, прощаясь с этим гостеприимным утопающим в зелени городом. Нас ждал скоростной поезд на Сиань. Скорость такой поезд развивает до 340 км в час. В нашем случае скорость поезда была 220 км в час и это впечатляло... Стюардессы, как в самолете, чистота, горячий обед, электронное табло с названиями проезжавших станций, улыбки и любопытство пассажиров – все для нас было необычным!

Итак, древний город Сиань, бывшая столица Китая. В середине прошлого века, столицу перенесли в Пекин, а город Сиань (центр провинции Шэньси) хранит свою древнюю красоту для нас всех приезжающих туристов. Первое наше путешествие здесь началось с экскурсии в местечко Бинмаюн («солдат, лошадь, погребальные статуэтки» – если дословно прочитать китайские иероглифы). Да-да, нас ждала знаменитая «терракотовая армия» древнего императора Цинь Шихуана, пожелавшего увековечить себя и свое правление огромным захоронением глиняных и раскрашенных фигур солдат своего войска. В 1974 г. житель одной из деревень в окрестностях Сианя, копая колодец, обнаружил склеп, а в нем – вылепленные из глины в натуральную величину терракотовые фигуры воинов в полном боевом снаряжении. Таким образом, «терракотовая армия» – это глиняные воины первого императора, веками охраняющие покой своего властелина. Если присмотреться, черты лица каждого бойца «терракотовой армии» разные, ученые не заметили ни одной повторяющейся глиняной фигуры. На сегодня обнаружено более восьми тысяч изготовленных вручную

фигур. Гробница самого императора Цинь Шихуана находится в отдалении полутора километров, она и остальные глиняные фигуры бойцов древней армии находятся под наблюдением ученых и не доступны туристам, поскольку при соприкосновении с воздухом раскраска фигур линяет и теряет свою аутентичность. По мнению ученых, «терракотовая армия» была изготовлена с натуры: после смерти душа воина должна была переселиться в глиняное тело. Фигуры покрывались специальной глазурью, поверх которой наносилась краска. «Терракотовая армия» представляет собой наглядную иллюстрацию бывшего величия императорской армии: впереди стоят 210 лучников, за ними – воины с алебардами и копьями, а также 35 запряженных конями боевых колесниц. Все лучники, всадники и пехотинцы смотрят на восток – именно там находились шесть царств, подчиненных Цинь Шихуана. Император приказал приступить к постройке гробницы в 246 г. до н. э., вскоре после своего восшествия на престол царства Цинь; тогда же начались работы по созданию «терракотовой армии». В них было задействовано 7 000 человек; как и сотни тысяч людей, осуществлявших другие проекты Цинь Шихуана, они трудились подневольно. Большинство работников погибло в результате несчастных случаев или от истощения. В 210 г. до н. э. первый император внезапно умер во время одного из своих путешествий в поисках эликсира бессмертия. Стояло жаркое лето, и свита Ши Хуанди, желая избежать распространения слухов о смерти властелина, обложила труп соленой рыбой, благодаря чему кортеж смог, не вызывая подозрений, вернуться в столицу. Вот такие исторические факты дошли до нас современников! Лица императорских воинов поражали сосредоточенностью и разнообразием, выражения лица у всех были разные... Даже глиняные лошади сопровождали воинов! Пожар, случившийся в те далекие времена, повредил многие изваяния, тем не менее, впечатление от созерцания такой многочисленной армии оставалось колоссальное!

Далее мы направились на прогулку в императорский сад. Вот где было великолепие: красивые китайские беседки, купальни для принцесс, фонтаны, благоухающая зелень, цветы, тихая заводь озера... Мы наслаждались прогулкой, бегали под брызгами Фонтана принцессы, некоторые наши модницы прикупили широкополые летние шляпы, что было очень кстати в очень жаркий и солнечный день.

Следующий день снова таил сюрприз – посещение городской стены Сианя. Сохранившаяся сквозь века, стена сама по себе представляет интерес, поскольку огораживает старый город от новомодных новостроек. Первая городская стена Сианя высотой 12 метров была построена из земли, утрамбованной слой за слоем. Базовый слой насыпался из земли, гашеной извести и рисовой клейковины, соединяющей слои. Это сделало стену чрезвычайно крепкой и устойчивой. Позже, стена была полностью обложена кирпичом. После реставрации на стене разбит парк, где приятно погулять и сейчас. Она простирается на расстояние около 12-ти километров, широка, здесь гуляют пешие туристы, есть возможность прокатиться на маленьком экскурсионном автобусике и на велосипеде. Город Сиань (старое название Чанъань) – колыбель китайской цивилизации насчитывает более чем 3100-летнюю историю. На протяжении 1100 лет

Сиань служил столицей 12 династиям: Чжоу, Цинь, Хань, Тан и другим. Город является одной из 4 крупнейших древних столиц мира. Здесь начинался известный всему миру Великий шелковый путь протяженностью около 12 000 км, по которой из Европы в Китай и обратно двигались караваны купцов.

Начав обход возле подножья городской стены Сианя, мы не уставали удивляться всеобщему порыву местных жителей, в основном пожилого возраста, поддерживать свое здоровье в отличном состоянии! Повсюду на «островках» среди зеленых газонов по одному и группками и мужчины и женщины хлопали себя по ногам, рукам, плечам... Кое-где стояли тренажеры, так что некоторые «крутили педали» как на велосипеде, другие как-то странно терлись спиной о ствол дерева (оказалось, что к дереву был прикреплен массажер), третьи под музыку и под счет, выкрикивая какие-то «мантры», дружно шагали и подплясывали на месте. Нам все это показалось немного смешным! Но ведь китайцы – самая здоровая нация в мире! И во многом благодаря культу здоровья в пожилом возрасте, не говоря уже о традиционных массовых видах спорта «ушу», «тайцзи» и др. Прогулка у подножья стены Сианя показала нам, как бережно китайцы относятся к сохранению своих культурных традиций, в частности к обязательной массовой физической разминке ранним утром до начала рабочего дня. Также эта прогулка познакомила нас с группой продвинутых практикантов тайцзи. Одетые в белоснежные костюмы, они дружно и очень слаженно делали сложные характерные движения в технике «тайцзицюань», но главным было то, что среди них был знаменитый учитель – последователь «тайцзи» от самого Чэнь Вангина в 19-м поколении! Будучи очень преклонного возраста, он был очень подтянут и скромно, не хотел фотографироваться. Таким образом, случайная встреча подле древней городской стены Сианя с мастерами боевого искусства «тайцзи» стала для нас настоящим подарком судьбы и оставила неизгладимое впечатление.

Гуляя по Сианю, мы восхищались архитектурой древних китайских дворцов, особенно красиво было любоваться ими в вечернее время, поскольку современная подсветка зданий делала древний город сказочным!

Бесконечные ряды сувенирных лавочек с изделиями и атрибутами китайского декоративно-прикладного искусства радовали глаз! К вечеру мы посетили знаменитую площадь Пагоды Большого гуся. Пагода Большого гуся («Даяньта», так бы звучал перевод китайских иероглифов) находится на юге города за пределами крепостной стены. Построена она на месте Храма материнской любви в 648 г. н. э. Воздвиг ее император Гао Цзун в память об умершей матери. Кроме того, она предназначалась для хранения буддистских рукописей и постоянно достраивалась вверх. Ныне ее высота 64 метра, и она чуть-чуть наклонилась вправо... Здесь же нас ожидало вечернее представление Поющих фонтанов. Под звуки торжественной музыки сначала заработал мощный центральный фонтан, подняв высоко вверх тонны воды и окатив восторженную публику своими многочисленными брызгами. Затем возникали и прятались под восхитительную классическую музыку сотни водяных подсвеченных струй, создавая впечатление грандиозного праздника!

Следующий день в Сиане можно назвать спортивным. Поднявшись на городскую стену, мы оказались перед выбором: обойти древний Сиань по периметру стены пешком или же проехать это же расстояние на велосипеде. Группа разделилась, половина туристов предпочли пеший сокращенный вариант прогулки, а половина самых отважных решили проехаться с ветерком и полюбоваться видами внутреннего древнего города прямо с колес велосипеда. Это было замечательное путешествие! Солнце, ветер, скорость прогулки придавали удивительные ощущения сопричастности к великому духу древнего Китая...

В заключение нашего путешествия Сун Пэн решил нас удивить посещением красивого китайского ресторана. И ему это удалось! Великолепие внутреннего дизайна обеденной комнаты с огромным столом на 20 человек с вертящейся столешницей и фиолетовыми парчовыми стульями с фирменными вензелями произвели на нас большое впечатление! Это был, по сути, наш прощальный ужин, так как на завтра мы должны были отбывать в Пекин и оттуда в Москву. Все мы прониклись воспоминаниями о нашей замечательной поездке и слова благодарности Сун Пэну и его добрые слова нам оказались уместным началом великолепного ужина.

И вот наступил день отъезда из Пекина... Собрав вещи накануне, мы ехали по красивым улицам Пекина, мысленно прощаясь с городом, столицей Поднебесной. Весеннее путешествие в Китай подарило нам много удивительных впечатлений, ярких эмоций, а также дало возможность прикоснуться к древней истории и к современным культурным традициям. Мы с теплотой прощались друг с другом, ожидая новых встреч как на тренировках, так и за дружеской чашкой прекрасного китайского зеленого чая... До новых встреч, удивительный Китай!

Литература

1. Тайцзи-цюань стиля Чэнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vya6624.narod.ru/OSNOVNIIE_KOMPLEKSI_TAI-TSZI_CHEN/. – Дата доступа: 05.11.2012.
2. Люсин, Гу. Тайцзи-цюань. Стиль чэнь / Гу Люсин; пер. с кит. и редак. М. М. Богачихина. – М., 1996. – 477 с.
3. Люсин, Гу. Пушечные удары. Тайцзи-цюань стиля Чэнь / Гу Люсин; пер. с кит. и коммент. М. М. Богачихина. – М., 2008. – 480 с.

О. В. ШУБАРО

*доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ИСКУССТВО КИТАЙСКОГО КИНО

Принято считать, что родоначальниками кино являются европейцы, поскольку именно в Париже 28 декабря 1895 г. братья Люмьер продемонстрировали первый в истории человечества кинофильм. Однако существует и другой взгляд на эту проблему – прообразом современного кинематографа является те-

атр теней, известный в Китае уже во II-м тысячелетии до н. э. Театр теней – это форма визуального искусства, основанная на использовании плоских кукол. Куклы, которые обычно делали из картона, кожи или специальной цветной пленки, находились между источником света и экраном. В театре теней использовался полупрозрачный экран, на который проецировались освещенные сзади движущиеся картины или «кадры». Куклы, управляемые бамбуковыми, деревянными или металлическими тоненькими палками, были центральной частью представления, и обычно представляли собой произведение искусства. Они не были бесцветны, но раскрашивались так, чтобы цвет каждой детали различался через экран. Цвет часто играл символическую роль, предупреждая зрителя о характере и амплуа персонажа. Подобное представление сопровождалось музыкой или рассказом.

Искусство театра теней считается народным. Но его происхождение, согласно древней легенде, связано с горем императора, потерявшего жену. Император был настолько опечален, что даже оставил управление государством. Тогда его сановник, подсмотрев за играющими на улице детьми, изобрел театр теней. Самое первое представление изображало жену императора, который, увидев ожившую тень жены, немного утешился.

Театр теней стал поистине синтетическим видом искусства, поскольку помимо изображения и рассказа он сопровождался игрой небольшого оркестра, в который входили как традиционные струнные инструменты, так и ритмичные удары палочек из бамбука. Таким образом, в Китае считают, что кино все-таки было изобретено в Поднебесной, а в Париже оно лишь было технически усовершенствовано.

Первая демонстрация кинофильма в Китае состоялась в Шанхае 11 августа 1896 г., а первый китайский фильм на тему пекинской оперы «Динцзюньшань» («Битва при горе Динцзюньшань») был снят в ноябре 1905 г. Первое время кинокомпании на китайской территории принадлежали иностранцам, которые играли важную просветительскую роль. Так, первую киностудию в Шанхае открыл в 1909 г. американец Бенджамин Браски. На этой студии, получившей имя «Азия», было снято несколько фильмов. Однако ни один фильм не имел успеха. Причина была простой: иностранцы не понимали психологию китайцев: то, что им казалось увлекательным и интересным, у коренного населения вызывало скуку. Компания понесла большие убытки и оказалась на грани банкротства. Шанхайские финансисты пытались продолжить производство кинофильмов, однако после начала в 1914 г. первой мировой войны и прекращения поставок немецкой кинопленки киностудия «Азия» была вынуждена закрыться.

В 1916 г. Чжан Шичуань создал киностудию «Хуаньсянь», которая стала первой самостоятельной китайской кинокомпанией, по-настоящему свободной от контроля иностранных инвесторов. Фильмы, снятые на этой киностудии вошли в историю китайского кинематографа как первые качественные китайские фильмы.

Собственно китайская киноиндустрия начала развиваться в 20-х гг. XX в. Именно в этот период появились такие кинокомпании, как Минсин и Тяньи. В 20-х гг. киноспециалисты из США стали обучать китайцев в Шанхае, и аме-

риканское влияние продолжало ощущаться в течение нескольких последующих десятилетий. Несмотря на то, что первая партия полнометражных художественных фильмов имела главным образом коммерческую, нежели художественную направленность, китайские режиссеры включали в фильмы оригинальные элементы китайской культуры.

С 1922 г. наблюдается подъем киноиндустрии Китая, который был связан прежде всего с деятельностью кинокомпании «Минсин». Китайские кинематографисты старались органично сочетать в кино элементы пропаганды, художественное начало, зрелищность и национальную специфику.

Историки китайского кинематографа разбили историю развития своего кинематографа на пять этапов:

- *«Освоение целины»* – от возникновения китайского кинематографа в 1905 г. до начала 30-х гг. (в Китае было открыто 170 киностудий, большое количество кинотеатров);

- *«По пути взросления»* – охватывает последующий период до образования в 1949 г. Китайской Народной Республики (появились исторические фильмы, а также фильмы на тему восточных единоборств; развивается звуковое кино);

- *«Период неустойчивого развития»* – от образования КНР до начала «Культурной революции» в 1966 г. (фильмы о жизни рабочих, крестьян и солдат; возрастает количество кинозрителей: с 47 млн в 1949 г. до 415 млн в 1959 г. В 1956 г. открывается Пекинская академия киноискусства. Большую популярность приобретают мультипликационные фильмы, в которых активно использовались такие традиционные китайские народные виды искусства, как вырезание из бумаги, театр теней, традиционные китайские виды кукольного театра);

- *«Застой и спад»* – до 1976 г. (резко снижается производство кинофильмов, преимущественно развивается документальное кино);

- *«Поиск и развитие»* – до 1989 г. (китайское кино существует в условиях конкуренции с другими видами искусства; формируется Министерство по делам кино, телевидения и радио; знаменитый выпуск учащихся Пекинской академии киноискусства: Чжан Имоу, Тянь Чжуанчжуан, Чэнь Кайгэ, Чжан Цзюньчжао; выход китайского кино на международную арену).

Институт статистики Юнеско по итогам трех последних лет составил рейтинг пяти стран, производящих самое большое количество фильмов в год. Согласно этим данным, США находится на третьем месте, почти в 2 раза уступая Индии и Нигерии. Стоит отметить, что в пятерку лидеров кинопроизводства входит также Китай и Япония.

В последние 10–15 лет Китай стал мировым лидером не только по темпам экономического роста, но и по качеству кинематографа. Современный период в развитии китайского кино часто называют периодом расцвета китайского кинематографа. Для этого этапа характерно производство совместных с иностранными режиссерами фильмов. Совместные работы также начинают появляться после воссоединения Гонконга и Макао с КНР: «Крадущийся тигр, затаившийся дракон», (2000) «Клятва» (2005), «Битва у Красных утесов» (2008–2009).

Иногда современный китайский кинематограф подразделяют на кино континентального Китая, кинематограф Гонконга и тайваньскую школу. Но более приемлемым является подразделение китайского кино на авторское, коммерческое и реалистическое. И в этом смысле китайское кино ничем не отличается от киноиндустрии ведущих кинематографических держав.

К огромному сожалению, в сознании многих людей китайский кинематограф часто ассоциируется с бездумными боевиками, посвященными восточным единоборствам и низкопробной буддийской мистике. Действительно, одной из наиболее распространенных тем для сюжета китайского кино является тема боевых искусств. Талантливо снятые боевые сцены и спецэффекты проложили китайскому кино путь в мировое кино. В то же время следует отметить, что драматические сюжеты для фильмов часто имеют свое начало в традиционном театральном искусстве Китая. Современное китайское кино иллюстрирует легенды и предания, показывает самобытность культуры Китая, любит красоту природы.

Однако у многих европейцев сформировалось специфическое отношение к китайскому кино, отражающее стереотипы общественного мнения. Широкие массы кинозрителей часто судят о нем по наиболее известным фильмам Джеки Чана, Джета Ли, Дэни Йена. Более сведущие в современном кинематографе слышали о Чжан Имоу, Вонг Карвае, Цян Минляне. Однако подобные взгляды и оценка китайского кино не отражают реальную ситуацию, сложившуюся в китайской киноиндустрии. Китайское кино давно и прочно занимает заметные позиции в мировом кинематографе, о чем свидетельствуют многочисленные награды на больших и малых международных кинофестивалях. Оно популярно не только у себя на родине, но и в Европе, Америке. Больше сотни китайских режиссеров, актеров и киноактрис успели поработать в Голливуде и вернуться, набравшись опыта, в Китай. Американские звезды охотно снимаются в картинах китайских режиссеров.

Китайское кино достигло определенных успехов в мировом кинобизнесе во многом благодаря политике сотрудничества с Голливудом (один из последних крупных совместных проектов – недавно вышедшая в прокат картина «Петля времени» режиссера Райана Джонсона). Однако в этой ситуации важно сохранить национальное своеобразие китайской киноиндустрии, иначе национальный кинематограф страны может быть полностью «захвачен» Голливудом.

Отчитываясь в канун праздника Весны (китайского Нового года по лунному календарю), глава кинематографического департамента Государственного комитета по делам телевидения, радиовещания и кинематографа Тун Ган обнаружил весьма внушительные цифры, имеющие отношение к делам китайских кинематографистов. Кассовые сборы от показа кинофильмов в Китае в 2011 г. составили 13,12 млрд юаней, или 2,07 млрд долларов США. Таким образом, показатель 2010 г. превышен на 29 %. В 2011 г. в Китае выпущен 791 отечественный фильм, а кассовые сборы от проката достигли 7,03 млрд юаней, что составило около 53,6 % от общих кассовых сборов страны в 2011 г. Остальные доходы получены от проката иностранных фильмов.

В 2011 г. в стране открылось 803 новых кинотеатра, 90 % из которых были оборудованы цифровыми проекторами. Проводилась также работа над увеличением количества кинопоказов в деревнях. В течение прошлого года для жителей деревень было организовано более 8 миллионов киносеансов.

В то же время нельзя не заметить, что порой достаточно успешные в плане коммерции китайские фильмы не всегда оказывались качественными. Часто они эксплуатировали старые кинематографические шаблоны и рецепты: древние китайские легенды, громкие имена артистов, элементы кунфу, китайского фэнтези и массовые батальные сцены. Это обстоятельство позволило критикам заговорить о том, что в китайском кинематографе наблюдается кризис киноисторий, нехватка качественных и оригинальных сценариев. Существует еще одна проблема, с которой сталкиваются производители фильмов во всем мире – большинство киноманов часто даже не слышали о новинках в кино из-за отсутствия хорошей рекламы.

Однако стремительный взлет китайского кино, начавшийся в 80-х гг. XX в., представляет собой феномен в какой-то мере уникальный. Он свидетельствует о том, что киноискусство может обрести новое дыхание, восстановить нарушенные связи с традицией, вернуть себе достойную роль в духовной жизни общества. Новый этап в киноискусстве Китая начался с выхода на экраны фильма «Желтая земля» (1984 г.), в создании которого принимали участие такие талантливые мастера кино, как режиссер Чэнь Кайгэ и кинооператор Чжан Имоу.

В качестве режиссера Чжан Имоу дебютировал в 1987 г., сняв фильм «Красный гаолян», который завоевал главный приз Берлинского фестиваля в 1988 г. Главную роль в этом фильме сыграла Гун Ли, ставшая впоследствии исполнительницей ведущих ролей во многих его картинах. В 1990 г. Чжан Имоу делает блестящий фильм «Цзюйдоу», который стал первым китайским фильмом, номинированным на Оскар. А год спустя режиссер снимает «Красный фонарь», за который получает «Серебряного льва» на Венецианском фестивале. Затем следует фильм «Цюцзю идет в суд» который завоевал уже «Золотого льва» в Венеции. В этой картине представлена поразительная история простой крестьянки, которая решает заступиться за своего мужа, избитого председателем, и отправляется в город искать справедливость.

В середине 90-х гг. XX в. выходят такие известные картины Чжана Имоу, как «Ни одним меньше» и «Дорога домой». В первом фильме – трогательная история 13-летней девочки, которая вынуждена подменить учителя в сельской школе. Кроме Чжан Чжэи, сыгравшей главную роль, в картине заняты непрофессиональные актеры, что придало фильму особую правдивость и притягательность. Фильм «Дорога домой» снят ручной камерой. Это лирическая история о том, как бизнесмен Юшэн приезжает в родную деревню в Северном Китае на похороны своего отца, сельского учителя. В день похорон на кладбище собирается сотня учеников покойного учителя, и тут Юшэн вспоминает о самом заветном желании отца – тот хотел, чтобы сын учил детей в сельской школе. Перед своим возвращением в город Юшэн решает попробовать себя в роли школьного учителя.

Режиссерские работы Чжан Имоу отличает неподдельная любовь к своему народу и своим героям. Он предлагает зрителям проникнуть в самый сложный мир, в котором существуют его герои. Это мир не надуманный или примитивно-поверхностный. Напротив, его персонажи живут настоящей жизнью, испытывают настоящие чувства, сталкиваются с настоящими проблемами.

Сегодня Чжан Имоу – китайский режиссер номер один. А в годы «культурной революции» он был исключен из школы и отправлен на принудительные работы в сельхозкоммуны. Позже Чжан Имоу работал на прядильной фабрике, где одновременно был художником-оформителем и фотографом. В 1978 г. он успешно выдержал вступительные экзамены в Пекинскую киноакадемию и, хотя из-за возраста получил отказ в приеме на учебу, после обращения в Министерство культуры его все же зачислили. О популярности этого режиссера, а также продюсера, сценариста, оператора, актера свидетельствуют симпатии критиков, цифры мирового проката, многочисленные призы на главных европейских кинофестивалях. Возможно, подобный успех объясняется тем, что Чжан Имоу проецирует все истории, рассказанные им в своих фильмах, на китайский фон, китайское общество, китайскую историю, китайское представление о законах, нравственности, порядке. Если учитывать, что почти все его фильмы основаны на солидных, романного типа литературных произведениях, то его кинематограф без преувеличения можно назвать ожившим письмом, иллюстрированным рассказом Китая о самом себе. О таланте и популярности этого режиссера говорит тот факт, что в период подготовки к Олимпиаде в Пекине, Чжан Имоу являлся главным постановщиком церемоний открытия и закрытия Игр.

Часто любители китайского кино проводят довольно четкое различие между китайскими фильмами, сделанными в Гонконге, Сингапуре, на Тайване и в так называемом континентальном Китае. При всей условности этого разделения несомненная доля истины в нем есть. Например, в Гонконге фильмы снимают в расчете на определенную аудиторию, поэтому здесь можно увидеть как неприятные по содержанию фильмы-«экшн», которые успешно конкурируют с голливудскими блокбастерами, так и подлинно элитарное кино. Некоторые гонконгские кинорежиссеры приглашены в Голливуд и стали там звездами мирового уровня, например, Джон Ву. Получив приглашение в Голливуд, он снимает там такие известные картины, как «Трудная мишень» (1993), «Сломанная стрела» (1995), «Без лица» (1997), «Миссия невыполнима-2» (2000), «Говорящие с ветром» (2002), «Битва у Красных утесов» (2009).

Особый интерес представляет творчество выросшего в Гонконге Вонг Карвая. Вонг Карвай, считающийся одним из самых модных азиатских режиссеров, родился в Шанхае в 1958 г. В возрасте 5 лет он вместе с родителями переехал в Гонконг, где в 1980 г. окончил Политехнический университет с дипломом графика-дизайнера. Во время учебы в университете Карвай увлекся фотографией, а затем начал работать на телевидении. В 1982 г. он ушел с телевидения и за последующие пять лет написал множество сценариев, среди которых были и боевики, и комедии.

Режиссерским дебютом Кар-Вая стал фильм «Пока капаят слезы» (1988), сделанный под явным влиянием творчества Мартина Скорсезе, но все же отмеченный индивидуальным режиссерским почерком. В 1994 г. он снимает «Прах времени», а после – «Чунцинский экспресс». Последний фильм – невероятно динамичный и во многом новаторский – был признан в Гонконге лучшим фильмом года и получил ряд призов на международных фестивалях.

Вершинами его творчества последних лет стали картины «Счастливы вместе» (приз Каннского фестиваля за режиссуру в 1997 г.) и «Любовное настроение» (приз Каннского кинофестиваля за лучшую мужскую роль в 2000 г.). Драма «Любовное настроение» стала венцом творчества режиссера. Этот фильм посвящен одной из самых целомудренных историй любви. Фильму свойствен завораживающий ритм, тщательно воссозданные детали, виртуозная игра актеров – Мэгги Чун и Тони Люна. Это фильм о любви, об ускользающем времени, о памяти, о вечном и преходящем.

Один из его самых интересных фильмов – фантастическая мелодрама «2046» (2004), в которой герой пишет книгу о том, каким станет Гонконг через 50 лет после его передачи под юрисдикцию Китая. А в 2007 г. Вонг Карвай снял фильм «Мои черничные ночи», в котором приняли участие американские актеры. Этот режиссер обладает ярко выраженным индивидуальным стилем, что не позволяет ему затеряться среди иных представителей киноиндустрии Гонконга.

В 2006 г. режиссер был председателем жюри Каннского кинофестиваля, а в 2013 г. он возглавит жюри 63-го кинофестиваля в Берлине.

Кроме Чжан Имоу и Вонг Карвая, мировую известность приобрели такие китайские режиссеры, как Чэнь Кайгэ, Хоу Сяосянь, Фэн Сяоган и многие другие. Всему миру известны такие китайские *актеры и актрисы*, как Брюс Ли, Джеки Чан, Джет Ли, Чжан Цзыи, Гун Ли, Бай Лиин. Их персонажи завоевали сердца любителей кино.

Но сегодня в китайском кино появилась новая плеяда режиссеров, родившихся в 60–70-х гг., которых принято относить к «шестому поколению» китайских режиссеров – Ван Сяошуай, Чжан Юань, Лоу Е, Цзя Чжанкэ и другие. Фильмы этих режиссеров ориентированы на рядового и массового зрителя, отличаются использованием отдельных приемов документалистики, интересом к повседневным проблемам обычного человека.

Молодой режиссер Ван Сяошуай участвует во многих международных кинофестивалях. Его картина «Пекинский велосипед» (2001) завоевала на 51-м Берлинале не только Гран-при и «Серебряного медведя», но и оба актерских приза (актеры Суи Лин и Ли Бин). Картина китайского режиссера оказалась открытием Берлинале и лучшим фильмом конкурса.

Творчество Ван Сяошуая характеризуется не только вниманием к эстетической стороне фильмов, но и анализом социального контекста. В 2005 г. Ван Сяошуай стал фаворитом 58-го фестиваля в Каннах, где получил премию жюри за фильм «Шанхайские мечты». В 2008 г. он представил на конкурс кинофестиваля в Берлине семейную драму «Вера в любовь» (2007). Этот фильм завоевал сразу два приза – он стал лауреатом премии «Серебряный Медведь» за лучший

сценарий и получил приз экуменистического жюри. В основе этого фильма сюжет о больной девочке, излечить которую можно, только если родители заведут еще одного ребенка. Но родители давно развелись, у каждого новая семья, и им предстоит трудный моральный выбор. Ситуация усложняется запретом на второго ребенка: в перенаселенном Китае пытаются законодательно ограничить рождаемость. Кредо этого режиссера – рассказывать только о том, что он знает и видит вокруг. Для режиссера важно то, что происходит в душах его героев, какой выбор они сделают, оказавшись в пограничной ситуации.

Творчество Вана Сяошуая отмечено не только специалистами в области кино, но и ведущими мировыми политиками. Так, 24 февраля 2010 г. в посольстве Франции в КНР режиссер Ван Сяошуай был удостоен высокой французской награды: он стал кавалером Ордена искусств и литературы. Орден Ван Сяошуаю вручил посол Франции в Китае Эрве Ладсу. Вслед за Чжан Имоу, Цзян Вэнем, Цзя Чжанкэ, Ван Сяошуай стал следующим режиссером континентальной части Китая, который получил этот орден.

Одним из признанных лидеров «шестого поколения» китайских режиссеров считается Чжан Юань, творческая судьба которого складывается непросто. В конце 80-х, после окончания Пекинской киноакадемии, Чжан Юань отказался от распределения на одну из государственных студий. Он предпочел полностью самостоятельный путь профессионального становления. С начала 90-х гг. Чжан Юань начинает снимать фильмы о матерях-одиночках, а также о маргинальных слоях китайского общества – панках, геях, алкоголиках. Его фильмы участвуют в престижных европейских кинофестивалях, и к режиссеру приходит успех – такой, неглянцевый, Китай западной аудитории видеть еще не доводилось. Похоже, Чжан Юань смог отыскать формулу разумного компромисса с официальной линией развития кино. Возможно, «страховочным тросом» оказывались иностранные деньги, вложенные в его проекты. Например, фильм «Маленькие красные цветы» (2006), хоть и снимался на базе государственной студии, финансировался как китайскими, так и иностранными продюсерами. Сюжет фильма прост, но затрагивает очень серьезные проблемы, свойственные как западному обществу, так и восточному. Время, отраженное в фильме, – период культурной революции. Четырехлетнего Цянцяна отдают вобразцовый детский сад, в котором малышей обучают полезным навыкам – одеваться самостоятельно, умываться и т. д. Запримерное поведение малыши получают поощрение – красный бумажный бутон. Цянцяну не достается награда, так как он не умеет самостоятельно одеваться, нарушает распорядок дня. Режиссер дает понять, что процесс воспитания в некотором смысле нивелирует личность. Цянцян бунтует против уравниловки и строгой дисциплины и убеждает товарищей по группе, что строгая воспитательница на самом деле – оборотень, сказочный монстр...

Неоднозначные отзывы вызывает творчество молодого китайского режиссера, сценариста и продюсера Лоу Е. Уже третий фильм этого режиссера – «Тайны реки Сучжоу» (2000), посвященный проблеме уникальности личности, принес ему мировую известность. Этот фильм режиссера был отмечен такими наградами, как Гран-при Парижского кинофестиваля, приз Международного кинофестиваля в Роттердаме и наградой ФИПРЕССИ. Фильмы Лоу Е вызывают

множество споров и с трудом пробивают себе дорогу в Китае, поскольку точка зрения режиссера не всегда соответствует взглядам официальных властей. Так, из-за выхода на экраны драмы «Летний дворец» (2006), рассказывающей о страстной любви двух студентов на фоне политических событий прошлого, Лоу Е запретили снимать фильмы в течение пяти лет.

Однако работы Лоу Е регулярно участвуют в конкурсе Каннского кинофестиваля: «Весенняя лихорадка», «Летний дворец», «Пурпурная бабочка» были номинированы на «Золотую пальмовую ветвь». В итоге его фильм «Весенняя лихорадка» (2009), посвященный теме гомосексуальных отношений, стал лауреатом кинофестиваля в Каннах, завоевав там «Золотую пальмовую ветвь» за лучший сценарий. Этот фильм был также показан на Московском кинофестивале. В своих фильмах Лоу Е исследует вопросы сексуальности и одержимости, поэтому все они вызывают бурное обсуждение внутри китайского общества и не менее бурный восторг у западных критиков.

Величие китайской культуры, насчитывающей тысячелетия, объясняется уважением к своему прошлому, своей истории, сохранением традиций. Поэтому увлечение отдельных режиссеров проблемами развития современного общества уравнивается поиском другими режиссерами фундаментальных оснований китайской культуры в историческом прошлом. Истории жизни древнекитайского философа Конфуция посвящен одноименный фильм «Конфуций» (2010) режиссера Ху Мэй. Фильм представляет собой исторический эпос. Выпуск фильма был запланирован на конец 2009 г., чтобы приурочить его к празднованию 60-й годовщины со дня образования Китайской Народной Республики, а также к 2 560-му дню рождения самого Конфуция.

Современное китайское кино – это и китайский вестерн «Пусть летят пули!» (2010), автором которого стал режиссер Цзян Вэнь, а также такие трагические фильмы, как «Землетрясение» (2010) – режиссер Фэн Сяоган и «Город жизни и смерти» (2009) – режиссер Ли Чуань. Фильм Ли Чуаня посвящен страшным событиям второй японо-китайской войны, на фоне которых разворачивается человеческая драма. Картина посвящена «Нанкинской резне» – массовому уничтожению жителей города Нанкин после его захвата японской императорской армией в 1937 г. Черно-белая лента представила реалии того времени с точки зрения китайского солдата, гражданских лиц и офицера японских оккупационных войск.

Этот фильм получил Гран-при в Сан-Себастьяне. Этому фильму сопутствовал также коммерческий успех – только за премьерные выходные дни проката фильм заработал 10 млн долларов. Успех примечателен тем, что на создание фильма было потрачено 11 млн долларов, и в нем нет ни одной звезды китайского экрана.

Постоянно расширяющийся рынок кинематографии в Китае привлекает внимание к этой деятельности многие негосударственные компании, занимающиеся инвестиционной деятельностью в этой области. В целом в Китае сформировалась новая модель развития киноиндустрии, которая предоставила большие возможности как отечественным государственным компаниям, так и негосударственным. Национальная кинокорпорация Китая ежегодно тратит

200 млн юаней и снимает больше 30 фильмов. Кинокорпорация «Чанчунь» разрабатывает новые туристические маршруты по местам, связанным с отечественным кинематографом. Шанхайская кинокорпорация работает по принципу расширения рынка сбыта с наименьшей прибылью, чтобы привлечь больше зрителей для просмотра фильмов в кинотеатрах.

В последнее время многие китайские актеры стали чрезвычайно востребованы в Голливуде: это не только уже известные актеры Гун Лин, Джет Ли, Джеки Чан, но и молодые – Чжоу Сюнь, Сюй Цин, Юй Нань, Лю Бинбин, Ян Ми и другие. Как видно, китайские актрисы более востребованы в Голливуде, но и актеры-мужчины приобретают популярность – Ван Сюэци, Энди Лоу.

В зарубежных кинематографических кругах Китай, китайская культура вновь входят в моду и благодаря этому становятся популярными. Следует учитывать, что выросло новое поколение кинозрителей, для которых китайское кино становится понятным и приятным. В то же время некоторые голливудские актеры стали изучать китайский язык. В одной из американских газет появилось сообщение о том, что в настоящее время наблюдается тенденция выпуска совместных китайско-американских фильмов, и голливудские киноактеры изучают китайский язык. В качестве примера называют обладателя Оскара Фореста Вайтэкера, который две недели занимался изучением китайского языка, чтобы сняться в фильме, сюжет которого связан с Азией.

Западные режиссеры охотно приглашают китайских актеров в свои фильмы, а также используют китайскую тему в своих фильмах, поскольку китайский кинорынок впечатляет своими масштабами. Не последнюю роль в совместном участии американских и китайских актеров играет также талант артистов из Поднебесной, их высокий профессионализм и ответственное отношение к работе. Эти процессы часто называют взаимным культурно-коммерческим обогащением, ведь благодаря американо-китайскому сотрудничеству китайские ценности, китайская культура, китайский язык становятся все более популярными в западном мире.

Следует отметить, что китайское кино приобретает популярность и в Беларуси. С 26 сентября по 3 октября 2012 г. в Минске проходили дни китайского кино. В день открытия кинонедели Китая – 26 сентября была показана эпическая драма «Моя монгольская мать» (2010) – режиссер Нин Цай. В ходе программы были показаны еще пять кинокартин: «КОРА» (2011) – режиссер Ду Цзяи, мелодрама «Если ты единственная-2» (2010) – режиссер Фэн Сяоган, историко-биографическая драма «Конфуций» (2010) – режиссер Ху Мэй, а также боевик «Шаолинь» (2011) – режиссер Бенни Чан и историческая драма «Жертвоприношение» (2010) известного китайского режиссера Чэня Кайгэ.

Таким образом, в современном китайском кино сосуществуют разные тенденции – процесс коммерциализации, с одной стороны, и развитие артхаусного кино, с другой; разные жанры – боевики, мелодрамы, исторические драмы, комедии; ориентация на западные стандарты кинематографа и сохранение особенностей национальной культуры. Китайское кино – сложный и неоднозначный феномен. Несомненно одно – у китайского кинематографа – отличные перспективы развития в сфере мировой киноиндустрии.

Е. Ф. ШУНЕЙКО

*профессор кафедры истории и теории искусств Белорусской государственной академии искусств, кандидат искусствоведения, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)*

У ИСТОКОВ КИТАЙСКОГО МОДЕРНИЗМА. ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКА-НОВАТОРА ЛИНЬ ФЭНМЯНЯ

Современная китайская масляная живопись получила широкое признание в мире и также очень последовательно популяризируется у себя на родине в крупнейших художественных центрах страны. Помимо уже существующих столичных и провинциальных музеев и коллекций открываются новые престижные экспозиции прославленной отечественной живописи. Например, грандиозный по своим размерам китайский павильон ЭКСПО-2010 в Шанхае по решению государственных органов становится Китайским дворцом искусств, в котором наряду с произведениями великого и признанного новатора национального искусства Сюй Бэйхуна (1895–1953) будут выставлены и живописные шедевры его младшего современника-новатора Линь Фэнмяня [3]. Его творчество было незаслуженно дискредитировано (некоторые из его работ были даже уничтожены) в период культурной революции и только в 2000-х гг. вновь начинает приобретать небывалое признание. Достаточно сказать, что на международном аукционе в Сянгане в 2007 г. его живописная композиция «Богатый улов» была продана за 2 млн долл. [4]. Как часто случается с наследием великих художников при жизни не всегда оцененных и даже отверженных, оно должно пережить определенный период забвения. А затем наступает прозрение и уже навсегда такое необычайное творчество становится близким, и проникновенным, вызывает искренний восторг у миллионов почитателей, находит своих щедрых меценатов. Ярким и убеждающим во всем мире стало в XX в. искусство Винсента Ван Гога (1853–1890 гг.). Но до конца своей жизни художник, опережающий свое время, страдал от непонимания и критиканского высмеивания.

Несколько иначе, но также очень драматично сложилась судьба и так называемого «китайского Ван Гога» – живописца Линь Фэнмяня. Первые сведения о его творчестве были кратко сформулированы в кандидатской диссертации «Изобразительное искусство Китая конца XIX–XX вв.: национальное культурное наследие и влияние европейских традиций», которую защитил китайский искусствовед Джан Далей на заседании научного совета Белорусского государственного университета культуры и искусства в 2008 г. Благодаря монографической публикации его исследования [1] начинает быстро возрастать интерес к творческому наследию Линь Фэнмяня в белорусских научных и творческих кругах.

За краткими строками биографических сведений скрывается большой и напряженный творческий путь великого творца, сумевшего начать полноценный художественный диалог искусства Востока и Запада, который сейчас по праву воспринимается как величайший эволюционный путь мировой культуры нашего столетия. Но даже первое и не претендующее на завершенность

осмысление творческих этапов художественной деятельности китайского новатора открывает новые дальневосточные горизонты для дальнейших поисков и открытий в белорусском искусствоведении.

Линь Фэнмянь родился 22 ноября 1900 г. в поселке Майсянь (провинция Гуандун) в семье резчика по камню. Увлеченность рисованием, несомненно, была привита сыну отцом, который помимо своего основного ремесла также занимался рисованием традиционных праздничных картинок. В 19 лет юноша уже не просто решил стать художником, но стремился получить необходимое профессиональное образование в Европе. Благодаря материальной поддержке его семьи, молодому художнику удалось в 1921 г. начать учебу во Франции в Дижонском художественном училище, а затем продолжить ее в Парижском высшем училище изящных искусств. Оказавшись в одном из самых прогрессивных центров мировой культуры, молодой китайский художник не только освоил основы реалистического европейского искусства, но увлеченно открывал для себя самые свежие достижения западного модернизма, которые в начале 1920-х гг. уже были достаточно популярными и признанными. Это – символизм, фовизм, кубизм, экспрессионизм и др. В 1925 г. вместе с женой-француженкой он возвращается на родину и активно включается в творческую, педагогическую и искусствоведческую деятельность.

Линь Фэнмянь вскоре стал уважаемым преподавателем Пекинского художественного училища, а затем и Ханчжоуского художественного училища. Его по праву считают основателем Китайской государственной академии искусств, в которой он внедрял прогрессивную программу подготовки творческих специалистов на принципах равноправного синтеза национальных и западных художественных начал. Как художник он давал своим ученикам живой пример многочисленными живописными новациями, которые приводили в панику консервативных почитателей старины, но вдохновляли искателей новых художественных истин. По крайней мере его ученики Ли Кэжань, У Гуаньчжун, Чжао Уцзы, Чжу Дэцюнь, которые последовали смелым советам своего педагога, в дальнейшем стали известными и уважаемыми китайскими художниками.

В 20–30-х гг. XX в., невзирая на сложную политическую ситуацию, художник много писал о проблемах современного искусства, печатал также переводные искусствоведческие статьи о европейском новаторском творчестве. Убеждает его горячая уверенность в том, что новаторское искусство может быть большим духовным стимулом в преодолении сложных социальных проблем. И тяжело приходится тому обществу, которое в сложный период своего развития пренебрегает вдохновляющим воздействием искусства [2, с. 183]. После создания КНР художник возлагал большие надежды на поддержку руководством молодой республики его современного творческого стиля. Но последовала официальная тенденциозная критика в «вестернизации», в несоответствии творческих устремлений «прозападного» живописца-«формалиста» магистральным идейным установкам, предписанным для обязательного следования подавляющего большинства мастеров изобразительного искусства. В начале 60-х гг. Линь Фэнмянь вместе с семьей эмигрировал в Бразилию, а его искусство на родине было предано забвению. На этом жизненном переломе его твор-

чество, к сожалению, могло угаснуть в совершенно иной культурной среде, в изоляции от больших центров модернизма. И он решился на смелый, даже отчаянный поступок. Оставив жену и детей в Латинской Америке, зрелый художник переезжает в Гонконг, который стал для него последним китайским пристанищем.

Признала ли по-настоящему прозападная культурная среда этого уникального восточного мегаполиса своего гения-земляка? Трудно сказать однозначно. Но там он продолжал интенсивно работать на протяжении более чем двадцати лет, во многом интерпретируя свои достижения предшествующих периодов. Как известно, китайские художники предпочитают создавать серийные произведения на волнующие их темы, посвящая этому многие годы творчества и постоянно совершенствуя мастерство и виртуозность изображаемого. Это относится и к живописным циклам и сериям Линь Фэнмяня как раннего, так зрелого и позднего периодов. В 70-х гг. художника уже не могли не заметить на различных выставках, и коллекционеры Гонконга и Тайваня начали охотно приобретать его впечатляющие живописные творения. Однако, не сразу в КНР, где уже началась культурная либерализация 80-х, о нем своевременно вспомнили и предложили с почестями вернуться на большую родину. 12 августа 1991 г. художник почил навеки в Гонконге в очень зрелом возрасте, оставив после себя величайшее творческое наследие, которое по праву принадлежит не только дорогому его сердцу Китаю, но и всему миру. Рост международного признания Линь Фэнмяня, которое начинается в начале XXI в. безусловное этому подтверждение.

Необходимо обратиться к основным сериям художника и попробовать дать им общую характеристику, опираясь на метод сравнительного анализа, очень распространенного и апробированного в белорусском искусствоведении. Надо сказать, что этот замечательный художник создал, благодаря своему приобщению к глобальному творческому синтезу свой ярко выраженный индивидуальный живописный стиль, что является для многих недостижимой вершиной истинного искусства. Этот стиль невозможно повторить, но можно много воспринять от его прекрасных образцов. У художника был необычайно мощный живописный темперамент. Чтобы достигнуть эмоциональной гармонии при созерцании его творений, он избирает для них самый спокойный квадратный формат, что также стало необычным новшеством для дальневосточных зрителей. Художнику также удалось добиться неповторимого богатства колористических отношений в своих натюрмортах, пейзажах, сюжетных сценах, которые в китайской традиционной живописи столетиями были классически монохромными или слегка подкрашенными. Линь Фэнмянь очень хорошо знал творчество величайших французских мастеров модернизма Анри Матисса, Пабло Пикассо, Марка Шагала, но никогда не «копировал» их художественных открытий. Скорее «переводил» их творческие идеи, ему близкие и понятные, на свой индивидуальный художественный язык. Так появилась его серия прозрачных и светлых как утренняя заря изысканных купальщиц, характерных как символ модернистической свободы. Затем последовала блистательная серия «Китайских красавиц» в шелковых халатах, что стало безусловной вершиной его лирического видения национального идеала красоты. Более гротесково-экспрессивными воспринима-

ются танцы героев его серии «Актеры Пекинской оперы». Но внимательно приглядеться – это дружеские торжественные объятия фантастических персонажей, символизирующих творческое соединение восточной и западной цивилизаций. Очень простые и незамысловатые натурные формы использует он в своих натюрмортах, но максимально обогащает их контрастными лучами, насыщенными как у Ван Гога энергией живописно-солнечного цвета. Всю свою горячую любовь к трудовому народу он воплотил в сериях «Рыбаков», «Ткачих», «Крестьян», которые своим монументально-обобщенным видом впечатляют значительно правдивее и глубже, нежели пафосные и надуманные идеологические штампы на тему трудовых подвигов в китайской живописи, некогда широко процветающих. В пейзажах художник, глубоко осознающий величие национальных традиций жанра «шаньшуй», достиг исключительного лаконизма, но обогатил его разнообразными драматическими и лирическими мотивами водных потоков, цветущих садов, тихих природных уголков. Особенно трепетными в пейзажах у него получались птицы, стремительно летящие или, нахохлившись, сидящие на ветках под дождем, грустно и многозначительно взирающие на зрителя. В 80-х гг. XX в. он создает свой известный «Автопортрет», в котором с мудрой улыбкой измеряет зрителя всепонимающим взглядом. Можно понять его без слов: несмотря на все привратности судьбы, художник остался верным своим творческим целям и верил, что его по-настоящему оценят новые поколения свободомыслящих людей Востока и Запада.

В настоящее время можно без сомнений утверждать, что изобразительное искусство Китая XX в. подарило миру трех гениев: непревзойденного Мастера «го хуа» Ци Байши и двух величайших Первопроходцев глобального диалога культур Сюй Бэйхуна и Линь Фэнмяня. Благодаря широкому признанию последнего из них в начале XXI в. как никогда раньше может проявиться весь диапазон творческих новаций, которые в китайском искусстве во многом обязаны наследию этих трех исключительных личностей. В связи с нерасторжимыми дружественными отношениями китайского, белорусского, российского общества современным исследователям и художникам наших добрососедских стран предоставляется счастливая возможность расширять и углублять свои познания достижений искусства, заключающих в себе живые образные идеи взаимопонимания и современного прогрессивного развития разных культур Евразии и других континентов.

Литература

1. *Джан, Далей*. Изобразительное искусство Китая конца XIX–XX столетий: национальное культурное наследие и влияние европейских традиций / Джан Далей. – Минск, 2007.
2. *Ли, Дэцзя*. Искусство и идеология. Духовность идеологии китайской живописи / Ли Дэцзя // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2012. – № 133. – С. 175–183
3. *Chinaua* [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: www.chinaya.ru.

4. ART investment. RU – Investing in art [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: www.artinvestment.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	1
<i>АНТИПОВА Е. А.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ КАК ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН (НА ПРИМЕРЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ).....	4
<i>ДАВЫДЕНКО Е. Л.</i> ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ КИТАЯ В ВТО.....	9
<i>КИРВЕЛЬ О. Ч.</i> ПОЛИТИКА ОБМЕННОГО КУРСА КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ.....	16
<i>НЕСТЕРОВА А. А.</i> РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РЫНКОВ ТРУДА В КИТАЕ	20
<i>ПОПЛЫКО В. И.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРКА).....	27
<i>СОРВИРОВ Б. В.</i> МАРШ НА ВЕРШИНУ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ДОГОНЯЮЩЕМ РАЗВИТИИ КИТАЯ.....	32
<i>ШАМШУР А. В.</i> РОЛЬ КИТАЯ В ИЗМЕНЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ИННОВАЦИОННОЙ КАРТИНЫ МИРА	40
<i>ЮРОВА Н. В.</i> УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В КИТАЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	43
<i>ФЕДОРЦОВА Т. А.</i> РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РОЛЬ КИТАЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	50
КИТАЙ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	54
<i>ВЕРГЕЙЧИК С. В.</i> ЭВОЛЮЦИЯ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	55
<i>ОДЕРИХА В. В.</i> БЛИЖНИЙ ВОСТОК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	60
<i>ШАРАПО А. В.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ КОНФУЦИАНСТВА	63
<i>ШЕВЦОВА А. Л.</i> БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	67

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КИТАЕВЕДЕНИЯ	75
<i>БЕЛЯЕВА Е. В.</i> АВТОХТОННЫЙ ПОСТМОДЕРН В НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НЕЗАПАДНЫХ СТРАН.....	76
<i>ВОРОБЬЕВА С. В.</i> РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИМЕНОВАНИЯ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЛОГИКЕ	82
<i>ИГНАТЕНКО О. И.</i> ФИЛОСОФИЯ ДЗЕН-БУДДИЗМА В КИТАЕ	900
<i>ИСАЧЕНКОВА М. А.</i> КИТАЙСКИЙ КОСМОГЕНЕЗ: СТРУКТУРА ХАОСА	95
<i>МАЦЕВИЧ М. Я., ВАЛЕЙТЕНКО В. В.</i> ТИПОЛОГИЯ «НИЧЕГО» В ФИЛОСОФИИ ХАЙДЕГГЕРА, ДАОСИЗМА И БУДДИЗМА	102
<i>ПОПОВ В. Ю.</i> КОНЦЕПТ «ДАО» В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ.....	110
<i>РУМЯНЦЕВА Т. Г.</i> ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ В КОМПАРАТИВИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	118
КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	124
<i>ВАН ЦИНФЭН</i> СПЕЦИФИКА КОМБИНАТОРИКИ СЧЕТНЫХ ЗНАКОВ ДЛЯ КИТАЙСКИХ ИНТЕНСИВНЫХ ЁГЕНОВ	125
<i>ВАН ЧЖЭ</i> НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА ПО ВИДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	129
<i>ГОБОВА Е. В.</i> ПАУЗАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В КИТАЙСКИХ СМИ	133
<i>КАРАСЕВА К. В.</i> СВЕРНУТЫЕ КИТАЙСКИЕ ЛОГОГРАММЫ	136
<i>КОВАЛЬ Д. Ю.</i> СООТНОШЕНИЕ СЕМАНТИКИ ИДЕОГРАММ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИХ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ	144
<i>МОЛОТКОВА Ю. В.</i> СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПИСЬМА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	151
<i>ПЫЖ А. С.</i> СЕМАНТИКА ОСНОВНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	159
<i>РАТНИКОВА И. Э., ВАН ЮЙХУН</i> ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В КОМПАРАТИВНОМ АСПЕКТЕ	170
<i>САРУХАНОВА Ю. И.</i> МЕТАСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ КИТАЙСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЗНАКОВ	178

<i>СКВОРЦОВА Н. Н.</i> К ПРОБЛЕМЕ СОГЛАСОВАНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК КУЛЬТУРНО- ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО СТИЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ С ТРЕБОВАНИЯМИ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫМИ К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	184
<i>ФИЛИМОНОВА М. С.</i> ОБУЧЕНИЕ ЧТЕНИЮ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ.....	188
<i>ФОМИЧЕВА Т. А.</i> ПРИМЕРЫ НЕВЕРНОЙ ПЕРЕДАЧИ ХРИСТИАНСКИХ ПОНЯТИЙ В ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК	190
<i>翟洪云</i> 汉语亲属称谓语的泛化及对外汉语教学.....	193
<i>ШЕКЕРА Я. В.</i> БУДДИЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ОУЯН СЮ (1007–1072): ГЕРМЕНЕВТИКА ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ТЕКСТА	198
СТРАНОВЕДЕНИЕ КИТАЯ – ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ И ПОНИМАНИЮ	208
<i>АРТЕМЬЕВ С. Ю., ХУН СЯОНАНЬ</i> ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА КНР: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ.....	209
<i>БАРАНОВА А. С.</i> РОЛЬ КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ.....	219
<i>БРИГАДИНА О. В.</i> СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ.....	229
<i>ВАЛЬКОВСКИЙ М. А.</i> СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В БЕЛОРУССКОМ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	235
<i>ЗАЛЕССКИЙ Б. Л.</i> НОВЫЕ СТУПЕНИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА И МЕДИА	243
<i>ЕРМОЛИЧ С. Я.</i> НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛАХ КИТАЯ.....	253
<i>КРИШТАПОВИЧ Л. Е.</i> НЕ КОПИРОВАТЬ ЗАПАДНУЮ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ	262
<i>ЛИТВИНОВСКИЙ И. А.</i> НАЧАЛО СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ О НОРМАЛИЗАЦИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (1920–1923 гг.).....	269
<i>НОВИКОВ Л. И.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ РЕФОРМ ШАН ЯНА В ДРЕВНЕМ КИТАЕ.....	275
<i>ПАНЧИШНЫХ А. Д., ЛЮ ЛИНЬЛИНЬ, ФЭЙ ЯНЬИН</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КОНОСАМЕНТА И СКЛАДСКОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА.....	285
<i>УГЛЯНИЦА И. И., ЛЕГЧИЛИН А. А.</i> КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ОЦЕНКЕ УРОЖЕНЦА БЕЛАРУСИ О. М. КОВАЛЕВСКОГО	295

КУЛЬТУРА КИТАЯ.....	300
<i>АРТЕМОВА Е. В.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСКУССТВЕ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ И КИТАЙСКИМ КУЛЬТУРНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА.....	301
<i>БАЖЕНОВ Ю. В.</i> АКТРИСЫ КИТАЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА – ОТ НЕМОГО КИНО ДО XXI ВЕКА.....	306
<i>БОХАН Е. С.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА, ПРОВОДИМЫЕ МАГИСТРАНТАМИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСКУССТВ – ГРАЖДАНАМИ КНР.....	311
<i>ГУТЬКО О. Л.</i> ПРАЗДНИКИ В ТИБЕТЕ.....	314
<i>ДОМАСЕВИЧ О. А.</i> СОВРЕМЕННОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КИТАЯ.....	315
<i>КАЗАКОВА И. В.</i> БЕЛОРУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ СВАДЬБЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	319
<i>ЛИНЬ ЦЗЮНЬ, КАЛИЦКАЯ М. Н.</i> К ЭЛЕМЕНТАМ СТАБИЛЬНОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ В КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	329
<i>ХОЗЯЕВА Н. П.</i> ЗНАКОМСТВО С КУЛЬТУРНЫМИ ТРАДИЦИЯМИ КИТАЯ: ПУТЕШЕСТВИЕ НА РОДИНУ ТАЙЦЗИ.	334
<i>ШУБАР О. В.</i> ИСКУССТВО КИТАЙСКОГО КИНО.....	342
<i>ШУНЕЙКО Е. Ф.</i> У ИСТОКОВ КИТАЙСКОГО МОДЕРНИЗМА. ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКА-НОВАТОРА ЛИНЬ ФЭНМЯНЯ.....	352

Для заметок

Научное издание

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

Сборник научных трудов

Выпуск III

В двух частях

Часть 1

Редактор *Н. В. Боярова*
Компьютерная верстка *Н. М. Лазар*
Дизайн обложки *Г. С. Барковского*
Корректор *И. М. Подоматько*

Подписано в печать 22.04.2013. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 21,16. Уч.-изд. л. 29,48. Тираж 100 экз. Заказ 29.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
ЛИ № 02330/0548535 от 16.06.2009.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.